

NOTHING EVER HAPPENED

Volume One

David Godman

Avadhuta Foundation
Boulder, Colorado

НИЧТО НИКОГДА НЕ СЛУЧАЛОСЬ

Том I

Составитель
Дэвид Годмен

3Ганга
Москва, 2006

УДК 1 (540)
ББК 87.7 П 2 1

Перевод с английского О.
Кучеровой

Пападжи

П 21 Ничто никогда не случилось / Сост. Д. Годмен / [пер. с англ. О. Кучеровой.]. — М.: Открытый Мир: Издательство «Ганга», 2006. — 496 с. — Доп. тит. л. англ. — (Серия недвойственности)
ISBN 5-9743-0044-0 (ООО «Открытый Мир») ISBN 5-98882-021-2 (ООО «Издательство Ганга»)

Пападжи (Х. В. Л. Пунджа) — современный просветленный учитель адвайты, ученик Раманы Махарши.

Это первая книга трехтомного жизнеописания Пападжи, жизнь которого была наполнена удивительными и даже чудесными событиями, главным из которых стала реализация его истинной природы.

В этом томе описаны ранние годы Пападжи, его духовный поиск и сопутствующие ему чудесные явления: необычные состояния сознания, встречи с богами, духами, людьми, обладающими необычными силами, встреча с его учителем Раманой Махарши, последующая вскоре реализация и период становления Пападжи как учителя.

УДК 1 (540) ББК
87.7

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни **было форме** без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Avadhuta Foundation. Boulder,
Colorado, 1998 © Кучерова О.,
перевод, 2005 © ООО «Открытый
Мир». 2006 © ООО «Издательство
Ганга», 2006

ISBN 5-9743-0044-
0 ISBN 5-98882-
021-2

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	6
Ранний период жизни	11
Рамана Махарши	112
Управляющий горными работами	215
Рам Мандир.....	327
Глоссарий.....	456

ВСТУПЛЕНИЕ

Много лет назад я начал исследование, которое, как я надеялся, станет полной биографией ни с кем не сравнимого мудреца и святого Южной Индии Шри Раманы Махарши, чье присутствие и учение затронули, озарили и преобразили бесчисленное количество людей со всех уголков мира. Проект зародился в тот момент, когда я осознал, что природа такой сущности делает невозможным создание биографии с точным и объективным изложением определенных и конечных оценок. Истинный мудрец — это безымянное, бесформенное Сердце всего, что есть. Хотя он может казаться отдельной личностью со своими характерными особенностями и историей, его слова и поступки — сырой материал для написания любой биографии — это прежде всего ответ тем вопрошающим умам, которые входят в контакт с ним. Каждый, кто обращается к истинному учителю, видит и испытывает что-то особенное, но любое переживание всегда лишь отражение потребностей, стремлений и внутренней зрелости самого индивидуума. Лишь тот, кто через его милость испытал прямой опыт его бесформенности, имеет наиболее ясное представление о нем. Как-то Шри Рамана написал в одной из своих тамильских поэм: «Только тот знает меня, кто познал мое истинное "Я"».

Осознавая все это, я решил сфокусировать свое исследование на жизни и опыте преданных ему учеников, которые пробудились благодаря его присутствию. На протяжении нескольких лет я накапливал материал из первых уст, раскрывающий ощущения пребывания и общения с ним, а также насыщения опытом распространяющегося внутреннего безмолвия. Сначала я задумал каждую главу посвятить одному из преданных ему учеников, но в двух случаях материал был настолько

удивительным и в то же время объемным, что главы перерастали в целые книги. Первая книга — «Жизнь по учению Бхагавана» — впечатления свами Аннамалае после многих лет, проведенных с Шри Раманой, была издана в 1994 году. После этого практически целых три года я занимался сбором и редакцией материала о жизни и учении Шри Хариванша Лала Пунджи, теперь широко известного как *Пападжи*, *Пунджаби*, которого привело к Шри Рамане в 1940-х годах. В своих первых трех томах «Ничто никогда не случилось» я попытался отразить его жизнь, начиная с раннего детства и до момента, когда его учение стало широко привлекать жителей Запада, что произошло в 1980-х годах. Более поздние события, надеюсь, будут изложены в последующих томах. Я был бы рад получить информацию и письма от тех, кто встречался с Пападжи в 1980-х и 1990-х, что помогло бы дать, по возможности, наиболее полное описание его жизни.

Повествование книги «Ничто никогда не случилось», составителем которой я являюсь, главным образом ведется от лица самого Пападжи, но дополнено рассказами и ответами на вопросы членов его семьи и его учеников, а также встречаются мои собственные вставки, дополнения и комментарии, выделенные курсивом. Для удобства и простоты на протяжении всей книги я называю его *Пападжи* («Почитаемый отец»), хотя это имя и стало популярным всего лишь несколько лет назад. В другие периоды его жизни ему давали множество других имен и титулов: *Рам*, *Харбанз*, *Харилал*, *Пунджаджи*, *Свамиджи*, *Махарадж*, *Учитель* и даже *Скорпион-Баба*.

Поскольку Пападжи воспитывался и вырос в Индии, где главенствовали английские законы, его письменный английский скорее близок к британскому, а не американскому стилю. И как-то, несколько лет назад, Пападжи сказал мне, что ему не очень нравится ранее изданная о нем книга, так как его образ в ней «слишком

американизирован». В связи с этим я придерживаюсь британского стиля.

Для меня было большой честью и привилегией жить с Пападжи и работать над данной книгой. И теперь я посвящаю ее Шри Рамане Махарши и всем тем, включая Пападжи, кто соприкасался с ним и обрел знание истинного Я. Практически все последние пятнадцать лет я жил и работал именно с такими людьми. Я пишу о них с благоговением и с чувством величайшего почтения. Приводя хронику событий их жизни и их учения, я приложил все силы, чтобы изложить факты достоверно и тщательно, используя классический подход, что выводит текст за рамки церковно-житийной литературы. Но также не скрою, что для меня эти люди — проявление Бога на земле. Выражаю им искреннее почтение и уважение, а также благодарность за оказание помощи при поиске информации и за их стремление донести ее до широких масс в надежде, что по крайней мере несколько читателей проявят желание открыть для себя ту реальность, которую безуспешно являют собой эти гуру. Составленные мною книги — знак моего поклонения и почитания.

В заключение хочу привести стих Тукарама — святого, жившего в XVII веке и писавшего на маратхи, чье ощущение относительно написанного схоже с моим:

Слова — единственные сокровища, данные мне.

Слова — единственное одеяние, что я ношу.

Слова — единственная пища, поддерживающая мою жизнь. Слова — то богатство, что я несу людям.

Тука (Тукарам) говорит:
«Свидетельствуй Слово.
Оно — Бог.
Я поклоняюсь Ему,
Вознося ему слова почтения».

Дэвид Годмен
Лакнау, март 1997 г.

Основные города и политические границы
Индии и Пакистана

РАННИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ

В начале XX века зона вокруг города Лаялпур, расположенного на востоке штата Пенджаб, была скорее пограничной территорией. Английское правительство, преследуя цель колонизации земли, обещало предоставить землю в пятьдесят акров любому, кто пожелает расчистить территорию от зарослей леса и основать там фермерское хозяйство. Благодаря новому ирригационному каналу земледелие стало заманчивым коммерческим предложением, так что тысячи людей мигрировали из разных регионов Индии, где земля была более истощенной. В XIX веке англичане построили Лаялпур как центр новых разработок. Свое название город получил в честь одного лица, занимающего высокое положение в Британии, а центральные улицы походили на линии, изображенные на «Юнион Джек», государственном флаге Великобритании. Большая часть населения округа Лаялпура исповедовала мусульманство, но вновь прибывшие поселенцы, обосновавшиеся преимущественно в самом городе, были либо сикхами, либо индуистами, приехавшими, чтобы развернуть здесь свою деятельность. После первой волны поселенцев население города насчитывало около 40000 человек, из них примерно половину составляли сикхи и индуисты.

Семья Пападжи не принадлежала к пришлым поселенцам. Она относилась к небольшой общине браминов, которые жили на этой территории уже много поколений. Один из его предков был пандитом при дворе махараджи Ранджита Сингха, последнем правителе Сикхского королевства, который управлял большей частью штата Пенджаб вплоть до середины XIX века. Пападжи относился к браминам, которые из поколения в поколение были пандитами, но отец Пападжи, Пармананд, нарушил эту традицию,*

** Пандит (инд.) — ученый муж (титул, используемый в Индии в обращении к уважаемым людям). — Прим. перев.*

устроившись на работу начальником железнодорожных путей. Английское правительство нуждалось в образованных и грамотных специалистах, которые могли бы вести административные дела, а так как таковыми были брамины (элита Индии), перед ними открывались новые возможности.

Примерно в 1911 году в возрасте двадцати лет Пармананд женился на шестнадцатилетней девушке Ямуне Деви. Два года спустя у них родился первенец — всего в семье было девять детей. По традиции, ребенка нужно было привезти в семью матери, чей дом находился в небольшой деревушке Мураливали, в пятидесяти милях на северо-восток от Лаялпура.

В других источниках указывается иная дата рождения Пападжи — 13 октября 1910 г. Хотя, опираясь на собранные мною данные: официальные документы, свидетельство членов его семьи и людей, знавших его в юности, а также по рассказам самого Пападжи о раннем периоде его жизни — я склонен считать, что Пападжи родился 13 октября 1913 года. Но, несмотря на то, что в официальных документах указана последняя дата, сам Пападжи придерживается другого мнения, считая датой своего рождения 1910 год, а записанные данные — ошибочными. Но в своем повествовании я предпочел более позднюю дату.

Пармананд часто переезжал с одной станции на другую, работал в отдаленных частях страны, где даже не было жилья, чтобы разместить членов своей семьи, и в связи с этим первое время Пападжи был лишен возможности жить с отцом. Первые шесть лет он преимущественно проводил с матерью в Мураливали, в доме ее родителей. Ближайший город с районной управой располагался в шести милях. К концу шестилетнего периода Пармананд купил дом в Гуру Нанак Пуре на юге Лаялпура — небольшая территория, в основном занимаемая браминами. Невзирая на то что Пармананд продолжал переезжать с места на место, живя и работая в разных частях Пенджаба

и Балучистана, куда часто брал свою семью в командировки, их главным семейным очагом оставался дом в Лялпуре, пока в 1947 году не произошло разделение Индии.

У Пападжи остались смутные воспоминания о том периоде жизни, когда ему приходилось переезжать из одного города в другой.

Однажды он сказал: «Я путешествовал всю свою жизнь. Всю свою жизнь я переезжал с места на место и находился там не более года, до тех пор пока в конце 1980-х не обосновался в Лакнау, — стал сказываться возраст».

Поездки были вызваны не только служебным положением отца. Каждый год в жаркий летний период вся семья выезжала по крайней мере на месяц в Харидвар, священный город, расположенный на берегах Ганги. Именно здесь Ганга покидает подножья Гималаев и протекает по равнинам Индии. Любовь Пападжи к Ганге и Харидвару в особенности, которую он пронес через всю жизнь, была заложена в те ранние годы, когда он ежегодно проводил несколько недель, играя на берегу реки.

Через всю жизнь я пронес Харидвар в своем сердце. Мы с родителями каждый год приезжали в этот город, даже когда я был еще маленьким ребенком, и проводили там по меньшей мере один или два месяца. Так как мой отец работал на железнодорожных станциях, у нас был бесплатный проезд. На время наших школьных каникул, которые длились два месяца, отец обычно брал отпуск и отправлялся с нами в Харидвар. В Ганге я научился плавать — тогда мне было всего лишь пять лет. Мне даже удалось переплыть реку в таком раннем возрасте.

Родители Пападжи были истинными практикующими индуистами. Ямуна Дэви пела бхаджаны женщинам своей деревушки, в то время как Пармананд был практически

фанатиком джапы «Джсей Ситарам». Джапа — повторение имени Бога. Самого Пападжи привлекала духовная жизнь, но его тяга нашла выражение не просто во внешних практиках. Напротив, с трех- или четырехлетнего возраста он спокойно сидел в одиночестве, закрыв глаза, всецело погрузившись в поток тишины, проходящий через него. Его ранние проявления духовности настолько поразили родителей, что они прозвали его Рамой. Считается, что Рама — герой «Рамаяны» — был воплощением Вишну. Попросту говоря, Рама — распространенный термин для обозначения самого Бога.

У Пападжи сохранилось несколько воспоминаний из раннего детства, но большинство подробностей я почерпнул из рассказов его младшей сестры Сумитры, хотя, возможно, она была слишком мала, чтобы самолично засвидетельствовать некоторые события. Неординарное поведение Пападжи в таком раннем возрасте стало частью семейного фольклора. Мой разговор с Сумитрой состоялся в 1994 году в ее доме в Дели. В своих ответах она постоянно называла Пападжи «Бхаи Сахибом» — на языке пенджаби этот термин обозначает «почитаемый старший брат».

Дэвид: Каковы ваши первые воспоминания из жизни в семье?

Сумитра: Родилась я в 1918 году, так что я на пять лет младше Бхаи Сахиба. Поэтому я помню события начиная где-то с 1920 года. Наш отец был начальником железнодорожных станций в разных местах. Он редко бывал дома, так как ему часто приходилось переезжать из одного города в другой.

Дэвид: Вы помните какие-нибудь места, где он работал начальником станций?

Сумитра: В основном он работал в очень маленьких поселениях. Одно из них называлось Чичон Ки Малиан, оно располагалось на пути от Лаялпура до Лахоры. Также он часто выезжал в Гати и Убас Пур — они оба находятся недалеко от Лаялпура. Около Хараппы есть станция Дэд Патиани, а еще он как-то работал в Мултани и еще во многих местах, но названий я не помню.

Дэвид: Вы везде сопровождали своего отца, куда бы его ни направили, или оставались на прежнем месте?

Сумитра: Обычно мы следовали за ним повсюду. Он получал направление каждые несколько лет, и везде нам обязаны были предоставить жилье. Вначале поселения, куда нас направляли, были очень маленькими. Преимущественно это была сельская местность, где практически отсутствовали какие-либо удобства. Чтобы купить овощи, нам приходилось идти прямо к фермерам на поля, так как зачастую это было единственным местом, где можно было купить еду. Также мы держали буйволиц, благодаря которым у нас были молоко и сливки. Мы все очень любили молоко и сливки, но их никогда не было в избытке.

Когда мы были маленькими, вокруг нас всегда было много буйволиц. Иногда они даже жили у нас дома. Бывало, *Бхаи Сахиб* со своим братом приводили их из расположенных неподалеку джунглей, где они паслись. В этих местах было так много змей, что стоило лишь посидеть некоторое время на одном месте, как они начинали ползать прямо по вам. *Бхаи Сахиб* сказал мне, что они когда-нибудь съедят его завтрак, который он брал с собой. Но он не испытывал никакого страха перед ними. Будучи еще совсем маленьким, он, бывало, возьмет змею и обернет ее вокруг своей головы. Ему нравилось играть со змеями.

Дэвид: Какие развлечения были в таких отдаленных местах? Как вы проводили время?

Сумитра: Большое удовольствие нам доставляло играть с поездами. Когда они приезжали на станцию, мы играли внутри них, а когда трогались с платформы, то запрыгивали и спрыгивали с них на ходу.

Бхаи Сахиб был очень озорным ребенком. Зачастую объектами его проказ становились лавочники, владельцы магазинов. Обычно, когда солнце припекало особенно сильно или было много дел, они оставляли дела на подростков, а в это время *Бхаи Сахиб* уже подкарауливал их. И как только лавочники отворачивались, он обливал их горячей водой, а однажды даже бросил в них еще неостывший пепел.

Дэвид: Пападжи рассказал мне, что в детстве мать часто звала его *Рамой*. Как он реагировал на это?

Сумитра: Еще в самом раннем детстве он часто обмазывал тело пеплом и выполнял *пуджапат* (ритуальные религиозные практики, включающие *пуджу*, *джапу*, а также декламирование духовных текстов). И, пребывая в таком состоянии, он постоянно повторял: «Я Рама. Я Рама». Поэтому-то отец в шутку прозвал его *Рамой*. Вот так и приклеилось к нему это прозвище, а родители до конца дней своих продолжали звать его *Рамой*.

Имя Рама было не просто детским прозвищем. Мне довелось встретить тех преданных ему учеников, которые использовали такое обращение вплоть до середины 1970-х годов. Однако родители Пападжи обычно звали его Харбанзом, — это уменьшительно-ласкательная форма от имени Харивани.

Дэвид: Какие еще духовные практики он выполнял? Что вы помните из его ранней духовной жизни?

Сумитра: Он часто ходил в ашрамы *садху*, расположенные за городом. Он часто оставался в них до самой поздней ночи. И когда однажды мать отругала его за то, что он приходит за полночь, он ответил: «Разве я буйволица, которая должна приходить домой к шести, чтобы ты подоила меня?» А если он и вовсе не являлся домой, отец шел искать его в *садху бела* (лагерь *садху*), за чертой города. Такое случалось, когда мы жили в Лаялпуре. Отец всегда знал, где его искать. И если *Бхаи Сахиб* не приходил домой, его всегда можно было найти у местных *садху*.

Садху — это индусские монахи, ведущие кочевой образ жизни и живущие за счет подаяний. Но группа садху, обитавшая в пригороде Лаялпура, не относилась к индуистам, а принадлежала к сообществу мусульман, известному как «Маст Каландар»; они славились своими плясками, пением и нестандартным поведением. В 1995 году одному из своих преданных учеников Пападжи дал имя Маст Каландар. Этот ученик не был знаком с их традицией и попросил разъяснить, что означает данное имя.

Маст Каландар: Не могли бы вы рассказать мне что-нибудь о «Маст Каландарах», которых вы встречали?

Пападжи: В дни моего детства за чертой города жила такая группа людей. Они всегда были одеты в черное, а их запястья были украшены металлическими браслетами. Во время пения и повторения мантр они ритмично ударяли палками по своим браслетам. Они были счастливы и не носили бремя забот. А занимались они тем, что ходили по окрестностям, распевая: «Маст Каландар, Маст Каландар». Вот так их и прозвали. Многие жители Пенджаба

побаивались их, считая маст каландаров опасными и слегка «не в себе», но мне нравилось их общество. Если ты маст каландар, тебе незачем о чем-либо беспокоиться. Им даже не приходилось просить подаяния. Они просто пели и плясали, ударяли в браслеты и кричали: «Маст Каландар» — люди сами приходили и давали им еду. Каждую ночь с 10 вечера до 6 утра они танцевали и пели в своем лагере. Мне нравилось приходить к ним, но я знал, что родители никогда не разрешат остаться с ними на всю ночь.

Я частенько говорил своей матери: «Я договорился с одним из своих друзей делать вместе домашнее задание. Я останусь у него на ночь, а утром пойду с ним в школу».

В то время как мои родители думали, что я выполняю домашнее задание или сплю, я уже был с маст каландарами и наблюдал, как они танцуют и поют. Они частенько нанимали местных проституток, которые танцевали для них, естественно, за определенную плату. Лидер этой Лаялпурской группы был наделен своего рода *сиддхой* (сверхъестественной силой): он мог по своему желанию материализовывать рупии, так что у него всегда находились деньги на развлечения членов группы «Маст Каландар». В те времена на рупию можно было купить многое, а сегодня на тот же товар уходит сотня рупий. Казалось, что у этого человека неиссякаемый запас денег. Стоило ему потереть ладонью о колено, как в его руке появлялась рупия. И у девушек он пользовался большой популярностью, так как за исполненный танец он платил каждой по рупии (их обычная ставка была намного ниже). В наши дни люди вроде Сатъя Саи Бабы материализуют вибхути (священный пепел) для своих преданных, но что можно сделать с вибхути? Материализация денег для оплаты собственного времяпровождения — гораздо более практичное достижение.

Как только Пападжи пропал из дому, его родители знали, что скорее всего они найдут его в садху бела за пределами города.

Однажды, когда отец пришел забрать его, Пападжи сказал: «Зачем ты идешь искать меня, а не оставишь с Богом?»

Пармананд никогда не позволял ему оставаться с ними. Но, несмотря на то, что он частенько отчитывал садху за то, что они позволяют его сыну проводить с ними так много времени, маст каландары не запрещали Пападжи присутствовать на их представлениях.

В книге «Интервью с Пападжи» я привел другой произошедший с ним в его ранние годы случай. Вот что рассказал Пападжи:

*В детстве другие мальчики воплощали свои фантазии в жизнь, играя в солдат или представляя себя знаменитыми спортсменами или правителями. Я же, напротив, стремился подражать садху. У меня не было ни малейшего представления о внутренней жизни таких людей, меня вполне удовлетворяло внешнее подражание им. Я отчетливо помню тот день, когда я решил изобразить нагого садху и приобщил сестру к своей игре. Мы разделись, обмазали свои тела древесным пеплом, имитируя *вибхути*, и сели, скрестив ноги, перед огнем, который разожгли в саду. На этом мы и ограничились, так как ничего не знали о медитации или йоге. Один из наших соседей случайно заглянул через садовую стену и, по-видимому, был шокирован, увидев обнаженную девочку, вымазанную в золе. Наши мысли были настолько чисты, что нам и в голову не пришло, что не подобает девочке сидеть так во дворе абсолютно голой. Сосед позвал нашу мать, и игре тут же был положен конец.*

Я расспросил об этом Сумитру, полагая, что, должно быть, сестрой в этой истории была она.

Дэвид: Пападжи рассказал случай о том, как однажды он снял с себя всю одежду, обмазался древесным пеплом и сел в саду, изображая *садху*. Он упомянул, что уговорил одну из своих сестер последовать его примеру и присоединиться к нему. Этой сестрой были вы?

Сумитра: *(Смеется.)* Нет. Это была не я, а дочь одного из наших соседей. Ее звали Шейлой. Ее мать очень разозлилась, когда увидела ее обнаженной в нашем саду. Она пришла к нашей матери и пожаловалась: «Что же они такое вытворяют? Что же делают?» Она никак не могла взять в толк, что это всего лишь два ребенка, которые играли в *садху*. Мы знали, что *Бхаи Сахиб* любил играть в *садху*, но нам стоило больших трудов убедить соседей, что это была всего лишь безобидная игра.

Дэвид: И часто он так сидел?

Сумитра: Он часто сидел на полу, скрестив ноги. А когда к нему приходили его друзья, он заставлял и их садиться на пол таким же образом. Для *Бхаи Сахиба* это была не игра. Он часто входил в необычное состояние, и сразу было видно, что он каким-то образом преображался. Его лицо настолько преображалось, что он больше не походил на того *Бхаи Сахиба*, которого мы знали. Во время этих преображений у него волосы вставали дыбом.

Однажды, когда он вышел из такого состояния, я задала ему вопрос: «Куда ты отправляешься, что даже твоя внешность преображается?»

Ответ был таков: «Это не похоже на путешествие на поезде. Скорее это можно сравнить с полетом на самолете, пересекающем воздух».

Двенадцатая улица, Гуру Нанак Пур, Лаялпур. На этой улице Пападжи со своей семьей жил вплоть до 1947 года. Фото сделано недавно. Так как прошло практически пятьдесят лет с того момента, когда он в последний раз видел эту улицу, Пападжи не смог сказать точно, в каком доме он жил.

У Пападжи совершенно не оставалось времени на выполнение школьных заданий из-за пребывания по ночам в лагерьях садху и медитирования дома. Однако его это не беспокоило, так как он совершенно не интересовался учебой.

Во время учебы в школе я не делал домашнее задание. Я с большим удовольствием проводил время в игре. А на следующий день, бывало, иду в школу, а у самого колени дрожат, потому что знаю: скорее всего меня накажут за невыполненное задание. Но, несмотря на это, я так его и не выполнял. Играть было намного веселее. Иногда нас наказывали розгами за невыученный урок, но чаще всего учитель заставлял нас весь день стоять. Мне нравилось стоять — намного лучше, чем сидеть, пытаюсь решить все задачи, которые учитель

продолжал нам задавать. А розгами наказывал нас не он. Так как они хранились у старшего преподавателя, он отправлял нас к нему.

Я выполнил очень мало заданий за весь период обучения в школе. Мне нравилось играть с друзьями, а еще я с большим удовольствием ходил по ночам с садху, и у меня просто не было времени на выполнение школьных заданий. В детской футбольной команде я был вратарем, и мне приходилось стоять долгое время, ничего не делая. Вратарь редко принимает участие в самой игре. Большую часть времени он стоит и ждет, когда возникнет угроза воротам.

Как только я входил в класс, мой учитель переходил в наступление: он просил меня показать домашнюю работу. А когда узнавал, что она не сделана, отправлял меня в угол, где я проводил весь день, пялясь на стену. Но когда эти наказания не приносили желаемого результата, он заставлял меня встать на мою парту и так стоять весь день. Он думал, что я когда-нибудь устану и захочу сесть, но я никогда не сдавался. Мой статус вратаря научил меня стоять весь день, не чувствуя усталости.

Если бы мне было дискомфортно стоять весь день на парте, я бы вовсе не ходил в школу. Я бы просто ушел и играл один. Лично я считаю, что детям большую пользу приносят игры, а не сидение за партой и изучение книг. Полагаю, именно это я понял в то время. Я всегда задавался вопросом: «Зачем мне тратить свое время впустую, когда вместо этого я могу пойти во двор и поиграть?»

Ключевым событием детских лет Пападжи стал тот глубокий опыт, который он испытал, когда с семьей навещал своих родственников в Лахоре. Думаю, этот случай, который он охарактеризовал как свое «раннее воспоминание», предшествует всем ранее изложенным историям. Справедливости ради стоит сказать, что этот

случай фактически определил дальнейший ход развития событий его детства и юности.

Это произошло в 1919 году. После победы англичан в Первой мировой войне все школьники были отпущены на одномесечные каникулы, чтобы они могли присоединиться к празднованию победы. Нам даже раздали маленькие значки в память об этом событии. Мать решила, что следует воспользоваться внеурочными каникулами и навестить родственников в Лахоре. Визит, должно быть, состоялся летом того года, потому что я отчетливо помню, что как раз созревали плоды манго.

Как-то вечером, когда мы все собрались в доме моих родственников в Лахоре, кто-то начал готовить для всех напиток из манго, молока и миндаля. Для мальчика моего возраста это должно было быть лакомым угощением, но когда мне протянули наполненный стакан, я даже не сделал попытку взять его. Не то чтобы я не хотел его, просто я погрузился в то самое удивительное состояние, которое умиротворяет и наполняет ощущением счастья. Вот почему я был не в состоянии отреагировать на предложенное угощение. Моя мать, так же как и другие присутствовавшие женщины, была удивлена и встревожена моей пассивностью. Они окружили меня, пытаясь понять, что же случилось и что со мной делать. К тому времени я сидел уже с закрытыми глазами. Несмотря на то что я был не в состоянии отвечать на их вопросы, я прекрасно слышал, что происходило вокруг меня и чувствовал их попытки вернуть меня в нормальное состояние. Они трясли меня, шлепали по лицу, щипали за щеки, кто-то даже стал подбрасывать меня, но все было тщетно: физически я никак на это не реагировал. Это не было упрямством. Ощущение, которое меня охватило, было настолько безграничным, что парализовало мои способности реагировать на внешние

раздражители. В течение часа они испробовали всё, что могли, чтобы привести меня в чувство, но тщетно.

Я не был болен, и такое ни разу со мной не случилось раньше, и непосредственно перед тем как это произошло, у меня не было никаких странных симптомов. Именно из-за того, что все случилось неожиданно, без каких-либо признаков заболевания, и никакая тряска не приводила меня в чувство, члены моей семьи пришли к заключению, что в меня внезапно вселился злой дух. В то время не было психиатров, к которым можно было бы обратиться. А когда случалось что-то неординарное, жертву обычно вели в местную мечеть, чтобы *мулла* (священник мусульман) смог изгнать злой дух. Мы, бывало, даже приводили к нему своих буйволиц, когда они заболели или переставали давать молоко, в надежде, что при помощи особых процедур или мантр он как-нибудь устранил недуг.

Поэтому, невзирая на то, что моя семья исповедовала индуизм, меня принесли в местную мечеть и показали *мулле*. Он монотонно бормотал что-то, одновременно водя вдоль моего тела железными щипцами — таков был ритуал изгнания злого духа. *Мулла* с присущим ему оптимизмом сказал, что я скоро поправлюсь, но его старания, так же как и попытки моей семьи вывести меня из этого состояния, были безуспешны. Меня, все еще «парализованного», принесли домой и уложили в постель. Целых два дня я пребывал в состоянии покоя, счастья и блаженства. Хотя я и не мог реагировать на внешнюю среду, я осознавал все происходящее вокруг меня.

По прошествии двух дней я открыл глаза. Моя мать, будучи ревностной *бхактой* Кришны, подошла ко мне и спросила: «Ты видел Кришну?»

Увидев, как я счастлив, она отказалась от своей первоначальной идеи о моей одержимости злым духом и решила, что мне был ниспослан мистический опыт через почитаемого ею божества.

«Нет, — ответил я, — я могу сказать только, что был очень счастлив».

Как только спала первая волна оживления, я и мои родители перестали думать о причинах случившегося. Я не знаю, что это было и что послужило причиной такого неожиданного погружения в интенсивное и парализующее ощущение счастья.

На дальнейшие расспросы своей матери я отвечал: «Это было безграничное счастье, безграничный покой, безграничная красота. Больше я ничего не могу сказать».

Моя мать, должно быть, не отказалась от своего предположения. Она принесла картинку с изображением Кришны-ребенка, показала ее мне и спросила: «Ты видел кого-нибудь похожего на него?»

И снова я повторил: «Нет. Не видел».

Хотя это и не имело прямого отношения к моему опыту, ей все-таки как-то удалось убедить меня, что пережитое мною состояние счастья связано с тем, что я вошел в контакт с Кришной. Благодаря ей я стал преданным Кришны, — она говорила, что если я буду медитировать на Кришну и повторять Его имя, то рано или поздно вновь испытаю этот опыт.

Такой рассказ с минимумом изменений был опубликован в книге «Интервью с Пападжи». А в 1995 году, когда один финский журналист по имени Риши беседовал с Пападжи, он рассказал еще кое-какие подробности:

Во время пребывания в этом состоянии у меня из глаз текли слезы. Это были слезы счастья. А когда я вышел из транса, моя мать спросила, почему я плакал, но я ничего не мог ей ответить: я даже не помнил этого. Она настолько тревожилась за меня, что несколько дней не спускала с меня глаз и даже укладывала спать рядом с собой.

Спустя несколько дней мы вернулись в Лаялпур, и я опять пошел в школу. Но в моем мозгу все время крутилась одна мысль: «Что именно дает мне постоянное ощущение счастья?» И я не мог сосредоточить свое внимание ни на чем другом.

Наш дом находился в большом саду, где рос мандариновый куст. Каждый день, приходя из школы, я брал в руки книгу и садился рядом с этим кустом. Меня не интересовало содержание книги, она нужна была лишь для отвода глаз. Я хотел убедить своих родителей в том, что выполняю домашнее задание. Мне трудно описать, что именно происходило внутри меня. Знаю лишь, что какая-то сила неотвратимо уводила меня от всех мирских видов деятельности.

Как пришел ко мне этот опыт? Я не знаю. Это произошло без каких-либо усилий с моей стороны. Я ничего для этого не делал, я даже не слышал, чтобы подобное когда-либо случалось с кем-то еще. Никто из членов моей семьи не упоминал о таких состояниях. В то время мы не были знакомы с хинди или санскритом, поэтому и не читали философских трудов на этих языках. В школе и дома мы учили персидский и урду и могли прочесть некоторые поэмы, написанные на них, но поэмы давних времен не могли помочь мне понять, что же все-таки произошло.

Риши: Как повлиял этот опыт на вашу дальнейшую жизнь?

Пападжи: Прежде всего я бы не стал называть это опытом, так как он подразумевает наличие воспринимающего и воспринимаемого. А в моем случае и то и другое отсутствовало. То, что тянуло меня изнутри, не имело формы. Я не знаю, что это было. Но ты спрашиваешь о том, какое влияние это оказало. Это намного легче описать. Внутреннее счастье не ушло, когда мое тело

вернулось в нормальное функционирующее состояние. И с того самого момента оно никогда не покидало меня. Внутреннее счастье осталось, но я так и не знаю, что это.

Несколько лет назад, в 1994 году, во время проведения одного из своих сатсангов в Лакнау он снова подчеркнул неопиcуемость природы произошедшего с ним:

Я ничего не видел, совершенно ничего не чувствовал — так как же я могу это описать? Единственная фраза, которая может более или менее передать мой опыт, — «беспричинное счастье». Когда меня спрашивают, что же произошло в тот день, я погружаюсь в это пространство блаженства, пространство вне времени. Я не могу описать его, но оно все еще здесь, хотя с тех пор прошло уже много лет. Я не могу назвать его «ничто» и не могу назвать «чем-то». Это осознаешь, но не можешь выразить словами. Иногда я называю это пустотой, но и это не совсем так. Это слово не отражает той радости и ничем не омраченного блаженства, присущих такому состоянию.

Предоставляю возможность Риши задать следующий вопрос, напрашивающийся сам собою:

Риши: Почему вы стали таким страстным преданным Кришны после такого глубокого опыта Я?

Пападжи: Я уже говорил, что ничего не испытывал, так как не было того, кто мог бы что-то испытать. Что же касается опыта «Я», то тогда я даже и не знал, что означает этот термин.

Моя мать была преданной Кришны, как и миллионы других людей по всей Индии. Я впитывал истории и традицию *бхакти* Кришны от моей матери, пока они не

стали частью и моей жизни. Я полюбил Его форму, потому что для меня Он был такой прекрасной личностью.

Мои мысли были чисты, и мои отношения с Ним не были обычными. Большинство *бхакт* Кришны считали Его великим, самым Богом. Они пытались любить Его, как преданные любят Бога. Но Бог — это сама любовь, и он не нуждается ни в чьей любви. Вначале я не был настоящим Его почитателем. Я был Его другом. Я любил Его, как друга, поэтому Он приходил ко мне в этой форме и играл со мной. Я не относился к Нему как к Богу. Я просто смеялся и играл с Ним так же, как если бы это был такой же мальчик моего возраста.

Следуя совету своей матери, Пападжи начал выполнять традиционные садханы бхакты (религиозные практики). Результат был немедленным:

Моя мать сама обучала меня, как выполнять многочисленные ритуалы и практики, относящиеся к культуре Кришны. Стоило мне начать, как во мне проснулась страстная и глубокая любовь к форме Кришны.

Больше всего мне нравилась картинка с изображением Кришны-ребенка — та самая, которую мать показала мне в тот день, когда я вышел из двухдневного состояния транса. Его лицо мне казалось неописуемо красивым, завораживающим, и мне не стоило большого труда направить на него всю свою любовь и преданность. Эта картинка была напечатана в другой стране, и на изображении была видна совершенно неуместная надпись: «Сделано в Баварии».

В результате такой глубокой *бхакти* Кришна стал являться мне, принимая тот же облик, что и на картинке. Он периодически приходил ко мне ночью, играл со мной и даже пытался спать в моей постели. В то время я был невинным ребенком. Я не понимал, что такого рода проявление было одним из великих благ индуизма и

что некоторые преданные всю свою жизнь проводили в практиках и медитациях, стремясь увидеть Его хотя бы на мгновение. По своей наивности я думал, что это было вполне естественно для Него появляться вот так в моей спальне и играть со мной.

Его физическая форма была настолько же реальна, как и моя собственная (я мог прикоснуться к нему и пощупать), но Он являлся мне и в более тонкой форме. Если я закрывал голову одеялом, то все равно продолжал Его видеть. Даже когда закрывал глаза, передо мной стоял Его образ. «Мой» Кришна всегда излучал энергию задора. Он всегда появлялся после того, как я ложился спать, и мой сон, естественно, как рукой снимало, и мы играли в ребяческие игры, от которых уже никак не хотелось спать. Когда прошло чувство новизны Его визитов, я стал ощущать, что Его появления стали мне немного досажать, так как Он не давал мне спать, даже когда я очень уставал. Я уже стал подумывать, как бы Его выпроводить, и мне в голову пришла, на мой взгляд, неплохая идея — предложить Ему пойти провести мою мать. Я знал, что она тоже будет очень рада видеть Его, так как была ревностной *бхактой* Кришны.

«Почему бы тебе не пойти к моей маме и не лечь спать рядом с ней? — однажды ночью спросил Его я. — Ты не даешь мне спать. Иди лучше к ней».

Казалось, что Кришну это предложение ничуть не заинтересовало. Он предпочитал проводить все свое время со мной и ни разу не пошел к моей матери.

Однажды ночью мама услышала, как мы разговариваем и спросила: «С кем ты говоришь?» «С твоим Кришной, — честно ответил я. — Он беспокоит меня по ночам, не давая спать. Даже с закрытыми глазами я все равно вижу Его, иногда даже более отчетливо, чем с открытыми глазами. Иногда я закрываю голову одеялом, но Он не исчезает. Он всегда хочет спать рядом со мной, но я не могу уснуть, пока Он здесь».

Она зашла в комнату, чтобы убедиться в этом, но не увидела Его. За все время, когда Кришна приходил к нам в дом, ей ни разу не удалось Его увидеть.

Когда Его не было рядом, я всегда хотел, чтобы Он пришел. Я действительно очень хотел Его видеть и играть с Ним. Единственной загвоздкой было то, что зачастую, когда Он приходил, я был очень уставшим и после определенного периода времени, проведенного с Ним, чувствовал, что должен отдохнуть и выспаться.

Он приходил не каждую ночь. Иногда я видел Его, а иногда нет. Я никогда не сомневался в его реальности, и мне в голову не приходила мысль, что это было своего рода видение. А однажды я даже написал Ему открытку, в которой рассказывал, как сильно я Его люблю. Я отправил ее по почте и ничуть не удивился, когда почтальон принес ответ — должным образом запечатанное и франкированное письмо. Он был настолько реален для меня, что мне казалось вполне естественным вести с Ним переписку по почте.

С того момента как Кришна вошел в мою жизнь, я окончательно утратил какой-либо интерес к учебе. Я сидел в классе, делая вид, что внимательно слушаю, но мой ум и сердце были с Кришной. А когда внутри меня поднимались волны блаженства, я растворялся в переживаниях и терял всякий контакт с внешним миром.

Мать Пападжи часто исполняла бхаджаны в своем доме или у кого-нибудь из соседей. Частенько все местные женщины собирались вместе и пели песни, славя Кришну. Пападжи вспоминает, что не раз присутствовал на таких торжественных песнопениях.

Начиная с шестилетнего возраста моя мать брала меня на сатсанги, которые проводились по соседству. Петь бхаджаны обычно собиралось около двадцати женщин. Вечернее песнопение сопровождалось хлопаньем в

ладоши, барабанными боем и звоном *чимт*. Они похожи на длинные щипцы с медными кольцами на концах. При ударе друг о друга они издают звук. Часто по вечерам она брала меня с собой на *раса лилу*. В такие дни она не отпускала меня от себя ни на шаг.

На представлениях раса лилы некоторые женщины одевались Кришной, в то время как другие представляли Его преданных. Звучали песни, в основном с мольбами, чтобы он предстал перед ними. Я спросил Сумитру, что она помнит из этих собраний у соседей.

Сумитра: Обычно женщины собирались у нас дома, потому что только у нас было проведено электричество. Было заведено, что *Бхаи Сахиб* встречал их у двери и провожал к матери. Когда все были в сборе, один человек изображал Кришну, а остальные — его почитателей. Исполнялось много песен и танцев, во время которых женщины умоляли Кришну предстать перед ними. Но он не внимал их мольбам. Вместо этого он являлся *Бхаи Сахибу*. Он получил *даршан* Кришны, будучи еще совсем маленьким. Иногда во время пения и танцев он входил в состояние *самадхи*.

Дэвид: Вы когда-нибудь видели, чтобы он играл с Кришной? По его словам, Кришна часто приходил ночью к нему в комнату и играл с ним.

Сумитра: Обычно все дети спали в одной комнате, а мать с отцом — в другой. Кришна приходил в нашу комнату, и *Бхаи Сахиб* играл с Ним, но никто, кроме него, не видел Кришну. Я наблюдала, как *Бхаи Сахиб* разговаривал, прыгал и играл, но не видела, с кем он играл. Иногда он предлагал Кришне пойти и поиграть с нашей матерью, так как знал, что она будет счастлива его

увидеть, но Кришна всегда отказывался. Ему было интересно играть только с *Бхаи Сахибом*.

Однажды утром я услышала, как *Бхаи Сахиб* рассказывал матери: «Прошлой ночью, когда я спал, мне почудилось, что в нашей комнате зажжены все лампочки. Когда же я открыл глаза, то увидел, что это не лампочки, а Кришна. Он наполнил всю комнату светом. Я играл с Ним всю ночь, но когда устал, сказал ему: "Моя мама спит в соседней комнате, почему бы Тебе не пойти и не поиграть с ней?" Но теперь Он не приходит, я скучаю по Нему. Если Он снова придет, я не пошлю Его играть с тобой».

Дэвид: В то время он выполнял какие-либо духовные практики или просто играл с Кришной?

Сумитра: Он всегда выполнял *пуджапат* и предлагал нам присоединиться к нему. И только чтобы угодить ему, другие братья и сестры соглашались присоединиться, но мы никогда не были так увлечены, как он. В конечном итоге практики дали свой результат, и мы стали более серьезно относиться к выполнению практик и обрели веру в Бога.

Теперь я стара, и здоровье уже не то — я страдаю от повышенного количества сахара в крови, — но искренне верю, что Богиня присматривает за мной. Она каждый день дает мне пищу и кормит меня. Я также изготавливаю небольшие брошюры о Раме и Кришне и продаю их. Я полагаю, что вера в Бога во мне была заложена еще в детстве, когда *Бхаи Сахиб* заставлял нас выполнять эти *пуджи*, в процессе которых он передал нам частицу своей страстной веры в Бога.

Сумитра ушла из жизни в 1996 году. До того как она умерла, я написал Лиле, другой здравствующей сестре Пападжи, и попросил ее рассказать, что она помнит о детских

годах Пападжи. Она тоже вспомнила раса лилы, в которых Пападжи принимал участие. Она ответила письмом, адресованным своему старшему брату:

Уважаемый Бхаи Сахиб Джи,

Джсей Ситарам!

Ты помнишь тот случай, который произошел в Лаялпуре, когда ты был еще маленьким мальчиком? У тебя было благословенное видение *Бхагавана* (Бога). Когда наша дорогая мама и ее подруги выполняли *раса лилу* посреди ночи, она произнесла: «Сегодня, во время *раса лилы*, у нас будет *даршан* (видение) *Бхагавана*». И она громко запела *бхаджан*, в котором были такие слова:

Приди, приди, о мой Кришна, приди! Хоть
сердце мое продолжает биться, Ничто не
находится под моим контролем. Ночь стала
тьмой, Повсюду черные тучи.
Кришна, устрани преграды между мной и Тобой!
Кришна, пожалуйста, приди, приди!

Полностью предавшись пению, дорогая мама и ее подруги вошли в транс, их сознание оторвалось от внешнего мира. Как только они вошли в состояние транса, Радха (супруга Кришны) и Кришнаджи вышли из соседней комнаты. Тебя потрясло великолепие их ослепительного блеска.

Ты обратился к Нему: «Бхагаван, не я звал Тебя. Дорогая мама звала Тебя. Иди к ней».

Позже, описывая Его внешность, ты говорил, что Его корона и одеяние были усыпаны бриллиантами и жемчугом.

А еще добавил: «Увидев Его ошеломляющую внешность, я поистине стал принадлежать Ему, но Его сияние и блеск украшенного платья были настолько ярки, что я не мог этого долго выносить. Поэтому я попросил Его явиться нашей матери».

Наша дорогая мама потом пришла в сознание и Шри Бхагаван исчез. После такого необычного происшествия ты несколько месяцев был прикован к постели.

На протяжении всей жизни у Пападжи была способность непосредственно переживать то, что обозначают слова, а не только думать о них. Эта неординарная способность проявлялась во многих случаях, и частично это объясняет то, почему боги продолжали являться ему. Когда Пападжи слушал истории о Кришне, Кришна часто появлялся перед ним. В более поздние периоды его жизни и другие божества появлялись перед ним, когда он слушал об относящихся к ним традициях. Иногда он говорит, что это происходит с ним из-за его непоколебимой веры. Он никогда не подвергал сомнению реальность их существования и возможность появляться перед ним — вот в чем причина.

В детские годы я никогда не сомневался относительно этого. Моим первым учителем была моя мать. Какие бы истории она мне ни рассказывала, они тут же происходили со мной. Она обычно рассказывала истории об индуистских богах, и в процессе ее повествования эти события разворачивались передо мной. Герои тут же появлялись и вновь разыгрывали для меня свои драмы. Когда с тобою происходят подобные вещи, какие могут быть сомнения?

В любом случае, эти истории о божествах — не просто истории. В них заложена истина, а рассказы — всего лишь средство ее передачи.

Помимо пения бхаджанов Кришне Ямуна Деви также изучала Веданту, индийскую философию, взятую из Упанишад. Это древние тексты, большая часть которых была написана более двух тысяч лет назад. Философия Веданты, в основе которой лежат эти тексты, — намного более древнее творение.

Мать Пападжи регулярно посещала занятия, которые вел Ишвара Чандер, — он занимался сборами налогов в деревне, а также снимал комнату в доме, владельцами которого была семья Пападжи. Философия Веданты преподавалась по Вичара Сагар — книге, написанной пенджабским святым девятнадцатого века Нисчалдасом. В книге Вичара Сагар есть очень специфичные места, поэтому Ишвара Чандер часто прерывал свое чтение и комментировал их. В свое свободное время он также давал Ямуне Деви уроки медитации.

Примерно с семилетнего возраста Пападжи стал приходить на эти занятия со своей матерью. Сомневаюсь, чтобы он полностью понимал значение написанных текстов, но занимался прилежно. Когда Ямуна Деви заметила, насколько сильно его заинтересовали эти занятия, она стала давать разъяснения дома. Вот как Пападжи описывает некоторые из своих ранних уроков:

Мать обучала меня философии на практических примерах. Я был еще совсем ребенком, когда она решила, что пришло время объяснить, как пять элементов — земля, вода, огонь, воздух и пространство — взаимодействуют друг с другом.

«Вода смывает землю», — говорила она мне и иллюстрировала это, показывая, как берега реки были размывы бурными потоками воды. Затем, кладя влажные одежды рядом с огнем, объясняла, что он высушивает воду. На следующем этапе она задувала пламя огня, демонстрируя власть воздуха над огнем. На ее примерах я

усвоил, что когда эти элементы сталкиваются друг с другом, обычно один из них уничтожает другого.

Благодаря ей я уже знал, что тело состоит из этих пяти элементов, и я задавался вопросом, как они могут так гармонично сочетаться, не нанося друг другу ущерб? Этот вопрос послужил причиной следующей демонстрации, которая и стала моим первым уроком по философии.

На полу кухни она рассыпала по кучкам различные виды бобовых и зерновых культур. Там были рис, зерна пшеницы и кукурузы, турецкий горох и бобы — все культуры собраны отдельно. Первоначально в каждой из пяти кучек было по пять однородных культур. Эти пять групп олицетворяли пять элементов.

Прежде всего она взяла одно зернышко из кукурузной кучки и добавила его к пшенице. Так как в пшеничном секторе стало шесть зерен, то она взяла одно зернышко пшеницы и положила его в кучку риса. То же самое она проделала с каждой кучкой, так что в конечном итоге в каждой из пяти групп оказалось по пять различных элементов. Таким образом, цель этого опыта заключалась в том, чтобы продемонстрировать мне, как эти различные элементы, соединенные в одно блюдо, могут спокойно сочетаться, не умаляя достоинств друг друга. Но на этом дело не закончилось. Несмотря на то что я был еще совсем ребенком, моя мать стала читать лекцию о философском значении сочетания этих элементов: «Эти двадцать пять зерен являются таттвами в человеческом теле». А затем она мне их все перечислила.

В самкхье, индийской философии, которую Ямуна Девы преподносила Пападжи в упрощенной форме, дается достаточно сложное объяснение функционирования всех систем человеческого организма. Двадцать пять таттв являются основными компонентами, или элементами, которые вступают друг с другом во взаимодействие и

функционируют, обеспечивая существование мира и восприятие населяющей его жизни. Это пять элементов (земля, вода, огонь и т. д.), пять органов чувств (нос, глаза, язык и т. д.), пять составляющих умственной деятельности (эго, ум, интеллект и т. д.), пять «органов действия», в которые входят части тела, ответственные за способность держать предметы, ходить, говорить и т. д., а также пять пран. Праной можно свободно назвать жизненную силу, которая поддерживает человеческое тело в состоянии жизни. Существует несколько пран, отвечающих за функционирование различных внутренних органов.

Знание этих компонентов и способов их взаимодействия лежит в основе понимания некоторых систем индийской философии. Моя мать, которая изучала это у одного из учителей, решила, что я был готов к восприятию всей этой комплексной системы мысли в таком раннем возрасте. Хотя я и улавливал смысл, который она пыталась до меня донести, я все-таки не могу сказать, что принимал все за действующую модель функционирования Вселенной. Инстинктивно я чувствовал, что эти положения и идеи нельзя применить к неизменной, фундаментальной реальности, как если бы они представляли собой идеи об эфемерном теле.

После изложения тщательно разработанной схемы *таттв* и их взаимоотношений между собой наши философы продолжают утверждать, что это не может относиться к тому, что «я есть». Духовные учителя придерживаются того же мнения: «Я — не тело. Я — не органы чувств. Я — не элементы знания. Я — не органы тела. Все это относится к телесной оболочке, а Я выходит за рамки всего этого».

Нужно отбросить отождествление себя с двадцатью пятью компонентами. Только после этого можно начать истинный поиск своего Я. Именно такой поиск в конечном счете приведет к свободе.

Несмотря на то что моя мать была искренней *бхактой* Кришны, она строго придерживалась *Веданты*. Она поощряла меня выполнять практику «*нетти-нетти*» (ни это, ни то), говоря, что я должен отождествлять себя с *Брахманом*, Высшим Я, а не со своим телом и его составляющими компонентами.

Она следила, чтобы я повторял махавакью (великие слова Упанишад): «*Ахам Брахмасми. Я Брахман*».

К тому же она рассказывала мне, что является истинным, реальным, а что следовало отбросить.

«Ты *Брахман*, — повторяла она. — Во всей Вселенной нет больше ничего, кроме *Брахмана*, и ты есть *Брахман*. *Брахман* выходит за пределы всего, о чем ты можешь думать. Там, где нет сияния солнца, луны, звезд, там не существует таких элементов, как земля, вода, огонь, воздух. Это *Брахман*, и это твое высшее и истинное место пребывания. Если тебе удастся достичь его и обосноваться там, переступив границу физического мира и всех *таттв*, тебе больше не придется возвращаться в бесконечную *самсару* рождения и смерти».

Эти положения было нелегко понять маленькому ребенку, но исходя из моего поведения и интереса к духовной стороне жизни она чувствовала, что я не был обычным ребенком. Я без особого труда впитывал эту информацию и взгляд на жизнь, но лишь много лет спустя полностью смог это принять.

Абзац, где рассказывается о том месте, где нет солнца, луны и звезд, — пересказ шестого стиха пятнадцатой главы «Бхагават Гиты»: «Ни солнце, ни луна, ни даже огонь не могут осветить то высшее лучезарное состояние Я, достигнув которого, они никогда не возвращаются в этот мир. Вот истинное место моего пребывания».

Иногда Пападжи забавляли попытки матери выйти за пределы тела путем отрицания отождествления себя с таттвами или другими составляющими компонента

ми. Вот что он рассказывает в книге «Интервью с Пападжи»:

Он (Ишвара Чандер) знал множество ведических текстов и вполне компетентно мог читать по ним лекции. Его любимой была книга *«Вичара Сагар»*, написанная Нисчалдасом, индуистским святым. Моя мать декламировала наизусть большие отрывки из этой книги. Спустя много лет, когда я познакомился с Шри Раманой Махарши, я узнал, что эта книга тоже его увлекала и что он даже сделал сокращенный перевод на тамильском языке под названием *«Вичара Мани Мала»*.

Учитель моей матери наставлял ее запоминать множество ведических *шлок*, которые она обычно повторяла нараспев по нескольку раз в день. Традиционная ведическая *садхана* строится на утверждениях и отрицаниях. Нужно либо повторять вслух или про себя одну из *махавакий*, таких, как: «Я есть *Брахман*», либо отрицать свое отождествление с телом, осмысленно повторяя следующее: «Я — не тело, Я — не кожа, Я — не кровь... » Цель этих практик — убеждение себя в том, что твоя истинная природа — Я, что отождествление себя с телом или же с его составляющими частями ошибочно.

Моя мать всегда распевно повторяла это «Я не... », что очень меня забавляло... Я никак не мог понять смысла этих практик, которые сводились к нескончаемым перечислениям того, чем Я не является. Принимая ванну, мать обычно распевала: «Я — не плоть, Я — не кровь, Я — не желчь, Я — не кости» и так далее. Я не мог этого выносить и кричал: «Что ты там делаешь — моешься или чистишь туалет?» Я так часто над ней посмеивался, что она наконец-то перестала распевать их вслух.

*Не только так он подсмеивался над своей матерью.
Перед тем как продолжить описание других*

примечательных случаев из его детства, Сумитра подробнее рассказала об этом.

Сумитра: Наша мать брала нас с собой в различные религиозные места. Ей очень нравилось ездить в Харидвар, поэтому мы очень часто его посещали.

Ей нравилось петь *бхаджаны* и одновременно бить в барабан. Именно поэтому ее и прозвали *Ямуна дхолки вали* (Ямуна-барабанщица). Во время пения о Кришне она входила в экстаз — раскачивалась из стороны в сторону, а из глаз текли по щекам слезы. Однако такие представления не производили впечатления на *Бхаи Сахиба*. Как только он видел, что она так делает, он окликал ее и говорил: «Мама, кто умер? Почему ты так стонешь?»

Дэвид: Это напомнило мне одну историю. Вы как-то рассказывали, как отреагировал Пападжи на смерть одной из ваших сестер. Не могли бы вы рассказать еще раз?

Сумитра: Однажды, когда *Бхаи Сахиб* вместе с остальными отдыхали, наша мама вошла в комнату и разбудила нас. Она сказала: «Вы должны встать. Ваша младшая сестра умерла». Мы все начали плакать. *Бхаи Сахиб* заметил, что наша мама не плакала, а вместо этого повторяла: «Рам, Рам».

Бхаи Сахиб спросил: «Почему ты не плачешь?»

Мать ответила: «Все, кто приходят в этот мир, должны покинуть его. Так к чему плакать?»

Когда тело принесли на кладбище, *Бхаи Сахиб* сопровождал похоронную церемонию. Перед тем как уйти, он отметил это место. Каждый день он возвращался туда, но не для того, чтобы оплакивать тело. Он приходил туда и раскапывал могилу, чтобы убедиться, что его мертвая сестра вновь вернулась к жизни.

Дэвид: Что запомнилось вам из поездок в Харидвар с *Бхаи Сахибом*?

Сумитра: Каждый год семья проводила там около двух месяцев. Отец брал отпуск, и мы все вместе ездили в этот город.

Как-то во время нашего пребывания там *Бхаи Сахиб* с одним из своих братьев встретил женщину-*садху*, которая, по всей вероятности, соблюдала *мауну* (обет молчания). *Бхаи Сахиб* засомневался в том, что она ни с кем никогда не разговаривала, поэтому он спрятался рядом с ее хижинкой, чтобы понаблюдать за ней. Спустя некоторое время к ней подошел мужчина, который принес еду. Они оба поговорили друг с другом некоторое время, что подтвердило правоту его подозрений. Его так сильно разозлила ее ложь об обете молчания, что он подошел к ее хижинке и поджег ее. Она сгорела дотла.

Бхаи Сахиб не выносил людей, говорящих неправду. Если он обнаруживал, что кто-то пытается обмануть других людей, он выходил из себя. Он был очень строг с нами дома. Если он когда-либо ловил одного из нас на лжи, то тут же колотил нас. Так мы на собственном опыте узнали, что лучше говорить правду. Он всегда повторял нам: «Какой бы горькой она ни была, всегда говорите правду».

Дэвид: К чему он стремился, когда был маленьким? Кем хотел стать, когда вырастет?

Сумитра: Он всегда хотел быть *садху*. Ни у кого не возникало сомнений на этот счет. Однажды, когда кто-то его спросил, почему он хочет стать *садху*, когда вырастет, он ответил: «Я уже *садху*. Мне не нужно ждать, когда я повзрослею».

Помимо Ишвары Чандера у матери Пападжи было еще несколько учителей. Одного звали Гопал Дасджи, он был хорошо известным исполнителем песен бхакты. Другого учителя звали Госвами Ганеш Дас. Он был социальным работником, а также главой местного отделения индуистской организации под названием «Санатана Дхарма». Этот человек проводил регулярные встречи в районе, где проживал Пападжи, и Ямуна Деви вместе с другими местными женищинами, включая Брахму Деви, часто посещали эти собрания. Спустя много лет он построил в Харидваре ашрам и назвал его «Ашрам Сапт Риши». Пападжи часто бывал в нем в 1970-х и 80-х годах, и к нему всегда относились по-особому, так как его знали как друга основателя этого ашрама.

У Ямуны Деви был еще и другой учитель, из Кашмира, которого звали Авадхута Шалиграм. Он читал ей Йога Васиштху и проявлял большой интерес к духовным продвижениям Пападжи. Пападжи рассказывает о своих отношениях с этим учителем.

Авадхута Шалиграм меня очень любил. Он давал мне книги, и я часто получал от него советы по духовным вопросам. Он был владельцем большого участка земли, у него было много коров, так что половину своего времени он проводил с учениками, а остальное время занимался ведением хозяйства.

Однажды он сделал моей матери шокирующее предложение: «Пожалуйста, отдай мне своего сына. Я сделаю его своим наследником и духовным преемником. Когда я умру, все, чем я владею, перейдет к нему. Я буду следить за его духовным развитием. Все будет так, как я говорю, при одном условии: он не должен создавать семью, а оставаться *брахмачари*. Если он согласен и нет возражений с твоей стороны, то я обязуюсь заботиться о нем».

Моя мать очень любила и уважала этого человека. Но привязанность ко мне была настолько велика, что

она даже и подумать не могла о том, чтобы передать сына кому-либо еще. Я тоже глубоко уважал его, и если бы мать согласилась, то с радостью пошел бы с ним.

Как-то Пападжи сказал мне: «При получении отказа от моей матери он сказал то, что, по его мнению, было своего рода проклятием.

Он сказал: "Если я не получу его, то и ты тоже. Он уйдет из семьи и станет санньясином (монахом-отшельником). Этот мальчик не предназначен для ведения спокойной семейной жизни дома"».

Хотя Пападжи официально никогда не принимал санньясу, он все-таки предпринимал попытки уйти от семьи и мирских обязанностей, хотя ни одна попытка не была осуществлена полностью.

Мать советовалась и с другими свами, однако Пападжи не проявлял интереса к ним. Вот как он описывает неудачную попытку прихода к одному из новых наставников:

Она заявила, что собирается отвести меня к новому свами, так как хотела, чтобы я выслушал его наставления относительно духовных практик. Мне не нравилась ее затея, а также выбранный ею человек.

Я ответил: «Если ты приведешь меня к этому свами, я испытаю его, чтобы посмотреть, действительно ли он владеет собой, поборов в себе пороки. Как только я войду, я ударю его по лицу. Если он разозлится, я буду знать, что он не может управлять своими эмоциями. А если нет, я выслушаю его и последую всем его наставлениям».

Мать знала, что я смогу воплотить в жизнь эту проверку. Не желая краснеть из-за моей невоспитанности, она оставила свое намерение привести меня к нему.

Когда Пападжи было около десяти или одиннадцати лет, то чудесное состояние счастья, которое он

испытывал с того момента, когда проигнорировал манговый напиток в Лахоре, подтолкнуло его заняться изучением жизни Будды.

Я был всего лишь маленьким ребенком и не мог понять, что же случилось тогда со мной. Что-то тянуло меня, но никто не мог ответить, что именно это было. Намного позже я прочитал книгу, в которой говорилось о реализации и просветлении. Если бы я даже и прочел эту книгу в то время, значение написанных там слов не было бы полностью понято мною. Ощущение счастья присутствовало постоянно, но то состояние, которое служило его причиной, было выше этого счастья и выше всех описаний. Если бы я попытался подобрать нужное слово и постарался при помощи него описать это состояние, мне бы, наверное, это не удалось. К примеру, это не было любовью, так как любовь присуща двум людям, двум отдельным существам, а я был абсолютно один в этом состоянии — ни любящего, ни любимого, ни любви.

Я перестал спать по ночам. Я лежал с закрытыми глазами, но не спал. Что-то опьяняло меня, но я не знал, что именно. Меня окутывало ощущение бесконечного счастья. Оно никогда не утихало. Я не мог оставить его, а оно — меня. Я часто сидел у себя в саду под каким-нибудь кустарником и позволял этому состоянию овладеть мною, даже не осознавая, что это было или что происходило со мной. После в одном из своих учебников я прочел о жизни Будды, как он покинул дом в поисках просветления. Это слово как-то по-особенному отозвалось во мне.

Я подумал: «Возможно, этот человек сможет мне что-нибудь рассказать об этих странных вещах, происходящих со мной».

Я начал собирать информацию о его жизни в надежде, что это послужит объяснением того, что происходило со мной.

Раннее изображение: статуя голодающего Будды, возможно, одна из тех, которая сподвигла Пападжи голодать. Оригинал находится в Лахоре. Во времена юности Пападжи эта репродукция была напечатана во многих детских книгах.

Первоначально Пападжи привлекала физическая форма Будды. Впервые он увидел Будду на известной репродукции, изображающей «Голодающего Будду».

Все началось с того момента, как я увидел изображение Будды в школьном учебнике по истории. Эта картинка отображала период его жизни, когда он жил, питаясь одной рисинкой в день. Его лицо было необыкновенно красивым, а тело походило скорее на скелет — кожа да кости. Меня непреодолимо потянуло к нему, хоть я и не знал тогда о его учении. Я просто влюбился в его прекрасное лицо и решил попытаться стать таким же. На картинке было изображено, как он медитирует под деревом. В то время я не знал этого, даже не знал, что такое медитация.

Невзирая ни на что, я решил: «Я могу сделать это. Я могу сидеть под деревом, скрестив ноги. Я стану как он».

Я стал сидеть со скрещенными ногами в своем саду под кустами роз. Находясь там, я чувствовал себя счастливым от того, что гармонизировал свою жизнь с жизнью того человека, которого полюбил. Затем, чтобы усилить сходство, я решил, что и мое тело должно походить на скелет. В те дни мы обычно брали еду у матери и съедали ее отдельно друг от друга. Поэтому ничто не мешало мне выбрасывать свою порцию. Когда никто не смотрел, я выходил из дому и скармливал все уличным собакам. Спустя некоторое время я полностью перестал есть. Я очень похудел и ослаб, и наконец-то мои ребра стали выпирать из-под кожи, как у Будды. Такое состояние наполняло меня радостью и гордостью. Мои одноклассники прозвали меня Буддой из-за моей худобы.

Мой отец работал на железнодорожных станциях. В данный период он трудился в Балучистане. А в связи с тем, что это было отдаленное от нас место работы, мы видели его, лишь когда он приезжал в отпуск. Я голодал уже около месяца, и когда он, как обычно, приехал домой, то был шокирован моей худобой. Он стал таскать меня по докторам на обследования, чтобы выяснить причину этого. Никто из них и не подозревал, что я добровольно отказывался от пищи.

Один из них сказал отцу: «Он очень быстро растет, поэтому худеет. Кормите его хорошо, давайте побольше молока и сухофруктов».

Моя мать, последовав совету, отдавала часть своей порции и каждый день повторяла: «Ешь больше масла, ешь больше масла». Собаки на нашей улице стали толстыми и веселыми — новая диета им очень понравилась.

Книга по истории, в которой я увидел иллюстрацию Будды, была обычным детским учебником. В ней приводились основные биографические данные, но концепции медитации и просветления не были освещены должным образом. Вероятно, автор учебника полагал, что такие основополагающие моменты не могут быть

интересны детям. Таким образом, я продолжал пребывать в неведении относительно того, что же Будда делал под деревом и чем же было примечательно его окончательное достижение. Тем не менее я все еще стремился иметь с ним как можно большее сходство.

Из этого учебника я узнал, что Будда носил оранжевое одеяние и просил еду, ходя от одного дома к другому с чашей. Это было как раз то, что мне под силу было скопировать, стоило лишь проявить смекалку.

У моей матери было белое сари, и, на мой взгляд, оно идеально подходило для моих целей. Я взял его, так чтобы она не видела, покрасил в оранжевый цвет — цвет одежды Будды, — обернул вокруг себя, чтобы быть похожим на нищенствующего монаха, и, прихватив с собой чашу, пошел по улицам Лаялпура просить подаяния. Перед тем как вернуться домой, я переодевался в обычные одежды, а оранжевое сари заворачивал в бумажный пакет, который прятал среди школьных книг, где, на мой взгляд, никто не должен был его обнаружить.

Один мой друг, узнав о моих проделках, сказал: «Перестань так делать. Кто-нибудь узнает тебя и расскажет об этом твоей семье».

Будучи уверенным, что мой секрет не раскроется, я с ним поспорил: «Твои родители знают меня. Я приду в ваш дом в таком виде и попрошу дать мне еды. Если они не смогут узнать меня, то и никому другому это не удастся».

Я надел сари, вымазал лицо пеплом, чтобы усилить маскировку, одел на голову свой головной убор и, захватив с собой чашу для подаяний, отправился в дом его родителей. Было около восьми часов вечера, так что сумерки были мне на руку. Я закричал: «*Бикша! Бикша!* (Милостыня! Милостыня!)», так как не раз слышал, как это делали *садху*, прося подаяние. Так как мне и в голову не могло прийти, что кто-то может узнать мой голос, я не потрудился его изменить. Открыла дверь мать мое

го друга и, не подавая виду, что узнала меня, пригласила меня к столу.

«Свамиджи, Бабаджи, зайди и поешь что-нибудь», — сказала она, пропуская меня внутрь и предлагая мне пищу.

Я принял предложение, продолжая играть выбранную мною роль.

«Дитя мое, — сказал я ей, несмотря на то, что она, вероятно, была на тридцать лет старше меня. — Да будет твой дом полной чашей».

Я слышал, как таким образом свами благословляли женщин. Так как большинство женщин хотели жить в богатстве и иметь нескольких сыновей, странствующие свами обычно поощряли эти мечты своими благословениями, в надежде получить хороший прием и что-нибудь поесть.

Затем, смеясь, она сняла с меня головной убор и сказала, что с самого первого слова поняла, кто я.

«Замаскировался ты замечательно, — сказала она. — Но тебя выдал твой голос».

Затем домой вернулся ее супруг, и она рассказала, что здесь произошло.

Он пренебрежительно добавил: «Тебя всякий узнает, если ты будешь так ходить и попрошайничать. И маскировка тебе не поможет».

Теперь наступила моя очередь смеяться, так как до этого я заходил в его магазин и получил от него медную монетку, которую ему и показал.

Ему пришлось немного пересмотреть свое мнение. «Должно быть, я был занят со своими покупателями, — отпарировал он, — и даже не взглянул на тебя». «Нет, это неправда, — искренне ответил я. — Вы прекрасно меня видели. Я как раз проходил мимо вашего магазина, прося милостыню, когда вы окликнули меня и дали мне эту монетку. У меня хорошая маскировка. Я сколько угодно мог так ходить, если бы не разговаривал с людьми, которые могли бы узнать меня по голосу».

Этих людей развеселила моя выходка, к тому же они не знали, что я проделывал это регулярно, раскрасив украденное мною сари. Они ничего не сказали моей матери, и я мог продолжать разыгрывать эту роль.

У матери было всего три сари. Однажды, честно говоря, вскоре после того как я стащил белое сари, она выстирала оставшиеся два и стала искать третье, так как ей нечего было надеть. Естественно, она нигде не могла его найти. Ей даже и в голову не могло прийти, что оно понадобилось именно мне, так как я не был девочкой. В конце концов, она решила, что отдала его *дохоби* (человеку, который занимался стиркой белья) и он потерял его или забыл вернуть.

Конечная стадия моего подражания Будде наступила, когда я узнал, что он читал проповеди в общественных местах. Эта новая для меня грань его жизни привела меня в трепет. Я абсолютно ничего не знал о буддизме, но и мысли не допускал, что это может помешать мне играть роль Будды.

В центре нашего города стояла башня с часами, а рядом возвышалась платформа, с которой выступали с речами местные политики. Это был настоящий центр Лаялпура, поскольку отсюда расходились все дороги, ведущие в другие города. Я, как обычно, надел свой маскировочный костюм, уверенно взошел на платформу и впервые в жизни стал читать проповедь, обращаясь к народу. Я ничего не могу вспомнить из того, что говорил, но полагаю, что никакого отношения к буддизму это не имело, в связи с тем, что я не располагал никакими знаниями по этой теме. Только помню, что говорил с воодушевлением и азартом. Я говорил горячо, обращаясь к прохожим с большим жаром, иногда поднимая свою руку и качая пальцем, чтобы придать значимость своим словам (я видел, как, произнося свои речи, жестикулировали политики, и старательно воспроизводил их жесты).

Недавно сделанная фотография башни с часами в центре Лаялпура, под которой Пападжи читал свои проповеди, будучи подростком. По прошествии нескольких лет он произносил здесь политические речи. В годы юности Пападжи территория рядом с башней была отведена парку.

Я чувствовал, что это было началом моей карьеры оратора, и сделал следующий шаг к своей цели — достижению максимального сходства с Буддой во всем, что он делал. При любом удобном случае я возвращался к этой башне и читал проповеди. К сожалению, Лаялпур был маленьким городком, и было неизбежно, что рано или поздно кто-нибудь из моих знакомых узнает меня. Поэтому неудивительно, что однажды один из наших соседей окликнул меня на площади и рассказал матери о моем кривлянье.

Сначала она не поверила этому. «Как такое может быть? — спросила она. — Откуда у него может взяться оранжевая одежда?» Затем, вспомнив о своем потерянном сари, она открыла мой шкаф, где у меня лежали книги, и нашла бумажный сверток. Игра закончилась: эта находка положила конец моей короткой стадии подражания Будде.

Это был абсурдный, но занимательный эпизод моей жизни, который, оглядываясь назад, я могу рассматривать как отражение моего состояния в то время. **Я** не был озорным ребенком и никогда не рассматривал этот случай как детскую шалость. **Я** так поступил под воздействием какой-то силы. Может быть, мои предыдущие *самсары* (привычки из прошлой жизни) подействовали на меня таким образом.

Мать не очень на меня рассердилась. У нас с ней всегда были хорошие отношения, и она смогла увидеть комичность ситуации. Так как она была еще совсем юной, когда родился я, то мы вели себя, как брат и сестра, а не мать и сын. Мы вместе играли, пели и танцевали, даже зачастую спали в одной кровати.

Я поинтересовался у Сумитры, помнит ли она что-нибудь из того периода Пападжи, когда он так хотел походить на Будду:

Дэвид: Вы помните то время, когда он изображал из себя буддистского монаха? Как-то он перестал есть, потому что хотел походить на изображенного на картинке голодающего Будду. Вы помните этот период?

Сумитра: **Я** не помню, чтобы он специально голодал. Он всегда был худым в детстве, поэтому, вероятно, я и не заметила, как усилилась его худоба. Но я действительно помню тот случай, когда мать отыскала то сари, в котором он просил подаяние и читал проповеди. Она совсем на него не рассердилась. А просто спросила: «И давно ты так переодеваешься? В тебе возгорелась любовь к Богу? Кто зажег в тебе это пламя?» «Для большого костра нужно много дров и хвороста, но сначала загораются тонкие ветки» — таков был его ответ.

На одном сатсанге в Лакнау Пападжи отметил следующее об этом периоде своей жизни: «Первым моим гуру был Будда. Я любил его, следовал его примеру, подражая ему во всем, что я делал. В конце концов, так же как и он, я покинул дом, чтобы найти Бога. И, так же как и он, я наконец-то понял: чтобы найти Бога, совсем необязательно убегать. Бог внутри нас, и искать его где-либо еще — бесполезно».

На другом сатсанге он продолжил рассказ об этом периоде своей жизни.

Как случилось так, что иллюстрация Будды подтолкнула меня к этому? Почему я влюбился в этого человека, медитирующего Будду? У меня нет ответа, и я не могу это объяснить. Что-то двигало мною изнутри, какая-то сила направляла меня подражать ему всеми возможными способами. Это удивительно и не поддается объяснению, так как я ничего не знал о нем. Я не знал ни его истории, ни почему он сидел с закрытыми глазами. Я не имел представления, что он пытался достичь просветления, поскольку до этого я не сталкивался с подобным понятием. Я просто ощущал, что должен следовать его примеру. Я не нуждался в подаянии, так как принадлежал к вполне обеспеченной семье среднего класса, а дома у нас было достаточно еды. Никто не принуждал меня идти в центр города и читать там проповеди.

Когда кончился мой период «буддистского монаха», я подражал ему, сидя с закрытыми глазами. Как только у меня появлялось свободное время, я садился, скрестив ноги и закрыв глаза. Даже в школе я частенько закрывал глаза, увлеченный потоком, протекающим через меня.

Нельзя сказать, что я медитировал, так как я ничего не делал для этого. Правильнее было бы сказать, что медитация влюбилась в этого маленького мальчика на

столько, что не позволяла ему заниматься чем-либо другим. Она не давала ему уснуть ночью, а некоторыми вечерами даже не позволяла оставаться в постели.

Посреди ночи, даже зимой, что-то шептало ему на ухо: «Вставай, мальчик, уже полночь. Поднимайся с постели, не тревожь своих родителей и садись на пол, позволь мне поглотить тебя».

Это истинная любовь. Это истинная медитация. А когда вы, сидя на земле, пытаетесь не дать вашему уму растечься в десяти направлениях — это не медитация. Это всего лишь игра ума.

Я расспросил Пападжи о некоторых вещах, которые происходили с ним в этот период:

Дэвид: Будучи ребенком, вы не спали по ночам, так как медитировали. Какую медитацию вы практиковали?

Пападжи: Я просто медитировал. Но это продолжалось много часов. Я не повторял мантры и не выполнял никакой особенной практики — просто явственно ощущал, что не должен спать. Я не могу объяснить причину этого чувства. Нет ничего плохого в том, чтобы спать ночью. Может быть, дело было в *пурве самскаре* (наклонности прошлой жизни).

Моим родителям не нравилось, когда я медитировал всю ночь. Они обычно говорили: «Ложись спать. Тебе надо выспаться. Завтра ты должен идти в школу».

Они заставляли меня вернуться обратно в постель, накрывали с головой стеганым одеялом. Так я и лежал под одеялом и продолжал медитировать. Они могли прогнать меня с пола, но не могли остановить охватившее меня состояние медитации.

Я не преследовал выполнение какой-либо цели через медитацию, просто на меня внезапно находило это состояние — и чаще всего посреди ночи.

Дэвид: Вы также иногда отмечали, что в детстве время от времени вы видели свет и, даже накрывшись одеялом с головой и закрыв глаза, вы продолжали видеть его. Давайте поговорим об этом опыте.

Пападжи: Очень часто я видел поток света, даже если закрывал глаза. Это также происходило и днем. И до сих пор я иногда вижу свет, когда сижу в своей комнате.

Дэвид: Был случай, когда ваша медитация была настолько глубокой, что никто не мог поговорить с вами. Что случилось в тот день?

Пападжи: Это случилось зимой, посреди ночи. Мы все спали в одной комнате в нашем доме в Лаялпуре. Я проснулся, сел на пол и стал медитировать. Нельзя сказать, чтобы я сам решил заняться медитацией, просто мое тело поднялось с постели и село на пол. Не думаю, что у меня был какой-либо выбор. Проснулись мои родители и попытались настоять, чтобы я лег обратно в кровать, но все их уговоры были напрасными. Я пребывал в своего рода трансе, и никто не мог установить со мной контакт или заставить меня что-либо сделать.

Спустя несколько часов мой отец оставил свои попытки привести меня в движение. Он отправился за доктором Сингхом — нашим лечащим врачом, так как думал, что я внезапно заболел какой-то серьезной болезнью. Доктор жил примерно в миле от нас. Мой отец разбудил его и привез к нам в дом в личной *тонге* доктора (двухколесной повозке, запряженной двумя лошадьми).

Доктор Сингх осмотрел меня при помощи своего стетоскопа, постучал в некоторых местах по спине, затем приоткрыл мои глаза и заглянул в них. Никаких физических отклонений он не обнаружил.

После этого он сказал отцу: «Не беспокойтесь за своего сына и не тревожьте меня. У него нет никаких физических отклонений. Он просто погрузился в глубокое состояние медитации. Я еще никого не видел, кто бы так глубоко медитировал, как он. Должно быть, в своей предыдущей жизни он был йогом. Какие-то старые *самсары* заставляют его пребывать в таком состоянии».

Я находился в этом состоянии два дня — не ел и не пил, просто наслаждался внутренним покоем, окутавшим меня.

Дэвид: Вы также испытали своего рода опыт смерти, когда вам было около двадцати. Не могли бы вы описать, что произошло?

Пападжи: Я неожиданно почувствовал, как будто умираю. Я лежал на полу и ощутил, что у меня остановилось дыхание. В таком состоянии меня нашел отец и позвал железнодорожного доктора. Тот осмотрел меня и сказал, что, должно быть, это астма. Врач выписал лекарство, но оно не принесло никаких результатов.

Я пришел в себя от этого приступа без какого-либо медицинского вмешательства, но это чувство, что я вот-вот умру и утром меня отнесут на место кремации и сожгут, не раз посещало меня.

Это абсолютно меня не тревожило, так как я не считал нужным избегать этого. Напротив, я решил продолжать медитировать, потому что слышал, что некоторые йоги умирали во время медитации. Медитация помогала преодолеть страх смерти, но чувство, что я скоро умру, все-таки преследовало меня еще некоторое время.

Был еще один случай, когда в результате медитаций Пападжи к нему пришлось вызвать доктора Сингха. Вот что рассказывает сам Пападжи:

Когда мне было около пятнадцати лет, я пошел к своему другу на день праздника святых, который отмечался ежегодно. Его мать предложила мне немного *накоры* (хорошо прожаренного пряного блюда), которое она приготовила для праздника. Я съел два кусочка и, так как оно было очень вкусным, попросил еще. К моему удивлению, она мне отказала. Я видел, что она готовила их в больших количествах и собиралась готовить еще, поэтому я никак не мог понять, почему же она ограничила меня двумя *накорами*. А дело было в том, как я узнал позже, что она добавила в это блюдо *бханг* (листья конопли) и не хотела, чтобы я проглотил слишком большую дозу. В те дни было принято подмешивать листья конопли в пищу во время праздников. Например, на свадьбах употребление *бханга* делало людей счастливыми, а также повышался аппетит. Свадьба — повод для обжорства. Подстегиваемый *бхангом*, у гостей разыгрывался такой аппетит, что они проявляли удивительную ненасытность.

Я пришел домой и стал заниматься своей обычной работой по хозяйству — пошел доить буйволиц. В дойке буйволиц есть одна хитрость. Ты приводишь теленка к матери, его морду направляешь к соску. Эти буйволицы очень умные животные. Когда они знают, что молоко идет в рот их детенышей, то оно течет очень легко. Поэтому нужно направить морду теленка на сосок, подождать, пока начнет поступать молоко, затем убрать морду теленка и продолжить доить самому. Тогда уже мать не сможет остановить или замедлить поток молока.

В тот вечер я дал теленку возможность захватить сосок, но не стал его отрывать. Я сам не понимал, что делаю, просто сидел там и позволил ему высосать практически все материнское молоко. Они оба были счастливы, но в тот день нам досталось мало молока. Я находился в сноподобном состоянии, в котором кажется, что ничто не имеет значения. Мне просто нравилось смотреть, как теленок высасывает все молоко.

Моя мать вышла посмотреть, чем я занимаюсь, так как процесс доения обычно занимал намного меньше времени, чем это отняло у меня. Ее приход вывел меня из этого состояния, и я сразу пришел в себя — понял, что пора ужинать и что я страшно проголодался.

Я зашел в дом и принялся за свой ужин. Мать готовила чапати. После того как я поглотил их все, я попросил ее приготовить еще, так как чувство голода не отступило. Она приготовила еще, но даже и эта порция не утолила голод. Я тут же съедал приготовленные ею чапати и продолжал просить добавки. Но когда я не наелся и двадцатью штуками, она поняла, что со мной произошло.

Она засмеялась и воскликнула: «Ты ел *бханг*, да? Кто тебя им накормил?»

Я рассказал ей о *накорах*, и она снова засмеялась. Теперь я начал понимать, почему мать моего друга ограничила меня двумя *накорами*. Помимо того что я чувствовал сильный голод, я стал ощущать легкое опьянение.

Той ночью мы все спали в одной комнате. Посреди ночи я встал с кровати, сел в *надмасану* (позу лотоса) и громким голосом стал выкрикивать следующее: «Ты не мой отец! Ты не моя мать!» Затем погрузился в глубокую медитацию. Родители проснулись, но мое поведение их не очень встревожило. Они пришли к выводу, что я все еще находился под воздействием съеденных мною листьев конопли.

В три часа утра я продолжал сидеть там с закрытыми глазами. Родители проснулись — их разбудили странные и нечленораздельные звуки, которые я издавал. Они попытались «разбудить» меня, но из состояния такой глубокой медитации просто так не выведешь. Мать, думая, что я брежу, настояла, чтобы отец привел врача. С большим трудом ему удалось уговорить одного доктора, так как ночью, да еще к тому же в праздничный

день, никто не хотел идти. Но в итоге он нашел того, кто согласился прийти в дом.

Доктор тщательно осмотрел меня, пока родители с беспокойством наблюдали за происходящим. Я слышал взволнованные реплики матери, знал, что делал со мной врач. Но не мог выйти из этого состояния и вести себя нормальным образом. Наконец-то доктор произнес заключение.

«Поздравляю, — сказал он, — у вас прекрасный мальчик и хороший сын. У него нет никаких физических отклонений. Просто он глубоко погрузился в медитацию. Когда это закончится, он естественным образом выйдет из нее и будет совершенно нормальным».

Всю ночь и целый следующий день я пребывал в таком состоянии. Я продолжал что-то невнятно бормотать, и никто не мог разобрать моих слов.

Мимо нашего дома проходил местный пандит, он услышал мою речь, узнал ее, вошел в дом и произнес: «Этот мальчик поет на санскритском языке отрывки из *Яджур Веды*. Где и когда он научился так петь?»

Скорее всего, я научился этому в прошлой жизни. В то время я знал пенджаби, мой родной язык, урду, язык местных мусульман, и немного персидский. Я не знал санскрит и никогда не слышал о «*Яджур Веде*». Должно быть, бханг привел в действие механизм памяти и знаний прошлой жизни. Как и говорил доктор, я внезапно вернулся к нормальной жизни — исчезли знания санскрита и Вед — и стал заниматься повседневными делами.

Желание Пападжи понять и разобраться в том, что с ним произошло, привело его в одну из местных библиотек. Именно в этом учреждении он впервые столкнулся с классическими индуистскими текстами.

Последнее уцелевшее здание в индуистской части Мураливали, деревне, где родились Пападжи и Рама Тиртха. После раздела все дома деревни, ранее принадлежавшие индуистам, были полностью разрушены. Первоначально в Мураливали входили две небольшие деревушки.

Один из учителей моей матери поддержал меня, посоветовав записаться в местную библиотеку, в которой был хороший выбор духовных книг. Я стал читать книги по *Веданте*, а также об индуистских святых. Именно здесь я познакомился с *Йога-Васиштхой*, книгой, которая мне всегда нравилась. Однажды я захотел взять книгу про Свами Рама Тиртху, индуистского святого, который ушел в Гималаи в двадцать лет и умер там в возрасте тридцати четырех лет. Я преднамеренно взял эту книгу: он был старшим братом моей матери, и, естественно, мне хотелось больше узнать о нем.

Библиотекарь, видя, что я беру такие книги, смотрел на меня с возрастающей тревогой. Людям, принадлежащим к среднему классу индуистского общества, было свойственно проявлять небольшой интерес к духовным

вопросам, но когда интерес переходит в одержимость — это настораживает. Этот доброжелательный библиотекарь, вероятно, подумал, что я слишком серьезно отношусь к своей религии и что я могу кончить, как мой дядя. Большинство семей были бы несчастны, если бы кто-нибудь из членов их семьи неожиданно решил в раннем возрасте стать *садху* и уйти странствовать в Гималаи. И библиотекарь исходя из самых лучших побуждений не разрешил мне взять книгу о моем дяде. Позже он пришел к моей матери и предупредил ее о том, что я проявляю, по его мнению, нездоровый интерес к мистицизму. Моя мать не обратила на это внимания. Так как ее собственная жизнь вращалась вокруг *садханы*, она была только рада, что у ее сына проявлялись схожие наклонности.

Пападжи познакомился с трудами сваи Рамы Тиртхи и сваи Вивекананды, будучи еще ребенком. Эти учителя помимо писаний и лекций по Веданте выступали с пламенными патриотическими речами. Они оба ездили в Америку, чтобы донести послание Веданты Западу. И оба оправданно заслужили свою известность в Индии. Их почитали за духовные достижения и пламенные политические речи. Эти сваи служили для Пападжи примером.

Будучи еще маленьким ребенком, Пападжи сказал своей матери: «Когда-нибудь я тоже поеду на Запад и буду проповедовать там дхарму».

Так как в семье Пападжи наиболее почитаемым был Рама Тиртха, то его всегда ставили в пример для подражания. Однажды Ямуна Деви собрала всех детей и спросила их: «Кто хочет, когда вырастет, походить на Раму Тиртху?»

Вперед вышел Пападжи, и его ответ был таков: «Я хочу! Я буду таким же, как он, и буду делать все, что он делал!»

Должно быть, такой ответ порадовал Ямуну Деву, так как до рождения первенца она молила Кришну, чтобы он послал ей сына, такого же, как и Рама Тиртха.

Преданные, которые знали как Пападжи, так и Ямуну Деву в 1970-х годах, слышали слова Пападжи: «Перед тем как родить, моя мать сказала своим родственникам: "Если я не рожу ребенка, который станет святым, как Рама Тиртха, то я буду просто свиноматкой, которая рождает поросят". Она была очень волевой женщиной».

Пападжи повезло, что у него были родители, которые сами интересовались духовной жизнью и могли понять некоторые странные вещи, происходящие с их сыном. Мне уже представлялся случай упомянуть бхаджаны его матери и ее представления раса лилы. У отца Пападжи, Пармананда, были свои духовные пристрастия, а именно: он очень любил выполнять джапу «Джей Ситарам». Сита — супруга Бога Рамы. Эта джапа никогда не замолкала в его устах, даже когда он был на работе. По словам Сумитры, его привычка постоянно выполнять джапу на работе как-то сослужила ему плохую службу:

Отец очень любил повторять святое имя «Джей Ситарам». Он произносил его везде и всегда — шел ли спать, вставал ли утром или принимал пищу. Также он хранил картинку с изображением Кришны и выполнял с ней нуджу. Отец заставлял нас всех повторять «Джей Ситарам» и искренне верил в нее. Даже в конце своей жизни он продолжал повторять «Джей Ситарам».

Однажды его преданность навлекла на него неприязнь. Он выполнял нуджу на вокзале во время рабочего дня, и из-за того что был поглощен нуджей, а не поездами, забыл переключить светофор, позволяющий поезду въехать на станцию. Так поезд стоял до тех пор, пока Пармананд не закончил нуджу. Прослышав про это, его начальник временно отстранил его от работы. Отец должен был явиться к начальнику и объяснить

причину своей небрежности, но раскаяния не последовало.

Когда его попросили дать объяснение, он ответил: «Я выполнял обязательства перед Богом, в то время как Бог присматривал за *моей* работой».

Закончилось все тем, что ему объявили выговор.

Хотя такое отношение может показаться безответственным, у Пармананда был по крайней мере один опыт, который оправдывал его веру в то, что Бог присматривает за его работой на железнодорожных станциях. Следующая история исходит из уст Б. Д. Дезая, преданного Пападжи, который знал Пармананда в конце 1960-х.

Как-то я расспрашивал Пармананда о его жизни на работе.

Он ответил: «Пока я работал, Бог присматривал за мной. А когда я делал *джану* на работе, Бог вел мои официальные дела. Я никогда не сомневался в этом. Как-то я совершенно забыл, что должен дать сигнал приближающемуся поезду, так как все свое внимание сосредоточил на *джане*. Я забыл дать знак, что проезд через станцию свободен, а без него поезду нельзя заезжать на станцию, и его простой становится причиной задержки всех поездов. Когда я наконец-то понял, что не выполнил свою обязанность, я бросился к светофору, чтобы переключить его. Кто-то на платформе сказал мне, что поезд уже прошел. Должно быть, кто-то переключил сигнал без меня, но на этой станции никого, кроме меня, не было. Дело происходило в очень маленьком местечке, где выполнение всей работы было поручено мне. И тогда я подумал про себя: "Бог присматривает за *моей* работой. Я могу вернуться к *джане*"».

И Ямуна Деви и Пармананд страстно жаждали увидеть своих богов, но безуспешно. Пармананд был настолько

подавлен своей неудачей, что однажды даже решил покончить с жизнью. Он оставил записку в офисе, в которой он сообщал своей семье о намерении покончить жизнь самоубийством, так как не хотел больше жить, потому что жизнь без видения Бога представлялась ему невыносимой. Он поднялся на мост, по которому проходили железнодорожные пути, с намерением броситься под поезд, который не должен был останавливаться на этой станции. Его спас помощник, нашедший его предсмертную записку. Так как из этой записки было понятно, что планировал совершить Пармананд, помощнику удалось прибежать на мост и убраться с парапета до того, как прошел следующий поезд.

Когда Пападжи был еще ребенком, его послали учиться в школу-пансион «Арья Самадж». Эти школы были основаны индуистским реформатором сваами Даянандой. Видя, что детям не в полной мере преподают историю и культуру их собственного народа и страны в общеобразовательных школах, управляемых англичанами, он начал открывать свои собственные школы. Его замысел оказался успешным, и вскоре были открыты еще несколько школ. Все они были названы «Англо-Ведические школы Даянанды». В большинстве крупных городов штата Пенджаб были открыты такие учреждения. Во время пребывания в одной из таких школ Пападжи получил еще один мистический опыт.

Каждое утро мы садились полукругом во дворе и пели молитвы. Они всегда заканчивались следующими словами: «Ом, шанти, шанти, шанти» (Ом, покой, покой, покой). В заключение молитвы на территории школы поднимался флаг с символом «Ом». После поднятия флага мы все должны были прыгать и кричать: «Слава Дхарме! Слава Матери-Индии! Слава сваами Даянанде!»

Однажды утром, в конце молитвы, мы пели: «*Ом, шанти, шанти, шанти*», и мое тело как будто оцепенело. Меня парализовало, как тогда в детстве, когда в Лахоре, будучи маленьким мальчиком, мне предложили манговый напиток. Я прекрасно осознавал все, что происходило вокруг, и ощущал тот удивительный покой и счастье, но не мог пошевелить даже пальцем или отреагировать на что-нибудь. Другие мальчики прыгали и отдавали честь флагу, а я продолжал сидеть на земле в состоянии оцепенения.

Учитель, следящий за молящимися, увидел, что я сижу на земле, и решил, что это признак лени или непослушания. Он вписал мое имя в список учеников, подлежащих наказанию, который передавался директору школы. Это означало, что на следующее утро я должен был явиться в кабинет директора и он выпорот меня. Учитель ушел, даже не выяснив причину моей неподвижности. Тем временем другие мальчики начали надо мной смеяться. Поняв, что я не в состоянии ответить на их колкости и насмешки, они решили поиграть в похороны. Они подняли мое тело, водрузили себе на плечи и сделали вид, что несут меня на кладбище для кремации. Мне пришлось быть частью их игры, так как я не мог возразить или оказать сопротивление. Вдоволь наигравшись, они отнесли меня домой и бросили на кровать. Остаток дня я провел в охватившем меня оцепенении, но при этом я был погружен во внутреннее состояние покоя и счастья.

На следующее утро, полностью оправившись, я предстал перед директором для наказания. Он взял розгу, но прежде чем успел нанести удар, я задал ему вопрос: «Пожалуйста, сэр, объясните, за что меня наказывают? Какую ошибку я совершил?»

Директор не мог ответить на вопросы, так как не имел ни малейшего представления. Он получал лишь списки учеников, подлежащих наказанию, которые

предоставляли ему учителя, так как сами они не имели права производить телесные наказания. Он вызвал учителя, который занес мое имя в список, и тот рассказал ему о моем проявлении «непослушания» в тот день.

Тогда я сказал: «Я не отказывался вставать. Я просто оцепенел и не мог шевельнуться». Я рассказал ему о своем состоянии, объяснив, что оно было вызвано словами «Ом, шанти, шанти, шанти», которые мы произносили в завершении нашей молитвы. Наш директор был очень хорошим человеком. Будучи сторонником Махатмы Ганди, он выполнял работу, не получая за это жалование, так как считал, что индуистские мальчики должны расти и воспитываться в индуистской среде. В те дни в дополнение к обычным государственным школам были подобные учебные заведения для сикхов, индуистов и христиан. Так как он был призван внушать нам индуистские ценности и идеи, он признал абсурдным наказывать меня за то, что у меня был мистический опыт вследствие слушания индуистской молитвы. Он отпустил меня, и спустя несколько лет мы стали хорошими друзьями.

На протяжении всех лет пребывания в школе Пападжи с большим удовольствием играл в спортивные игры, а особенно любил те, в которых мог продемонстрировать свою силу. Он был высокого роста (намного выше, чем средний рост населения Индии), с хорошо развитой мускулатурой. В юности он поднимал и переносил больных буйволят, которые сами не могли идти.

Дэвид: Насколько хорошо вы играли в различные спортивные игры? На соревнованиях какого уровня вы участвовали?

Пападжи: В школьные годы я принимал участие в таких играх, как крикет и хоккей на траве, которые устраивали

между командами из разных районов. А также был в команде по перетягиванию каната, которая выступала на районных соревнованиях. По вечерам я часто играл в бадминтон, но в то же время активно участвовал в соревнованиях по бегу и других спортивных состязаниях — больше всего любил прыгать в высоту, толкать ядра, метать копья и диски.

Мне нравились те виды спорта, в которых я мог продемонстрировать свою физическую силу. Во дворе своего дома я хранил деревянный кряж, который назывался *магдаром*, при помощи него я мог практиковаться в поднятии тяжести. Кряж имел цилиндрическую форму и был примерно два фута* длиной, а на верху была приделана ручка. Вес варьировался в зависимости от его диаметра. Другие люди, желающие показать свою силу, приходили ко мне тренироваться. В те дни этот вид спорта с *магдарами* был популярен в деревнях. Моим главным хобби было занятие с этими *магдарами*.

Позже я стал заниматься реслингом и достиг неплохих результатов. После окончания школы я устроился на работу, которая предполагала поездки во множество мест Индии. Куда бы я ни приезжал, я обычно находил местную арену для реслинга и соревновался со всеми желающими потягаться со мной силой. Обычно победу одерживал я.

Его чрезвычайная сила сослужила хорошую службу, когда в дом его семьи вломились грабители. Пападжи был еще юношей, когда с ним произошел этот случай.

Однажды какие-то грабители вломились в дом моей семьи в Лаялпуре. Примерно семь человек перелезли через стену и принялись грабить дом. Они взяли нашу швейную машинку, старый граммофон с большим громкоговорителем и много других вещей. Один из них

* Фут — мера длины; один фут 30, 48 см. — Прим. перев.

обнаружил меня в моей комнате и стоял начеку, направив на меня большое металлическое копье. Я знал, что он был здесь, но притворился, что ничего не чувствовал. Я просто лежал с закрытыми глазами, как если бы спал. Тот, кто стоял начеку, покидал дом последним. Как только он побежал к стене, чтобы скрыться, я пустился за ним в погоню и схватил, когда он начал карабкаться по стене. Он намазал свое тело маслом, так чтобы можно было легко вырваться, если кто-нибудь его поймает, но я держал его крепко и не давал ему взобраться на стену. В то время как я его держал, я не переставая продолжал звать на помощь. Кто-то из членов моей семьи услышал крик и кинулся на выручку. С их помощью я легко с ним справился.

Вора выволокли наружу и подвесили на дереве вверх ногами. Другие члены моей семьи хотели отколотить его палками, когда он висел в таком положении, но я отговорил их от этого.

«Он мой вор, — сказал я. — Я один из тех, кто поймал его. Я схватил его сзади, когда он карабкался по стене нашей ограды. Это не было спортивной игрой, но теперь я вызываю его на настоящее соревнование. Снимите его с дерева, и пусть он отбежит на десять ярдов. Если ему удастся убежать, пусть оставит себе все, что он украл, но если я его поймаю, ему придется вернуть все украденное из нашего дома».

Отец засмеялся, потому что думал, что я шучу. Но он не очень волновался, так как знал, что я был хорошим бегуном и легко обгоню вора.

Еще до начала состязания вор допустил возможность своего поражения.

Он произнес: «Ты сильнее, чем я. Ты легко победишь. Но ты спас меня от побоев, и я должен выразить тебе свою благодарность. Если ты подождешь здесь, я принесу все, что было украдено из вашего дома».

Мать не хотела его отпускать.

«Не слушайте его! — прокричала она. — Он вор! Почему вы верите такому человеку, как он? Он смоемся, и мы уже никогда больше не увидим своего имущества». Я повторил: «Он мой вор. Я поймал его. И я решил его отпустить. Я верю, что он вернется».

Мы сняли его с дерева и позволили ему уйти. К великому удивлению всей нашей семьи, он в тот же день принес все вещи, которые его дружки стащили из нашего дома. А также передал приглашение от своей шайки.

«Ты очень силен, — произнес он. — Я был уверен, что никто не может поймать и удержать меня. Ты еще совсем юный, но тебе удалось это. Я еще не боролся с таким сильным противником, как ты. Я уважаю твою силу и твою веру в то, что я сдержу свое слово. Я пришел пригласить тебя к себе домой на ужин».

Мой отец не хотел, чтобы я связывался с шайкой воров, поэтому попытался остановить меня.

Я ответил ему: «Они доказали, что им можно доверять. Если я пойду, со мной ничего не случится».

Предводитель шайки дал двух лошадей — одна лошадь для посланника, а другая для меня. Я приехал с гонцом, и мы хорошо поужинали вместе со всей шайкой. С тех пор они всегда хорошо ко мне относились и по-дружески приветствовали на улице.

Я спросил Сумитру, помнит ли она такой случай:

Дэвид: Пападжи иногда рассказывает историю об одном воре, которого он поймал, когда ему было около шестнадцати лет. Он говорит, что этот воришка был настолько потрясен его силой, что даже пригласил его на ужин, где присутствовали все члены этой группировки. Вы это помните?

Сумитра: Он всегда обладал недюжинной силой. Когда он ходил в школу и некоторое время спустя, он любил

заниматься спортом, что позволяло ему демонстрировать свою силу. Больше всего ему нравилось поднимать тяжести и заниматься реслингом.

Конкретно такого случая я не помню, но он действительно ловил немало воров в то время. Однажды он поймал вора, таскающего дыни с поля, расположенного рядом с нашим домом. *Бхаи Сахиб* увидел, как он уходил с поля с большим тяжелым мешком.

Подозревая, что в его мешке находятся ворованные дыни, он остановил его и спросил: «Что в твоём мешке?»

Человек не дал ему никакого вразумительного ответа, поэтому *Бхаи Сахиб* заставил его открыть мешок — в нём лежали украденные дыни. *Бхаи Сахиб* принудил его положить этот мешок себе на голову и так бегать по полю туда и обратно с тяжелой ношей на голове.

Когда он уже пробежал так около двух миль, *Бхаи Сахиб* сказал: «Это твоё наказание за то, что украл дыни. Теперь оставь дыни здесь и можешь идти домой».

Был и другой случай, когда группа воров одновременно грабила все дома нашей улицы. В каждом доме был по крайней мере один представитель бандитской группировки. *Бхаи Сахиб* проснулся и обнаружил, что нас грабят. Когда он попытался задержать вора, тот громко свистнул. Это был условный сигнал для всех остальных воров, означающий, что нужно бежать, так как одного из них обнаружили. Все они убежали, включая того, что был в нашем доме.

А вот и третий случай, который я помню. В нашем районе была украдена пятнадцатилетняя английская девушка. *Бхаи Сахиб* заметил, как один из членов шайки покупал на железнодорожной станции билеты. Человек купил три билета, а затем один сел в поезд. *Бхаи Сахибу* показалось это подозрительным, так как никто больше не последовал за ним в поезд. Он позвонил на станцию «Лаялпур», которая была обозначена в билетах вора как станция его высадки, и предупредил

начальника станции о подозрительном типе. По прибытии этот человек со своим сообщником были арестованы, а позже освободили и девушку, которая была в целости и сохранности.

В школьные годы Пападжи принимал активное участие в кампаниях, целью которых было упразднение английского господства в Индии. Пападжи уже был знаком со многими антианглийскими движениями. Во второй половине XIX века движение Кука, предводителем которого был Баба Рам Сингх, собрало тысячи крестьян, чтобы выступить против правления англичан. Хотя это движение начало существовать как религиозное, вскоре оно расширило свой круг деятельности — стало заниматься как социальными, так и политическими вопросами. Еще за пятьдесят лет до того, как Ганди только обдумывал идею, движение Кука организовало политику бойкота: члены движения выступали против того, чтобы англичане занимали правительственные посты, работали в школах, судах, а также против импорта ткани. В 1870 году это движение переросло в вооруженное восстание, которое было подавлено английским правительством.

В начале XX века фермеры, пришедшие на территорию Лаялпура, организовали широкомасштабные кампании против права наследования, навязанного им англичанами. Правительство установило закон наследования земельного участка, переданного новым поселенцам, старшим сыном, но если старший сын умирал раньше отца, члены семьи лишались права наследования. После смерти первоначального владельца земля переходила в собственность английского правительства. Организация под названием «Бхарат Мата» (Мать Индия) агитировала землевладельцев выступить против таких несправедливых законов. Борьба была долгой и жестокой. В ней погибли несколько человек в Лаялпуре и в Гуджранвале, городах, где Пападжи провел большую часть своей юности. В те годы,

Черные линии на территории Пакистана обозначают систему железных дорог этой страны. Большую часть своего детства и юности Пападжи провел в поселениях при железнодорожных станциях, находящихся между Лахорой, Мултаном и Лаялпуром.

когда Пападжи жил в этих городах, атмосфера там была накалена из-за восстаний. Кампания по изменению законов прошла успешно. Это стало первой и главной победой организованных индийских групп над английским администрированием.

В годы юности Пападжи существовало несколько мелких группировок в штате Пенджаб, которые организовывали акты насилия против отдельных представителей Британии, но такой путь борьбы привлекал немногих.

Одно событие кардинально изменило взгляд жителей Пенджаба на господство англичан. В апреле 1919 года английские войска зверски расправились с сотнями невооруженных демонстрантов в Джаллианвалле Багх, Амритсаре. Много народу собралось с мирным протестом против запрещения проводить народные митинги. Генерал Дайер, командующий английскими войсками, не попытался никого арестовать или даже обратиться с просьбой разойтись. Он просто выстроил свои войска перед собравшейся толпой и приказал им открыть огонь. Демонстрантам некуда было деться, так как митинг был организован на широкой площади, окруженной со всех сторон зданиями. Был только один путь к отступлению, и он был прегражден английскими солдатами. Войска выпустили в безоружную толпу митингующих 1600 патронов и остановились только тогда, когда у них кончились боеприпасы.

Первоначально генерал Дайер планировал разместить там несколько артиллерийских частей, но он не мог расположить их на месте кровавого расстрела, так как они не смогли бы пройти туда через узкие улочки на территории Джаллианваллы Багх.

При последующем расспросе, когда его спросили, стал бы он применять артиллерийскую силу, если бы смог провести их туда, где собралась толпа, он ответил: «Да, возможно, я так бы и сделал. Им нужно было преподать хороший урок».

Это жестокое убийство вызвало волну возмущений и гнева во всех частях Индии, но большее напряжение чувствовалось в штате Пенджаб. Этот расстрел безоружных людей побудил молодежь яростно выступать против присутствия англичан в Индии.

Прежде всего они направили силы на формирование движения гражданского неповиновения, основателем которого был Махатма Ганди. Его движение было прототипом движения Кука, так как оно призывало жителей Индии отделиться от английских правителей путем полного отказа сотрудничать с административными органами страны. Предполагалось, что протест будет мирным, но в 1922 году группа крестьян в округе Горакпур окружила полицейский участок и подожгла его. Количество погибших полицейских, запертых внутри, составило двадцать один человек. Этот единственный акт насилия настолько шокировал Ганди, что он расформировал движение гражданского неповиновения, так как не хотел, чтобы жестокость вышла из-под контроля.

После такого решения, принятого Ганди, множество людей в Пенджабе не знали, куда направить свою ярость против правительства. Некоторые из них, включая Пападжи, готовили акт вооруженного восстания против английских правителей.

Пападжи заинтересовался этими революционными группировками, потому что, как и большинство молодых людей своего поколения, в нем горела ярость по отношению к англичанам за узурпацию власти над страной и жестокое обхождение с диссидентами. В своем письме, написанном в 1983 году, к Радже Праду, одному из его почитателей, Пападжи прокомментировал: «Я перестал быть пацифистом после той бойни в Джаллианвалле Багх».*

Пападжи было всего шесть лет, когда произошла эта кровавая расправа, но отголоски этого страшного события

* Диссентеры — протестантские секты, отделившиеся от англиканской церкви в XVI—XIX вв. — Прим. перев.

продолжали звучать в Пенджабе еще на протяжении многих лет. Возможно, под воздействием этого Пападжи встал на воинствующую сторону.

Был еще и другой фактор, который повлиял на его убеждения, повернув их в сторону радикализма, — он перестал поддерживать политиков Индии и вступил на жестокий революционный путь. Этим фактором стал акт законодательства под названием «Rowlatt Act», целью которого было предотвращение организации мятежей в стране. Полиция получила неограниченную власть, такую, как задержание и арест граждан без судебного разбирательства, обыск людей и имущества. Предполагалось, что их полномочия будут направлены на борьбу с террористами, но злоупотребление властью привело к тому, что было посажено и замучено много невинных людей. Пападжи читал о жестоком обращении с политическими заключенными в английских тюрьмах и решил, что ответный удар должен быть таким же.

Атмосфера была такой, что при правильной тактике поведения и достаточном давлении с нашей стороны на правительство мы смогли бы положить конец колониальной оккупации. Ганди, самый известный борец за свободу, организовал кампанию гражданского неповиновения и ненасилия в надежде, что, если большие массы индийского населения откажутся повиноваться английским законам, они сочтут страну неуправляемой и предоставят нам право самим вести свои дела. Со своей стороны я не разделял такой позиции. Я был и остаюсь сторонником прямых действий, и я чувствовал, что мы должны противостоять англичанам, используя силовые методы борьбы.

«Если кто-то врывается в наш дом, — я приводил свои доводы, — и полностью там все переворачивает, так что нам приходится бегать вокруг и повиноваться их приказам, как еще мы должны реагировать?»

Ответ Ганди был следующим: «Нужно вежливо попросить их уйти, а если они ответят "нет", отказаться повиноваться любым их приказам».

Я считал его подход трусливым. Я судил по своему опыту: если захватчик завладел чьим-либо имуществом, то он и слушать не станет вежливую просьбу, а следовательно, надо браться за палку и силой выгонять его с захваченных им владений.

Желание Пападжи действовать жесткими методами сдерживалось лишь тем, что он знал: его арест повлечет за собой неотвратимые последствия для всех членов его семьи. Если бы его арестовали по серьезному обвинению, такому, как убийство официального лица Британии, его отец наверняка лишился бы работы. А в таком случае некому было бы кормить семью. Родители Пападжи, зная его желание вступить в жестокую революционную борьбу, настояли, чтобы он умерил свой пыл и ограничился пропагандой. Они полагали, что если его арестуют по крайней мере за составление антианглийской пропаганды, Пармананд, возможно, не потеряет свою работу.

Пападжи оказался превосходным революционным пропагандистом. Он был горячим и талантливым оратором, еще в школьные годы в нем проявлялись эти качества. Его «буддистские» проповеди на центральной площади помогли раскрыть талант, необходимый для ведения публичных бесед. Этот талант он пронес через всю жизнь.

Сумитра отчетливо помнит те дни, когда он выступал за свержение англичан революционным путем:

Дэвид: Какой политической деятельностью он занимался? Что вы помните о годах его революционной деятельности?

Сумитра: Он обычно ходил по улицам с другими юношами и выкрикивал антианглийские лозунги. Он принимал

участие во многих подобных демонстрациях. Обычно лозунги были такими: «Поднимем красный флаг как символ нашей борьбы!» и «Убьем английских солдат и пусть белые проститутки станут вдовами!»

Дэвид: Мне также сказали, что он произносил и революционные речи в Лаялпуре.

Сумитра: Да, он часто вел публичные беседы на рыночных площадях. Много людей собиралось послушать его. Когда англичане предприняли попытки пресечь такого рода деятельность, наши родители старались удержать его дома, но он отказывался. Даже когда риск ареста был очень велик, он, несмотря на это, продолжал свое дело, горячо веря в него.

Однажды пришел один из его товарищей и сказал нашей матери: «Сегодня мы должны пойти на собрание. Хариванш Лал будет проводить беседу в городе. Мы все хотим присутствовать на ней».

В это время производилось много арестов, поэтому мать очень волновалась за *Бхаи Сахиба*. Она позвала его в дом, закрыла на замок дверь, так чтобы он не смог уйти на собрание. *Бхаи Сахиб* тогда очень рассердился. Он начал кричать и пытался выломать дверь, но она оказалась для него слишком прочной. Затем он вышел в наш внутренний двор внутри дома. Там он нашел канат, залез на самую вершину дома и привязал его к крыше, удлинив его при помощи сари.

Таким образом сбежав из дома, он пришел на площадь в центре города и произнес речь в 4 часа утра. Кто-то из полицейских попытался арестовать его, но ему удалось убежать и скрыться. Пытаясь догнать его, полицейские кричали: «Лови его! Лови его!» — но их попытка не увенчалась успехом. Вместо того чтобы покинуть площадь, он спрятался под сценой, пока поиск не был прекращен.

Обычно он вел свои речи, переодевшись *садху*. А спрятавшись под сцену, он переоделся в обычную одежду и затем вернулся домой уже поздно ночью, когда почувствовал, что опасность миновала. Все это происходило в тот период, когда он еще ходил в школу, до того как женился.

В середине двадцатых годов многие революционеры Пенджаба принадлежали к секретной организации под названием «Партия революционеров». Она была настолько секретной, что даже ее название было известно не всем. В 1926 году ее предводители решили, что им нужен народный фронт, через который они могли бы вербовать в свои ряды новых потенциальных членов. Такая организация была названа «Собрание индийской молодежи». Пападжи был членом обеих организаций. Один из ее основателей, Раджа Рам Шастри, изложил цели этих организаций в написанной им книге о революционерах Пенджаба:

Некоторое время проводилась работа по пропаганде революционных идей среди молодежи посредством подпольной экстремистской литературы. Но вскоре «Партия революционеров» почувствовала, что они должны выступать открыто и знакомить людей со своими идеями. С этой целью в 1926 году была создана организация «Собрание индийской молодежи». Но в действительности это был открытый фронт «Партии революционеров».

Многие ведущие революционеры-пенджабисты были социалистами. Их целью было свержение английского господства в Индии и установление местного социалистического правительства. Несмотря на то что «Собрание индийской молодежи» не упоминало о революционной или силовой деятельности, их цели были явно социальной направленности. Они были следующими:

1. Создать объединенную республику индийских рабочих и крестьян.
2. Проводить пропаганду патриотизма среди молодежи.
3. Во всем содействовать подобным движениям в экономической, социальной и промышленной сферах, что приведет в конечном итоге к созданию идеального республиканского государства рабочих и крестьян.
4. Объединять рабочих и крестьян.

Я напомнил Пападжи, что большинство его друзей-революционеров были социалистами или марксистами, и задал ему вопрос, принимал ли он когда-нибудь их политические взгляды. Хоть его сестра и помнит, что он маршировал по улицам в первых рядах митингующих, распевая: «Водрузим красный флаг как символ нашей борьбы!», Пападжи отрицает, что когда-либо был коммунистом или социалистом. Как он говорит, он был членом этих разнообразных революционных групп лишь потому, что в них входили только те люди, которые, как он знал, связали себя обязательством изгнать англичан силой.

«Собрание индийской молодежи» развило бурную деятельность по всему штату Пенджаб. Чтобы разжечь пламя патриотизма у молодежи, они проводили собрания, вели пропаганду в школах и колледжах. Часто велись беседы о героях прошлого, которые умерли как мученики в борьбе за независимость. Тем участникам митингов, кто проявлял интерес к такого рода беседам, раздавали памфлеты на различные политические и социальные темы. А тех, кто, казалось, был решительно настроен на прямую борьбу против англичан, принимали в небольшие революционные группы, организовывавшие такие встречи для агитации молодежи.

Самой большой и идейной революционной организацией считалась группа, в состав которой входили Бхагат

Сингх и Шукдев, два ведущих революционера. Первоначально их группа носила название «Республиканская ассоциация полуострова Индостан», но позже было добавлено слово «социалистическая», которое занимало первое место в этом заголовке. Формально Пападжи никогда не принадлежал к этой организации, хотя он знал обоих ее предводителей (Бхагат Сингха и Шукдева). Шукдев, между прочим, в Лаялпуре снимал комнату в доме, принадлежавшем семье Пападжи.

Несмотря на то что Пападжи не принимал напрямую участия ни в одном акте, совершенном «Республиканской ассоциацией полуострова Индостан», краткий обзор их деятельности будет полезен, так как данная группа оказала косвенное влияние на некоторые поступки Пападжи.

В 1928 году английское правительство организовало создание органа из семи человек под названием «Комитет Саймона», с целью изучить возможность конституционных реформ в Индии. Все семь представителей этого органа были англичанами. Вследствие чего все члены индийских политических групп решили бойкотировать деятельность этого органа, так как в его составе не было ни одного представителя Индии. Куда бы ни направлялся «Комитет Саймона», везде его встречали многочисленными антианглийскими демонстрациями. В октябре 1928 года, когда комитет прибыл в Лахору, они не смогли ехать по городу, так как демонстранты заблокировали все дороги. Тогда суперинтендант Скотт, начальник полиции, приказал своим людям разогнать толпу, применив свои дубинки. Демонстрантов возглавлял известный политический деятель Пенджаба по имени Пенджаб Кешири Лала Ладжпат Рай. Он был жестоко избит полицейскими и вскоре скончался от полученных ран. «Республиканская ассоциация полуострова Индостан» во главе с Бхагат Сингхом и Шукдевом решили отомстить за убийство путем проведения расправы над суперинтендантом Скоттом, человеком, приказавшим применить дубинки. Была организована

засада, но был захвачен не тот человек. Кончилось тем, что Бхагат Сингх убил вместо Скотта помощника суперинтенданта. На следующий день в Лахоре повсюду были развешаны объявления, что «Социалистическая республиканская армия полуострова Индостан» отомстила за смерть Пенджаба Кеири Лала Ладжапата Рая, — таким образом они публично обнародовали свое преступление.

Затем Бхагат Сингх решил, что революционное движение должно привлечь больше народных масс. Другьям он заявил о своем намерении бросить бомбу малой мощности в правительственное собрание, а затем сдать полиции. Убийство кого-либо не входило в его планы, просто он хотел использовать последующий судебный процесс как платформу для ведения революционной пропаганды.

Этот акт получил отражение в массах. Несмотря на то что из-за взрыва бомбы никто не пострадал и Бхагат Сингх тут же сдался полиции, этот акт насилия подтолкнул английское правительство к активным мерам пресечения таких действий. Все известные революционеры и их знакомые были арестованы и допрошены. Некоторые стали информаторами полиции. Они раскрыли месторасположение заводов, выпускающих бомбы в Лахоре и Сахаранпуре. После обыска этих мест полиция обнаружила там несколько тысяч бомб. А у Бхагата Сингха при обыске нашли пистолет, из которого был убит помощник суперинтенданта. Ему предъявили обвинения в убийстве и других преступлениях.

Были арестованы и посажены в знаменитую тюрьму, известную под названием «Лахорская тюрьма для заговорщиков», многие революционеры. Пападжи не был причастен к этому заговору, но многих его друзей арестовали и вынесли им приговор. Я показал ему список осужденных и попросил его отметить имена тех людей, которых он знал лично. Имена знакомых ему людей приведены ниже вместе с вынесенным им приговором:

1. *Бхагат Сингх — повешение.*
2. *Шукдев — повешение.*
3. *Шиврам Раджсуру — повешение.*
4. *Джайдев Капур — пожизненное заключение.*
5. *Кишори Лал — пожизненное заключение.*
6. *Кундан Лал — семь лет тяжелых работ.*
7. *Джатиндранат Дас — умер при голодовке в тюрьме до вынесения приговора.*

Он также пометил имя Дешираджи — в конце судебного разбирательства его оправдали. Первоначально были обвинены двадцать пять человек, и только шестнадцать предстали перед судом. Седьмой человек в списке Пападжи — Джатиндранат Дас — приехал из Бенгалии, чтобы научить пенджабских революционеров изготавливать бомбы, и он был тесно связан с двумя заводами, раскрытыми в Лахоре и Сахаранпуре. В книге «Интервью с Пападжи» Пападжи признает, что «Партия революционеров» научила его изготавливать бомбы.

«Лахорская тюрьма для заговорщиков» разрушила революционные группы в Лахоре, но уцелевшие революционеры решили нанести последний ответный удар за потерю большого количества своих товарищей. Было решено подорвать специальный поезд, на котором должен был ехать главный представитель правительства Британии в Индии. Пападжи принимал активное участие в подготовке этого, хотя самолично и не участвовал в подрыве поезда.

Когда я первый раз попросил Пападжи рассказать о том, кто был задействован в этом подрыве, он ответил: «Моя совесть не позволяет мне раскрывать подробности». Но совсем недавно Пападжи признал, что человек по имени Гансрадж Радист был активным участником этого акта. Такое имя он получил благодаря тому, что был одним из первых в Индии, кто продемонстрировал передачу радиосигналов. Позже он применил свои технические и

нические знания при конструировании для революционеров бомбы, управляемой на расстоянии.

Группе революционеров удалось подорвать поезд с представителем английского правительства, но сам представитель не пострадал, так как бомба была заложена не под тем вагоном, в котором он ехал. Это был последний ожесточенный акт пенджабских революционеров, потому что вскоре после этого был убит в перестрелке с полицией единственный оставшийся на свободе лидер революционеров Чандрасекар Азад.

Антианглийская деятельность Пападжи не ограничивалась только изготовлением бомб и пропагандистскими речами. Он рассказывал еще о двух эксцентричных проектах, нацеленных на борьбу с английскими чиновниками.

Дэвид: Как-то вы сказали мне, что еще в школьном возрасте планировали собрать всех духов на местном кладбище, так как считали, что если вам удастся получить контроль над ними, вы сможете направить их силу на борьбу против англичан.

Пападжи: Да, я рассказал своим друзьям в «Партии революционеров» о таком плане, но они только посмеялись надо мной. Но, в любом случае, это меня не остановило. В какой-то книге я вычитал об этой практике. В ней говорилось, что если читать мантры всю ночь на кладбище (и так на протяжении двадцати одного дня), то явится могущественный дух и исполнит мое приказание. Я полагал возможным применить силу одного такого духа в борьбе с англичанами. Я знал, что мои родители не одобряют мое ночное пребывание на кладбище в течение трех недель, поэтому я сказал им, что ночевать буду у одного своего друга все эти три недели.

«Мы должны вместе готовиться», — сказал я.

Моим родителям всегда было приятно слышать это, поскольку они знали, как мало времени я уделял учебе.

В течение трех недель я сидел по ночам на кладбище, повторяя нараспев мантры. В конце двадцать первого дня передо мной предстал отвратительно страшный дух и спросил, чего я хочу. У него были рога, длинный острый нос, закругляющийся на конце, и рот, полный черных зубов. Я был страшно напуган. Волосы встали дыбом, и я остолбенел от страха.

«Чего ты хочешь? — повторил дух. — Я могу дать тебе все, что пожелаешь. Я очень доволен твоим *тапасом*. В любое время твое желание будет исполнено».

Слово тапас обозначает суровые практики, часто с применением умерщвления плоти. Традиционно их исполняли для получения духовной власти или благословения от богов.

Я был так напуган, что убежал и больше никогда туда не возвращался. Я не знал, может ли дух быть полезным в борьбе с англичанами, но спустя много лет его услуги все-такигодились. Я бродил в Гималаях, и меня мучил страшный голод. Вокруг не было никаких поселений, и мне неоткуда было взять пищу. И вдруг я вспомнил о том духе, который появился передо мной много лет назад, обещая дать все, что я захочу, как только я его позову.

Я подумал: «Посмотрим, может ли он сделать что-нибудь полезное».

Я вызвал его, и, к моему большому удивлению, он тут же появился. На этот раз я совсем его не испугался.

«Я голоден, — произнес я. — Ты доставляешь пищу в такие отдаленные места?»

Дух тут же предоставил мне свежие фрукты, которые растут только на равнинах. Он исчез, и я больше никогда не прибежал к его услугам.

Дэвид: У вас был и другой проект — стать невидимым и застрелить районного судью в английском клубе, будучи уверенным, что это преступление не раскроют. Вам удалось осуществить свою задумку?

Пападжи: Я нашел копию «*Йога-сутр*» Патанджали в местной библиотеке. В ней был раздел о том, как обрести восемь различных *сиддх*, или духовных сил. Одной из таких сил была способность становиться невидимым.

Я подумал: «Такая способность могла бы пригодиться. Англичане принесли нам столько бед. Если бы я был невидимкой, я бы мог принести массу хлопот англичанам».

В это время Бхагат Сингх, Шукдев и Раджгуру уже были повешены. А я пришел к заключению, что обычными методами нам не победить англичан, — в то время Британия была одной из сильнейших держав в мире. Она располагала огромной армией и морским флотом. Тысячи подготовленных и вооруженных солдат с легкостью могли подавить мятеж плохо вооруженных и обученных жителей Индии. После того как была брошена в собрание одна маленькая бомба, они стерли все наше революционное движение.

Так что ж, подумал я, представим, что я стал невидимым. Если мне повезет, я смогу пробраться в клуб с револьвером и вышибить мозги районному судье. Только будучи невидимым, можно было пробраться в этот английский клуб, так как людей со смуглой кожей туда не пропускали.

Я также хотел отомстить некоторым тюремным надзирателям, которые плохо обращались с политическими заключенными. Я как-то прочитал в газете, что один надсмотрщик заставлял заключенных стоять по колено в реке всю ночь. Я знал, где это происходило и что вода в той самой речке была ледяной. И каждый раз, когда он разрешал им выйти из воды, он начинал вести

допрос. Он спрашивал имена людей, принимавших участие в антианглийской деятельности. Если они не признавались и продолжали упорствовать, их избивали и бросали опять в воду. Я хотел убить и этого человека.

Я подумал: «Сначала я избавлюсь от районного судьи, потом, если мне это удастся, я приду в ту самую тюрьму и разделаюсь с тюремщиком».

Но мои намерения не осуществились. Невозможно овладеть такими *сиддхами* за один вечер. На это уходят годы трудоемкой практики. Спустя много лет я встретил в Харидваре человека, который мог ходить по поверхности Ганга. Он овладевал этой техникой сорок лет. Мне же не терпелось осуществить свое намерение сразу. Я не мог ждать сорок лет. И я сдался после первых своих неудачных попыток.

В отличие от второй истории, которая, по всей вероятности, происходила в 1930-е годы, практически вся революционная деятельность Пападжи пришлась на тот период, когда он еще учился в школе. Его детство и юность были чрезвычайно насыщены событиями. Мы уже узнали о его видениях Кришны, глубоком мистическом опыте, революционной деятельности и занятиях спортом, а теперь, для полноты картины, необходимо отразить другую грань раннего периода жизни Пападжи — годы его юности.

Еще в школе у него открылся талант писать стихи на урду. Родной язык Пападжи — пенджаби, но образовательная система того времени предусматривала систему перехода в высшее учебное заведение тех, кто сможет выполнять канцелярскую работу в английских конторах. Чтобы устроиться на такую работу, необходимо было сдать вступительный экзамен по персидскому языку и урду, вот поэтому эти предметы и были включены в школьную программу и излагались достаточно подробно. Урду был официальным языком местного правительства, а

знание персидской литературы на этот период было показателем степени образованности жителя Пенджаба, так же как знание латинского и греческого языков было необходимо для многих европейцев того времени.

Персидский и урду я изучал в школе и во мне проснулся глубокий интерес к этим языкам. Я нашел несколько человек, которые очень хорошо знали данные языки, и дополнительно ходил к ним заниматься. Я брал уроки у некоторых хороших писателей и поэтов, и они учили меня классическому варианту этих языков.

Рано познакомившись с хорошей литературой, я проявил глубокий интерес к поэзии. Я принимал участие в школьных соревнованиях, которые проводили в праздничные дни, и даже получил приз за чтение своей поэмы «Весенний сезон». Возможно, любовь к поэзии перешла ко мне от матери (она сочинила несколько песен на пенджаби). Вся наша семья очень любила изучать литературу. Две мои сестры тоже сочиняли стихи на урду и пенджаби. Мне все еще нравится слушать стихи в исполнении поэтов, но сочинять самому уже не хочется.

В то время отличительной чертой пенджабской культуры были поэтические конкурсы. Конкурс проводился с заданной тематикой на урду. Участникам давали задание сочинить новый стих, соблюдая определенную тему, размер и ритм. Стихи оценивали писатели и поэты, а призы присуждали сочинителю лучших стихов. Литературный псевдоним Пападжи — Каусар. На протяжении нескольких лет он использовал его везде, где ставил свое полное имя.

В детстве у Пападжи и у всех членов его семьи была приставка к имени — «Шарма». Это было позволено делать всем браминам. После окончания школы Пападжи предпочел использовать имя «Пунджа». Все индусы

принадлежали к определенной подгруппе, или категории. Такие категории называются «готры». И именем готры Пападжи было Пунджа. Данное ему имя, Харивани Лал, можно перевести как «рубин в большой семье Бога».

После успешной сдачи выпускных экзаменов отец Пападжи, Пармананд, решил, что его шестнадцатилетнему сыну надо немедленно приступить к работе. Это было связано с тем, что семье, в связи с ее увеличением, нужен был дополнительный доход. Также Пармананд считал, что Пападжи уже пора жениться. В те времена было вполне естественно для пенджабских юношей обзаводиться семьей в шестнадцать лет, а их женами становились еще более молодые девушки. За исключением очень редких случаев, все браки решали родители обеих сторон.

Пападжи не был готов к браку, но тем не менее согласился на предложение своего отца. Пармананд выбрал подходящую девушку, которую звали Видьявати. Она жила в Мултани, большом городе, где он работал начальником станции. Итак, свадьба состоялась, когда Пападжи было шестнадцать лет, а его супруга отметила свое четырнадцатилетие.

Я расспросил Пападжи, как он обеспечивал свою семью в начале брака. Ответ был таков:

После моих выпускных экзаменов отец не мог позволить, чтобы я продолжил обучение в колледже в Лахоре, так как моим сестрам и братьям тоже надо было получить образование. Денег было недостаточно для того, чтобы мы все ходили в образовательные учреждения одновременно. Как-то я увидел в газете «*The Tribune*» объявление, что в одной компании открыта вакансия на место представителя, занимающегося хирургическим оборудованием и спортивными товарами. Компания располагалась в Сиял коте. Я обратился к работодателям и получил это место. Работа продавцом предполагала частые разъезды по стране.

Приехав в командировку в Бомбей, я нашел постоянную и хорошо оплачиваемую работу в фирме, находящейся в Карачи. Там я выполнял свои прежние функции. Я привез жену в Бомбей, и мы обосновались в одном из городов штата Гуджарат. Это была хорошая работа. Я зарабатывал достаточно денег, чтобы содержать жену и детей, а остальные деньги отсылал домой в Лаялпур.

До того как Пападжи получил работу в ранее упомянутых компаниях, он открыл свое дело в Лаялпуре и управлял им в течение некоторого периода времени. Пападжи открыл несколько магазинов, где работали члены его семьи, а затем устроился в фирму, располагающуюся в Сиял коте. Сумитра более подробно рассказывает об этом периоде.

Дэвид: Чем Пападжи занимался после окончания школы?

Сумитра: Он женился, когда ему было шестнадцать лет, но редко бывал дома. Он все время был в разъездах или по делам бизнеса либо посещал святыне места и святых. В те дни его жена совсем не была против его отсутствия в доме.

Бхаи Сахиб как-то сказал: «Желание отправиться в паломничество находило поддержку со стороны моей жены».

Он имел в виду, что в любое время мог посетить святыне места, так как она никогда не жаловалась и не предъявляла претензий относительно этой стороны его жизни.

Дэвид: Почему Пападжи переехал в Бомбей после нескольких лет работы в Лаялпуре?

Сумитра: Не знаю. Я не помню.

Сумитра разговаривала со мной на пенджаби, поэтому ее ответы переводила Шивани, дочь Пападжи. В этот момент нашего разговора Шивани задала свой вопрос: «Может, он нашел девушку в Бомбее? Он переехал ради нее?»

Сумитра: Нет. На него это не похоже. Он никогда не увлекался девушками. Ему нравилось слушать музыку, но он никогда не разрешал в доме включать песни с недуховным или вульгарным текстом. Он никогда не позволял никому из братьев и сестер слушать песни с сексуальной тематикой.

Дэвид: Что у него была за работа? Что он делал, чтобы обеспечивать жену?

Сумитра: Когда наш отец уволился, мы все обосновались в Лаялпуре. А так как *Бхаи Сахиб* был старшим сыном, он должен был обеспечивать и нас. Он открыл универсальный магазин, в котором продавали чай и другие продовольственные товары. Постепенно бизнес стал расти, и наша семья стала контролировать пять магазинов, расположенных на одной улице. *Бхаи Сахиб* открыл и магазин, где продавал женскую косметику. Перед тем как переехать в Бомбей, он сам был управляющим этого магазина.

Когда отец ушел с занимаемого им поста, то получил со службы некоторую сумму денег. Раньше пенсия не выплачивалась ежемесячно. Всю сумму Пармананд отдал своему старшему сыну и попросил его распорядиться ею должным образом. *Бхаи Сахиб* вложил данную сумму в некоторые земельные участки, которых мы лишились в процессе раздела территории. После ухода отца на пенсию вся ответственность за обеспечение и поддержание семьи финансами ложилась на плечи *Бхаи Сахиба*.

Отец всегда ценил и уважал *Бхаи Сахиба*. Примерно за десять лет до смерти он написал в своем дневнике: «Мой сын Хариванш Лал — мой гуру». Я сама видела эту запись.

Выжившие дети Пападжи — Шивани и Сурендра — родились в 1930-х годах (в 1935 году родилась Сурендра, а в 1936 году — Шивани). Другой ребенок, дочка по имени Рамини, умер еще в младенчестве. Я попросил Пападжи рассказать о причине ее смерти, и вот как он прокомментировал мой вопрос:

Одна из моих дочерей заболела, и ее положили в больницу. Ей было три годика. Жена осталась с ней, чтобы присматривать за малышкой. По утрам я обычно приходил к ним и приносил им еду. Несколько дней спустя в дом вошла жена с ребенком на руках.

Я очень удивился, когда их увидел.

«Она поправилась?» — спросил я. «Нет, — ответила она. — Она умерла. Я принесла ее тело домой».

При появлении жены мне и в голову не могло прийти, что моя дочь умерла, так как моя супруга никаким образом не проявляла признаки горя.

Я взял у нее тело и отнес его на место захоронения. Наш сосед помог мне похоронить девочку. В нашем обществе принято умерших до пяти лет детей хоронить в земле, а не кремировать. Я выполнил необходимый похоронный ритуал автоматически.

В Бомбее Пападжи с женой прожили много лет. Его работа в качестве менеджера предоставила ему широкие возможности путешествовать по всей Индии. К тому же он совершал паломнические поездки на священные места или к знаменитым свами. Он ездил в Нашик, штат Махараштра, чтобы встретиться со свами по имени Сатчитананда. В другой раз он посещал Ришикеш и

общался со свами Пурушоттаманандой, известным учителем, жившим в пещере в нескольких милях севернее города. Так как Пападжи все еще поклонялся форме Кришны, он искал свами, который смог бы его научить, как по своему желанию вызывать Кришну. Никто из этих свами не смог ему помочь. В этот период Пападжи продолжал активно заниматься медитацией и выполнять джапу, но через эти практики у него не всегда были видения Кришны.

Огромное впечатление у Пападжи осталось после общения со свами Нитьянандой, гуру свами Муктананды. В те годы, когда Пападжи работал в Бомбее, свами Нитьянанда жил поблизости, и один из соседей Пападжи пригласил его пойти к нему вместе.

Впервые я встретил Нитьянанду в 1932 году. Мой сосед Пурушоттам ехал в Ваджрешвари, чтобы получить его *даршан*, а я решил составить ему компанию. Так как дорога была неблизкой, мы поехали на его машине. Пурушоттам играл на бирже и хотел лишь получить совет у Нитьянанды, следует ли ему вкладывать свои деньги. Местечко Ваджрешвари, где жил Нитьянанда, славилось своими серными источниками. Много людей приезжали туда лечить кожные заболевания, артриты и другие недуги, принимая ванны, насыщенные серой.

Рано утром мы отправились в путь. По прибытии все члены нашей группы упали ниц перед великим свами. Мой друг, его жена, их дочь и дядя — все они в почтении распростерлись у ног свами, но, когда я опустился перед ним на колени, мне он не позволил дотронуться до его ног.

Все тут же решили, что причина этого кроется в том, что я большой грешник. Им стало интересно, что же такого ужасного я совершил, чтобы заслужить его немилость. До сих пор свами ничего не сказал, и я последовал его примеру.

Когда Пурушоттам рассказал мне свою версию, я ответил: «Я честный человек. Я прихожу в свой офис в 9 часов утра, работаю целый день и иду домой в 6 вечера. Я тяжелым трудом зарабатываю свои деньги. Ты всего лишь навсего игрок, который приходит сюда только затем, чтобы узнать, каким образом увеличить свое состояние».

В течение всего дня к Нитьянанде приходили люди, простирались перед ним и оставляли подарки. Во время трапезы прибывшим людям было позволено есть рядом с ним.

В тот вечер, когда наша группа собиралась уйти, он указал на меня и сказал, что я должен остаться.

«Но завтра я должен явиться на работу», — запротестовал я.

Но он не позволил мне уйти. В конце концов я попросил моих друзей зайти в офис и передать начальнику мое заявление с просьбой предоставить мне двухдневный отпуск в связи с непредвиденными обстоятельствами.

«Этот человек — святой, — сказал я, — поэтому я не могу не повиноваться ему, когда он говорит мне остаться. Расскажите моему начальнику, что произошло, и передайте ему, что я вернусь как только смогу». «Но как же ты доберешься назад? — удивились они. — У тебя нет машины, а это место находится глубоко в джунглях». «Завтра я решу эту проблему, — ответил я. — Этот человек хочет, чтобы я остался, — я остаюсь».

Многие из тех, кто приезжал к нему, спекулировали золотом и хлопком. Нитьянанда никогда ни с кем из них не разговаривал, но часто делал руками странные жесты. Торговцы задавали ему вопросы о будущей цене на золото, а затем принимали его движения рук за ответ.

Мы целую ночь просидели вместе, но не проронили ни слова. Он так и не сказал мне, почему попросил меня остаться. Мы просто сидели всю ночь вместе. Никто

из нас не спал. Перед тем как уйти, я получил от него монетку в две анны*. Эта монета очень маленького достоинства. В те дни одна анна составляла одну восьмую рупии. Утром он попросил одного бизнесмена по имени Диншав отвезти меня обратно в город на своей машине.

Потом, когда я встретился с Пурушоттамом и его семьей, им всем было очень интересно, что же Нитьянанда сказал мне.

«Ничего, — ответил я на их расспросы. — Он не разговаривал со мной, а я с ним».

А когда я показал ему подаренную Нитьянандой монету, он тут же захотел купить ее у меня.

«Если я получу эту монету, мое дело начнет процветать, — сказал он. — Сколько ты хочешь за нее?»

Я не хотел с ней расстаться. У меня было чувство, что я получил *прасад* от великого святого, поэтому я хотел, чтобы она осталась у меня.

На этой стадии своей жизни Пападжи не мог оценить истинное состояние Нитьянанды, но, встретившись с ним вторично в 1950-х годах, Пападжи заявил, что он был просветленным. При случае он упоминал, что Нитьянанда принадлежал к группе эксцентричных индуистских садху, которых иногда называют «агхори». Под это понятие подходят духовные учителя, которые ведут себя странным и не принятым в обществе образом, а также люди, которые игнорируют принятые социальные нормы поведения. Вот что Пападжи рассказал на одном из своих сатсангов в Лакнау:

Нитьянанда был *сиддхой пурушей* (реализованным), и он был агхори. У *агхори* нет учений. Обычно они бродят по свету, не разговаривая, не принимая ванн.

* Анна, ана — мелкая монета в Индии достоинством в 1/16 рупии. — Прим. перев.

иногда они обнажаются, а иногда носят старые разорванные мешки вместо одежды.

Когда я жил в Пенджабе, у нас в доме жил такой *агхори*. Многие образованные люди — адвокаты, учителя, бизнесмены — приходили к нему. Некоторые *агхори* даже прославились. Среди них был Ним Кароли Баба. Спустя много лет я увидел его прогуливающимся рядом с рекой Гомти. Он много времени провел в храме Ханумана, находящегося там. А другого *агхори* я встретил в 1950-х годах неподалеку от Кришнагири, когда ехал из Тируваннамала в Бангалор.

Встреча Пападжи с агхори из Кришнагири описана в главе «Управляющий земельными работами». Это тот самый предводитель садху, который материализовывал монеты, чтобы платить за танцы.

Создается впечатление, что годы жизни Пападжи в Бомбее не были насыщены особыми событиями. Несколько раз я расспрашивал его, чем он занимался в 1930-е годы, но он так и не смог припомнить какие-либо памятные происшествия. Хотя Пападжи как-то рассказал мне, что он настолько глубоко изучил местную культуру, что легко смог выдать себя за гуджарати. В Бомбее были две основные этнические и лингвистические группы — маратхи (их лингвистическая область главным образом простирается на восток и юг города) и гуджарати (этническая группа, преимущественно располагающаяся в северном регионе). Однажды Пападжи остановился у домовладельца, который сдавал комнаты только представителям группы гуджарати. Пападжи настолько хорошо владел языком, что ему не составило большого труда убедить его в том, что он был гуджарати. Но как-то, несколько месяцев спустя, к Пападжи неожиданно приехала жена, Видьявати. Языка она не знала, и одежда не соответствовала традиционному одеянию гуджарати, но к тому времени у хозяина дома и Пападжи установились

такие хорошие взаимоотношения, что он не лишил их жилья.

Иногда в голосе Пападжи звучит нотка ностальгии, когда он рассказывает о своих поездках к родственникам в Лаялпур на поезде, который курсировал между Бомбеем и Пешаваром.

В то время плата за проезд была невысокой, да и поезда редко были переполнены людьми. Мне всегда доставляло удовольствие совершать такие поездки, особенно в Лаялпур. Во время путешествия мне нравилось беседовать с людьми. Я подсаживался к какому-нибудь пассажиру и заводил разговор, а спустя некоторое время находил предлог, чтобы откланяться, — в поезде всегда можно найти много причин прервать беседу и пойти куда-нибудь еще. Бывало, все путешествие я ходил по поезду и заводил разговор с теми, кто, казалось, не возражал.

В середине или конце 1930-х годов Пападжи, должно быть, вернулся в Лаялпур на достаточно долгий период. Иногда он рассказывает о том времени, когда он был секретарем в «Арья Самадж» в Лаялпуре. Политическая деятельность, которую он вел от их имени, началась в середине тридцатых и закончилась в 1938 году.

Здесь я должен сделать небольшое отступление, чтобы представить некоторые данные об «Арья Самадж», так как деятельность членов этой организации отражает взгляды самого Пападжи в конце 1930-х годов, в особенности его политические и религиозные позиции, которых, по всей видимости, он придерживался.

Свами Даянанда Сарасвати основал «Арья Самадж» во второй половине XIX века. Хотя эта организация и была четко основана на ведическом индуизме, она проповедовала его чистую форму, в которой отрицалось большинство его известных положений. Члены этой организации

выступали против политеизма, особенно против поклонения идолам как дома, так и в храмах, не признавали «Пураны», отрицали роль священника как посредника между человеком и Богом, отвергали практически все ритуальные практики, включая паломничество, а также выступали против «неприкосновенности» и вековой традиции, по которой индуистские вдовы не могли вторично выходить замуж. Свами Даянанда изложил свои позиции в книге под названием «Сатьяртх Пракаш», впоследствии ставшей библией целого движения.

«Арья Самадж» укрепила свои позиции, особенно в Пенджабе. После того как в 1877 году такая же организация была создана в Лахоре, свами Даянанда сформулировал основные принципы организации, чтобы новые члены смогли подписаться под нижеследующим:

1. Источником всех знаний и всего, что подлежит познанию, является Парамешвара (Вседержитель, Бог).
2. Бог есть нечто существующее, разумное и благостное. Бог всемогущ, справедлив и милостив, вечен и свят, неизменен и бессмертен, бесконечен и свободен от страха. Он существовал всегда, бесформен, един, он — создатель, творец всего.
3. Веды — писание истинного знания. Первая обязанность члена «Арья Самадж» — прочесть, изучить их, самим цитировать и слушать их чтение.
4. Каждый должен всегда быть готов принять истину и отказаться от ложного.
5. Поступать в соответствии с предписаниями дхармы, а именно после должного размышления над тем, что хорошо и что плохо.
6. Главной целью данного общества является принесение пользы миру, а именно забота о физическом, социальном и духовном благосостоянии.

7. При взаимодействии с другими необходимо руководствоваться любовью и чувством справедливости, в соответствии с предписаниями дхармы.
8. Мы должны провозглашать видью (знание), и рассеивать авидью (невежество).
9. Мы не должны довольствоваться лишь своим благосостоянием, но должны искать свое благополучие в благополучии других.
10. Чтобы следовать альтруистическим положениям общества, необходимо ограничивать себя, в то время как для собственного благополучия необходима свобода.

Все кандидаты в членство данной организации должны были подписать документ в знак согласия с такими основополагающими принципами организации. Должно быть, Пападжи тоже поставил подпись, но сомневаюсь, что он подписался под всеми десятью пунктами. В течение всех этих лет он оставался истинным бхактой Кришны. Жизнеописание Кришны и его учение не относятся к Веданте, а следовательно, «Арья Самадж» не может считать их достоверными источниками.

На протяжении десятилетий после основания движения «Арья Самадж» открывала свои школы по всему штату Пенджаб. Несмотря на то что им приходилось придерживаться западного стиля образования, чтобы их ученики смогли после окончания поступать на правительственные должности и в высшие учреждения, принципы «Арья Самадж» продолжали широко пропагандироваться. В 1920-х годах Пападжи сам посещал одну из школ этой организации и, по всей вероятности, именно там познакомился с их идеалами и взглядами в последние годы пребывания в школе.

Период жизни Пападжи, ассоциирующийся с данной организацией, пришелся как раз на время обостренной борьбы. Чтобы привлечь жителей Индии к активным

действиям, проводились широкомасштабные кампании, также члены этой организации выступали против мусульманского правления в различных регионах страны, чьи законы шли вразрез с индуистскими принципами. С целью проведения агитационных кампаний были сформированы следующие учреждения: «Арья Ракиш» (защита арийцев) и «Арья Вир Дал» (арийская армия). Должно быть, Пападжи входил в одну из этих организаций, так как рассказывал, что, действуя в интересах «Арья Самадж», он вербовал и тренировал сотни молодых пенджабцев — готовил их к борьбе против политической дискриминации низама* Хайдерабада.

До установления независимости существовало много изначально самостоятельных «княжеских государств», возглавляемых своим правителем, как правило, махараджей. У них была определенная степень независимости в ведении внутренних дел. Хайдерабад был самым крупным из таких государств, а в период расцвета оно настолько расширило границы контролируемых им территорий, что стало обширней, чем большинство европейских стран. Низам, правитель этого государства, прослыл самым богатым человеком в Индии. К тому же он был фанатичным мусульманином. В 1930-х годах низам предпринял попытку ограничить деятельность «Арья Самадж», используя данные ему полномочия, так как он почувствовал, что данное движение пытается обратить мусульман в индуизм. В конечном итоге он запретил членам этой организации находиться на территории его государства.

Ответными действиями на такой запрет стали объединения сил населения в штате Пенджаб и массовая демонстрация тысяч индуистов против него. Все они были арестованы и посажены в тюрьму. При общем подсчете в тюрьмах Хайдерабада находилось 8000 участников демонстрации, относящихся к организации «Арья Самадж». Несколько сотен проходили подготовку у Пападжи.

* Низам — титул правителя Хайдерабада. — Прим. перев.

В конечном итоге низам отступил от своих позиций и выпустил участников движения из тюрем, позволив возобновить свою деятельность в его государстве. Это была главная и безоговорочная победа движения «Арья Самадж».

По окончании кампании Пападжи вернулся в Бомбей и возобновил свою работу. Там он жил и работал вплоть до 1942 года. В начале 1942 года он сделал шаг, который, казалось, в корне противоречил тому, что он так яростно выступал против английского правления в Индии. Он подал заявление о зачислении на курс военной подготовки жителей Индии в ряды английской армии. Заявление было принято.

Шла Вторая мировая война, и полным ходом шел процесс призыва в армию. Сначала военнослужащие проходили трехлетний курс в Индийской военной академии, но вскоре после того, как началась война, срок был ограничен до шести месяцев.

Пападжи не случайно стал сторонником английского правления. Он преднамеренно использовал свое время в армии, чтобы получить соответствующую военную подготовку за счет английского правительства.

Многие из нас, выживших революционеров, предприняли необычный шаг. Шла Вторая мировая война, и английское правительство активно набирало индийских солдат в свою армию. Мы решили, что должны присоединиться к армии, узнать способы ведения войны, тактику и стратегию, а уж затем, когда придет наше время, мы нанесем внезапный удар или направим свое оружие против англичан. Также некоторые из нас считали, что, усвоив искусство ведения войны, мы сможем дезертировать и присоединиться к индийской национальной армии, которая совместно с японцами воевала против англичан. Я подал прошение о зачислении меня на курс подготовки военнослужащих в Индийскую военную академию и был принят тут же. К счастью,

у англичан не было никаких записей относительно моей военной деятельности.

Пападжи прекрасно понимал, что революционеры-пенджабисты были чрезвычайно плохо обучены и вооружены в конце 1920-х и начале 1930-х годов. Они не были компетентны в военном деле, чтобы весь свой пыл обратить в серьезные атаки против английского правления. «Республиканская ассоциация полуострова Индостан», главная революционная организация, достигла очень малых результатов. Вскоре после ее основания многие члены данной организации были арестованы при ограблении банка в Какори, целью которого было увеличение денежных средств, предназначенных для революционных целей. Вследствие этого некоторые основатели ассоциации были повешены по обвинению в причастности к ограблению. Попытка убить суперинтенданта Скотта закончилась провалом, так как один из членов партии ошибся в его опознании. При подрыве специального поезда, на котором должен был ехать главный представитель правительства Британии в Индии, был взорван не тот вагон. Лахорская тюрьма для заговорщиков принесла известность революционному движению, но нельзя сказать, что эта известность относилась к категории успешных достижений, поскольку в конечном итоге это движение распалось. Оставшиеся в живых лидеры группы прожили недолго. Бхагаватичаран Вохра, принадлежащий к «мозгу» движения, случайно подорвался, вскоре после того как изготовил бомбу, в то время как Чандрасекар Азад, командир республиканской ассоциации, был убит в перестрелке с полицией в 1931 году. С его смертью партия погрузилась в забвение.

Другое событие стало показателем непрофессионализма деятельности революционеров. В 1928 году было запланировано другое ограбление банка с целью пополнения денежных средств, которые предназначались для революционного движения. Чандрасекар Азад, Бхагат Сингх,

Шукдев, Раджгуру, Гансрадж Мохра и другие составили план ограбления пенджабского национального банка в Лохоре. В связи со своей бедностью они не могли позволить себе иметь собственное средство передвижения и взяли напрокат такси. Те, кто по плану должны были грабить, ждали снаружи банка, но такси так и не приехало. С большим опозданием подкатила взятая напрокат тонга, запряженная лошадьми двуколка, управляемая одним из членов организации. Вновь прибывший рассказал, что никто не смог завести такси. Ограбление не состоялось.

На собственном опыте Пападжи усвоил, что плохо подготовленные и оснащенные группы не могут добиться успеха в борьбе против английского правления. Но разразившаяся война предоставила выжившим революционерам замечательную возможность получить должную подготовку, доступ к современному вооружению и боеприпасам.

Иногда Пападжи задают вопрос, почему он, будучи бхактой Кришны, вступил на такой жестокий путь. Обычно, отвечая на данный вопрос, он ссылается на жизнь самого Кришны и на тот совет, который Кришна дал Арджуне на поле битвы Курукшетры. Так же он ответил и одному посетителю в 1995 году, который хотел узнать причины, побудившие его выбрать в юности путь насилия.

Именно потому, что я был истинным бхактой Кришны, я и выбрал путь борьбы. Сам Кришна был воином и говорил своему преданному Арджуне сражаться за то, что принадлежит ему. В *Махабхарате*, когда армии готовились к бою, Арджуна сказал Кришне о своем нежелании принимать участие в этом сражении, так как армию противника возглавляли его родственники и бывшие учителя. Кришна убедил его участвовать в сражении.

Вот что Кришна сказал по этому поводу: «Люди, вставшие против тебя — недостойные люди, они заслужили смерть за свой поступок. Убить их — твой долг и обязанность — не убегай от этого».

В чем эти люди провинились? Они захватили царство Арджуны нечестным путем. А англичане захватили мою страну, так почему же я не должен бороться за нее?

Арджуна все еще не мог решиться на убийство всех этих людей, и Кришна сказал ему: «Ты не убиваешь их. Это делаю Я. Я решил, что они должны умереть за то, что совершили. Отдай свой ум Мне. Ты — лишь орудие в Моих руках. Теперь иди и разгроми своих врагов. Я буду наблюдать за тобой, а когда битва закончится, ты снова станешь во главе своего царства».

Арджуна сражался на благо своей страны. Он боролся за восстановление мира на своей земле. Рама тоже должен был вступить на путь войны, когда у него вероломно отняли жену. В таких обстоятельствах эта борьба правое дело. Плохо убивать невинных людей, но когда кто-то отобрал у тебя землю и свободу, твой долг идти и сражаться за правое дело. Лучше умереть, чем жить в рабстве.

Это прекрасно — жить в гармонии и покое, но мир не таков. Иногда ты должен бороться за справедливость и покой в мире.

На Западе законы морали, в основе которых лежат иудейско-христианские религиозные принципы, рассматриваются как универсальные. Другими словами, все должны подчиняться именно этим законам. Индуизм придерживается другого мнения. У каждой индуистской группы есть свои законы и обязательства. Воины, например, обязаны защищать территорию своих правителей и блюсти соблюдение законов, установленных в их царстве. Считается, что воин, нарушивший свою дхарму, кодекс чести своей группы, тем, что медитирует, вместо того чтобы сражаться, совершил грех. С другой стороны, монах, участвующий в сражении, также совершает грех, так как осквернил дхарму данной группы. Пападжи выбрал путь воина и соблюдал дхарму выбранного им пути, яростно сражаясь за свободу своей страны.

Общий снимок «Группы Джей», предположительно сделанный в сентябре 1942 года. Пападжи обведен кружком.

Пападжи начал проходить армейскую подготовку в апреле 1942 года. Самая старая уцелевшая фотография относится именно к этому периоду. Это общая фотография «Группы Джей». Фотографии и пленки, сделанные до 1947 года, были потеряны в суматохе, причиной которой стало разделение Индии. В это время дом и все имущество было захвачено и разграблено, а все документы и фотографии потеряны.

Несмотря на то, что военная подготовка была физически тяжелой, казалось, Пападжи она нравилась. В более юные годы он всегда любил физические соревнования и преуспевал там, где требовалась сила и выносливость. Вот некоторые воспоминания Пападжи из его армейской жизни:

В 1942 году, когда Пападжи начал проходить армейскую подготовку, военная обстановка складывалась не в пользу английской Индии. Японцы наступали с востока, в то время как немцы и итальянцы угрожали

с запада. Итальянские войска не представляли большой угрозы. Тысячи солдат, сдавшихся при битве в Африке, были изолированы в лагере около Дехрадуна, и меня назначили охранять их. Я обнаружил, что большинство пленников были торговцами, призванными на военную службу, и они не проходили военной подготовки. При первой же возможности они поднимали руки вверх и сдались. Они не хотели сражаться и умирать, а лишь находиться где-нибудь в безопасном месте, пока война не кончится. Некоторые из них пекли прекрасный хлеб и охотно делились со своей охраной. Намного больше волнений доставляли японцы, представлявшие угрозу вторжения в Индию с востока. Они пересекли границы Бирмы (в то время Бирма входила в состав Индии) и продолжали захват остальной части Индии.

Японцы считались хорошими бойцами, искусно ведущими рукопашный бой, поэтому занимающийся нашей подготовкой старший сержант Синклер был призван научить нас японской технике рукопашного боя, при которой противники наносили кулаками удары в уязвимые части тела. Во время этих тренировок сержант из Шотландии работал с каждым из нас по очереди, чтобы мы могли усвоить особенности этой техники. Это были грубые и жестокие уроки, в процессе которых были госпитализированы несколько кадетов, включая и меня. Во время одного такого учебного боя с ним я сломал себе большой палец и мизинец правой руки.

Этот человек недолго любил индусов. Он никогда не скупился на расовые оскорбления и сквернословил на наш счет. Создавалось впечатление, что в армии ни одно предложение не считалось законченным, если оно не содержало по крайней мере двух матерных слов. Старший сержант Синклер целый день осыпал нас руганью, высмеивая нас, как он говорил, за нашу расовую неполноценность. Такое поведение обозлило меня, так что, когда в следующий раз он вызвал желающих

сразиться во время одной из так называемых тренировок, я вышел вперед. На этот раз схватка была славной: я использовал свои умения реслинга и держал его на близкой дистанции. При такой борьбе он не мог применить свои особые удары. Он попытался сдавить горло, но мне удалось избежать этого захвата, так как я нанес ему удар в пах. Никто не возражал против той жестокости, с которой мы вели бой. Нас всех готовили к войне, и мы все осознавали необходимость быть сильнее, жестче и грубее.

Чтобы сражаться на войне, нужны дисциплина, уверенность и согласованность действий с другими солдатами и бесстрашие. Эти качества постепенно воспитывались во время наших тренировок. Если кто-то из нашего взвода допускал оплошность или нарушение устава, то весь взвод нес наказание. Такие правила научили нас жить командой, чувствуя ответственность друг за друга. Когда на учениях по нам открывали огонь холостыми патронами, мы учились подавлять в себе страх и двигаться вперед, а не назад. Такую реакцию и поведение нужно было воспитывать, так как они не заложены в человеке.

Мы постоянно совершали кроссы на двадцать миль*, а также нас посылали на марш-броски, где мы весь день шли с винтовками и тяжелыми рюкзаками за спиной. Нас учили стрелять из винтовок, и вскоре у меня обнаружился природный талант в этом деле. Во всех соревнованиях по стрельбе я попадал в десять мишеней из десяти. Также проводились тренировки, в которых нас обучали, как передвигаться самим и перевозить снаряжение в условиях сражения.

Как-то мы совершали марш-бросок к Ямунотри, устью реки Ямуны. Это живописное место располагалось на высоте более десяти тысяч футов. Мы разбили свой лагерь здесь. Там мы проходили проверку на прочность,

* Сухопутная миля = 1605 м. — Прим. перев.

изрядно позабавив местных фермеров. Они никогда не слышали об Адольфе Гитлере и даже не знали, что шла война. Они сидели и смеялись над странными людьми, шныряющими там и сям с тяжелыми тюками на спинах.

Как-то один из английских офицеров предложил сделать привал и искупаться в реке. Несмотря на то что вода была ледяной, мы все с радостью воспользовались возможностью отдохнуть и охладиться. К моему большому удивлению, англичане скинули с себя всю одежду и нагишом прыгнули в воду. Я же купался в нижнем белье, так как смущался появиться на людях обнаженным. В Индии никто не купается нагишом, даже когда никого нет поблизости.

Один из офицеров окликнул меня и высмеял.

«Что с тобой? — спросил он. — Что особенного спрятано у тебя в штанах, что ты не раздеваешься? Ты что, не такой, как все остальные?»

Другие английские офицеры набросились на меня, стащили панталоны и бросили меня в реку.

Я всегда был очень стеснительным, что касается появления на публике обнаженным. В 1970-х годах я был во Франции, и мы с друзьями пришли на nudistский пляж, где все были голыми, кроме меня.

Ко мне подошел один маленький мальчик, показал на мои плавки и спросил свою мать: «Что за странная вещь на нем?»

Другие люди на пляже тоже рассмеялись, но никто не стал раздевать меня насильно и бросать в воду.

Жестокость и безжалостность армейской подготовки не смогли погасить тот духовный огонь, который продолжал пылать во мне. Я помню один случай, произошедший со мной во время марш-броска нашего взвода. Нас было около тридцати человек, мы продвигались по три в ряду. Я находился где-то в центре. На спине у меня был рюкзак весом около десяти килограммов, тяжелая винтовка, противогаз на левой стороне

ремня, а на правой — фляжка с водой. В процессе ходьбы я погрузился в состояние интенсивного экстаза. Я забыл об усталости и тяжести своего обмундирования и целый день промаршировал, не осознавая ничего вокруг, — лишь интенсивное внутреннее ощущение блаженства. Когда в конце дня я пришел в лагерь, я вдруг осознал, что не помню событий этого дня. Блаженство полностью стерло их.

Состояние счастья и блаженства, которое посетило Пападжи еще в детстве, всегда было с ним, так же как и образ Кришны. Они никогда не исчезали, а оставались фоном, на котором развивались другие события.

Это может показаться странным, но моя одержимость Кришной и любовь к нему никогда не покидали меня даже во время войны. Меня уносили волны блаженства, стоило мне лишь подумать о Кришне, и я часто обнаруживал, что нахожусь в том экстатическом состоянии, в котором терял контроль над своим телом. Например, однажды я услышал, как кто-то произнес имя Кришны, когда я шел по улице города. Простое упоминание его имени привело меня в такое состояние экстаза, что я с трудом мог контролировать себя. Во мне разлилась волна *бхакти*, и я практически вошел в состояние транса посреди улицы.

По окончании службы Пападжи присвоили звание младшего лейтенанта. Он был назначен на должность интенданта, офицера, отвечающего за закупки и поддержание ресурсов. Когда его взводу что-либо требовалось, он посылал запрос на армейский склад. Если на складе не было требуемого, он получал письменное уведомление, в котором говорилось следующее: «Покупка на месте». Это означало, что все необходимое он должен попытаться приобрести у местных официально назначенных

поставщиков. В связи со Второй мировой войной масштабы армии значительно возросли за короткий период времени, и предметы невоенного предназначения было трудно достать через официальные армейские каналы. Вследствие этого у интендантов была возможность покупать все необходимое через местных агентов. Пападжи воспользовался сложившимся положением, чтобы увеличить доход своей семьи. Магазины, принадлежащие членам семьи Пападжи, были переоборудованы в небольшие фабрики, выпускающие товары для английской армии. Сумитра помнит некоторое из того, что они производили.

В 1940-х годах, когда *Бхаи Сахиб* служил в армии, он делал у нас большие заказы. Он был начальником снабжения и мог позволить размещать крупные заказы за счет армии. В военный период в наших пяти магазинах производилось большое количество мыла и крема для обуви, которые Пападжи затем у нас покупал. Такие заказы приносили нам много денег.

По всей вероятности, у Пападжи была договоренность с одним из местных армейских подрядчиков покупать необходимые принадлежности у его семьи. Это было нелегальное соглашение, и если бы его старший офицер узнал про это, Пападжи, вероятно, предстал бы перед военным трибуналом.

На данной должности преданность Пападжи форме Кришны значительно усилилась и стала той точкой, на которой сфокусировалась его жизнь.

Армейская жизнь предполагала соблюдение военной дисциплины и внешней собранности, сдержанности. Открытое проявление любви к индуистскому Богу могло вызвать сильное неодобрение, что поставило бы под угрозу мою карьеру. По этой причине я стал вести двойную жизнь. Днем я, поджав губы, изображал офицера.

Ночью за закрытой дверью я перевоплощался в *гони* Кришны. Я отпускал своего дневального, прося его не беспокоить меня в пять часов утра, когда он обычно приносил мне чашку чая. Благодаря этому я мог всю ночь наслаждаться обществом Кришны. Английские офицеры нашей армии были весьма странными: за них все делали их слуги. Некоторые из них даже заставляли дневальных надевать и снимать с них брюки. Я же нечасто прибегал к услугам своего дневального, поэтому ни у кого не вызвало никаких вопросов, почему я попросил его не заходить ко мне ночью, а вернее, рано утром.

Я не ограничивался тем, что практиковал *джапу* имени Кришны или поклонялся его образу на картинке или статуэтке. Я хотел, чтобы сам Кришна предстал предо мной, как зачастую он делал в годы моего детства, так чтобы я мог напрямую излить ему свою любовь.

Я воображал себя супругой Кришны, Радхой, поскольку полагал, что если стану походить на нее, Кришна непременно придет ко мне. Я надевал сари, украшал свое тело браслетами и другими атрибутами женского туалета и даже накладывал на лицо макияж. Большую часть наличных денег я тратил на женские украшения, чтобы походить на женщину и радовать Кришну.

Надев все эти аксессуары, я действительно чувствовал себя Радхой, изнывая от благодатной любви. И я добился чего хотел. Пришел Кришна, и я излил ему свое сердце. По утрам, после прихода Кришны, мое лицо светилось счастьем. Один из моих старших офицеров по ошибке принял мое состояние экстаза за алкогольное опьянение и дал распоряжение бармену не наливать мне более трех маленьких рюмок в день. Тогда бармен вполне корректно ответил, что я вообще не принимал спиртного, но офицер не поверил ему. Он просто не мог понять, как можно выглядеть таким счастливым без употребления алкогольного стимулятора.

Первоначально Пападжи вступил в ряды армии в надежде, что сможет найти достаточно патриотов, кто захочет использовать полученные знания против англичан. Но вскоре, когда он понял несостоятельность своих идей, ему пришлось отказаться от этого плана.

Некоторое время спустя я обнаружил, что наши революционные планы были утопичны. Да и нас было слишком мало, чтобы сформировать действенное ядро для организации переворота, а жесткая иерархическая армейская структура делала совершенно невозможным ведение подрывной деятельности. Перед лицом суровой действительности мой революционный пыл остыл.

Но несмотря на то, что мои революционные мечты угасли и были похоронены за короткий период пребывания в армии, мое чувство любви к Кришне возросло до такой степени, что я практически не мог думать ни о чем другом. Армия была не совсем подходящим местом для *бхакты*, чьим единственным желанием было служить Кришне, поэтому я вышел в отставку. Во время войны это было нелегко, но мне помог командир, проявивший ко мне сочувствие, когда я объяснил то затруднительное положение, в котором оказался. При его содействии мне удалось сложить с себя военные обязательства.

Вернувшись домой, я предстал перед гневом своего отца. Так как я должен был содержать жену и свою семью, он не мог найти оправдание тому, что я поставил крест на своей карьере, при этом не имея отходных путей. И он был прав. Я мог сделать блестящую карьеру в армии. Все мои однокурсники из офицерской академии, стремящиеся сделать военную карьеру, уже после провозглашения независимости страны в 1947 году заняли руководящие посты в армии. Отец был очень расстроен моим поступком, поскольку занимаемый мною пост в армии приносил стабильный доход многим членам

семьи, работающим в наших магазинах в Лаялпуре. Но его гнев меня не очень огорчил. В то время я хотел найти Бога, и я был одержим только этой идеей. Также я решил найти истинного гуру, который бы помог мне в поиске. Я прекрасно осознавал, что мне будет нелегко найти такого учителя, если я продолжу свою службу в армии. Поэтому я подал в отставку с намерением путешествовать по Индии в поисках того, кто сможет указать мне верный путь.

Увеличенный снимок Пападжи из общей армейской фотографии, сделанной в 1942 году.

РАМАНА МАХАРШИ

Еще задолго до того, как Пападжи оставил службу в армии, он занимался поиском такого гуру, который смог бы показать ему Бога. В течение 1930-х годов он обошел многих святых и свами, о которых слышал, но никто из них не впечатлил его и не дал удовлетворительный ответ на интересные Пападжи вопросы. Первого свами, к которому он обратился, звали Сатчитананда, он жил в Нашике, в штате Махараштра. Дедушка по отцовской линии взял Пападжи с собой в Нашик, когда ему было всего лишь пять лет, и там, должно быть через дедушку, он услышал о свами. Он шел к нему с великими ожиданиями, но вскоре разочаровался.

Где-то в 1930-х годах я встретил свами, которому было около восьмидесяти пяти лет.

Я почтительно его поприветствовал и спросил: «Свами, я горю желанием увидеть Бога. Не могли бы вы мне показать его? Я пришел к вам издалека, только чтобы увидеть Бога».

Свами было недосуг со мной беседовать и выполнять мою просьбу — он был занят более важным и срочным делом.

«Я не могу принять тебя сегодня, — ответил он. — Я ухожу по одному важному юридическому делу. Этот человек, сидящий рядом со мной, — мой адвокат. Мы обсуждаем важный имущественный вопрос. Сегодня весь день мне придется заниматься именно этим».

Его объяснения были приняты, и я спокойно сел неподалеку, в то время как они обсуждали земельный вопрос. Из их разговора я узнал, что свами владел большим участком земли, который он хотел обнести загородкой, но не мог в полной мере осуществить свой план, поскольку один кусок земли — территория в шестьдесят

четыре фута — была занята другим *садху*, а он отказывался ее освободить. Второй *садху* — тоже пожилой человек — прожил на этом крошечном участке земли практически шестьдесят лет. Первоначально этот небольшой участок, никем не занятый, был государственной собственностью. Пожилой *садху* построил себе небольшую хижину, где и провел большую часть своей жизни. Однако недавно свами Сатчитананда добился того, что правительство предоставило в его распоряжение большую территорию, в которую входил и участок *садху*. *Садху*, заявляя о своих правах жить на государственной земле, отказался освобождать территорию — вот дело и дошло до суда. В ходе обсуждений я узнал, что свами Сатчитананда владел десятью акрами земли, но, очевидно, ему этого было недостаточно. Он хотел заполучить еще и этот восемь на восемь футов кусок земли, который был занят еще кем-то на протяжении шестидесяти лет... И ради него он готов был идти в суд и начать тяжбу.

Во время всего моего визита свами был занят обсуждением юридических вопросов. Мне так и не удалось поговорить с ним о моем желании увидеть Бога. Я вернулся домой очень разочарованный. По мере ознакомления с ашрамами и другими религиозными учреждениями я обнаружил, что подобные тяжбы ведутся повсеместно.

Несколько лет назад я попросил Пападжи составить список всех свами, к которым он ходил в период поиска учителя, который смог бы показать ему Бога. Он перечислил следующие имена и включил название мест, где он их встретил:

1. Свами Пурушоттаманандаджи, Васиштха Гуха, близости Ришикеша.
2. Свами Кришнананда, Девапраяг (слияние Ранги с Алакнандой).

3. *Шанкарачарья Джоши Матха.*
4. *Шанкарачарья Дварка Питха.*
5. *Свами Видья Тиртха, Шанкарачарья Шринджери Матха.*
6. *Сатчитананда, ашрам Тапована, Нашик, Махараштра.*
7. *Неизвестный святой из Пандхарпура, Махараштра.*
8. *Святой-вайшнава из Вриндавана.*
9. *Свами Шивананда, Ришикеш.*

Визит Пападжи к Пурушоттамананде, по-видимому, также состоялся в 1930-е годы. Он никогда не рассказывал об их встрече, лишь упомянул, что знал этого свами, поскольку тот раз в год приезжал из Ришикеша к ним в гости на торжество, проводимое организацией «Санатана Дхарма».

Похоже, большинство из учителей, перечисленных в списке, он встретил в период паломничества уже после окончания службы в армии. Заводя разговор о своих скитаниях, он никогда не рассказывает детали, а лишь упоминает, что каждому учителю задавал вопрос: «Вы видели Бога? Если да, то могли бы вы и мне показать его?» Никто этого сделать не смог.

Лишь одна встреча, видимо, запала в его душу — визит в ашрам свами Шивананды, который состоялся где-то между апрелем и сентябрем 1942 (в то время он еще проходил военную подготовку в Индийской военной академии).

Я переходил из одного места в другое, от учителя к учителю, из центра в центр в поисках того, кто сможет показать мне Бога. Я исходил всю страну с севера на юг, с востока на запад, но так и не получил желаемого результата. Этот поиск был для меня очень важен, но, куда бы я ни приходил, люди смеялись надо мной.

Каждый раз, приходя к новому свами, я задавал один и тот же вопрос: «Вы видели Бога? Если да, то могли бы вы и мне показать Его?»

Некоторые смеялись надо мной, а другие предлагали сесть рядом и выполнить какие-то практики.

Обычно они говорили: «Только при помощи медитации ты сможешь Его уличезреть. Оставайся, присоединяйся к нашей группе, повторяй Его имя, и, может быть, когда-нибудь Он предстанет пред тобой».

Такой ответ меня не удовлетворял.

Я думал так: «Бог подобен солнцу. Чтобы увидеть Его, не нужны никакие практики, а нужен лишь тот, кто укажет правильное направление, кто сможет снять пелену с моих глаз, скрывающую Его образ. Мой Бог — это любовь, милость, величие. Зачем Ему прятаться от меня?»

Еще во время обучения в Индийской военной академии в Дехрадуне я слышал о человеке, проживающем в Ришикеше, у которого было много учеников. Его звали свами Шивананда. В следующее воскресенье — официальный выходной в академии — я поехал за сорок миль в Ришикеш посмотреть, захочет ли этот свами показать мне Бога. Я явился к нему в военной форме, которая, вероятно, произвела плохое впечатление на присутствующих свами. К тому же в то время у меня были кое-какие преимущества, — я даже не снял обувь, когда зашел в помещение, где он находился.

Я приблизился к нему и задал свой обычный вопрос: «Вы видели Бога? Если да, то могли бы вы и мне показать Его?»

Ответа не последовало, но, казалось, мой вопрос и моя позиция расстроили некоторых присутствующих.

«Как ты смеешь заходить сюда и задавать подобные вопросы? — спросил один из них. — Некоторые из нас уже сорок лет медитируют, наших бород уже коснулась седина, но мы так и не увидели Бога. А ты требуешь немедленного *даршана* и полагаешь, Он явится тому, кто

пришел в грязных ботинках?» «Я не прошу ничего невозможного, — ответил я. — Когда я прихожу в магазин и прошу мешок риса, то владелец магазина дает его мне. Я расплачиваюсь и ухожу — сделка окончена. Если в магазине есть нужный мне товар, он не заставляет меня сидеть на полу и медитировать. А если нет — он так и говорит об этом, и я иду куда-нибудь еще. Для меня очень важно увидеть Бога. По правде говоря, это суть моей жизни. И я готов заплатить за это любую цену. Если ваш свами сможет показать мне Бога, я отдам ему свою жизнь. Он может отнять у меня жизнь или сделать своим слугой до конца своей жизни. Если у него есть то, что я ищу, он даст мне это. А теперь я хочу услышать ответ на свой вопрос. Вы видели Бога? Если да, то могли бы вы и мне показать его?»

Моя речь привела их в негодование. Там присутствовало около пятисот человек. Они вытолкнули меня вон из помещения и не пускали обратно.

Когда все его попытки найти учителя, который смог бы показать ему Бога, потерпели неудачу, он вернулся к семье в Лаялтур. Вскоре после этого с ним произошел один случай, который в корне изменил всю его жизнь:

Вскоре после моего возвращения на пороге нашего дома появился садху и попросил еды. Я пригласил его войти, дал ему что-то из еды и задал тот вопрос, не дающий мне покоя: «Можете ли вы показать мне Бога? Если нет, не знаете ли вы того, кто сможет?»

К моему великому удивлению, он ответил положительно: «Да, я знаю того, кто может показать тебе Бога. Если ты придешь к нему, ты будешь удовлетворен. Его зовут Рамана Махарши».

Так как я никогда раньше не слышал о нем, я поинтересовался, где он живет, и получил следующий ответ: «В Шри Раманашраме, Тируваннамалай».

Я впервые слышал названия этих мест и поэтому попросил его подробнее рассказать, как туда добраться.

Он дал мне следующие инструкции: «Сядь на поезд до Мадраса. Там иди на станцию "Эгмор", оттуда на поезде доедешь до местечка под названием Виллупурам, там переседай на поезд до Тируваннамалай».

Какое-то смешанное чувство овладело мной, когда я записывал подробный маршрут. Я был счастлив узнать, что в Индии есть хотя бы один человек, который может показать мне Бога, но также я понимал, что у меня нет средств, чтобы добраться туда. Я потратил все свои деньги, накопленные за период прохождения военной подготовки в армии, на безрезультатные поиски и понимал, что отец не окажет мне поддержку. Он неодобрительно относился к моим духовным поискам и скитаниям, полагая, что вместо этого я должен работать и обеспечивать семью.

Когда же я сообщил отцу о своем намерении поехать на юг Индии и встретиться с еще одним свами, он взорвался.

«А как же твоя жена и дети? — возмутился он. — Разве недостаточно того, что ты бросил армию, а теперь ты должен бросить все и поехать в другой конец Индии, идя на поводу своей безумной идеи поиска духовных приключений?»

Очевидно, от него не стоило ожидать какой-либо поддержки.

Спустя некоторое время я пошел в город и там неожиданно встретил своего старого друга. Он заведовал чайным прилавком.

«Сто лет не виделись, — заметил он. — Я слышал, что ты ушел из армии». «Да, — ответил я, — и не жалею об этом». «Так чем ты сейчас занимаешься?» — поинтересовался он. «Ничем. Ищу какую-нибудь работу», — ответил я. «Ну что ж, присядь, — предложил друг. — Я принесу тебе немного молока. А поскольку ты в данный момент безработный, то угощение за мой счет».

Упомянутые Пападжи города Южной Индии и железнодорожные сообщения.

Я сел и начал просматривать какую-то газету, лежащую на одном из столов. После напоминания о моем положении безработного, я открыл газету на странице с предложениями работы. Одна вакансия, казалось, была подобрана специально для меня, как на заказ: «Работа в Мадрасе для бывшего военнослужащего». Английской армии нужен бывший военный служащий для управления всеми отделами военного магазина. Я нашел адрес рекламодателя и оказалось, что он проживает в Пешаваре, соседнем городе. Я отослал свое заявление с приложенной к нему фотографией, где я снят в военной униформе, и тут же получил уведомление о своем зачислении на работу. Наниматель не только дал мне денег, чтобы я смог добраться до Мадраса, но и сказал, что к работе я могу приступить по истечении одного месяца. Таким образом, я получил деньги, чтобы съездить к Махарши, а также в моем распоряжении было некоторое время до того, как явиться на работу.

Эти события развивались в 1944 году, когда мне был тридцать один год.

Я последовал совету *садху* и на поезде доехал до Тируваннамалай. Сойдя там с поезда, я обнаружил, что ашрам Махарши расположен на противоположной стороне города, в трех километрах отсюда, поэтому оставшуюся часть пути я проехал на повозке. Как только мы подъехали к ашраму, я спрыгнул с повозки, взял свои сумки и оставил их в спальном помещении для мужчин, а затем пошел искать человека, который сможет показать мне Бога. Я заглянул в окно и увидел сидящего на софе того самого человека, с которым я разговаривал у нас дома в Пенджабе. Меня охватило чувство отвращения.

«Этот человек — мошенник, — сказал я себе. — Он появляется в моем доме, говорит мне поехать в Тируваннамалай, затем бежит на поезд, чтобы успеть приехать сюда раньше меня».

Я был настолько раздосадован, что не хотел даже заходить в зал, где он сидел. Я причислил его к тому длинному списку мошенников, встретившихся мне на пути во время моих поисков и скитаний по Индии, — я развернулся и пошел забрать свои вещи.

Я уже собирался уехать на той самой повозке, которая привезла меня сюда, как один прохожий обратился ко мне и спросил: «Вы случайно не из Северной Индии?»

Позже я узнал, что его звали Фрамджи и он был владельцем одного кинотеатра в Мадрасе.

«Да. Я приехал с севера», — ответил я. «Вы ведь только что приехали? — продолжал он, увидев, что я готовился к отъезду. — Разве вы не собираетесь остаться здесь хотя бы на пару дней?»

Я рассказал ему свою историю о том, как получилось, что я приехал сюда, и в заключение сказал: «Этот человек ездит по стране и рекламирует себя. Я не хочу больше видеть его. Я приехал лишь потому, что, как он сказал, здесь есть тот человек, который может показать

мне Бога. Если он и в самом деле обладает способностью сделать это, то почему тогда он не показал мне Бога, когда был у меня дома в Пенджабе? Зачем он заставил меня проделать весь этот путь? Я не желаю видеть этого человека и разговаривать с ним». Фрамджи возразил: «Нет-нет, вы ошибаетесь. Он не выезжал за пределы своего города вот уже сорок восемь лет. Либо вы ошиблись, либо он посредством своей силы проявился перед вами, в то время как его физическое тело находилось здесь. Как-то сюда приехала девушка из Америки и рассказала похожую историю. Такое иногда случается. Вы уверены, что не обознались?» «Нет. На этот счет у меня нет никаких сомнений, — уверенно ответил я. — Я узнал его. Это не могло быть ошибкой». «В таком случае, — продолжал он, — останьтесь, пожалуйста. Я представлю вас управляющему и он предоставит вам место, где вы сможете остановиться».

Я принял его приглашение лишь из любопытства. Творилось что-то странное, и я хотел разобраться во всем происходящем. Я собирался прийти к Махарши, когда он останется один, и потребовать объяснений его странного поведения.

Однако вскоре я узнал, что он никогда не вел беседы с глазу на глаз, и тогда я решил попробовать поговорить с ним, когда его большая комната, где он обычно принимал посетителей, будет относительно пуста.

Я пообедал в ашраме. По окончании трапезы Махарши удалился в комнату со своим служителем. Больше никто не последовал за ним. Я не знал о том правиле, что посетители не должны беспокоить его в период времени с 11. 30 до 14. 30. Служитель решил, что Махарши устал и ему надо отдохнуть несколько часов после еды, но так как Махарши не придерживался правила, по которому посетителям запрещалось приходить и беспокоить его, то он шел на компромисс: оставлял двери его комнаты открытыми. Но никто из посетителей

и преданных не решался нарушить его покой в этот час. Не зная всего этого, я проследовал за Махарши в его комнату, полагая, что это самое лучшее время для частной беседы.

Служитель Махарши по имени Кришнасвами попытался остановить меня.

«Не сейчас, — сказал он. — Приходи в 14. 30».

Махарши услышал наш разговор и дал указание Кришнасвами пропустить меня.

Я был настроен воинственно.

«Вы тот человек, который был у меня дома в Пенджабе?» — задал я ему вопрос. Ответа не последовало.

Я повторил свою попытку: «Вы говорили мне прийти сюда, когда были у меня дома? Разве не вы направили меня сюда?»

И снова Махарши не вымолвил ни слова.

Так как он не желал отвечать ни на один мой вопрос, я перешел к главной причине своего визита.

«Вы видели Бога? — продолжил я. — Если да, то можете сделать так, чтобы Его увидел и я? Я готов заплатить любую цену, даже отдать свою жизнь, но сделка состоится лишь тогда, когда вы покажете мне Бога». «Нет, — ответил он. — Я не могу показать тебе Бога, а ты — увидеть, поскольку Бог — это не объект, который может быть увиден. Бог — это Субъект. Он — Тот, кто видит. Пусть видимые объекты не заботят тебя. Найди Того, кто видит». А затем добавил: «Ты и есть Бог», — как будто упрекая меня за то, что я ищу Бога где-то вовне, вместо того чтобы заглянуть внутрь себя.

Его слова не произвели на меня должного впечатления.

Они казались мне еще одной отговоркой в добавление к тому длинному списку речей, которые мне произносили *свами* по всей стране. Он обещал показать мне Бога, но в то же время пытался объяснить, что не только он не может показать мне Бога, но и никто другой. Я бы не задумываясь ушел, оставив его слова без должного

внимания, если бы не тот опыт, который я немедленно испытал после того, как он сказал найти то «я», которое хочет увидеть Бога. Закончив говорить, он взглянул на меня, и, когда его взгляд встретился с моим, все мое тело начало дрожать и трястись. Через мое тело прошел энергетический заряд. Было ощущение, будто все мои нервные окончания пришли в движение, а волосы встали дыбом. И внутри себя я ощутил духовное Сердце. Это не физическое сердце, а скорее, источник и поддержка всего существующего. Внутри Сердца я увидел или почувствовал что-то подобное нераскрывшемуся бутону. Он был голубоватого цвета и сиял. Махарши продолжал смотреть на меня, а я, пребывая в состоянии внутреннего безмолвия, чувствовал, как во мне распускался этот бутон. Я использую слово «бутон», но это не совсем точное описание. Более правильно было бы сказать, что нечто подобное бутону раскрывалось и расцветало внутри меня в Сердце. Когда я говорю «в Сердце», я не подразумеваю определенное место в теле. Это само Сердце. Это Сердце моего Сердца, находящееся ни вне, ни внутри самого тела. Я не могу дать более точного описания произошедшего. Я могу сказать лишь то, что в присутствии Махарши, под его взглядом, открылось и расцвело Сердце. Это был удивительный опыт, такого я еще никогда не испытывал. Я пришел не затем, чтобы испытать какое-либо переживание, поэтому я не ожидал подобного.

Всего лишь один раз я слышал, как Пападжи говорил об этом удивительном опыте. Вот что он сказал мне на заданный мною вопрос:

«Иногда Романа Махарши говорил, что в духовном Сердце есть небольшое отверстие. И лишь в сахадже (естественном состоянии реализованного) Сердце раскрывается. Ваше Сердце было именно в таком состоянии в присутствии Бхагавана (Махарши)? Также при описании процесса реализации Бхагаван как-то сказал, что "Сердце,

обращенное внутрь, раскрывается и остается таковым". Вы испытали подобный опыт?»

Несмотря на то, что в присутствии Махарши у меня был такой потрясающий опыт, его слова: «Ты и есть Бог» и совет найти того, кто видит, не нашли должного отклика во мне. И ни его слова, ни этот удивительный опыт в его присутствии не смогли рассеять мое желание найти Бога вне самого себя.

Я размышлял: «Я не хочу быть шоколадом. Я хочу лакомиться им». Я хотел оставаться отдельным от Бога, чтобы наслаждаться блаженством от моего единения с ним.

Когда вечером собрались его преданные, я смотрел на них с предвзятой позиции фанатичного *бхакты* Кришны. Пока что я видел только, что они просто сидели и ничего не делали.

Я подумал про себя: «По-моему, никто из присутствующих здесь не повторяет имя Бога. Ни у одного из них нет *малы* (четок), чтобы выполнять *джапу*. Как они могут считать себя истинными преданными?»

Мои взгляды на религиозные практики были достаточно ограниченными. Все присутствующие люди, должно быть, медитировали, но тогда я рассматривал это как абсолютную потерю времени.

Я обратил свой критический взгляд на Махарши, и у меня стали возникать такие же мысли. «Этот человек должен подавать хороший пример своим последователям, — а он спокойно сидит, не ведя беседы о Боге. Непохоже, чтобы он сам повторял имя Бога или каким-либо образом фокусировался на Нем. Эти ученики просто лентяи, они просиживают здесь время, так как их учитель сам ничего не делает. Как такой человек может показать мне Бога, когда сам не проявляет к Нему интереса?»

Такие мысли роились у меня в голове, и я чувствовал неприязнь как к Махарши, так и к окружающим его

людям. У меня еще оставалось время до того, как приступить к своим обязанностям на работе в Мадрасе, но я не хотел проводить его в компании духовно ленивых людей в ашраме. И я отправился на другую сторону Аруначалы — в нескольких километрах от ашрама. Нашел прекрасное спокойное местечко среди деревьев на северном склоне и обосновался там. Меня никто не тревожил, и я спокойно выполнял *джану* в одиночестве.

Я предавался своим практикам около недели. Передо мной часто появлялся Кришна, и мы много времени проводили, играя друг с другом. К концу этого времени я почувствовал, что пора возвращаться в Мадрас и готовиться к новой работе. На обратном пути я еще раз зашел в ашрам, чтобы попрощаться и сказать Махарши, что мне не нужна его помощь, так как я каждый день видел Кришну благодаря своим собственным усилиям.

Когда я подошел к нему, он спросил: «Где ты был? Где ты остановился?» «На противоположной стороне горы», — ответил я. «А что ты там делал?» — поинтересовался он. Он дал мне карты в руки. «Я играл с Кришной», — ответил я надменным тоном.

Я был очень горд своим достижением и чувствовал свое превосходство, так как был убежден на все сто, что за этот период времени Кришна не являлся Махарши.

«Да? Действительно? — отреагировал он, выглядев удивленным и заинтересованным. — Очень хорошо, просто замечательно. А сейчас ты Его видишь?» «Нет, сэр, не вижу, — последовал мой ответ. — Я вижу его только тогда, когда у меня видения».

Я все еще был очень доволен собой, чувствуя, что у меня были видения, а у Махарши нет.

«Значит, говоришь, Кришна приходит, играет с тобой, а потом исчезает, — прокомментировал он. — А зачем нужен такой Бог, который появляется и исчезает? Если Он истинный Бог, Он должен быть с тобой все время».

Снимок Шри Раманы Махарши сделан в середине 1940-х годов, когда Пападжи посетил Шри Раманашрам. Несмотря на то что уцелели сотни фотографий с изображением Рамана Махарши и его учеников, ни на одной из них нет Пападжи. Поэтому я не смог поместить фотографию Пападжи, снятую в период с 1942 по 1948 год.

Отсутствие интереса у Махарши к моим видениям несколько опустило меня на землю, но не до такой степени, чтобы прислушаться к его совету. Он говорил мне оставить поиск внешнего Бога и найти источник и сущность того, кто хочет увидеть Бога. Это было за пределами моего понимания. Я был не в состоянии принять какой-либо другой духовный поиск, кроме поиска личного Бога, так как всю свою жизнь я был предан Кришне.

Хотя его совет и не заинтересовал меня, все же в Махарши было что-то такое, что вдохновляло и притягивало меня. Я попросил его дать мне мантру, тем самым надеясь получить предписание для своей собственной формы Бога. Он отказал мне, но позже, когда я уже вернулся в Мадрас, я получил от него одну мантру во сне. Позже я спросил его, не посвятит ли он меня в *санньясу*, так как я не очень-то стремился к своей новой работе в Мадрасе. Я принял предложение там работать только лишь потому, что это позволило приехать к Махарши. Эта просьба также была отклонена. Таким образом, полагаясь на сложившееся у меня предубежденное мнение, что ничего, кроме хорошего опыта и плохих советов, я не получил от Махарши, мне оставалось только вернуться в Мадрас и приступить к выполнению своих обязанностей.

Я снял прекрасный дом — достаточно большой, чтобы разместить всю свою семью, — и начал работать. Сама по себе работа меня мало интересовала, но выполнял я ее добросовестно, с полной отдачей сил, так как должен был обеспечивать жену и детей. Все свое свободное время и энергию я отдавал общению с Кришной. В своем доме одну комнату я выделил для выполнения *пуджи*, попросив свою жену не беспокоить меня, когда я нахожусь в ней. Каждое утро в 2. 30 я поднимался и начинал выполнять свои практики. Иногда я читал повествования о Кришне или *Упанишады*, *Гиту*, но чаще всего я выполнял *джану* его имени. Я синхронизировал

джапу со своим дыханием. Подсчитав, что я делаю около 24000 циклов дыхания в день, я решил, что должен повторять имя Бога хотя бы один раз на каждый сделанный мной цикл дыхания. Я развивал свою идею в таком направлении, что каждый цикл дыхания, который не был использован для произнесения священного имени, был потерян. Мне относительно легко было выполнить поставленную цель.

Затем мне в голову пришла мысль: «Сколько лет своей жизни я провел, совсем не повторяя имени Бога. Сколько вдохов и выдохов было сделано напрасно. Но если увеличить частоту повторов священного имени до 50 000 в день, я восполню упущенные вдохи и выдохи».

Вскоре и эта цель была достигнута: на одном цикле дыхания мне удавалось несколько раз повторить имя Бога.

Таким образом, я находился в комнате для *пуджи*, выполняя *джапу*, с 2. 30 до 9. 30 утра, а затем шел в офис, так как рабочий день начинался в десять часов. С собой на работу я всегда брал *малу* (четки). Ожидая на остановке прихода автобуса или внутри его, я продолжал выполнять *джапу*. Иногда даже на работе, когда ничто не требовало моего внимания, я втайне перебирал свои четки. В Рояпеттахе был храм Кришны, это было совсем недалеко от моего дома. Я часто приходил туда утром и вечером, когда шел на работу и возвращался домой. В конце каждого рабочего дня я возвращался домой, запирался в комнате для *пуджи* и продолжал повторять имя Бога до тех пор, пока не наступало время ложиться спать. Спал я в этой же комнате, таким образом полностью оградив себя от общения со своей семьей. Я даже перестал с ними разговаривать.

Когда Пападжи жил в Мадрасе, у него было видение, которое заставило пересмотреть сложившееся предубежденное мнение о Махариши.

С самого детства, будучи еще шестилетним ребенком, я влюбился в Кришну. Я знал о *бхактах* Кришны, как они себя ведут, но я никогда не слышал о таких святых, которые просто сидят в покое. В Пенджабе люди проявляли свою преданность Богу через пение *бхаджанов*, а не просто сидели молча. Имея такой багаж опыта, я не смог оценить того, что увидел, когда впервые пришел к Махарши.

В свой первый визит у меня был удивительный опыт, и Махарши по-своему привлекал меня, но я не испытывал к нему особой любви, а также и доверия.

Но однажды все изменилось. В Мадрасе передо мной появился сам Махарши и сказал: «Только Кришна-бхакти истинна. Только Кришна-*бхакти*».

В этот раз я знал, что он никогда и не под каким предлогом не покидал Тируваннамалай, и мне пришлось признать, что это было своего рода видением.

Я вернулся в Тируваннамалай, чтобы убедиться в реальности произошедшего. Я хотел узнать, действительно ли он появился передо мной и сказал те слова о Кришна-*бхакти*. В первый мой визит к нему у нас были разногласия, и именно они засели у меня в голове. Когда кто-то всегда соглашается с вами, мысли не крутятся вокруг него все время. Но если вы с кем-то поссорились, то тот человек и ваша ссора обязательно всплывают у вас в мозгу. Именно это и происходило со мной в Мадрасе. У меня в мозгу постоянно крутились мысли о Махарши, поскольку наши взгляды относительно Бога расходились.

Я вернулся в Раманашрам и спросил Махарши: «Это вы пришли ко мне в видениях, когда я был в Мадрасе, и сказали, что лишь Кришна-*бхакти* истинна?»

Он услышал мой вопрос, но не ответил на него.

В то время как я пребывал в ожидании ответа, из Вриндавана приехала группа преданных. Они совершали паломничество в священные места на юге Индии. По прибытии в Тирупати они слышали о почтенном свами

из Тируваннамалая и пришли получить *даршан*. Лидер группы подошел к Махарши, держа в руках картинку с изображением Кришны, играющего Радхе на флейте. Это было красивое изображение. Как только Махарши взглянул на изображение, тотчас по его щекам потекли слезы. Если ты всем сердцем предан Кришне, тебе не стоит особого труда узнать того, кто горит такой же страстной преданностью Ему. Я увидел, что его слезы шли из сердца, а не из головы, — это были искренние слезы преданного Кришны. Когда я смотрел на его слезы, то чувствовал, что они проникали в мое собственное Сердце. Это был благодатный знак, и мое Сердце наполнилось любовью. Он был счастлив, смотря на это изображение, и я был счастлив оттого, что он испытывал это блаженное чувство.

Я подумал: «Этот человек прятал от меня свою преданность Кришне. Он не любит проявлять его на публике, но теперь я раскрыл его секрет. Он такой же *бхакта*, как и я сам».

Птица не может летать с одним крылом. После откровения я увидел, что Махарши парит на двух крыльях *бхакти* и *джняны* (преданности и трансцендентальном знании). С того самого момента все мои сомнения рассеялись, и я полностью стал ему доверять.

По возвращении в Мадрас Пападжи возобновил свою джапу, теперь абсолютно убежденный, что он стоит на верном пути. Вскоре после этого у него было необычное видение:

Как-то около двух часов ночи я услышал за дверью голоса. Я знал, что это не могла быть моя жена, так как я строго наказал ей ни в коем случае не беспокоить меня, когда я нахожусь в комнате для медитации. Затем мне пришло в голову, что это могли быть мои родственники, приехавшие навестить меня из Пенджаба. Несмотря

на то что поезд из Пенджаба приезжает в Мадрас обычно вечером, мне казалась возможной задержка поезда на несколько часов, вследствие чего пассажиры смогли добраться сюда только в это время. Любопытство взяло вверх: я решил открыть дверь и узнать, кто там был. Только представьте мое удивление, когда предо мной оказались не родственники, а Рама, Сита, Лакшман и Хануман. От их образа исходило сияние. Я не мог понять, что они здесь делают. Всю свою жизнь я взывал к Кришне, не проявляя особого интереса и внимания к Раме. Тем не менее я распростерся перед ними в трепетном почтении. Я бросился к своей жене, почивающей в соседней комнате. «Проснись! Проснись! — кричал я, пытаюсь разбудить ее. — К нам пришли Рама, Сита и Лакшман. Иди на кухню и принеси им что-нибудь поесть и попить. Я побуду с ними в комнате для *пуджи*».

Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

«Тебе все привиделось, — вымолвила она. — Возвращайся в постель и постарайся уснуть. Завтра утром ты должен идти на работу». «Нет! Нет! — настаивал я, стаскивая ее с постели. — Они действительно здесь. Если не веришь мне, то иди и сама посмотри».

Я привел ее в свою комнату, но она никого не увидела. Я сам видел их очень ясно, но для моей жены они были совершенно невидимыми. Она вернулась в постель, сетуя на мои фантазии и галлюцинации.

Когда я снова остался один в комнате, Сита подняла правую руку в знак благословения и начала говорить: «Мы проделали путь из Айодхьи в Мадрас, так как Хануман сказал, что здесь живет великий *бхакта* Кришны».

Я взглянул на ее поднятую руку, отчетливо видя все линии на ее ладони. Этот образ хорошо отпечатался у меня в памяти, поскольку, каждый раз вспоминая это видение, я ясно вижу все линии ее ладони как в тот день, когда она явилась передо мной. Их тела были не такими, как у остальных людей: я мог видеть сквозь них и

смутно различал находящиеся позади них предметы, но все же их тела были чрезвычайно красивыми. Некоторое время спустя я заметил, что на моей веранде, запряженный в колесницу, стоял Гаруда — гигантский орел, переносящий на себе Вишну. Боги заняли места в колеснице, и она поднялась ввысь. Я смотрел, как она летит по небу, все уменьшаясь и уменьшаясь по мере удаления. Я не мог сказать, сколько это длилось по времени, но предполагал, что визит длился не более нескольких минут.

Я был очень удивлен, когда моя жена постучала в дверь и сказала: «Поспеш! Уже много времени! Если ты не поторопишься, то опоздаешь на работу».

Я посмотрел на часы и обнаружил, что было почти 9, 30. Должно быть, видение длилось около семи часов. По дороге на работу священные образы моих ночных посетителей все еще были в моем уме. В офисе я никому не рассказал о своем ночном происшествии, поскольку старался ограничить общение со служащими. Мы разговаривали, только когда это было необходимо для выполнения какого-либо дела. В остальное время я хранил молчание.

Я испытывал глубокое чувство благодарности к Хануману за то, что он привел в мой дом Раму и Ситу. Спустя несколько дней я решил выразить свою благодарность доступным мне путем: я отправился в Читракут — место, где Рама и Сита провели годы изгнания из Айодхьи.

На работе я взял отпуск и отправился в длительное путешествие в Читракут. По прибытии я остановился в дхарамсале Калькутты, недалеко от реки Мандакини. Я впервые был здесь, поэтому не знал, что делать и куда идти. В первый день своего приезда я вышел на прогулку, намереваясь искупаться в реке.

Выходя из реки, я заметил на берегу человека, одетого в старые рваные *дхоти* и *курту*. Он очень вежливо попросил меня взять его с собой в *парикраму* на Камад Гири.

Я ему не ответил, так как заранее решил, что во время пребывания в Читракуте не буду говорить. Я дал себе слово повторять только имя Рамы. Также я решил поститься все время моего пребывания здесь. При помощи жестов я показал незнакомцу, чтобы он ушел. Используя разные знаки и сигналы, я пытался объяснить ему, что хочу остаться один, что я не разговариваю и не нуждаюсь в его услугах, когда делаю *парикраму*. Невзирая на мой отказ, он продолжал настаивать, предлагая в пути декламировать мне «*Рамаяну*». Во мне проснулось любопытство, поскольку я ни разу не слышал, чтобы кто-то декламировал «*Рамаяну*». Когда я был молод, духовные книги я читал на пенджаби. «*Рамаяна*» была написана на языке, которым я не владел, поэтому я и не приложил никаких усилий, чтобы ее прочесть. Большинство книг на пенджаби были изданы также и на урду — правительственном государственном языке. Я хорошо знал урду, но в то же время не изучил хинди или санскрит настолько хорошо, чтобы читать труды на этих языках.

Я разорвал свой обет молчания: мне показалось заманчивым, если мы вдвоем с этим человеком, произнося нараспев слова «*Рамаяны*», будем совершать путь по святым местам. Я ответил ему, что с радостью послушаю его исполнение, если он пойдет на некоторые мои условия. Прежде всего он не должен был водить меня по храмам (я все еще полагал, что он гид, сопровождающий туристов по таким местам и получающий за это вознаграждение от священнослужителей). В паломнических местах таких людей можно встретить сплошь и рядом. Второе условие заключалось в том, что на протяжении пути он не должен со мной разговаривать. Он мог декламировать «*Рамаяну*», но остальное время хранить молчание. Он согласился на оба мои условия.

Мы начали свой путь. По моей просьбе он шел немного впереди, так как я не хотел, чтобы он каким-либо образом беспокоил меня. Он начал декламировать

приятным мелодичным голосом (я все еще считал, что он хотел вытянуть из меня деньги), и меня поразила его манера исполнения. Каждое произнесенное им слово, казалось, погружалось в мое сердце и оставалось там. Я ускорил свой шаг и догнал его, чтобы посмотреть, какую часть книги он цитирует. К моему удивлению, я увидел, что по его щекам текли слезы. Слова настолько его тронули, что им овладело благоговейное состояние.

Проникающие в мое сердце слова и интенсивность эмоций, с которой они звучали, произвели на меня схожий эффект: волосы встали дыбом, тело охватила дрожь, и из глаз потекли слезы.

Когда я прошел с ним несколько миль, мой спутник остановился около старого колодца и предложил мне выпить немного воды.

Я отказался, мотивировав это следующим: «Когда я выполняю *парикраму*, то не ем и не пью. Такова традиция». «Но это священная вода, — сказал мой проводник. — Это место называют "Бхарат Куп". Сам Бхарата пил здесь воду. Ты должен сделать хотя бы глоток».

Я сдался. Каким-то образом мой обет молчания и решение не есть и не пить в его присутствии теряли свою важность.

Весь путь я проделывал босиком, но на тропинке росли колючие растения, и, несмотря на то, что я старался перешагивать их, я все же случайно наступил на большую колючку, которая впилась мне в пятку. Я окликнул своего проводника и остановился, чтобы вытащить колючку.

Я сел на землю, а он отправился в ближайший колодец за водой. Воду он пил из маленькой *лоты* (чайника), которая была всегда при нем. Немного освежившись, он продолжил свое мелодичное исполнение. Я тем временем мучился с колючкой. Мне никак не удавалось вытащить ее из ноги. Увидев тщетность моих попыток,

проводник взял другую колючку с земли и с ее помощью удалил занозу.

Затем он достал, завернутые в салфетку, две огромные *ладды* (шарообразные сладости). Должно быть, каждая весом в килограмм. Их вид пробудил во мне аппетит. Сблазн вкусить эти сладости заставил меня изменить данному обету, по которому я должен был воздержаться от пищи и воды во время всего своего паломничества.

Я с удовольствием вкушал *ладду*. Она была такой большой, что я съел только половину. Оставшуюся часть я завернул в салфетку и отдал своему проводнику. Мы поднялись и продолжили путь. Восемь часов потребовалось, чтобы завершить *парикраму* и вернуться на то место, откуда мы рано утром начали свой путь.

Наше путешествие подошло к концу. Я хотел отблагодарить этого пандита за то, что он составил мне компанию и за его удивительное исполнение. Недалеко от берега реки я увидел магазин, в котором продавали сладости. Я попросил его подождать несколько минут, а тем временем я пошел в магазин и купил 2 кг сладостей в коробке, и еще я обмотал тесемкой деньги — 51 рупию. Я положил перед ним подношения и, совершив перед ним простирание, выразил свою благодарность. К моему большому удивлению, он отказался принять подарки. Все это время я считал, что он водит меня по святым местам в ожидании платы и, возможно, предложенная мною сумма показалась ему недостаточной. Но в то время это была щедрая плата, и я отказался от мысли увеличить сумму.

«Больше ты ничего не получишь от меня, — сказал я. — Это более чем достаточно за ту услугу, которую ты мне оказал».

Я был слегка разочарован тем, что он отказывался принять плату, поскольку первоначально у меня сложилось хорошее впечатление о нем.

В знак отрицания он помотал головой: «Я никогда не беру денег с людей, которых сопровождаю по этим местам. Я не туристический гид. Я прихожу сюда, чтобы помогать тем истинным *бхактам* Рамы, которых здесь встречаю. Я делаю это из любви к Раме, а не из-за денег». «Тогда, — сказал я, — возьми деньги для своей семьи. Если ты не можешь принять их как личный дар, то по крайней мере отнеси их домой, своей семье».

Он опять отказался, объяснив, что никогда не берет деньги за свои услуги с *бхактов* Рамы.

Его отказ привел меня в замешательство, и я посмотрел на него долгим тяжелым взглядом. Я никак не мог понять, что же он делает в таком месте. И тут, впервые за все время, что мы провели вместе, я заметил, что его глаза были необычной формы. Обычно у людей миндалевидные глаза, а его были более округлой формы. Я никогда раньше не видел такого разреза глаз.

И вдруг мне в голову пришла мысль: «Такие глаза бывают у обезьян — не у людей. Обычные люди так не выглядят».

Я не сказал ему этого: невежливо говорить человеку, с которым приятно провел несколько часов, что он похож на обезьяну. Я продолжал изучать его лицо, как неожиданно понял, что в его чертах есть что-то знакомое.

«Он похож на того человека, который привел ко мне в дом Раму и Ситу в Мадрасе. Не может быть, чтобы это был сам Хануман! Сам Хануман пришел ко мне и провел по святым местам?»

Я не произносил этих слов. Это была лишь мысль, промелькнувшая у меня в голове.

И тут же мой провожатый смеясь воскликнул: «Ты думаешь, я — Хануман?»

Затем он хлопнул ладошами с детским задором и растворился в воздухе. В этот самый момент я убедился, что провел свой день с Хануманом и что именно он декламировал мне «*Рамаяну*» и сопровождал меня по этим

святым местам. Первым моим чувством было скорее сожаление, чем радость. Я сожалел, что не понял этого раньше, когда мы вместе совершали свой путь, и что не оставил себе кусочка той *ладды*, которой он меня угостил.

Так я просидел всю ночь, не в состоянии уснуть. Я находился в слишком возбужденном состоянии и был под впечатлением от удивительных событий предыдущего дня.

В Читракуте я пробыл еще семь дней, но так больше и не встретил Ханумана. В Мадрасе мне дали двадцать дней отпуска, поэтому спешить мне было незачем. В оставшиеся дни я посетил другие известные достопримечательности этого места: ашрам Анасуйя Атрейя, храм в пещере Гупта Годавари, Дхару Ханумана и Сита Расой в Шиле. Также несколько часов я провел в Тулси гхате. Именно здесь свами Тулсидас написал «*Рамчаритману*». Говорят, он пел «*Рамаяну*» с такой наполненностью и преданностью, что сам Рама приходил послушать его исполнение. Это событие породило следующее высказывание:

*Chitrakoot ke ghat par santan ki bhir, Tulsidas
chandan ghise tilak deit Raghubir.*

Что означает: «В гхате Читракута собираются святые, чтобы послушать речи. В то время как Рама наносит *тилак* на лбы преданных, Тулсидас готовит сандаловую пасту».

В один из этих дней я купался в водопаде, поблизости от Дхары Ханумана. А на обратном пути встретил на тропинке паломников, которые предложили мне пойти с ними к Сита Расой. Это кухня Ситы, куда она однажды носила еду. Я присоединился к ним, и тут мое внимание привлекло растение Тулси, которое росло там. Когда я подошел ближе, чтобы рассмотреть его, то увидел, как вдруг возникла Сита. Она поливала растение,

обходя его вокруг по часовой стрелке, выполняя *парикраму*, а затем так же неожиданно исчезла.

В Мадрас я приехал в счастливом состоянии ума. Для меня это путешествие было очень удачным.

Хотя видение Рамы, Ситы и Ханумана было блаженством, приводящим в трепет, оно вызвало необычный побочный эффект: Пападжи почувствовал, что больше не может повторять имя Бога.

Когда я попробовал возобновить свою обычную практику, то обнаружил, что больше не могу повторять имя Кришны. Каким-то образом мой ум перестал подчиняться мне. Я также не мог читать свои духовные книги. Мой ум, свободный от мысли и пребывающий в покое, отказывался концентрироваться на каком-либо духовном объекте. Все это было очень таинственно: четверть века имя Бога безуспешно текло через мой ум, а теперь я даже не могу просто произнести его.

Тогда я пришел к свами Кайласананде, главе миссии Рамакришны в Мадрасе, и рассказал ему, что больше не могу повторять имя Бога. Я объяснил, что на протяжении нескольких лет повторял Его имя и также читал много духовной литературы. Теперь же, несмотря на все мои усилия, мой ум никак не может сфокусироваться на чем-либо, что имеет отношение к Богу.

Свами Кайласананда ответил, что у меня наступила, как говорится в христианской религии, «темная ночь души». Это стадия *садханы*, в которой люди, прилагающие усилие многие годы, обнаруживают, что практика внезапно становится очень трудной и безрезультативной. Он посоветовал мне не отказываться от своих попыток и приходить на сатсанги, проходящие у них, поскольку полагал, что в такой атмосфере мне будет легче вернуться к мыслям о Боге. Меня не очень удовлетворил его совет. Я так ни разу и не пришел к нему и не

посещал его сатсанги. Вместо этого я пошел к другим известным свами в Мадрасе, но все они говорили в той или иной степени одно и то же: «Продолжай свои попытки, посещай наши сатсанги, и мы уверены, все вскоре образуется».

Я не принял их приглашение на сатсанг, частично потому, что не очень серьезно отнесся к их совету, а частично по той причине, что считал их недостаточно компетентными, чтобы давать мне советы. Я, безусловно, прекрасно видел, что они хорошие *садхаки*, но в то же время чувствовал, что у них не было прямого опыта Бога, опыта, который, по моему мнению, позволил бы им вынести подходящее к моему случаю суждение.

Пападжи также обращался со своей проблемой к свами Вималананде из Милапора и к свами Нитьянанде, главе Гаудья Матха Мадраса, но ни один из них не смог ему помочь.

Тогда мои мысли вернулись к Махарши из Тируваннамалай.

Я подумал: «Этот человек пришел в Пенджаб, в то время как его физическое тело оставалось на прежнем месте, появился на пороге моего дома и направил меня прийти к нему в Тируваннамалай. Приехав туда, я получил замечательный опыт благодаря ему. Этот человек должен быть компетентен, чтобы дать мне совет. Также он приходил ко мне в видениях в Мадрасе. Вероятно, между нами есть сильная связь, раз ему удалось дважды появиться передо мной. Решено, еду к нему и выслушаю его наставления».

На следующей неделе в субботу у меня был неполный рабочий день, а по воскресениям, разумеется, я не работал. Таким образом, в субботу я сел на поезд и нанес Махарши еще один визит. Как и в первый раз, я не хотел делать наш разговор достоянием всех, поэтому

ждал случая остаться с ним наедине. Я прибегнул к своей уловке, как и при первой нашей встрече, и подошел к нему после ланча. Я уже знал, что зал будет пустым в это время. Служащий, как и в предыдущий раз, попытался не пустить меня, но снова вмешался Махарши и позволил войти в его комнату и поговорить с ним.

Я сел перед Махарши и начал рассказывать свою историю: «На протяжении двадцати пяти лет я повторял имя Кришны. Совсем недавно мне удалось за один день увеличить число повторений до 50000. Также я читал много духовной литературы. Затем передо мной явились Рама, Сита, Лакшман и Хануман, а после их ухода я не смог возобновить свои практики. Я больше не могу повторять имя Бога, читать свои книги, медитировать. Внутренний покой овладел мною, но больше нет желания концентрироваться на Боге. Я не только не хочу, но и не могу сосредоточиваться на нем, даже если стараюсь. Мой ум отказывается погружаться в мысли о Боге. Что произошло со мной, что мне делать?»

Махарши взглянул на меня и спросил: «Как ты добрался сюда из Мадраса?» Я не понял, при чем тут дорога, но все же вежливо ответил: «На поезде». «А что случилось, когда поезд подъехал к нужной тебе станции?» — продолжал он расспрашивать. «Ну, я сошел с поезда, выбросил билет и нанял повозку, чтобы добраться до ашрама». «А приехав к ашраму и расплатившись с возницей, куда делась повозка?» «Думаю, поехала обратно в город», — отвечал я, все еще не понимая, к чему он клонит.

Затем Махарши объяснил, зачем он задавал все эти вопросы: «Поезд доставил тебя до станции назначения, затем ты сошел с него, потому что он тебе больше не был нужен, так как ты уже прибыл на необходимую тебе станцию. То же самое произошло с повозкой: когда она привезла тебя к Раманашраму, ты слез с нее. Больше тебе не нужны ни поезд, ни повозка. Они были средствами передвижения, благодаря которым ты сейчас

находишься здесь. А раз ты здесь, тебе они больше не нужны. То же самое произошло с твоим повторением имени. Медитация, чтение, *джана* — все эти практики привели тебя к духовной цели. В них больше нет нужды. Не ты прекратил практики, а они сами оставили тебя, так как выполнили свою функцию. Ты прибыл».

Затем он пристально посмотрел на меня. Я ощутил, что все мое тело и ум были омыты волнами чистоты. Это были очищающие волны его взгляда. Я чувствовал, что он пристально смотрит прямо мне в Сердце. Под этим заволаживающим взглядом очищалась каждая частица моего тела. Это было, как если бы для меня создавалось новое тело: совершался процесс трансформации, частица за частицей умирало старое тело, и на его месте рождалось новое. И вдруг я понял. Я знал, кем был этот человек в действительности, чем стал я и всегда им был. Это был толчок узнавания своего Я. Я преднамеренно использовал слово «узнавание», поскольку, лишь только испытав это состояние, я уже знал наверняка, что точно в таком же состоянии покоя и счастья я пребывал в Лахоре, когда мне было шесть лет и со мной произошло нечто особенное, что я даже не смог отреагировать на предложенный мне манговый напиток. Безмолвный взгляд Махарши вернул меня в то самое изначальное состояние. Желание найти внешнего Бога растворилось в прямом знании и опыте Я, которые открылись мне благодаря Махарши. Невозможно описать словами, каким он был и какой он есть, потому что, как говорится в книгах, слова не могут воссоздать полной картины восприятия, они лишь отражают внешний аспект чувств. Могу лишь сказать, что каждая клетка, каждая частица моего тела пришли в трепет, узнав и ощутив Я, которое оживляло и поддерживало их, но сам по себе опыт — неопишем. Я знал: мой духовный поиск завершен, но источник этого знания не подлежит никакому описанию.

Я поднялся и простерся перед Махарши в знак признательности. Я наконец-то понял, в чем заключается его учение. Он говорил мне не привязываться к личному богу, потому что все формы бренны. Он смог увидеть, что главной моей проблемой была привязанность к притягательной форме Кришны и любовь к нему. Он советовал игнорировать видимость эфемерных богов, а вместо этого узнать природу и источник того, кто хочет увидеть их. Он пытался указать мне на реальное и неизменное, но я упрямо и самонадеянно продолжал игнорировать его советы.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что должен был задать себе лишь один единственный вопрос: «Кто Я?» Когда мне было шесть лет, у меня был прямой опыт Я, но я не оценил его или не понял его значения. Мать убедила меня, что это было переживанием Кришны, и после своего рода промывания мозгов я стал искать внешнего бога, который, как она утверждала, сможет дать мне тот самый опыт, который я так жаждал. За время своего духовного поиска я встретился с сотнями *садху*, свами и гуру, но никто из них не открыл той простой истины, которую раскрыл мне Махарши.

Никто из них не сказал: «Бог внутри тебя. Он не отделен от тебя. Ты сам есть Бог. Если ты обнаружишь источник ума вопрошанием "Кто Я?", то ощутишь Его в своем Сердце как Я».

Если бы моя жизнь сложилась так, что я встретил бы Махарши раньше, слушал его учения и применил их на практике, я бы, скорее всего, не потратил многие годы на бесплодные поиски внешнего бога.

Я еще раз должен отметить величие дара Махарши. После того как у меня было видение Рамы, Ситы и Ханумана, я обошел весь Мадрас в поиске человека, который бы объяснил, почему я не могу продолжать свои практики и что мне делать. Встречающиеся мне свами говорили банальные вещи, продиктованные набожностью,

но они не смогли заглянуть в мое Сердце, как это сделал Махарши. Спустя несколько дней, когда я пришел и сел напротив Махарши, он не стал мне советовать продолжать практики, так как понял, что я уже достиг того состояния, в котором уже невозможно возобновить все то, что я практиковал ранее. Он знал, в каком состоянии я пребываю, хоть я это и не оценил. Ему потребовалось только направить на меня свой святой взгляд, чтобы я увидел и оценил то, чем я всегда был.

Истинный учитель заглядывает в твой ум и Сердце, видит твоё состояние и, соответственно, дает правильный совет. Другие же, не реализовавшие свое Я, могут советовать исходя либо из своего личного ограниченного опыта, либо из ранее слышанного или прочитанного ими. Такие советы часто бывают просто глупыми. Истинный учитель никогда не введет тебя в заблуждение неподходящими советами, поскольку он наверняка знает, в каком состоянии ты пребываешь и в чем нуждаешься.

Махарши научил меня не гоняться за формами таких богов, как Кришна, так как они эфемерны. Когда он раскрыл мне мое истинное Я, я последовал его совету, хотя, несмотря на это, образы богов продолжали являться мне. Даже сейчас, спустя десятилетия после окончания духовного поиска, Кришна все еще является мне. Я все еще испытываю к Нему великую любовь, но у Него больше нет силы заставить меня смотреть на что-то внешнее моему собственному Я.

Я имею в виду следующее: еще ребенком я считал тело Кришны реальным, поскольку мог прикоснуться к нему. Теперь же я знаю, что не этот показатель истинный критерий реальности. Реальность — это то, что вечно и неизменно, поэтому под такое определение подходит только Я, у которого нет формы. Исходя из этого я могу теперь сказать, бросив взгляд на свое детское прошлое, что появление Кришны в моей комнате было всего

лишь временным и воображаемым явлением, источник которого — сознание, единственная реальность. То же можно сказать и о других появлениях Кришны в моей жизни. Теперь же, неизменно пребывая в Я, волшебство богов, даже тех, кто появляется прямо передо мной, не может ввести меня в заблуждение, поскольку я знаю, как бы прекрасны они ни были и какой бы силой ни обладали, все это иллюзия. Все могущество и красота находятся в моем собственном Я. И мне больше нет нужды искать это где-то еще.

Приведенные выше события я взял из изданной книги «Интервью с Пападжи». Перед ее публикацией я представил свои наброски Пападжи для ознакомления и получил следующий ответ: «Я просмотрел черновой вариант истории, которую ты мне прислал... и не посчитал нужным что-либо исправлять в ней. Благодарю тебя».

Благодаря его отзыву все было опубликовано без изменений, но должен признать, я никогда не был абсолютно уверен в том, что многочисленные его встречи с Раманой Махариши были изложены должным образом. Я располагаю разными версиями, и некоторые из них противоречат друг другу. Я полагал, что тот черновой вариант, который я представил Пападжи, будет всего лишь предварительным наброском. Я лишь расположил материал в той последовательности, которая мне казалась более целесообразной, и передал ему, чтобы услышать его мнение. Однако Пападжи настолько все понравилось, что материал был напечатан без изменений. Но, начав писать данную книгу, мне пришлось обратить внимание на некоторые несоответствия.

Главным образом меня волновал вот какой вопрос: «Когда же в действительности Пападжи просветлел?» Рассказывая о своей жизни и общении с Раманой Махариши, Пападжи неоднократно говорил, что окончательное прозрение наступило при первой его встрече, когда Махариши

сказал ему: «Все, что появляется и исчезает, — нереально».

Именно так он обрисовал ситуацию во время нашего разговора, который состоялся в Ботаническом саду в Лакнау в 1993 году. Именно эта версия, которую он чаще всего рассказывает в ответ на просьбы описать момент просветления, излагается в опубликованной книге «Интервью с Пападжи». И на мой вопрос: «Не могли бы вы описать, что произошло в тот день, когда наконец-то истина раскрылась перед вами? Как это случилось?» — он изложил мне ту же историю.

Я никак не мог понять, как же их первая встреча могла стать кульминацией истории, если Пападжи неоднократно говорил, что покинул Махарши и вернулся в Мадрас, потому что ему не внушали доверия как учения Махарши, так и он сам. К тому же по возвращении в Мадрас Пападжи продолжил свои практики джапы Кришны с еще большим усердием, что трудно объяснить, особенно когда человек достигает просветления. Однако для него, казалось, такой проблемы не стояло, когда он вел беседу в 1995 году.

Вопрос: Что побудило вас продолжить медитации на Кришне, после того как у вас был первый и неизгладимый опыт в присутствии Махарши?

Ответ: Медитации всегда полезны, даже после просветления. А что еще ты можешь делать? Медитация означает, что ты не связываешь себя ни с чем, что является временным.

Вопрос: Но в конечном счете вы ведь не смогли больше заниматься медитацией. После того как Рама и Сита явились перед вами, ваши попытки возобновить медитации на Кришну были тщетны.

Ответ: Тот факт, что я больше не медитирую на Кришну, свидетельствует лишь о том, что сейчас я ощущаю, что я — это Он. Именно по этой причине мне не нужно быть Его преданным, а Ему быть моим Богом. Мы с Ним одно и то же.

Тон Пападжи становится особенно почтительным, когда он рассказывает о его встречах с многочисленными индуистскими богами. А особенно это проявляется в его рассказах о встрече с Рамой, Кришной и Шивой. Их видение приносило ему особенно острое чувство покоя и блаженства. Но, с другой стороны, он также часто говорит, что эти боги не являются просветленными, хотя и обладают великой силой. Это интересный подход, так как позволяет взглянуть на его видения богов с другой точки зрения. По его словам, эти боги являлись к нему не затем, чтобы дать ему даршан, а напротив, они хотели получить от него даршан, поскольку знали, что Пападжи пребывал в высшем состоянии.

Пападжи развил некоторые темы в этом же разговоре, откуда были взяты предыдущие вопросы и ответы.

Вопрос: Почему боги приходили к вам, в то время как Вы самозабвенно повторяли имя Кришны? Я имею в виду тот случай, когда Рама, Сита и Лакшман появились перед вами в Мадрасе.

Ответ: Человек, достигший своей реализации, выше богов. Почему? Потому что у богов еще остались неосуществленные желания. Возьмем, к примеру, истории всех индуистских богов. Они все привязаны к красивым женщинам. Кришна привязан к Радхе, Рама — к Сите, Шива — к Парвати и т. д. Эти боги не достигли просветления, поскольку не оставили свои привязанности. Они приходят к людям, освободившимся от своих желаний, чтобы устранить свои привязанности.

Я часто рассказываю историю об одном реализованном святом, заснувшем под деревом. Когда он проснулся, то увидел, что его обступили боги с небес. Он спросил их, зачем они пришли к нему, и вот что один из них ответил: «Мы пришли к тебе на сатсанг. На небесах нет такого сатсанга, и никто не получил там просветления». «Но я ведь просто спал, — ответил святой. — И не делал ничего особенного». «Мы знаем, — сказал бог, — но даже когда ты спишь, в твоём присутствии мы испытываем покой, который не можем найти нигде на небесах».

Вот как обстояло дело. Боги могут располагать великой силой и долгой жизнью, но не находят постоянного покоя просветления. Просветление недоступно на небесах. Чтобы получить его, боги спускаются сюда, вновь рождаясь на земле.

В каждом измерении, или мире, живут свои существа. Например, в так называемых высших сферах обитают богоподобные создания, а в низших мирах — демонические, похожие на животных, существа. Я сам бывал в этих сферах и своими глазами видел, что там происходит. В высших мирах очень красиво. Тела тех, кто там обитает, прозрачны и красивы. А низшие сферы наполнены странными и причудливыми существами. Я сам видел их уродливые тела: один глаз, нос и тела странной формы. Некоторые из них были каннибалами, которые, казалось, жили за счет того, что пожирали друг друга. Там было ужасно, и я пробыл там недолго.

После смерти можно родиться в одном из этих миров, но свобода, *мокиша*, доступна только в нашем мире. Боги могут наслаждаться в своём небесном мире тысячи лет, но когда-нибудь они опять пройдут через круг перерождения.

Ты задал вопрос: «Почему эти боги являлись мне?» Вот мой ответ: «Они хотели обрести окончательное освобождение, которое, как им известно, не могут получить на небесах».

Некоторые, должно быть, считают, что вопрос: «Когда Пападжи стал просветленным?» — можно разрешить очень просто — спросить его самого. Но, к сожалению, он отказывается считать просветление каким-либо событием, которое случилось в определенное время.

«Просветление, — говорит он, — не нечто, что совершается во времени. Это понимание нереальности времени. Оно выходит за временные рамки. Просветление и связанность — два понятия, существующие только до тех пор, пока существует время. Вне времени они исчезают».

Вопросы относительно того, какие события происходили до или после его просветления — критерий оценки происходящего — тоже рассматриваются как неуместные, как обнаружил собеседник Пападжи, когда попытался разобраться, что именно произошло при посещении Пападжи Раманаширама.

Вопрос: Это произошло после или до вашей реализации?

Ответ: Нет никаких «до» и «после», так как реализация выходит за временные рамки. Я даже не могу сказать, что я реализованный человек, поскольку таким образом я автоматически привязываюсь к другой концепции. Сказать: «Я стал просветленным» — значит принять и другие состояния, называемые «связанностью» или «неведением», а также возможность переходить из одного такого состояния в другое. Это тоже концепция. А я больше не признаю подобных концепций.

Я не стал пытаться осаждать Пападжи подобными расспросами, в связи с тем что решение этих задач не зависит лишь от выяснения, что же именно произошло при его первых встречах с Махариши. Может показаться странным, но, оказывается, истина заключается в том, что Пападжи «пробудился» к своей истинной природе где-то в возрасте шести лет, когда произошел тот случай с

манговым напитком в Лахоре. С того самого момента, как он утверждает, этот опыт был всегда с ним. Он не проходил и не возникал вновь в присутствии Махарши. Махарши лишь показал ему, какой ценностью он обладает, и продемонстрировал ему, что это сокровище намного ценнее, чем даршан преходящих богов. В июне 1995 года во время одного его сатсанга в Лакнау я задал ему вопрос, что он думает об этой совершенно отличной версии. А начал я расспрашивать о тех ответах, которые он предоставил мне в письменном виде в предыдущем году. Немного ниже приведен текст вопросов, заданных Пападжи в 1994 году, и его ответов.

Дэвид: Вот как вы ответили на поставленный мною в декабре прошлого года вопрос. Я бы хотел задать вам еще несколько вопросов по этому поводу.

Вопрос: Вы сказали, что опыт Я не может быть временным. Вот ваши слова: «Если опыт приходит и уходит, это не опыт Я, так как Я не приходит и не уходит. Если опыт приходит и уходит, это, должно быть, опыт ума».

Однако, когда вы говорите о том вашем опыте в детстве в Лахоре, вы часто повторяете, что это был прямой опыт Я, который позже покинул вас. Вы двадцать пять лет пытались вновь получить его, а когда в присутствии Махарши вы окончательно обрели его, то тут же поняли, что это то самое состояние, в котором вы пребывали, когда вам было 6 лет. Разве события вашей жизни не доказывают возможность временного опыта Я?

Перед тем как прочесть свой ответ, Пападжи сделал некоторые замечания о неточностях, заключающихся в вопросе:

Пападжи: В своем вопросе ты говоришь: «Ваше переживание в детстве было прямым опытом Я, которое позже покинуло вас». Я совершенно не рассматривал этот вопрос с такой позиции. Прежде всего я совершенно не уверен, был ли это опыт, не говоря уже о том, прямой он был или нет. Что касается меня, я не могу сказать, было ли это вообще опытом.

Я ничего не знал о Я, не мог знать, было ли это Я или нет, и уж точно ничего не знал о его опыте. Тогда я не слышал таких слов, как «мокиша», знание, освобождение и свобода, а если даже и слышал, то они ничего для меня не значили.

Далее ты говоришь: «Вы двадцать пять лет пытались снова достичь его, а когда в присутствии Махарши вы окончательно обрели его, то тут же поняли, что это то самое состояние, в котором вы пребывали, когда вам было 6 лет».

Когда я пришел к Махарши, то увидел много людей, приехавших со всего мира, а не только из Индии. Они сидели рядом, разговаривали с ним, наслаждались его компанией. Почему мы все были там? Да потому, что мы все чувствовали что-то особенное в этом пожилом человеке, что не могли найти ни у кого другого. Сначала я не осознал этого, но вскоре он показал мне, кем он в действительности был, и я признал его величие.

В нем было что-то такое, что тянуло меня к нему. Позже я понял, что это «что-то» имело сходство с тем опытом, которое у меня было в шестилетнем возрасте. Но в таком возрасте я не смог его оценить. Я не знал, что этот опыт, эта свобода — большая ценность, и открывается она только очень ограниченному числу людей во всем мире. Оно пришло ко мне неожиданно, и я не смог понять его истинную ценность.

Если маленькому ребенку предложить выбор между банкнотой в сто долларов и леденцом на палочке, он выберет леденец, поскольку не знает ценности денег.

Он не знает, что может купить тысячи конфет за одну бумажку.

Когда мне было шесть лет, у меня не было возможности по достоинству оценить этот опыт. Намного позже Махарши раскрыл мне его истинную ценность. Сидя перед Махарши, я наконец-то понял, что мой ранний опыт, который пришел ко мне без всяких усилий с моей стороны, был бесценным сокровищем, и раньше я этого не осознавал.

Вот теперь я прочту свой ответ, данный мною несколько месяцев назад, и посмотрю, совпадает ли он с тем, что я тебе сказал.

Ответ: В свои шесть лет я не считал этот опыт особенным. Я полагал, что каждый испытывал такое естественное состояние покоя, счастья и чистоты с самого рождения. Будучи ребенком, я был счастлив и верил, что все дети так же счастливы, как я. В период юности я видел некоторых святых в Пенджабе и других частях страны. И только тогда я понял отличие моего состояния от состояния других людей. Они ведут разговоры и цитируют отрывки из книг, не имея собственного опыта.

Такое можно увидеть в любом ашраме. Степенный свами с многозначительным выражением лица читает Священное Писание, но слова, слетающие с его уст, не подкреплены его собственным опытом. Куда ни приди — в Ришикеш, Харидвар, Тапован, — везде есть свами, которые читают тексты и ведут беседы о том, прямого опыта чего у них не было.

Такие люди встречаются в каждом ашраме в Индии. Их лекции привлекательны, но слова взяты из прочитанных ими книг, а не из их собственного опыта.

Придя в Раманашрам, я встретил своего учителя и обнаружил, что он сильно отличается от других святых. Увидев его, я понял, что он пребывал в таком же состоянии, какое я испытал в шестилетнем возрасте. Но в том возрасте я не оценил его или не осознал его ценность. Оно пришло ко мне само по себе, когда мне было шесть лет. После встречи с Махарши я понял его ценность. Я осознал, насколько это редкий опыт и что лишь немногие испытывают его.

В своем вопросе ты говоришь, что на протяжении двадцати пяти лет я пытался снова обрести его. Правильнее будет сказать, что я просто не мог описать, что я испытал. А дело в том, что это не может быть описано. Описать можно объект зрительного, слухового или тактильного восприятия, а покой и счастье, которые я испытал, нельзя описать или обрести с помощью какой-либо деятельности ума. Описать можно лишь объекты прошлого, но не настоящего.

Тот опыт, который я испытал в шестилетнем возрасте, постоянен. Он есть настоящее, и я всегда пребываю в нем.

Описать можно лишь переживания объектов. Ментальный опыт может быть описан, потому что такой опыт является объектом, воспринимаемым субъектом. Все ментальные опыты подобны этому. Но тот опыт за пределами ума, так как же его можно описать? Как описать что-либо, если нет переживающего?

Этот опыт никогда не был описан. Его никогда не передавали на словах, он никогда не был раскрыт, никогда не был описан в текстах. Что бы ты ни прочел о нем — это не истина, не этот опыт. В *Упанишадах* и *Ведах* изложено много чудесных историй и философий, но сам автор Вьяса признает в конце, что не описал саму

истину. Все, что он может сказать об этой окончательной истине, окончательном опыте, — это «*нет-нет*», «ни это, ни то».

Когда ты видишь, как мать целует ребенка, и наслаждаешься этим, как можешь ты испытать прикосновение поцелуя и насладиться радостью, если ты никого раньше не целовал? Что ответит тебе эта женщина, если ты попросишь ее рассказать, какой у нее был опыт, когда она целовала ребенка? Думаю, предельно честно с ее стороны будет дать такой ответ: «Если бы у вас были свои дети, вы бы не задавали такого вопроса». Вот что я подразумеваю под «прямым опытом».

А что касается опыта, который выходит за рамки всех концепций ума, то он обладает одним особым качеством. Приблизившись к человеку, испытавшему прямой опыт истины, у вас возникает следующее ощущение: «От этого человека исходит что-то, что дает мне покой. Я не могу описать, что именно, но определенно это чувствую».

Эта сила, энергия, опыт привлекают тебя, и ты хочешь испытывать это снова и снова. Махарши обладал такой силой, но даже он не мог описать ее. Он просто сидел в безмолвии, даже не отвечал на многочисленные вопросы посетителей. Так он мог сидеть часами, игнорируя всех и вся, сидя молча с открытыми глазами, не фокусируясь ни на чем. Но люди, находящиеся вместе с ним в комнате, знали, что покой можно обрести в его присутствии. Вот почему люди приезжали к нему со всех сторон земного шара.

Дэвид: Насколько я понял, покой, который вы ощутили в шестилетнем возрасте, никогда не покидал вас. Если это так, то что вам еще не хватало? Почему вы продолжали искать Бога вовне, и почему вы объездили всю Индию в поисках гуру, который бы смог показать вам Бога?

Пападжи: Из-за моей наивности. В детстве мне часто говорили, что я могу увидеть Бога своими глазами, и у меня не было повода не верить такому утверждению, поскольку сам Кришна часто являлся мне и играл со мной.

Беседуя со мной, моя мать смогла убедить меня в том, что такие видения были вполне нормальной частью духовной жизни.

Она обычно говорила: «Нарасимха видел Кришну и говорил с Ним, Тулсидас напрямую обращался к Раме, и Рама предстал перед ним. Мирабай общалась с Кришной, пела, танцевала, играла с Ним».

Такие истории казались мне правдоподобными, так как у меня самого был опыт общения с Кришной: он приходил и играл со мной. Чем больше ты играешь с богами и любишь их, тем больше привыкаешь к этому. Я все чаще хотел, чтобы Кришна приходил ко мне и играл со мной. Я привязался к *даршану* Кришны настолько, что вся моя жизнь сводилась к нахождению способов и путей, помогающих мне увидеть Его.

Мое желание видеть Бога в любой момент никогда не было полностью осуществлено, поэтому я начал поиск учителя, или гуру, который сам видел Кришну и мог показать Его мне. Я хотел научиться у такого учителя вызывать Кришну в любой момент. Я исходил Индию вдоль и поперек в поисках такого человека, но никто не смог удовлетворить моего желания.

Именно из-за желания видеть Бога я побывал во многих местах. И везде я задавал один и тот же вопрос: «Вы можете показать мне Бога?» Кто-то сердился на меня за этот вопрос, а кто-то просто смеялся над моей просьбой.

Но когда я пришел к Махарши, его реакция была совершенно иной. Когда я спросил его: «Вы видели Бога? Вы можете показать мне его?» — он продолжал хранить молчание. Он отказался отвечать мне. Я был неудовлетворен его безмолвием. На заданный мною вопрос я

хотел услышать либо «да», либо «нет». Я был зол и испытывал неприязнь, потому что он полностью игнорировал то, что было для меня самым важным в мире вопросом.

Тогда я пошел на противоположную сторону Аруначалы и провел там несколько дней, так как не хотел оставаться с Махарши и его учениками. В конце моего пребывания там я опять пришел в ашрам Махарши сказать ему, что уезжаю из города и приступаю к новой работе в Мадрасе. Его служитель попытался остановить меня и не пустить в комнату Махарши, поскольку существовало неписаное правило не беспокоить его в такое время, но Махарши вмешался и позволил войти в зал.

И снова я задал ему тот же вопрос: «Вы видели Бога и можете ли показать его мне?»

На этот раз он ответил мне: «Что бы ты ни увидел, не может быть Богом. Все, что ты видишь, — объекты твоих чувств. Бог — это то, посредством чего все вещи видятся, ощущается вкус, происходит осязание и т. д., но увидеть Его невозможно, так как Он — видящий, а не объект видения».

Для меня его слова были чем-то новым. Я просто не думал об этом. И я тут же ощутил все то, что он сказал. Я знал: «Я — видящий, а не объекты, которые я воспринимаю».

Я испытал тот же опыт, что был у меня в детстве в Лахоре. Тогда он пришел тоже не через медитацию. Мы просто сидели вечером и пили прохладный напиток. Я был настолько захвачен открывшимся во мне внутренним ощущением счастья, что целых два дня провел в оцепенении.

Когда же наконец я вернулся к нормальному функционированию, то не мог описать, что со мной произошло. Члены моей семьи хотели знать, что я испытывал, но я не мог передать это словами. Я сам хотел разобраться, что это было. Я хотел знать, но никто из окружающих, казалось, ничего не знал об этом. Поэтому,

когда я был уже достаточно взрослым, я начал переезжать с места на место в поисках того, кто знал, что это было, того, кто сам испытал такой опыт, того, кто смог бы мне это доказать, показав Бога. И когда я встретил Махарши, впервые в жизни у меня было ощущение: «Именно этот человек испытал то же, что и я. Ни я, ни он не можем описать это». После встречи с Махарши я ощутил удовлетворение: я нашел того человека, который напрямую испытал этот опыт.

Дэвид: Вы часто повторяете, что, если ученик испытал некий опыт, он должен прийти к учителю, чтобы он помог оценить его. Именно это случилось, когда вы встретили Махарши?

Пападжи: Да, что-то вроде этого. Я не смог сам оценить этот опыт, так как был не сведущ в этом. Ранее я приводил пример о детях, которые выбирают шоколад вместо стодолларовой купюры, так как они не знают настоящую цену бумажных денег. Нечто подобное было и со мной. У меня были видения, и я пребывал в трансах, боги танцевали предо мной, и мы вместе играли. Это было моим «шоколадом». И только Махарши напрямую раскрыл мне, что стодолларовая купюра, всегда находившаяся при мне, была намного ценнее всех вместе взятых леденцов. Он показал ее значение, но только таким способом, который ни он, ни я не можем объяснить.

Дэвид: Всю жизнь у вас была способность получать непосредственный опыт значения слов, а не просто думать о них. В детстве, когда вы думали о Кришне, появлялся Кришна. Читая книгу Джона Вудрофа «Змеиная сила», у вас был опыт *кундалини*. Когда же вы встретили Махарши, и он сказал вам найти «видящего», сразу же пришел опыт видящего. Обладая таким особенным даром получать непосредственный опыт значения слов,

вам нужен был лишь человек, который бы сказал вам смотреть на свое Я, — тогда бы вы смогли получить опыт своей истинной природы. Я правильно описываю произошедшее?

Пападжи: Это, конечно же, верно. Как только я слышал слова, я тут же получал непосредственный опыт их значения. Я получал прямой опыт значения слова, а не просто думал о нем. Вот только что я говорил о шоколаде. Когда ты слышишь слово «шоколад», это всего лишь слово, колебание звуков, проходящих через воздух. Но если тебе доводилось раньше пробовать шоколад, то это слово вызовет ряд ассоциаций: аромат, привкус во рту. Если я произнесу «кислый лайм», во рту возникнет специфический привкус. Но когда я произношу такие слова, как Бог, Кришна, Иисус, Аллах или Иегова, ничего не происходит внутри тебя, потому что у тебя никогда раньше не было их непосредственного опыта. Эти слова лишь символ того, о чем невозможно говорить, и если у тебя никогда не было опыта того, на что я указываю, сами слова не передадут аромата и ощущения того, что реально и истинно.

Я впервые прочитал книгу «Змеинная сила», когда занимался добычей руды в 1950-х годах. У дяди, управляющего нашим автомобильным магазином, была копия, но он не понимал, что в ней написано. Он принес ее мне и попросил объяснить ему некоторые затруднительные для него моменты.

Я сказал ему: «Я не читал эту книгу, но если ты позволишь, я просмотрю ее. Оставь ее мне, а когда ты придешь в следующий раз, я смогу ответить на возникшие у тебя вопросы».

Я прочитал книгу, и тут же испытал опыт *кундалини* в своем собственном теле. Я читал слова, смотрел на схемы и немедленно испытывал то, на что они указывали. Мне не нужно было выполнять все описанные в этой

книге упражнения. Мне было достаточно просто читать слова. Я не могу сказать, как это происходило, но точно знаю, что слова становились моим реальным опытом.

Ты хочешь знать, помог ли мне Махарши получить опыт видящего, лишь направив мое внимание в нужное направление. Мой ответ «да».

Когда я говорю о лимоне, ты знаешь, о чем я говорю. Ты видел этот объект и можешь описать, как он выглядит и даже попытаться описать его вкус. Но совсем по-другому обстоит дело со словом Я. Никто и никогда его не видел. Ты можешь осмотреть свое тело с ног до головы, но ты не найдешь его. Ты можешь исследовать свои ноги, нос, руки, голову и т. д., но нигде не найдешь его, поскольку Я — не объект. Это не что-то, что принадлежит тебе. Оно — это и есть ты, и ты никогда не сможешь отыскать себя, смотря на принадлежащие тебе вещи.

Кому принадлежат все эти вещи, на которые ты смотришь, в то время как осуществляешь свой поиск? Владельца нельзя описать, но тебе и не нужно никакого описания, чтобы знать, кто ты. Ты непосредственно это знаешь. Ты произносишь Я и моментально осознаешь истину сказанного. Тебе нет необходимости искать ее где-либо еще, потому что это твой прямой опыт. Разве ты спрашиваешь свое Я, кто ты? Ты — Дэвид Годмен, а рядом с тобой находится Бхарат Митра. Разве ты спросишь: «Где Бхарат Митра?» — если он сидит рядом с тобой? Твое Я находится даже ближе, чем Бхарат Митра к тебе. Нужно ли тебе спрашивать: «Где Дэвид Годмен?»

Я пытаюсь донести вот что: просто глупо спрашивать: «Где Бог?» — так как ты сам Бог. Ты есть То. Знай это и скажи: «Я есть то "Я есть"». Тебе нет нужды спрашивать и Он не может быть показан тебе.

Дэвид: Когда я впервые увидел вас, вы сказали мне: «Если бы я спросил себя "кто я?", когда мне было шесть лет, с поиском было бы покончено раз и навсегда. Но

никто мне не подсказал взглянуть на свое Я, пока я не встретил Махарши двадцать пять лет спустя».

Пападжи: Да, так оно и было. Никто и никогда не говорил мне взглянуть на свое Я, источник мысли.

Если ты хочешь получить духовный совет в этой стране, тебе скажут: «Приходи в храм Ханумана и изложи ему свою просьбу. Если ты сделаешь хорошие подношения, возможно, Он исполнит твоё желание».

Именно так, думают люди, они должны обращаться с Богом. Никто даже не упоминает о Я. Никто не говорит об источнике Я. В нашем веке Махарши чуть ли не единственный провозглашал это послание.

Он говорил: «Смотрите на свое Я и напрямую познайте, кто вы на самом деле» — вот почему столько людей приходило к нему. Другие же учителя говорили следующее: «Избегай домашнего образа жизни. Стань йогом. Отправляйся в Гималаи. Поменяй цвет своей одежды и сиди в пещере, выполняй там суровый *тапас* на протяжении нескольких лет».

А Махарши, наоборот, говорил заниматься своими повседневными делами, поскольку отказ от них и уход в пещеру не помогут. Он считал, если хочешь состояться в духовном плане, спроси себя «кто я?», узнай, кто ты, найдя, откуда исходит это «я».

Я был солдатом в армии. Большинство людей считают это не совсем духовным занятием, но большую часть службы в армии я пребывал в состоянии экстаза. Мой ум был сконцентрирован на Боге, и не имело большого значения, какие обязанности я выполняю. При правильном отношении твоя работа никогда не станет помехой. В связи с тем что мои мысли полностью были устремлены к Богу, даже военные обязанности носили для меня духовный характер.

В самом начале, когда я поступил в военную академию в Дехрадуне, нас учили стоять смирно. Услышав

эту команду, я сосредоточивался на том, что происходило у меня внутри. Следующей командой было «вольно!». Ее я воспринимал как инструкцию расслабить свой ум и освободить его от всех мыслей. При этой команде я просто отпускал свои мысли и погружался во внутреннее безмолвие.

Позже нас привели на стрельбище и учили стрелять из винтовок. Мы должны были прицелиться таким образом, чтобы совпали три точки — цевьё, мушка и мишень. Затем нам говорили: «Задержите дыхание во время стрельбы, потому что в процессе дыхания ваше тело содрогается, а при этом тяжело держать мушку на прицеле».

Так я на практике узнал следующее: чтобы сделать точный выстрел, необходимо быть внутренне спокойным и «бездвижным». При стрельбе я сосредоточивался на правильном прицеле, оставаясь при этом совершенно спокойным как физически, так и умственно, а затем нажимал на спусковой крючок. Я был очень хорошим стрелком: я попадал в десять мишеней из десяти. В нашей команде были и такие, кто не мог даже попасть в цель, так как они не понимали, как важно соблюдать инструкции.

Дэвид: У вас действительно был окончательный опыт, когда вам было шесть лет, без физического присутствия гуру?

Пападжи: Да. У меня действительно был тот же опыт даже без физического присутствия гуру. Каждый имеет этот опыт без физического гуру. Гуру лишь указывает, как обнаружить это для себя.

Трудно увидеть луну в новолуние, но тот, кому удалось это, может сказать другим: «Смотрите, там на ветке дерева сидит ворона. Смотрите по направлению моего пальца. А дальше, за головой вороны, видна луна».

Последовав совету, можно увидеть луну, но если продолжать фокусировать свое внимание на пальце, вороне или ветке дерева, ты не увидишь то, что именно находится в указанном направлении. Писания, оставленные основателями разных религиозных учений, и учителя, помогающие разобраться в самой сути написанного, являются указующими пальцами. Многие устремляют свое внимание на пальцы, а не на то, в каком направлении они указывают. Никакая книга, человек или слово не могут выразить истину. Ты сам должен посмотреть и уловить ее. Это должно стать твоим собственным опытом, а не чем-то, что ты перенял от кого-то еще.

Дэвид: Разве вам не потребовалось двадцать пять лет интенсивной Кришна-бхакти, чтобы осуществить свои желания?

Пападжи: Моим единственным желанием было увидеть Кришну своими собственными глазами. Оно родилось не в этой жизни, а в прошлой. Даже в своей прошлой жизни я пытался увидеть его. А в этой жизни я посетил место, где я жил в прошлой жизни. Я увидел храм, воздвигнутый мною, и идол Кришны, который я установил внутри, но мое старое *самадхи* было смыто рекой Тунгабхадрой. Мое желание не было осуществлено в той жизни, поэтому мне пришлось родиться еще раз, чтобы его выполнить. Любой, кто к моменту смерти не осуществил свое желание, вернется на землю в другом теле и попытается его осуществить. Так будет продолжаться до тех пор, пока желаний не останется. Отсутствие желаний называется освобождением, свободой. Это конец цикла рождения и смерти.

Дэвид: Как вы считаете, ваша встреча с Махарши в 1994 году и окончательное прозрение в его присутствии было предопределено или это могло случиться раньше?

Пападжи: Если ты отслеживал события моей жизни, ты поймешь, что это должно было случиться. Наша встреча была предопределена. Но в то же время, должен сказать, я не верю в судьбу. Для большинства людей судьба означает своего рода фатализм. Недалекие люди винят судьбу во всем, что с ними случается. Я не отношусь к таким людям. Я считаю, что моя жизнь не развивается по определенной модели. Я знаю, чего я хочу, и иду к поставленной цели.

Не стоит винить в происходящем судьбу. Если ты хочешь обрести свободу, зачем думать, предопределено это или нет? Просто прими решение: «Я хочу стать свободным сегодня. Я хочу обрести свободу прямо сейчас. Я не согласен больше ждать и откладывать». Такой опыт придет только тогда, когда ты откажешься находить причины и отговорки, чтобы отложить дело на потом.

Тебе очень повезло, что ты приехал в Лакнау. Этот опыт доступен сейчас здесь в Лакнау. Как ты можешь говорить, что «сейчас» не здесь. Сейчас всегда здесь, а не в следующем моменте или в прошлом, не завтра и не вчера. Между следующим и предыдущим находится то, что не каждый может увидеть. Почему? Потому что ты должен быть этим, а не видеть это. Ты находишься и всегда остаешься в этом промежутке. Такое бытие доступно каждому во все времена, но необходимо относиться к этому очень серьезно, если хочешь быть одним с этим. Ты должен принять решение не откладывать на потом. Сейчас есть все необходимые условия. Не упускай данную тебе возможность. Из шести миллиардов человек здесь присутствуют только около сотни. Как тебе повезло! Я не собираюсь чинить тебе препятствия. Это придет к тебе, потому что оно уже здесь. Здесь и сейчас не нужно пытаться, так как именно попытки приводят в замешательство. Не пытайся и даже не думай, так как думанье только все осложнит. Не думай и не прилагай усилий. И тогда увидишь, каков будет результат.

Когда я впервые начал собирать информацию о событиях, происходящих в жизни Пападжи, которые затем появились в книге «Интервью с Пападжи», и сопоставлять их, я предположил, что его духовный рост можно разделить на некоторые периоды — начало, середину и конец — и что кульминация приходится на одну из его ранних встреч с Махарши. Я собирал факты, подтверждающие мою версию, не зная, что у Пападжи была совершенно иная точка зрения на происходящие события его жизни. Как-то на одном из сатсангов, в октябре 1995 года, он, в ответ на мой вопрос, однозначно подтвердил, что окончательное прозрение наступило в Лахоре, когда он был еще ребенком.

У меня был прямой опыт (когда мне предложили манговый напиток), но никто не сказал мне: «Это истина. Ты не нуждаешься больше ни в чем».

Вместо этого все говорили мне: «Благодаря Кришне ты наслаждался таким состоянием покоя. Если начнешь поклоняться Ему, Он появится перед тобой и сделает тебя счастливым».

Я уже был счастлив, но эти несведущие люди принудили меня выполнять *садхану*, так как полагали, что мне нужны все новые и новые переживания. В связи с тем что никто из тех, кто имел на меня влияние, не сказал мне: «Тебе больше ничего не нужно. Оставайся как ты есть», — я потратил много лет на поиски внешних богов.

В моем понимании, опыте и убеждениях ничего не изменилось с шестилетнего возраста. С того возраста и до сих пор, когда мне уже больше восьмидесяти лет, не произошло никаких изменений, но эта истина и понимание полностью раскрылись передо мной, лишь когда я встретил Махарши. Вот какова роль истинного учителя — показать и сказать тебе, что ты есть и всегда был Тем, и сделать это так, чтобы у тебя не оставалось никакого сомнения в его словах.

Полный текст этого разговора вы найдете дальше в главе «Гуру и ученик», а пока я вернусь к описанию его жизни. Когда я прервал свое повествование, мы остановились на моменте, где Пападжи, находясь в Раманашираме, описывал, что случилось в день его визита к Махарши, когда он рассказал ему, что больше не может выполнять джапу. После этого важного визита он вернулся в Мадрас и приступил к работе.

После этого опыта в присутствии Махарши внешне я продолжал вести прежний образ жизни. Я вернулся в Мадрас, выполнял свои обязанности на работе и прилагал все усилия, чтобы обеспечивать свою семью. На выходные или когда накапливалось достаточно отгулов, я приезжал в Тируваннамалай, садился у ног учителя и наслаждался светом его присутствия. Тот циничный и скептический ищущий, который агрессивно противостоял Махарши в свой первый визит, исчез навсегда. Осталась только любовь к Махарши.

Первые несколько месяцев после моего разговора с Махарши в моей голове не было ни единой мысли. Я мог ходить на работу, выполнять свои обязанности, но мой ум был свободен от мыслей. В таком же состоянии я пребывал, когда вернулся в Тируваннамалай, сидел в зале с Махарши, прогуливался около горы или совершал покупки в городе, — все, что я совершал, происходило без какой-либо ментальной активности. Я пребывал в океане внутреннего безмолвия, и ни одна волна мысли не тревожила его поверхности. Я быстро осознал, что ум и мысли вовсе не являются необходимостью для функционирования в этом мире. Когда пребываешь в Я, высшая сила берет заботу о твоей жизни в свои руки. Все происходит само собой без каких-либо намеренных усилий или действий.

По выходным я часто брал с собой в ашрам семью и сослуживцев. Из всех людей, которых я приводил

к нему, казалось, больше всего Махарши умиляла моя дочь. За время пребывания в Мадрасе она достаточно хорошо выучила тамильский язык и могла разговаривать с ним на его родном языке. Они вместе играли и смеялись, когда она приезжала к Махарши.

В один такой визит, сидя перед Махарши, она вошла в состояние глубокого медитативного транса. Когда был подан знак идти на ланч, я не смог ее дозваться. Махарши посоветовал мне оставить ее в покое, и мы пошли есть без нее. Вернувшись после трапезы, мы увидели, что она находится в той же позе и в том же состоянии. Так прошло еще несколько часов, прежде чем она вернулась в нормальное состояние.

Майор Чадвик наблюдал это с большим интересом. Когда девочка вышла из транса, он подошел к Махарши и сказал: «Я хожу сюда уже на протяжении десяти лет, но у меня никогда не было подобного опыта. А эта семилетняя девочка испытала его, кажется, не прикладывая к этому никаких усилий. Как такое может быть?» Махарши только улыбнулся и ответил: «Откуда тебе знать, может, она старше тебя».

После такого глубокого опыта моя дочь влюбилась в Махарши и очень привязалась к его форме.

Перед нашим отъездом она обратилась к нему с такими словами: «Ты мой отец. Я не собираюсь возвращаться в Мадрас. Я останусь здесь с тобой». Улыбнувшись, Махарши сказал: «Нет, ты не можешь остаться здесь. Ты должна ехать со своим настоящим отцом. Учись, получай образование, а затем, если захочешь, вернешься сюда».

Пережитый ею опыт сильно повлиял на ее жизнь. Совсем недавно, несколько недель назад (в сентябре 1992 года), я услышал ее разговор на кухне. Она кому-то говорила, что вспоминает это событие каждый день. Но на расспросы она ничего не может ответить. Если задать ей вопрос: «Что случилось в тот день, когда ты была в

трансе, находясь рядом с Махарши», — ее ответ будет неизменным. Она начинает плакать. Она никогда не могла рассказать или описать, даже мне, что именно произошло.

Приезжая в Шри Раманашрам, я находился в комнате рядом с Махарши и слушал, как он беседует с учениками, отвечая на все их вопросы и развеивая все их сомнения. Иногда, когда что-нибудь было мне неясно или что-то не отвечало моему опыту, я сам задавал ему вопросы. Мои армейские тренировки научили меня расспрашивать до тех пор, пока объясняемый материал не станет полностью мне понятен. Такую же тактику я применял и относительно философских учений Махарши.

Например, однажды я слушал, как он рассказывал посетителю, что духовное Сердце располагается в правой стороне груди и мысль «я» возникает и исчезает именно там. Это не соответствовало моему опыту Сердца. В свой первый визит к Махарши, когда раскрылось и расцвело мое Сердце, я понял, что оно располагается ни внутри, ни снаружи телесной оболочки. Исходя из своего собственного опыта Я я знал: нельзя сказать, что Сердце имеет границы или локализовано в теле.

Поэтому я присоединился к разговору и спросил: «Почему вы привязываете духовное Сердце к определенному месторасположению — в правой стороне грудной клетки? Для Сердца не может быть ни лева, ни права, так как оно расположено ни внутри, ни снаружи тела. Почему бы ни сказать, что оно находится везде? Как можно ограничивать истину до расположения ее внутри тела? Разве не корректнее сказать, что не Сердце располагается в теле, а тело пребывает в Сердце?»

Я задал вопрос решительно и без страха, поскольку именно так научили нас в армии.

Ответ Махарши полностью удовлетворил меня. Повернувшись ко мне, он объяснил, что такое разъяснение он дает людям, которые все еще ассоциируют себя с телом.

Он сказал: «Когда я говорю, что ощущение "я" возникает и растворяется в правой стороне грудной клетки, эта информация предназначена для тех, кто продолжает считать, что они — это тело. Таким людям я говорю, что Сердце расположено именно там. И действительно, я согласен, что не вполне корректно говорить о возникновении и растворении "я" в Сердце с правой стороны груди. Сердце, или Реальность, находится ни внутри, ни вне тела, так как только оно и есть. Под словом "Сердце" я не подразумеваю какой-либо физиологический орган, совокупность органов или что-нибудь еще, но если человек продолжает отождествлять себя с телом, считая себя таковым, то ему я советую найти, где "я-мысль" возникает и исчезает снова. В таком случае Сердце должно располагаться с правой стороны груди, так как любой человек — независимо от расовой, религиозной принадлежности — произноса слово "я", рукой указывает на правую сторону груди. Так происходит во всем мире, так что, должно быть, оно там и находится. И внимательно наблюдая ежедневное появление мысли "я" по пробуждении и ее исчезновение во сне, можно увидеть, что это происходит в этом Сердце с правой стороны груди».

Мне нравилось вести беседы с Махарши, когда он оставался один или в небольшой компании, но такое случалось редко. Большую часть времени его окружало много людей. Даже когда я обращался к нему с вопросом, мне приходилось прибегать к помощи переводчика, так как я не достаточно хорошо знал тамильский язык, чтобы вести на нем философскую беседу.

Самым благоприятным временем для таких бесед были летние месяцы: тогда климат был настолько неблагоприятным, что приходило очень мало посетителей. Как-то в самый разгар лета к Махарши пришли всего лишь пять человек.

Чадвик, один из присутствующих в этот день, пошутил по этому поводу: «Мы ваши бедные ученики, Бхагаван. Все, кто мог позволить себе выехать в горы, в прохладу, уже уехали. Остались только мы, бедняки». Махарши рассмеялся и ответил: «Да, остаться здесь летом, а не сбежать куда-нибудь — это настоящий *тапас*».

Выполнять тапас означает делать некоторые суровые формы практик для достижения духовного прогресса. Так как слово «тапас» произошло от санскритского слова, значение которого «жар», Бхагаван, скорее всего, намеренно использовал такую игру слов.

Иногда я сопровождал Махарши в его прогулках по ашраму, что давало мне возможность вести с Махарши частные беседы и наблюдать, как он обращается с преданными ему учениками и работниками ашрама. Я наблюдал, как он следит за раздачей пищи, контролируя, чтобы каждый получил поровну, как пытается убедить работников продолжать свою работу, а не падать ниц перед ним. Любое его действие было уроком для нас. Каждый его шаг заключал в себе учение.

Махарши предпочитал работать с окружающими его людьми в спокойной обстановке, без какого-либо фарса. Он не демонстрировал свою силу, просто от него исходили тонкие эманации милости, которая входила в сердца тех, кто вступал с ним в контакт.

Я стал свидетелем одного происшествия, которое иллюстрирует, как тонко, неявно он воздействовал на нас. Женщина принесла своего мертвого ребенка к Махарши и положила его тело перед ним. По-видимому, мальчик умер от укуса змеи. Женщина просила Махарши оживить ее сына, но он непреклонно игнорировал ее многократные мольбы. Несколько часов спустя управляющий ашрама вынудил ее забрать тело ребенка. Выходя из ашрама, она встретила заклинателя змей, который

заявил, что может оживить ее сына. Этот человек взял руку мальчика, сделал что-то в месте укуса, и ребенок ожил, несмотря на то, что он был мертв несколько часов.

Находящиеся в ашраме преданные приписывали это чудесное исцеление Махарши, говоря: «Когда *джняни* обращает внимание на какую-нибудь проблему, автоматически вступает в действие "божественная сила" и устраняет ее».

Исходя из этой теории на сознательном уровне Махарши не помог мальчику, но на более глубинном, подсознательном уровне его осознание проблемы привело к тому, что в нужном месте появился как раз тот человек, который смог помочь. Сам Махарши, естественно, отрицает свою причастность к чудесному исцелению. «Разве?» — только сказал он, когда ему сообщили о волнующем исцелении ребенка. И так было всегда. Он никогда не демонстрировал чудес и не признавал своей причастности к тому, что происходило в его присутствии или благодаря глубокой вере в него его учеников. Он признавал только чудотворное действие внутренней трансформации. Одним лишь словом, жестом, взглядом или просто пребывая в безмолвии, он мог внести покой в умы тех, кто присутствовал рядом с ним, тем самым раскрывая, кто они есть на самом деле. Это самое великое чудо из всех чудес.

Приблизительно в это же время Пападжи встретил еще одного великого святого, мусульманского пира из Багдада. О нем Пападжи узнал от одного профессора из Аллахабада, которого он встретил в Раманашираме.

Я продолжал работать в Мадрасе и получил телеграмму от доктора Съеда из Аллахабада с просьбой узнать, проживает ли этот *пир* на Линги Четти Стрит, в Мадрасе. Доктор Съед был моим другом, я познакомился

с ним в Раманашраме. Он был как мусульманином, так и *бхактой* Кришны — необычное сочетание. В телеграмме говорилось, что я должен навести справки в доме Хана Бахадура Абдул Рашида, работающего по контракту армейским служащим в чеширском полку, который в то время обосновался в Авади. Позже я выяснил, что доктор Съед слышал об этом человеке от одного знакомого суфия из Пешавара. Его друг суфий сказал ему, что этот *пир* был мистиком высочайшего уровня. И тогда он тут же загорелся желанием его увидеть.

В связи с тем что я сам работал на армию, я был наслышан о Хане Бахадуре, который располагал информацией об этом *пире*. Он был владельцем завода и заключил контракт с армейской базой в Ренигунте.

Я пришел на место его работы и выслушал удивительный рассказ о том, как он встретил пира: «Ехал я в фургоне и тут заметил, что вдоль дороги идет факир. Я предложил подвезти его и в итоге привез к себе домой на Линги Четти Стрит. Казалось, ему негде было остановиться, и я предложил расположиться у меня. Я полагал, что оказываю ему услугу, но он отказался принять мое приглашение, мотивировав это тем, что никогда ни с кем не остается. Складывалось впечатление, что ему нравится одиночество и предпочитает он те места, где нет шансов кого-либо встретить. Неподалеку от дома, где я жил, был еще один дом. Некоторые служащие с моего завода работали там, но я объяснил ему, что могу направить их работать в другое место, и тогда целый дом будет только в его распоряжении. Он принял мое предложение, но при условии, что никто, кроме него, не будет посещать этот дом. Этот запрет будет распространяться даже на меня, как только он въедет в дом. Несмотря на всю странность этой просьбы, я согласился на выдвинутые им условия. Меня что-то притягивало в нем, и я хотел оказать ему услугу. Каждый день я приносил ему еду и оставлял у порога дома, он не отказывался

от нее, но с тех пор как поселился в этом доме, мне так ни разу не удалось его увидеть. Он выходил только для того, чтобы забрать еду, когда вокруг никого не было». Я объяснил цель своего визита: «Мой друг из Аллахабада попросил меня навести справки, потому что он планирует приехать и увидеться с ним. Он вообще принимает людей? Могу ли я написать другу, чтобы он приезжал?» «Трудно сказать, — ответил Хан Бахадур. — Если ему повезет, факир откроет ему дверь. Он принял мое предложение подвезти его и пожить в одном из моих домов. Но с тех пор он не хотел никого видеть. Даже мне он запретил приходить к нему. А несколько недель назад меня пригласили на рождественский ужин, организованный губернатором округа Мадраса, господином Малколмом Нье. Во время торжественной церемонии его жена поинтересовалась у меня, живет ли в городе какой-нибудь святой, кому она могла бы нанести визит. Я рассказал ей о *пире*, живущем в том доме, но предупредил, что, возможно, он не захочет принять ее, так как никому не открывал дверь. Но это не охладило ее пыл, и мы договорились встретиться и вместе пойти к факиру. В назначенный день мы пришли к его дому. Я постучал в дверь, представился и объяснил, что жена губернатора округа Мадраса пришла со мной, чтобы получить его *даршан*. Ответа не последовало. Я принес свои извинения госпоже Нье, сказав, что многие факиры ведут себя подобным образом, так как они сами решают, кого им принимать, а кого нет. Так вот, напишите своему другу из Аллахабада обо всем этом. Если он не откажется от своего намерения, то, во всяком случае, будет готов к подобной встрече».

Так я и сделал. Я написал доктору Съеду о произошедшей с госпожой Нье истории. Я полагал, что мое изложение событий охладит его пыл, однако он приехал, даже не дождавшись моего письма. Из другого источника он получил подтверждение, что *пир* жил в этом доме,

и уехал из Аллахабада еще до того, как пришло мое письмо. Он постучался ко мне в дом на следующий день рано утром, горя желанием пойти вместе к пиру. Меня не было дома и его приняла и накормила завтраком моя жена. Она сказала ему, что я вернусь с работы в час дня, но он не захотел ждать так долго. Он разыскал офис, где я работал, и настаивал, чтобы я немедленно пошел с ним к *пиру*.

Как же я могу уйти с работы так рано, да еще по такой причине? Я объяснил ему, что мой начальник не позволит отлучиться во время рабочего дня. Невзирая на это, доктор Съед направился к моему боссу, и ему удалось убедить его отпустить меня на несколько часов.

Мы направились к Хану Бахадру. Я представил доктора Съеда как профессора из университета в Аллахабаде, который проделал весь путь в Мадрас, чтобы встретиться с *пиром*. Хан Бахадур не разделял оптимизма относительно наших шансов войти внутрь. Он вновь рассказал историю, произошедшую с женой губернатора, так как доктор Съед еще не был в курсе этого события, и добавил, что вряд ли он впустит нас.

Хан Бахадур привел нас к дому и покинул нас, оставив около дверей. Доктор Съед постучался и представился на персидском языке, полагая, что это произведет должное впечатление. Он изучал восточные языки в Аллахабаде и слыл признанным экспертом в области мусульманства. Но ответа не последовало.

«Давай немного подождем, — обратился он ко мне. — Возможно, он молится в данное время».

Через двадцать минут он опять постучал в дверь. На этот раз *пир* подал признаки жизни, прокричав, чтобы мы уходили.

Доктора Съеда это совсем не порадовало. Он проделал этот долгий путь специально для того, чтобы поговорить с этим человеком, а в результате даже не мог войти в прихожую.

«Этот человек не похож на Махарши, — посетовал он. — С Махарши могут встретиться все желающие. А этот человек никому не позволяет даже увидеть его. Как мы можем набраться мудрости у святых, если они не позволяют находиться в их присутствии? Ну что ж, пошли к тебе домой. Не стоит здесь попусту тратить время».

Я не хотел уходить, не повидав этого *пир*: «Возвращайся ко мне домой, и моя жена накормит тебя обедом. Скажи ей, что я приду позже. Я пришел встретиться с этим человеком и не уйду до тех пор, пока не увижу его».

Я чувствовал: стоит встретиться с человеком, который всячески избегает встреч с кем-либо.

Доктор Съед не прошел и нескольких ярдов по улице, как *пир* открыл мне дверь. Указав на удаляющуюся фигуру профессора, я объяснил, что именно этот человек проделал долгий путь из Аллахабада, чтобы только встретиться с ним.

«Мне позвать его?» — спросил я. «Нет, — был жесткий ответ наставника. — Он пришел сюда без благих намерений. Он хочет, чтобы я помог ему разрешить спорный вопрос о частной собственности в его пользу. Мне неинтересны такие люди. А что касается тебя, то ты — *пир* Индии. Я с удовольствием беседую с подобными тебе людьми».

Он пригласил меня войти и любезно предложил сесть на его *sazenamaz*, личный молитвенный коврик. Некоторое время мы сидели на нем, храня молчание. Немного позже опять раздался стук в дверь.

«Принесли мой обед, — промолвил *пир*. — Работник Хана Бахадура приносит его каждый день в полдень и оставляет перед дверью. Ты должен разделить со мной трапезу».

Так мы сидели рядом и ели его обед. Во время еды он рассказал свою историю жизни. В самом начале своего пути он был профессором в Багдаде, но по какой-то

причине почувствовал необходимость приехать в Индию, чтобы встретиться с некоторыми учителями, живущими там.

«Я знаю таких учителей прошлого, как Шамса Табриз из Мултана, Кабир и других великих учителей, — сказал он. — Мною овладело страстное желание приехать сюда и посмотреть, продолжает ли Индия производить на свет таких же великих учителей».

Я рассказал ему о Рамане Махарши и упомянул суфия, которого встретил у себя дома в Пенджабе. Его очень заинтересовал мой рассказ о Махарши, тем более что он жил совсем недалеко от Мадраса.

Около трех часов дня я сказал ему, что должен идти домой, так как меня там ждет мой друг из Аллахабада. Я спросил его разрешения вновь прийти к нему, но он уклонился от ответа.

«Тебе нет нужды приходить, — сказал он. — Я буду с тобой всегда и везде».

Дома жена сообщила мне, что доктор Съед уже уехал на станцию.

«Он взял отпуск в университете всего лишь на три дня, — объяснила она. — У него был билет на вечерний поезд сегодня. Он не стал дожидаться тебя, поскольку это означало бы прогул в университете».

В своем письме я описал ему события, произошедшие после его ухода. Он, в свою очередь, сообщил, что все, рассказанное *ним*, правда. В Аллахабаде он в самом деле оспаривал свои права на частную собственность. Несколько лет он работал преподавателем в Англии. За время его отсутствия некоторые его родственники заняли его дом. После его возвращения они отказались освободить занимаемую ими площадь, хотя первоначально была договоренность, что они будут жить в его доме, пока он не вернется из Англии. Поэтому-то он и приехал к *ниру*. Он хотел получить его благословение вернуть себе дом. Вот почему *нир* отказался принять его.

Доктор Съед писал, что был очень расстроен из-за своей неудавшейся попытки поговорить с *пиром*, но в нескольких строках излагал свою радость по поводу того, что мне все-таки удалось познакомиться с великим святым.

Несмотря на то что я не получил положительного ответа на просьбу увидеть его вновь, я все же настоял, чтобы мы вместе отправились к Махарши в Тируваннамалай в один из моих визитов в выходные дни. Некоторое время мы вместе сидели в зале и смотрели на Махарши. Спустя несколько минут *пир* поднялся, выразил свое почтение и откланялся.

Догнав его, я спросил, почему он так внезапно ушел, на что он ответил: «Я вдохнул аромат одного цветка в саду индуизма. Мне нет надобности нюхать остальные цветы. Теперь я удовлетворен и могу вернуться в Багдад».

Этот человек был *джняни*, истинным знатоком реальности. Такие люди встречаются очень редко. За эти несколько минут, проведенные с Махарши, он получил удовлетворение от осознания того, что «цветение» индуистского *джняни* было таким же, как высший опыт мусульманских святых.

Благодаря своим частым визитам в Раманаишрам Пападжи подружился с младшим братом Махарши, и тот часто заходил к нему домой, когда приезжал в Мадрас по делам командировки. Дом Пападжи стал центром, где собирались преданные, приезжающие в Раманаишрам и покидающие его.

Младшим братом Махарши, а также управляющим ашрама был свами Ниранджанананда по прозвищу Чиннасвами. Он испытывал ко мне глубокую симпатию. Когда бы он ни приезжал в Мадрас по делам ашрама, он всегда заглядывал ко мне на квартиру. Большой

частью он приезжал и занимался печатным делом, но также выполнял и более мелкие поручения, такие, как покупка новых колесных бандажей для повозок ашрама. Я всегда приглашал его пообедать со мной, но он обычно отказывался на том основании, что должен вернуться в ашрам вечерним поездом. Когда наступало время ехать, я провожал его до Милапора. Как-то в один свой визит он сказал мне, что Махарши дал полное благословение лишь мне и не дал его даже своему младшему брату.

Обычно я посещал ашрам дважды в месяц. По субботам и воскресениям армейские магазины, где я работал, были закрыты, и я свободно мог приходить в ашрам по выходным. Я садился на дневной поезд в субботу, а возвращался в воскресенье вечером. Таким образом, я проводил в ашраме целые сутки.

Однажды я пришел в ашрам со своим старым другом из Бангалора, который частенько приезжал в Мадрас навестить меня. Моя жена обычно жаловалась ему, что я трачу добрую половину своего заработка не только на поездки в Тируваннамалай, которые я совершаю дважды в месяц, но еще и на прием у себя дома различных *садху* и гостей из Шри Раманашрама. Многие из них остаются на ночь, чтобы скоротать время до отправления поезда в Бомбей, Дели или в другое место.

Однажды со мной произошел вот какой случай. В день выдачи денег я отправился в Шри Раманашрам, не дав некоторую сумму жене, чтобы она смогла заплатить за жилье, внести плату за обучение детей в школе и потратить на другие домашние нужды. Эти деньги лежали у меня в кармане, но я забыл отдать ей и спокойно пошел по своим делам. Лишь на станции, когда я вынул деньги, чтобы заплатить за билет, я осознал свою ошибку, так как предназначенная моей жене доля лежала у меня в кармане. Я сказал об этом ехавшему со мной другу из Бангалора.

Выходные я провел в ашраме. Я уже собирался вернуться в воскресенье вечером в Мадрас, но тут подумал: «Зачем мне везти обратно все деньги?» Вместо этого я отдал их Чиннасвами как пожертвование ашраму.

Мой друг, который должен был ехать со мной в это же время, пожертвовал 10 рупий. Увидев, что я отдаю все имеющиеся у меня деньги ашраму, которые, как он знал, предназначались для хозяйственных расходов в Мадрасе, мой друг рассказал об этом свами Ниранджанананде, который, в свою очередь, отказался принять такой дар. Чиннасвами сказал, что примет от меня такую же сумму, какую внес мой друг, — 10 рупий. Вернув остаток мне, он заметил, что в настоящее время у ашрама предстоят небольшие затраты.

«На сегодняшний момент мы готовим примерно на двадцать человек, — сказал он. — Наш расход не очень велик. Он составляет около 80 рупий в день, поэтому нам не нужны твои деньги».

Многие люди испытывали трудности при общении с Чиннасвами, но мы всегда с ним хорошо ладили. Когда бы я ни пришел в ашрам, его сын Шри Т. Н. Венкатараман, который был президентом «Совета попечителей» в Раманаашраме на протяжении многих лет, обычно говорил мне, что я был единственным учеником его отца. Со всеми попечителями ашрама я всегда был в самых хороших отношениях.

У супруги Пападжи были свои причины раздражаться на его видимое пренебрежение к деньгам:

Если я не уезжал к Махарши по выходным, то субботними вечерами я приходил на Марина Бич в Мадрасе и медитировал там целую ночь. Примерно в это время, думаю, в 1945 году, я прочитал историю о Рамакришне Парамахамсе, великом святом из Бенгалии.

Он часто проводил время на берегу Ганга в Калькутте. С одной стороны перед ним лежала кучка камней, а с другой — кучка, сложенная из монет. Он поочередно бросал монеты и камни в воду, пытаясь обнаружить, в чем же их отличие и есть ли оно. В конце концов он пришел к заключению, что между ними нет никакой разницы, и выбросил оставшиеся монеты в воду. Мне настолько нравились его отрешенность и полное равнодушие к деньгам, что я решил ходить на берег и следовать его примеру. Приходя к морю, я выбрасывал в воду все, что было в моих карманах, не заботясь о том, что у меня не хватит денег, чтобы добраться домой. Рано утром я проделывал долгий путь домой.

Как-то в субботу вечером моя жена вместе с детьми решили пойти вместе со мной на пляж. Придя на место, я сказал ей: «Когда я прихожу сюда, меня охватывает великий дух отречения. Все, что у меня есть с собой, я выбрасываю в море и возвращаюсь домой без денег. Так как в эти выходные ты пришла со мной, ты должна поступить так же. Сними с себя все свои украшения — кольца, браслеты, серьги — и брось их в море».

Моя жена подумала, что я сошел с ума, и недвусмысленно высказала свое мнение. Но недолго она наслаждалась своими украшениями. Примерно неделю спустя наш дом обворовали и вместе с другими ценностями унесли все ее украшения, которые она отказалась бросить в воду.

В то время мы снимали жилье у школьного учителя, проживающего этажом ниже. У него было шесть дочерей и больной полиомиелитом сын, который не мог ходить. Для индийской семьи это было большим горем: мальчик никогда не устроится на работу и не создаст семью, а бедный отец, получающий мизерную зарплату, должен скопить приданое своим шестерым дочерям, чтобы они смогли выйти замуж и составить хорошую партию.

Как-то вечером, возвращаясь из храма после празднования Кришна Джанмастами, мы, приблизившись к дому, заметили этого школьного учителя. Он спускался по приставной лестнице с нашего балкона на свой этаж. Когда мы зашли внутрь, то обнаружили пропажу украшений моей жены, а также нескольких ее сари.

Я подумал: «Это должно было случиться. Она отказалась бросить свои украшения в море, поэтому пришел вор и забрал их».

Я испытывал глубокое сочувствие по отношению к этому человеку, живущему под нами. На его долю выпало так много несчастий: нужно поставить на ноги стольких дочерей, найти им мужей, да еще ухаживать за больным сыном.

«Пусть оставит себе вырученные за украшения деньги, — подумал я. — Они нужны ему, чтобы содержать семью».

Спустя несколько дней я получил письмо от адвоката домовладельца, уведомляющее меня, что, если я в ближайшее время не выплачу должной суммы за аренду квартиры, моей семье придется покинуть дом. Он заявил, что я задолжал за двенадцать месяцев, хотя я заплатил необходимую сумму с авансом в три месяца. Я стал искать квитанцию об уплате за квартиру, но обнаружил, что и она была украдена, а без этого документа я не мог доказать, что вообще платил за жилье.

В связи с моим отказом выплачивать ему какие-либо деньги хозяин дома в конечном счете заставил меня явиться в суд. Я рассказал судье, что в день ограбления мы видели, как домовладелец спускался по лестнице из моей квартиры. В тот же день пропали и квитанции об уплате за жилье.

«Вы заявили о пропаже в полицию?» — поинтересовался он. «Нет, — ответил я. — Он бедный человек, и у него тяжелая жизнь. Я не хотел создавать ему еще больше

проблем. Ему нужны деньги, чтобы выдать своих дочерей замуж, и я не стал делать заявления».

Судья поверил мне, и дело было закрыто, но перед тем как отпустить меня, он предупредил: «Господин Пунджа, будьте осторожны. Ваша честность может сослужить вам медвежью услугу и причинить вам неприятности».

Позже от своих соседей я узнал, что наш учитель уже не в первый раз проделывает такой трюк со своими жильцами. И нам пришлось как можно скорее покинуть этот дом, так как мы не могли больше оставаться там после произошедшего случая. Спустя семь дней после этого происшествия сын учителя умер. А вскоре после этого скончался и сам учитель от укуса змеи. По закону природы обман никогда не остается безнаказанным. Обманув кого-либо, приходится расхлебывать последствия поступка.

Как-то я спросил его супругу и детей, не приходило ли им в голову, что все беды, свалившиеся на их семью, могут быть последствием их нечестного образа жизни. Его жена посмотрела на меня, как будто не поняла, о чем шла речь. Тогда я напомнил ей об украденных из нашей квартиры драгоценностях. В ту ночь она страховала своего супруга у лестницы, поэтому, полагаю, была в курсе происходящего. Но она все отрицала. Тогда я не хотел причинять им лишних проблем и не заявил об увиденном в полицию, но они возбудили против меня судебное дело и вызвали в суд. Впоследствии, когда их дело было закрыто, они продолжали врать — вот как бывает в жизни.

Наш мир — это большая *самсара*. Все люди — честные и лживые — находятся в ее ловушке. И лишь немногие осознают это и пытаются освободиться от *самсары*. Это пришло мне в голову, когда я наблюдал, как рыбаки забрасывают сети в море и вытаскивают на берег пойманную рыбу. Две лодки с натянутой между ними

сетью медленно движутся к берегу. Рыба в сети, но, не осознавая этого, она не беспокоится. Вокруг все еще много воды, и она продолжает спокойно плавать. Так происходит с каждым в мире. Нас окружает сеть смерти. Если мы не предпримем что-нибудь, то обречем себя на смерть. Но кому есть дело до этого, кто пытается выбраться? Практически никто.

В книге Рамакришны я прочитал одну историю, где рассказывалось о различных реакциях рыб, обнаруживших себя в сети. Наблюдая, как рыбаки окружают свой улов, я понял, насколько его слова были верны.

Некоторые рыбы очень осторожны и никогда не приближаются к сетям. В них заложен инстинкт недоверия. Некоторые святые ведут себя подобным образом. С самого детства они не позволяют миру поймать их в свою сеть. Они осознают ту опасность, которую несут в себе преходящие вещи: «Вчера здесь не было сетей. Это нечто преходящее. Лучше избегать этого». Шукдев был одним из тех, кто не позволял миру прикасаться к себе.

Остальные начинают чувствовать опасность только тогда, когда сети смыкаются вокруг них. Вначале еще есть возможность сбежать. До того как сети сомкнутся, еще можно миновать опасность, выплыв из зоны сетей. Как только почувствуешь приближение сети, устремись к свободе, иначе будет слишком поздно. Те, кто достаточно рано начинают ощущать, что сети *самсары* смыкаются вокруг них, быстро уплывают прочь и спасаются. К такой категории людей принадлежал Рама Тиртха. У него была семья, работа — он преподавал математику, — но он почувствовал, что сеть смыкается над ним, и успел обрести свободу до того, как сеть опутала его.

Те, кто по какой-либо причине медлят предпринять попытку освободиться, скорее всего окажутся на обеденном столе. Некоторые рыбы, опутанные сетью, продолжают оставаться в ней, полагая, что так безопаснее. Но привязанность к чему-либо в *самсаре* не может

помочь. Привязанность к семье, друзьям или религиозным идеям оказывается бесполезной — лишь упрощает задачу смерти поймать вас. Иногда рыба понимает, что над ней нависла опасность только тогда, когда сеть уже сомкнулась. И в последнюю секунду пытается вырваться на свободу, выпрыгивая из сети. Но большинству из них это не удается: либо рыбак поймает во время прыжка, либо хищная птица схватит в воздухе. Мало кому удастся избежать сетей. В большинстве случаев люди пробуждаются и видят опасность *самсары*, уже когда их засосала трясина семейных отношений, работа, обязанности и т. д. Прожив сорок, пятьдесят или шестьдесят лет, лишь некоторые осознают, в каком положении оказались, и героически сражаются за свободу. Побеждают немногие. Остальные, подавляющее большинство, ничего не предпринимают вплоть до самой последней минуты. Лишь за несколько секунд до того, как их вытащат из воды, они начинают борьбу. К такой категории относятся те, кто тянут до последнего момента, пока не становится слишком поздно. Детство и юность — самое благоприятное время для освобождения. А дальше все становится тяжелее и тяжелее.

Однажды вечером я наблюдал такую картину: рыбак привез на берег свой улов и, стоя на берегу, выбрасывал обратно в воду одну или две живые рыбины. Ему помогала жена. Я не мог понять, что он делает, и подошел спросить, почему он отпускает пойманную рыбу обратно в море.

«Чтобы выказать морю свою благодарность за то, что дает нам пищу», — ответил он.

Некоторые люди надеются, что в самый последний момент произойдет чудо, и они будут спасены, но этого практически никогда не происходит. Поэтому лучше самому бороться, пока есть сила, молодость и желание обрести свободу.

Пападжи не планировал возвращаться в Лаялпур, чтобы навестить своих родителей, но в середине 1947 года политическая обстановка в Индии вынудила его покинуть Раманаширам. Вот что он говорит по поводу своего отъезда.

В 1947 году английское правительство под давлением мусульман решило, что после обретения независимости должен произойти раздел Индии. Территория, где большая часть проживающих — мусульмане, будет новым государством Пакистан, а остальная территория будет принадлежать новой независимой Индии. Таким образом, граница проходила с севера на юг восточнее Лахоры. Следовательно, после утверждения независимости, которое должно было произойти в августе, моя семья оказывалась в Пакистане. За несколько месяцев до провозглашения независимости многие мусульмане, проживающие в Индии, мигрировали в еще не сформировавшееся государство Пакистан. В то же время индусы, проживающие на территории, которая должна была относиться к Пакистану, уезжали жить в Индию. В обоих сообществах отношения накалились до предела. Мусульмане нападали, грабили и убивали индусов, пытавшихся покинуть Пакистан, в то время как сами мусульмане, желавшие уехать из Индии, терпели такие же нападки со стороны индусов. Обстановка обострилась настолько, что мусульмане останавливали целые поезда, идущие из Пакистана, где пассажирами были индусы, и расстреливали их. То же происходило и с поездами, идущими в другом направлении: индусы нападали на спасавшихся бегством мусульман и убивали всех пассажиров, находящихся в этих поездах. Я ничего не знал о такой жестокости, поскольку никогда не утруждал себя чтением газет и не слушал радио.

В июле 1947 года, за месяц до провозглашения независимости, ко мне подошел Девараджа Мудальяр,

компилятор книги «День за днем с Бхагаваном», и поинтересовался, из какой части Пенджаба я приехал. Когда я ответил, что приехал из поселения, находящегося в нескольких милях западнее Лахоры, он сообщил мне о предстоящем разделе, акцентируя мое внимание на том, что моя семья и отцовский дом после раздела территории будут находиться в Пакистане.

«Где сейчас находится твоя семья?» — поинтересовался он. «Насколько я знаю, — неуверенно сказал я, так как не поддерживал с ними связь, — они все еще в моем родном городке. Никто из них не проживает на территории, которая будет относиться к Индии». «Так почему бы тебе не поехать к ним и не привезти их сюда? — сказал он. — Им небезопасно оставаться там».

Он рассказал мне о происходящей там резне и о том, что мой сыновний долг заботиться о семье и увести их оттуда. Он даже предложил мне привезти их в Тируваннамалай.

«Нет, — ответил я. — Я не могу оставить Махарши».

Это не было предложением. Я на самом деле так чувствовал. Я достиг такой стадии во взаимоотношениях с Махарши, где моя любовь не позволяла оторвать от него глаз или даже допустить мысль о том, чтобы покинуть его на неопределенный период времени, уехав в другой конец страны.

Степень привязанности Пападжи к Махарши можно оценить по его истории, рассказанной мне в 1994 году.

Практически на протяжении всей жизни доступ к Махарши был неограничен. Его преданные могли прийти к нему в любое время. Но ближе к концу его жизни, когда ежедневно в ашрам приходило очень много народу, было установлено несколько периодов времени для отдыха, во время которых никому не позволялось находиться с ним. Мне было тяжело быть вне его

присутствия, поэтому, когда закрывались двери зала, я обычно садился напротив окна и пристально смотрел в него. Тахта Махарши располагалась таким образом, что из окон невозможно было увидеть его, но когда он поворачивался или вытягивался на спине, можно было увидеть его ногу или локоть. В надежде увидеть его даже мельком я целыми часами просиживал около его окна, как приклеенный. Обычно мне ничего не удавалось увидеть, но я сполна был вознагражден за свое терпение, когда мелькала его рука или нога. Возможность получить такой *даршан* удерживала меня у его окна на протяжении всего дня. Я даже спал там. Я так любил его форму, что не хотел упускать ни малейшей возможности увидеть хоть какую-либо часть его тела.

Когда я получал разрешение войти в зал, мой взгляд всегда устремлялся на его лицо. Я не мог смотреть больше ни на что. Иногда его глаза были полуоткрыты, но большую часть времени они были широко открыты и пусты. Ни у кого другого я больше не встречал таких глаз. Всего лишь один раз за этот период он ответил на мой взгляд. Он посмотрел прямо мне в глаза, и мой взгляд встретился с его взглядом. Это было подобно взглядам возлюбленных. Мое тело охватила дрожь. Я совершенно не чувствовал присутствия своего тела. Из глаз текли слезы, в горле стоял ком. Несколько часов я не мог ни с кем разговаривать.

Деварадже Мудальяру не удалось убедить Пападжи поехать и забрать свою семью, и он решил рассказать обо всем Махарши.

В тот день мы сопровождали Махарши во время его вечерней прогулки недалеко от ашрама, и, обернувшись к нему, Девараджа Мудальяр сказал: «Кажется, семья Пунджи, проживающая западнее Пенджаба, попала в затруднительное положение. Пунджа не только не

хочет ехать за ними, но создается впечатление, что он не хочет даже попытаться вывезти их оттуда. Независимость будет провозглашена уже менее чем через месяц. Если он не отправится сейчас, может быть слишком поздно».

Махарши поддержал его, согласившись, что мое место рядом с моей семьей.

Он сказал: «Люди, живущие в местах, откуда ты приехал, переживают трудное время. Почему бы тебе не отправиться туда прямо сейчас? Поезжай туда и вывези свою семью».

Несмотря на то что его слова были равносильны приказу, я все еще колебался. С того самого дня, когда Махарши показал мне, кто я есть, я почувствовал к нему великую любовь и привязанность. Я искренне чувствовал, что ни с кем в мире у меня нет таких близких взаимоотношений, как с ним. Я попытался объяснить Махарши свою позицию.

«Моя старая жизнь была лишь сном, — сказал я. — Мне снилось, что у меня есть жена и семья. Но вы разбудили меня. У меня больше нет семьи. У меня есть только вы». Махарши возразил мне: «Но если ты знаешь, что все это сон, какая разница, если ты останешься в этом сне и исполнишь свой долг? Почему ты боишься поехать к ним, если знаешь, что это всего лишь сон?» Наступило время объяснить ему главную причину моего нежелания ехать: «Я слишком привязан к вашей физической форме. Я не могу оставить вас. Я так сильно люблю вас, что не могу оторвать от вас глаз. Как же я могу уехать?» «Я всегда с тобой, где бы ты ни был», — был его ответ.

По его манере разговора я понял, что он определенно считал мою поездку необходимой. Последняя его фраза была благословением на мою предстоящую поездку и будущую жизнь в целом.

Я тут же понял глубокий смысл его слов. Я, которое было подлинной природой моего учителя, было также и моей внутренней реальностью. Как я мог быть отделен от этого Я? Это было мое собственное Я, и мы оба — мой учитель и я — знали, что ничего иного не существует.

Я принял его решение. Я простерся перед ним и впервые в своей жизни коснулся его ног в знак поклонения, любви и уважения. Обычно он никогда и никому не позволял припадать к своим стопам, но этот случай выходил за обычные рамки, и он не стал возражать. Перед тем как подняться на ноги, я собрал немного земли из-под его ног и положил себе в карман как знак священной памяти. Также я обратился к нему с просьбой благословить меня, так как интуиция мне подсказывала, что это была наша последняя встреча. Я предчувствовал, что больше не увижу его.

Так я покинул ашрам и отправился в Лахор. Атмосфера там была крайне накалена. Разъяренные мусульмане кричали: «Смерть индусам! Смерть индусам!» Другие выкрикивали: «Мы легко заполучили Пакистан, пришло время напасть на Индию и завоевать ее! Возьмем ее мечом!»

У некоторых действительно в руках были мечи и, размахивая ими, они выкрикивали свои лозунги.

Я пошел на станцию и купил билет до родного городка. Я занял место в практически пустом вагоне, поставил там свои сумки и вышел из поезда, чтобы купить чай на платформе.

Я был удивлен, увидев полупустые поезда, и спросил у одного прохожего: «Что происходит? Почему поезда ходят пустыми?» Он объяснил мне причину: «Индуисты больше не ездят на поездах. Они боятся ехать куда-нибудь на этом виде транспорта, поскольку они здесь в меньшинстве. Было убито так много пассажиров, что никто не решается путешествовать здесь таким способом».

В эти жестокие дни индуисты и мусульмане занимали разные вагоны, чтобы в случае опасности защитить себя. А полупустые вагоны, на которые я смотрел, были заняты как раз индуистами.

И тогда мой внутренний голос, голос моего учителя, сказал мне: «Иди и садись в вагон, где сидят мусульмане. Там с тобой ничего не случится».

На первый взгляд эта мысль показалась мне неплохой, но я не был уверен в своих способностях провести сидящих там мусульман, убедив их в том, что я один из них. Я был одет не так, как они, да к тому же у меня были проколоты уши, что не было принято у мусульман. А еще у меня на тыльной стороне руки была броская татуировка «Ом». Я был выходцем из индуистских браминов, которые считали, что все мусульмане были порочны и нечисты, так как ели мясо. Любо́й, кто хотел войти в наш дом, сначала должен был показать тыльную сторону руки. У всех местных индуистов была сделана татуировка в виде «Ом», у мусульман — нет. Индуистам разрешалось проходить, а мусульман отсеивали.

Я прислушался к своему внутреннему голосу и сел в вагон к мусульманам. Никто не возражал и не спрашивал, имею ли я право быть здесь. Каждый был занят тем, что беседовал о повседневных проблемах, а когда вдруг начали скандировать: «Смерть индусам! Смерть индусам!» — я присоединился. Где-то в сельской местности мусульмане остановили поезд, и все пассажиры из индуистских вагонов были расстреляны. Но никто не обратил внимания на меня, хотя по мне, казалось бы, с первого взгляда было видно, что я чистой воды индуист.

Доехав до Лаялпура, я сошел с поезда и сел в *тонгу* на станции. Но, узнав, что извозчик был мусульманином, я не осмелился сказать, где живу, и вместо того чтобы попросить его доставить меня в Гуру Нанак Пур — туда, где жили мои родители, — я указал другое место — Ислам Пур. Остальной путь я проделал пешком. Последнюю

милю своего пути к дому я шел по пустынным улицам. Придя к дому, я увидел что он заперт, как и все другие дома на этой территории. Я постучал, но никто не ответил. Наконец на крыше дома появился мой отец и спросил, кто я.

«Это я, твой сын Харбанз! — прокричал я ему в ответ. — Разве ты не видишь? Ты не узнаешь мой голос?» (Обычно родители Пападжи обращались к своему сыну, называя его Харбанзом.)

Наконец-то он узнал меня и был очень удивлен моему приезду. Он прекрасно знал, что я не очень считался со своими семейными обязательствами.

«Зачем ты вернулся? — с недоверием в голосе спросил он. — Пенджаб полыхает. Повсюду происходит убийство индуистов. Как же все-таки тебе удалось добраться сюда? Разве поезда все еще ходят?» «Да, — прокричал я ему в ответ, — поезда все еще ходят, а то как бы я сюда доехал».

Мой отец призадумался, перед тем как принять окончательное решение.

«В таком случае, — сказал он, — ты должен вывезти свою семью из Пенджаба и помочь обосноваться где-нибудь в Индии. Если поезда еще функционируют, я смогу достать для вас всех железнодорожные билеты».

Во время последующей беседы отец упомянул, что помощник инспектора был моим бывшим армейским другом. И так как мы оба считали, что он может оказать нам некоторую помощь, на следующий день пошли к нему. Я представил ему своего отца и рассказал, в какой мы находимся ситуации и о наших планах. Он согласился приставить к нашему дому охрану с целью защиты нашей семьи от мародеров, разгуливающих поблизости. А так как мы были индуистскими браминами, то вероятность нападения этих шаек была очень велика.

На следующий день, захватив с собой билеты, я вывез тридцать четыре члена своей семьи — практически

все из них были женского пола — из западной части Пенджаба в Индию. За время нашего путешествия мы были свидетелями многочисленных убийств. Вплоть до Лахоры жертвами были индуисты. А после Лахоры сикхи убивали мусульман. Повсюду были ужасающие сцены смерти.

Махарши послал меня в Пенджаб выполнять мой долг. Это было характерно для него, он не позволял своим преданным уклоняться от выполнения своих обязательств перед семьей.

Сказав мне: «Я всегда с тобой, где бы ты ни был», — он направил меня выполнить обязательства перед семьей.

Услышав его слова, я сначала оценил только их философское значение. Мне и в голову не пришло, что физически я тоже буду находиться под его защитой и покровительством. До сих пор это работало. Он подсказал мне, в какой вагон поезда сесть. Несколько часов спустя после той резни я продолжал ехать в одном вагоне с мусульманами, будучи не узнанным, хотя на моем теле были знаки, выдающие мою принадлежность к индуистам. Несмотря на царящую анархию, мне удалось получить места для всех членом моей многочисленной семьи и вывезти их из опасности на последнем поезде, который тогда направлялся из Лахора в Индию. После провозглашения независимости, поезда, пересекающие границу, были остановлены, а сама граница закрыта. Мы находились под милостью учителя, которая хранила нас и оберегала от опасности.

Свою семью я привез в Лакнау, поскольку там жил один мой друг по армии, и я знал, что на него можно положиться. Первые несколько месяцев мы оставались с ним в Нака Хиндоле, недалеко от станции «Чарбагх», но так как наши семьи были многочисленными, мы в сентябре 1947 года переехали в новый дом в Нархи. Даже там нам было тесно: более тридцати человек должно было проживать в четырех комнатах. В этом доме я жил уже

много лет. Постепенно члены моей семьи разъехались, поселившись в других домах в разных городах, а я остался в своем доме со своей семьей вплоть до 1990 года.

Мои родители остались в Пакистане и после раздела страны, но жизнь там вскоре стала невыносимой. Нашей семье принадлежало несколько близлежащих домов на одной улице в Гуру Нанак Пуре, но в скором времени их заняли мусульманские беженцы. Моим родителям позволили занимать всего лишь одну комнату в своем доме. Когда они возмутились, им сказали, что одной комнаты достаточно для проживания двум людям. Поселившиеся в их доме жильцы прекрасно знали, что мусульманское правительство никогда не выгонит их оттуда. В конце концов мои родители обратились за помощью к помощнику инспектора, оказавшему им содействие во время моего короткого визита, и он организовал их выезд в Индию. Не успели они сесть в самолет, как пакистанские служащие уже растащили все их вещи, не позволив им что-либо взять с собой. Отобрали даже личные украшения моей матери, оставив лишь одежду, которая была на них. В Лакнау они приехали без багажа. Мне не удалось связаться с ними из-за моего отъезда из Лаялпура, поэтому они даже не знали, где я, живы ли остальные члены семьи или нет. В конечном счете они вычислили нас, сделав запрос в правительственной службе, где иммигранты могли оставить свои имена и адреса. Я оставил там свой адрес в Нархи, на случай если они будут искать нас. Таким образом, сначала они жили вместе с нами в Нархи, но так как там было очень тесно, я вскоре нашел им отдельный дом, располагающийся в окрестностях города на берегу реки Гомти.

Спустя два года семья стала постепенно распадаться. Сестры с родней переехали в другие города на севере Индии. В Лакнау остались моя жена с детьми, родители и два брата. Мои братья начали учиться здесь в колледже

и решили остаться в Лакнау, пока не закончат образование.

Вопрос о моем возвращении к Махарши даже не поднимался, поскольку я был единственным членом семьи, кто имел какой-то опыт работы в Индии. Я нес ответственность за свою семью и обязан был кормить, одевать и обеспечивать большую группу беженцев, нуждающихся в моей помощи. Пробыв с Махарши нескольких лет, я навсегда запомнил тот совет, который он давал людям: «Пребывай своим Я и выполняй свои обязанности, не привязываясь к ним». На протяжении нескольких лет мне представлялась возможность жить по этой философии.

Мне приходилось работать и днем и ночью, чтобы обеспечивать семью. Я всегда был крупным и сильным мужчиной, но даже мне приходилось тяжело в те суровые времена, когда я делал все возможное, чтобы удовлетворить все потребности и ожидания тридцати четырех человек, оказавшихся на незнакомой земле в затруднительном положении и зависящих от меня. Положению дел совсем не помогало то, что они не чувствовали нужды экономить. В те редкие дни, когда я появлялся дома, наш дом был полон женщин. Все они пили чай и поедали горы *накоры*. Я хорошо помню, как каждую неделю мы покупали 18 килограммовую банку с растительным маслом.

Пападжи начинал работать как продавец в магазине спортивных товаров, расположенном в Хазрат Гандже, главном торговом центре Лакнау. А потом получил более выгодное предложение — демонстрировать и продавать сельскохозяйственную технику иностранной компании «Аллис Чалмерс». В связи со спецификой рода деятельности ему приходилось ездить по всему Уттар-Прадешу (штату Индии), хотя первоначально он работал в Басти — в районном органе управления, располагающемся восточнее

Лакнау. Он должен был возить по деревням своего района технику и оборудование и демонстрировать местным фермерам полезность и целесообразность ее использования. Он легко справлялся с этой работой, поскольку хорошо разбирался в оборудовании такого рода, благодаря приобретенным знаниям, полученным в процессе прохождения военной подготовки в английской армии.

Как-то во время одной командировки к нему подошел совершенно незнакомый человек, желавший увидеть Бога.

Я приехал в Басти и демонстрировал там плуги, трактора и другую возделывающую землю технику Компания, в которой я работал, планировала продать ее фермерам, выращивающим тростник. Однажды меня вызвал к себе директор и дал распоряжение, чтобы я поехал на конференцию в Лакнау. Мой путь в Лакнау лежал через Айодхью — место, где родился Господь Рама. Через этот город протекала река Сарью, но моста в то время еще не было. Людям приходилось переплывать реку на лодке. Переправившись на другой берег, я увидел молодого человека. Он подошел ко мне и сказал, что целый день простоял на берегу, ожидая меня, и теперь очень рад, что я наконец-то здесь. Я пригляделся к нему, но его внешность показалась мне незнакомой. Я был уверен, что не встречался с ним раньше. Он представился как доктор из Гуджарата.

«Я — *бхакта* Рамы, — начал он. — Мой астролог в Сурате сказал, что, если провести в Айодхьи один месяц, постоянно повторяя мантру *Рам*, и так каждый год в течение шести лет, обязательно встретишь Раму в человеческой форме».

Он отвел меня в сторону и предложил присесть на деревянную скамейку. На берегу реки было несколько таких скамеек, предназначенных для специальных религиозных церемоний, проводимых священнослужителями.

«И вот наступил последний день последнего месяца, — произнес он. — На протяжении шести лет я приходил сюда и повторял мантру *Рам*. Сегодня я должен увидеть Раму. Если этого не произойдет, мне останется лишь бросить свое брненное тело в реку. Другого выхода у меня нет. Я решил утопиться, если Рама не предстанет предо мной». Я не мог понять, причем тут я, поэтому произнес следующее: «Я всего лишь механик, работающий в компании, расположенной в Басти. Сейчас еду в Лакнау на встречу. Я не могу помочь тебе. Я ничего не знаю о Раме. Это не мое дело. Я не могу сделать так, чтобы Рама появился перед тобой. В Айодхьи есть много святых и свами, так как это крупный паломнический центр. Возможно, тебе лучше обратиться к тому, кто может тебе помочь».

Я даже перечислил ему несколько имен и дал несколько адресов, но мне не удалось ввести его в заблуждение своим заявлением, что духовные вопросы меня не волнуют.

«Мой внутренний голос сказал мне, что эта моторная лодка привезет того, кто сможет показать мне Раму. Еще мне голос сказал, что он будет одет в одежду защитного цвета хаки и у него будет мотоцикл. Вы единственный человек, который подходит под это описание. Голос сказал мне, что я должен дождаться этого человека, так как только он сможет показать мне Раму», — продолжал он.

Я поднялся со скамьи и направился вперед, объяснив ему, что должен ехать, так как скоро стемнеет. Увидев, что я ухожу, он прыгнул в воду и вода сомкнулась над его головой. Он отчаянно бил руками, и я понял, что он, вероятно, и в самом деле исполнит свое намерение — утопится, — если я ничего не сделаю, чтобы его спасти. Я бросился в реку прямо в одежде и поплыл в его направлении. Времени на раздевание не оставалось, поскольку однажды его голова уже скрылась под водой.

Доплыв, я схватил его и попытался приблизиться к берегу, но он не желал, чтобы его спасали.

Он дергался, стараясь ослабить мою хватку и высвободиться. Одновременно с этим он выкрикивал: «Ты должен показать мне Раму! Пообещай мне, что покажешь мне Раму! Если ты не дашь слова, я никогда уже не вернусь на берег реки! Ты будешь последним человеком, которого я видел при жизни! Если ты не сможешь показать мне Раму, я утоплюсь и увижу его на Вайкунте (в индуизме, небеса, где живет Рама)! Я не могу продолжать жить без него!» «Но это же самоубийство, — ответил я. — Если твоя смерть будет такой, ты никогда не попадешь на Вайкунту! Если ты осуществишь свою угрозу, то следующее рождение будет очень плохим». «Мне все равно! — прокричал он. — Мой час настал. Если я не увижу Раму в течение нескольких минут, я утону! Только ты можешь мне помочь. Покажи мне Раму или позволь умереть!»

Я согласился, так как это был единственный способ вытащить его на берег.

Через несколько минут мы были на берегу — мокрые и запыхавшиеся. Он повернулся ко мне и произнес: «Теперь ты должен выполнить свое обещание. Если ты этого не сделаешь или не сможешь, то я пойду и утоплюсь».

Это был чистой воды ультиматум. Но я знал, что должен попытаться помочь ему увидеть бога Раму. Я предложил ему сесть. Когда он устроился, я сказал ему: «Сам Рама стоит перед тобой. Разве ты сам не видишь, что Он здесь?»

Неожиданно он увидел бога. Его лицо преобразилось, благодаря некоему визуальному переживанию. Он бросился на землю и пал ниц передо мной и видимым им Рамой. Когда он наконец-то поднялся, то высказал свое желание всю свою оставшуюся жизнь служить мне. Он сказал, что осуществилась мечта всей его жизни и

что в знак благодарности он хочет посвятить остаток своей жизни служению мне.

Я не нуждался в его услугах и не хотел, чтобы всю жизнь за мной кто-либо следовал. Вместо этого я предложил ему провести небольшую церемонию, выражающую его признательность, после которой каждый пойдет своей дорогой.

С собой у него была маленькая сумка, горшок для приготовления пищи и «*Рамаяна*». На мой вопрос, где он остановился в Айодхьи, он показал мне опустевший храм, располагающийся недалеко от заброшенного гхата. Река слегка изменила свое течение, и ее старое русло высохло.

Я позволил ему совершить *Гуру-пуджу* с использованием воды, которую он набрал из реки Сарью. В завершение церемонии он трижды совершил простираие, после чего снова спросил моего позволения последовать за мной и служить мне. Я снова отказался.

«Я не могу взять тебя с собой, — сказал я. — Оставайся здесь и празднуй. Желание всей твоей жизни наконец-то осуществилось. Позови *браминов* и бедняков и накорми их в знак твоей благодарности. Еще несколько дней оставайся здесь, вознося хвалу Раме в этом храме. Затем возвращайся к своей семье и расскажи им, как Рама появился перед тобой в Айодхьи».

Я уже собрался уходить, как юноша остановил меня и опечаленный сказал: «Но я даже не знаю, кто вы. Где вы живете? Как я могу вас найти?» Я не хотел, чтобы этот человек всю свою жизнь следовал за мной, поэтому я ответил: «Я никому не даю свой адрес. Если ты хочешь кому-нибудь служить, служи Раме».

На этом мы расстались. Я забрал свой мотоцикл и продолжил свой путь в Лакнау.

Такие странные встречи, как эта, происходили неоднократно и в последующие годы определили дальнейшее становление Пападжи на поприще учителя. Ищущие чувствовали, что должны идти к нему, а в его присутствии им открывались необыкновенные переживания. Бог представал в видениях перед теми, кто хотел увидеть его определенную форму, те же, кто искали духовную свободу, испытывали прямой опыт Я. И ни в одном из этих случаев Пападжи не давал садханы, или практики. Эти удивительные переживания просто случались у преданных в присутствии Пападжи.

Так как случай, произошедший в Айодхьи, был одним из самых ранних, которые мне удалось записать, то я поинтересовался у Пападжи, ожидая услышать приблизительную дату 1940-х годов, когда началось его становление как гуру. Но его ответ удивил меня.

Мое становление как гуру началось еще в четырнадцатилетнем возрасте. Одна женщина, жившая по соседству, спросила мою мать: «Почему лицо твоего сына озарено внутренним светом, как у йога?» Даже в те дни люди видели, что я был необычным ребенком. Та женщина была достаточно осведомлена, чтобы догадаться о причине моего особенного выражения лица. Она поинтересовалась, выполнял ли я какую-нибудь *джану*, что, в результате, отражалось на моей внешности. Когда занимаешься йогой, лицо озаряется светом, и это нельзя спрятать от людей.

Однажды к нам домой пришел директор моей школы. Он собирал пожертвования у родителей всех посещающих его школу учеников. Пока он сидел у нас дома, он внимательно изучал меня. Он тоже отметил мое сходство с йогом и хотел узнать, какие упражнения я практикую.

Пападжи (возможно, фотография была сделана в Лакнау приблизительно в 1950).

После раздела страны этот человек также обосновался в Лакнау. Я встретил его несколько лет спустя, когда шел по Хазрат Ганджу. Прямо на улице я совершил перед ним простирание, — так мы выражаем уважение к нашим старшим учителям. Мое поведение его очень удивило, в основном потому что он слышал, что я стал великим йогом.

Он сказал мне: «Когда мы с друзьями говорим об учащих, которые вышли из моей школы, они интересуются, как много из них сделали успешную карьеру. А я отвечаю им: "Некоторые стали судьями, двое — послами, но меня также переполняет чувство гордости от того, что моя школа дала дорогу в жизнь одному великому йогу". А затем я рассказываю им про тебя».

Это тот самый человек, который отказался высечь меня за то, что у меня было глубокое переживание в школе, после того как я услышал «Ом шанти, шанти, шанти» на утренней молитве.

В англо-ведических школах Даянанды учащиеся каждое утро должны были приветствовать своих учителей, припадая к их стопам в знак уважения. Пападжи лишь поприветствовал своего старого учителя, как всегда поступал в прошлом.

Я поговорил с Шивани, дочерью Пападжи, относительно утверждения Пападжи, что его становление как Гуру началось еще в юности.

«Я помню отца приблизительно с 1940 года, когда мне было около пяти лет, — ответила она. — Даже тогда множество людей приходили к нему на сатсанг или за духовным советом. Сколько себя помню, двери нашего дома всегда были открыты для посетителей в любое время дня и ночи. Вся его жизнь складывалась из этого».

Пападжи, отвечая на вопросы Риши, телевизионного журналиста, в процессе состоявшегося в феврале 1995 года интервью, подтвердил, что его становление как гуру началось в раннем возрасте.

Риши: После своей реализации вы, кажется, вернулись к нормальной жизни. Почему вы не сразу стали помогать тем, кто продолжал страдать?

Пападжи: Я продолжал жить обычной жизнью, но мое отношение к ней изменилось. Я знал, что все, что я делаю, делается автоматически и не заострял внимания на результатах. Когда что-то делаешь, не ожидая какого-либо вознаграждения в будущем, то твое сострадание и свет передаются окружающим тебя людям. Блаженство и покой, в котором пребывает такой человек, автоматически переходят на других. Совсем необязательно

преследовать какую-либо цель, например: «Я сделаю то-то, чтобы помочь тем, кто страдает». Такое действие совершается уже с мыслью о вознаграждении и никому не приносит пользы.

Ты спрашиваешь, почему я не сразу стал помогать тем, кто страдал, а я говорю тебе, что еще мальчиком оказывал помощь тем, кто в ней нуждался, даже когда у нас дома собирались женщины петь *бхаджаны* Кришне. Совсем необязательно надевать на себя оранжевые одежды и отращивать длинную бороду, чтобы помогать другим. Это можно делать незаметно. Моя обыденная одежда и повседневная работа были хорошей маскировкой. Она не привлекала людей и позволяла мне спокойно продолжать выполнять свои обязанности.

Еще подростком Пападжи проповедовал на духовные темы. Вот, вероятно, почему он относит начало своего становления как гуру к такому возрасту, но, похоже, кроме его отца, вплоть до 1940-х годов у него не было преданных, которые бы считали его своим гуру. Я встретился с мусульманским профессором доктором Хафизом Съедом, одним из его учеников более раннего периода, с которым Пападжи познакомился в середине 1940-х годов в Раманашираме. Это тот самый человек, который попросил Пападжи привести его к пиру в Мадрасе. Удивительный случай положил начало их знакомству, которое было предопределено.

Я со своей семьей остановился в Шри Раманашираме. Когда доктор Съед вышел из зала, где сидел Махарши, то увидел моих детей, игравших во дворе.

Он спросил их: «Где ваш отец?» «Он пошел к дому, который мы снимаем», — ответили они. «Не могли бы вы проводить меня к нему? — поинтересовался доктор Съед. — Я хотел бы с ним познакомиться, но не знаю, где его искать».

Через несколько минут он уже входил в мой дом. Я предложил ему чай и пригласил на ланч, но он отклонил мое предложение, объяснив, что повар уже приготовил обед в его собственном коттедже и что он должен вернуться вовремя.

«Но вы можете прийти ко мне на чай сегодня, — сказал он. — Приходите в пять часов, я хочу обсудить с вами нечто интересное».

Я принял его приглашение, и мы всей семьей пошли к дому профессора несколькими часами позже.

После чаепития доктор Съед перешел к делу.

«Вы верите в астрологию?» — спросил он. «Нет», — ответил я.

Он продолжал говорить, что мусульмане тоже не верят в астрологию, но недавно произошло то, что заставило его пересмотреть свои взгляды.

«Теперь, — начал он, — я не совсем уверен, но в некоторой степени я верю в предсказания, хотя и не могу сказать это с абсолютной уверенностью».

Он показал мне приготовленный для него гороскоп, написанный на санскрите. На английский язык его перевел доктор Радхакришнан, выдающийся философ и учитель, ставший впоследствии президентом Индии. Доктор Съед знал доктора Радхакришнана, так как они вместе работали в одном университете в Англии. Доктор Съед был специалистом по персидскому языку, в то время как доктор Радхакришнан преподавал религиозные учения. Гороскоп был взят из коллекции *Брихат Нади* — одной из очень древних и загадочных астрологических школ.

Много веков назад некоторые святые, ведомые, как предполагается, *риши* Брихатом, составляли тысячи гороскопов относительно тех людей, которые должны родиться на свет в отдаленном будущем. Все эти предсказания были сделаны в виде записей на пальмовых листьях. Копии этих предсказаний находятся в нескольких

местах Индии. С ними может познакомиться тот, чей гороскоп есть в этих записях. Такие манускрипты хранятся в Хошиарпуре, в Пенджабе, а также и в других центрах, но есть и множество таких мест, где они якобы хранятся, хотя эта информация заведомо ложная. Должно быть, доктор Съед нашел одну из этих редких и уникальных коллекций, так как предсказания, показанные мне в тот день, отличались удивительной точностью.

В предсказании говорилось, что доктор Съед в прошлой жизни был индуистом и что он был учеником одного знаменитого гуру. Какой-то совершенный им поступок очень рассердил его гуру.

Гуру проклял его следующими словами: «В следующей жизни ты родишься в мусульманской семье, но в тебе останется любовь к индуизму и Кришне».

Это объясняло ту странную смесь верований, сочетавшихся в докторе Съеде. Несмотря на то что он был мусульманином по рождению и любил все, что касалось исламской традиции, он также был *бхактой* Кришны и носил в своем нагрудном кармане небольшой томик «*Бхагават Гиты*». Он также стал учеником Раманы Махарши — не каждый приверженец мусульманских традиций пойдет на это.

В этом гороскопе также говорилось, что в своей следующей жизни он придет в Вриндаван, где его примет свами по имени Баба Харидас, который, по предсказаниям гороскопа, в своей прошлой жизни был учеником гуру Съеда. Когда доктор Съед получил эти предсказания, он уже побывал в Вриндаване и получил посвящение от этого свами. Нашлась и еще одна связь с его прошлой жизнью. В гороскопе говорилось, что другой ученик его гуру родится как современник доктора Съеда, его будут звать Никсоном и он поменяет свое имя на Кришну Према. В то время жил один англичанин по имени Никсон, и он был великим *бхактой* Кришны. Он приехал в Индию, обосновался в Алморе, изменил свое

имя на Кришну Према и стал учителем. Доктор Съед знал этого человека, поскольку они некоторое время вместе ходили в один университет.

На этих совпадениях предсказания не закончились. Далее в этом гороскопе утверждалось, что в 1932 году доктор Съед встретит Раману Махарши и примет его своим гуру. Именно в этом году доктор Съед впервые встретил Махарши. Было еще одно предсказание, которое должно было сбыться. На листе было написано, что в 1944 году доктор Съед познакомится с человеком по имени Хариваншлал, который в конце концов станет его окончательным гуру. В этом предсказании доктор Съед чувствовал какую-то мистификацию. Он показал мне этот гороскоп в 1944 году, но он и понятия не имел, кто такой Хариваншлал или где его можно найти. Более того, он не имел никакого намерения искать себе нового гуру. Его вполне устраивал Махарши.

Увидев свое имя, написанное на листе, я продолжал сохранять спокойствие. Я не раскрыл ему, что так звали меня. В те дни в ашраме знали меня как господина Пунджу из Пенджаба. Я никому и никогда не говорил, что мне дали имя Хариваншлал.

Это предсказание также сбылось. Доктор Съед очень привязался ко мне, и все кончилось тем, что он стал моим преданным. После кончины Махарши в 1950 году он часто навещал меня в лесах Карнатаки, а я частенько приезжал к нему домой в Аллахабад. Он жил неподалеку от другого моего преданного, который был государственным служащим и в то время работал судьей в Джханси. А когда был в Аллахабаде, то жил в поселении Аллен Гандж.

В 1950-х годах я работал в различных частях Карнатаки. **И** каждые полгода доктор Съед приезжал в Бангалор и справлялся у директора моей фирмы о моем местонахождении. Доктор Съед пользовался уважением, поскольку был знаком со многими важными людьми в

Индии, и мой директор всегда выделял машину, которая доставляла его в любую часть леса, где я работал. Он как-то даже послал вместе с ним повара, чтобы я должным образом угостил своего гостя. Обычно доктор Съед проводил в моем обществе около месяца, а затем возвращался к своей преподавательской деятельности в университете Аллахабада.

Доктор Съед признал меня своим гуру еще при жизни Махарши. Многим в Раманашраме это не понравилось. А особенно критично к этому относился господин Боуз из Бенгалии. На его критику доктор Съед обычно отвечал персидской пословицей «*Tifale maryam hua kare koi, mere marz ki dwa kare koi*», что означает: «Да будь он самим Иисусом, сыном Девы Марии, какая мне от этого польза, если он не помог мне?»

И многие другие преданные посещали меня либо в Лакнау, либо в лесах Карнатаки: С. С. Кохен, Дилип Кумар Рой, Б. М. С. Найду и некоторые другие. Но только с доктором Съедом у нас установилась очень крепкая связь.

По прибытии в Лакнау из Лаялпура я написал доктору Съеду, поставив его в известность о своем местонахождении. Он незамедлительно приехал, но не один. Его сопровождала Сароджини Найду, одна из наиболее известных поэтесс. В то время она была губернатором штата, позднее переименованного в Уттар-Прадеш. В последующие годы доктор Съед регулярно навещал меня в Лакнау, так что я тоже взял себе за правило заезжать к нему всякий раз, когда бывал в Аллахабаде.

В конце 1940-х годов Пападжи стал регулярно проводить сатсанги и вскоре получил репутацию энергичного учителя, добивающегося мгновенных результатов. К нему стали часто приходить местные жители Лакнау, а также и некоторые иностранцы стали находить к нему дорогу.

Впервые иностранцы стали приходить к нему в конце 1940-х годов, но некоторые из этих первых посетителей плохо говорили по-английски или на известных мне индийских языках. Помню, как однажды ко мне пришел один датчанин. Это было в 1948 году. Он совсем не знал английского языка. Австрийская женщина переводила его вопросы, говоря с ним на немецком, но и этот язык он едва знал. Поэтому было очень трудно понять, что он хотел.

Где-то в 1950 году ко мне пришел испанский юноша. Он также не говорил по-английски. В те дни я собирал словари: мне приходилось учить много иностранных языков в течение рабочих дней. Я обнаружил в своей коллекции испанско-английский словарь и отдал его мальчику. При помощи него он смог очень медленно и кое-как выразить свои мысли.

Когда меня не было в комнате, один из моих индийских преданных спросил его: «Как ты можешь говорить с учителем и извлечь из разговора что-то полезное, если ты даже не знаешь языка?»

Он, видимо, ответил на обычном для него ломаном языке: «Если бы даже я знал его язык, а он — мой, он бы все равно не смог выразить словами то, что я хочу знать. Я пришел за другого рода передач. Я здесь, чтобы ощутить его покой и любовь. Для этого нам не нужен общий язык. Я ощущаю это, даже если нам тяжело общаться друг с другом на одном языке».

Преданных удивила глубина его понимания, сквозящая в таком ответе. Юноша из Испании остался, и ему потребовалось около месяца, чтобы достаточно ясно выражать свои мысли на английском языке.

Одной из первых женицин, приехавших из другой страны, была немка Тони. Она была первой женициной из целой вереницы, которая домогалась Пападжи.

После раздела Индии, произошедшего в 1947 году, я со своей многочисленной семьей уехал из Лаялпура в Лакнау. Но со мной поехали не все члены семьи. Некоторые женщины и мои родители остались в Пакистане. Они смогли присоединиться ко мне к пятнадцатому сентября, поскольку я устроился на работу и нашел для них место, где они могли бы поселиться. В те дни всем беженцам из Пакистана отдавался приоритет при устройстве на работу, а также им выделяли одежду, сахар и другой товар широкого потребления. Моему отцу повезло устроиться на временную работу в министерстве теле- и радиовещания. Рядом с его офисом располагалась лавка, хозяином которой был человек с очень интересной историей жизни.

Родители послали его в Берлин учиться на юриста, но к тому времени, как он закончил учебу, он понял, что не очень хочет работать по этой специальности, несмотря на то, что она была довольно престижной. Во время учебы в Берлине он влюбился в девушку, которую звали Антуанеттой, а он называл ее просто Тони.

Мой отец познакомился с Тони во время одного посещения магазина ее мужа. Он рассказал ей обо мне, объяснив, что я был учеником Раманы Махарши, гуру из Южной Индии. Тони заинтересовало это, и она попросила моего отца взять ее с собой в мой дом в Нархи.

Она вошла в дом и присела на софе в гостиной. Отец оставил нас одних, так как он должен был вернуться к выполнению своих обязанностей по работе. Мы завели разговор, и вскоре выяснилось, что она достаточно хорошо говорит по-английски. Она спросила моего позволения закурить сигарету. Я не запретил ей, хотя у нас в доме было правило не курить в комнате. Немного побеседовав на отвлеченные темы, она спросила, может ли задать мне вопрос. Она приблизилась ко мне и положила руку мне на колено. Меня это сильно удивило, поскольку я не имел большого опыта в общении с иностранками

и не ожидал такой манеры поведения. Вместо вопроса она показала мне книгу «Вечная философия», Олдоса Хаксли.

Я открыл книгу и прочел несколько утверждений Мэйстера Экхарта, немецкого ученого и мистика, жившего несколько столетий назад. Я впервые встретил его имя, но, прочитав всего лишь несколько строк, понял, что его мировоззрение было индийским, а не западным.

Я прервал свое чтение и взглянул на нее с удивлением: «Все, что он пишет, взято из *Упанишад*».

Я заметил, что она глубоко интересовалась философией и у нее был серьезный подход, поэтому я пообещал дать ей почитать еще и другие книги.

Как-то она сказала: «В Индию я приехала со своим мужем, но не из-за наших тесных семейных отношений, а чтобы встретиться со святым. Моего мужа совершенно не интересует осознание истины, а для меня это самое важное в жизни».

Затем она призналась мне в любви, чем очень шокировала.

Я сказал ей: «Ты можешь любить меня как брата или как учителя или просто как свое собственное Я».

Но не это у нее было на уме. Она посмотрела на меня выразительным взглядом, улыбнулась и промолвила: «Нет. Я хочу любить вас, как жена любит своего мужа».

Я почувствовал, что должен быть с ней суров и тверд, пока ситуация не вышла из-под контроля.

«Внизу сидят моя жена и дети, о которых надо заботиться. Меня не интересуют отношения с кем-либо еще».

Но, казалось, мой решительный отказ не охладил ее пыл. Напротив, она попробовала применить другую тактику.

«Я знаю, что у жителей Индии очень низкооплачиваемая работа, — сказала она. — У правительства моей страны есть проект помощи гражданам Индии. Если немка выйдет замуж за индийского мужчину, немецкое

правительство назначит ей пособие, чтобы она могла поддерживать свой прежний уровень жизни в Индии».

Она намекала на то, что, если я женюсь на ней, немецкое правительство будет обеспечивать меня всю мою оставшуюся жизнь. Я не знаю, существует ли на самом деле такой проект, но именно так она мне это преподнесла.

Затем она продолжила: «Когда муж привез меня в свою деревню, его родители совсем не были этому рады. Они не желали видеть во мне свою сноху. Муж решил открыть здесь свое дело. Мои родители дали мне большую сумму денег на случай, если мы надумаем открыть какое-нибудь дело, и я отдала их ему». Неожиданно она засмеялась и сказала: «Я бы хотела приготовить для вас пончик, но жители Индии не привыкли к такой пище».

После резкой смены темы она вернулась к денежной приманке.

«У меня достаточно денег, чтобы дать вашей жене 2000 рупий», — сказала она.

Должно быть, она полагала, что такой суммой можно откупиться от моей жены и избавиться от нее.

«Если вы останетесь со мной, — продолжала она, — то я позабочусь обо всех ваших хозяйственных расходах, включая обучение ваших детей».

Думая, что меня заинтересовало ее денежное предложение, она пододвинулась ко мне и спросила разрешения поцеловать меня.

Я решительно отразил ее натиск.

«Ты пришла сюда, чтобы получить руководство в своем поиске, — сказал я. — Но тебе этого не нужно. Ты пытаешься разрушить мою семью. Уходи!»

Мой отказ, казалось, очень ее расстроил. Вид у нее был удрученным. Она ушла, взяв велорикшу, чтобы добраться до дома.

Когда она вернулась, в доме была только служанка: ее муж работал в своем магазине. Спустя какое-то время Тони внезапно начала кружиться в танце и плакать — все это походило на безумие. Ее поведение настолько напугало служанку, что она побежала за ее мужем. Он тут же прибежал, но никак не мог ее успокоить. Она продолжала танцевать и плакать.

В конце концов ее муж рассказал об этом моему отцу, и тот посреди ночи пришел к ним. Увидев его, она закричала: «Я не хочу вас видеть. Идите и приведите своего сына. Я хочу видеть только его». Мой отец пришел ко мне и сказал: «Похоже, она совсем помутилась рассудком. Тебе надо сходить туда. На улице ждет машина, она отвезет тебя к ней».

Сначала я отказался, не дав никаких объяснений.

«Но ты обязан туда поехать, — сказал он. — С ней что-то произошло во время вашей встречи. Что-то вспыхнуло в ее сердце, чего она раньше не ведала. Она танцует, как Мирабай, и распевает твое имя. Оказывать помощь ищущим с таким серьезным подходом, как у этой женщины, — твоя *дхарма*».

У моего отца был озабоченный вид. Он не мог понять, почему я отказывался помочь человеку, который так нуждался в пристальном внимании, что было очевидно. Он знал, что наша встреча каким-то образом спровоцировала такое необузданное переживание, и полагал, что я сыграл в этом особую роль. В конце концов, когда он напрямую спросил меня, почему я отказываюсь идти туда, я рассказал ему, что случилось во время нашей встречи.

«Когда ты покинул нас сегодня, оставив одних в комнате, она сказала, что хочет стать моей женой, и попыталась подкупить меня. А затем, когда я отказался, предприняла попытку поцеловать меня. Как после всего этого я могу прийти в дом к такой женщине? Если я приду, то она еще раз попытается поймать меня в свои сети».

Мой отец сразу все понял и согласился с моим решением: «О, я все понял. Я не должен был приводить ее к тебе. Я не мог даже предположить, что именно этого ей и надо. Это мое упущение, но как я мог знать, что она поведет себя так глупо?»

Отец ушел и рассказал обо всем случившемся мужу Тони, сказав, что при сложившихся обстоятельствах он полностью на моей стороне и поддерживает мое решение держаться в стороне от его жены.

На протяжении двух последующих дней она не ела и не спала. Она продолжала танцевать в каком-то экстазе часами. Наконец ее муж не выдержал: она настолько ему опротивела, что он продал свой магазин и исчез в неизвестном направлении. Казалось, что освободившись от нее, он был так же счастлив, как и я.

С тех пор долгое время я не видел ее. Лишь спустя много лет во время поездки в Гималаи с молодыми людьми из разных стран, я узнал, что она вернулась к своему мужу и они живут в одном ашраме неподалеку от Харидвара. Мы встретились при следующих обстоятельствах.

Распорядители ашрама отказались предоставить жилье иностранным девушкам, путешествующим вместе со мной.

Управляющий сказал: «Это место предназначено для *санньясинов*. Мы не можем позволить женщинам спать здесь».

Он добавил, что мужчины могут остаться, а девушкам придется искать жилье где-нибудь еще. И предложил попробовать обратиться в недавно построенный ашрам неподалеку отсюда, где жили только женщины.

Я отправился в описанное им место. Когда я попросил позвать управляющего, то он оказался мужем Тони. Получалось, что они возобновили свои отношения, поскольку она тоже была там.

Тони увидела меня с веранды и тут же сбежала вниз, чтобы поприветствовать меня. Она стала своего рода гуру, и у нее было несколько преданных ей учеников. Хотя на ней и были одежды шафранового цвета, которые носили те, кто приняли обет отречения, это не помешало ей начать обнимать меня и целовать. В промежутках между поцелуями и объятиями она рассказала мне, что приняла *санньясу* от Ананды Майи Ма.

Она пригласила нас всех остановиться в ашраме, который, казалось, процветал. Он был хорошо отстроен, в нем размещалось тридцать комнат с прекрасным храмом внутри. Я поблагодарил ее за приглашение, сказав, что мы все разместились в другом месте. Я не хотел снова ввязываться в какую-либо историю с ней, поэтому собрал свою группу, и мы направились в ашрам Сапт Риши на другом конце города — как можно дальше от этого места.

Как Пападжи и предвидел, когда покидал Раманашрам в августе 1947 года, ему больше не удалось встретиться с Махарши. Возложенные на него семейные обязательства не пускали его за пределы штата Уттар-Прадеш. Он знал о плохом состоянии здоровья Махарши, поскольку история его болезни получила широкое освещение в газетах, но его уход из жизни в 1950 году стал для Пападжи неожиданностью.

Четырнадцатого апреля 1950 года в 8.45 вечера я шел по улице в Лакнау, как внезапно почувствовал спазм в груди, который чуть было не свалил меня с ног. Я подумал, что, должно быть, это какой-нибудь сердечный приступ. Через несколько секунд я увидел, что несколько человек смотрят в небо, показывая на большой метеорит, рассекающий небо. Тысячи людей по всей Индии видели этот метеорит в первые несколько секунд после смерти Махарши. Многие инстинктивно знали, что

появление этого метеорита было знаком кончины Махарши, — так они сказали. Мне тогда не пришло это в голову. О смерти Махарши я узнал только на следующий день, когда слушал новости по радио.

Пападжи продолжал работать в компании «Аллис Чалмерс» вплоть до 1952 года. В свое свободное время он давал сатсанги в Лакнау и посещал некоторых своих преданных в различных частях штата Уттар-Прадеш. Его известность как учителя настолько возросла, что местные газеты стали публиковать о нем статьи. Когда к нему стали сходить толпы посетителей, он решил оставить работу и вернуться в Южную Индию.

Ко мне стали стекаться люди, и в газетах появлялись статьи. Когда количество приходивших ко мне людей достигло сорока или пятидесяти, у меня не оставалось другого выбора, как сбежать на юг, где я раньше жил.

Пападжи полагал, что, вернувшись в Раманаширам, он будет вести уединенную жизнь, но у судьбы на этот счет были свои планы. Повествование о неудавшейся попытке Пападжи оставить свои мирские обязанности вы сможете прочитать в следующей главе.

Перед тем как завершить эту главу о прижизненных отношениях Пападжи с его учителем, я бы хотел рассказать еще одну короткую историю, свидетельствующую о признательности и уважении, которые Пападжи до сих пор испытывает к Шри Рамане Махарши.

В 1992 году мы беседовали с ним о тех событиях, которые произошли, когда он был в Раманашираме в 1940-х годах. Наша беседа уже подходила к концу.

«Вы изложили мне все факты, — сказал я. — Ане могли бы вы в заключение сказать несколько слов о том, что вы испытываете к Махарши теперь? Было бы прекрасно закончить нашу беседу словами, выражающими благодарность

Празднование гурӯ Пурнимы на Бхаван сатсанге в Лакнау, 1995 год. Пападжи начал давать сатсанги в этом зале в 1992 году. В 1993 году там была повешена большая фотография Шри Раманы Махарши.

Перед началом каждого сатсанга Пападжи в почтительном поклоне склонялся перед изображением своего гуру. Затем он проводил сатсанг с места, расположенного прямо под его фотографией.

или признательность в его адрес, подводя итог всего, что он для вас сделал».

Пападжи, было, открыл рот, чтобы произнести что-то, но ни одного слова не слетело с его уст. Спустя две или три секунды его глаза увлажнились, и слезы потекли по щекам.

Он отвернул свое лицо, чтобы спрятать слезы.

«Я не могу ответить на твою просьбу, — сказал он. — Я не могу говорить об этом. Никакими словами это не выразить».

В последующие годы я узнал, что Пападжи крайне редко говорит о чувстве благодарности к Шри Рамане Махарши,

но мне удалось найти следующее свидетельство, раскрывающее его истинные чувства, в его письме к одному из своих преданных, написанном в 1982 году.

Мой учитель говорил в безмолвии. Мой учитель говорил глазами. Мой учитель говорил словами. Я сам слышал эти три языка.

Я слышал песнь Кришны, струящуюся из Его флейты. Я узнал: его стрелы, направленные Рамой, попадают в цель. Достигший просветления не принимает то, что написано, увидено, воспринято или услышано:

Эта *Праджня* [трансцендентальное сознание] приняла МЕНЯ.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ГОРНЫМИ РАБОТАМИ

На протяжении нескольких лет Пападжи с сознанием долга заботился о своей семье. Два фактора повлияли на его решение уехать на юг: во-первых, ему не нравилось быть в центре внимания большой группы преданных, во-вторых, он больше не чувствовал, что несет ответственность за свою семью.

К 1952 году большинство членов моей семьи покинули наш дом в Лакнау и обосновались в различных частях Северной Индии. Некоторые переехали в Дели, некоторые — в Канпур и в Варанаси. В течение нескольких лет я своими силами поддерживал семью и помогал им в поиске новых мест, где бы они могли жить. Когда расселение, к общей радости, подошло к концу, я почувствовал, что выполнил свой долг перед семьей. Я уволился с работы и поехал в Южную Индию с намерением вернуться в Шри Раманашрам.

Я решил поехать в Шри Раманашрам, поскольку понял, что мирской деятельности нет конца. И целой жизни не хватит, чтобы решить все возникающие проблемы. Нужно было оставить *самсару*. Не стоит тратить свою жизнь на заботу о других людях. В этот мир они привнесли свою собственную *прабандху* (судьбу).

Я размышлял следующим образом: «О них позаботится Бог, который их создал. Я больше не несу за них ответственность».

С таким отношением к жизни, я тут же уволился с работы, оставил свой дом и поехал в Южную Индию. Единственным моим желанием было постоянно находиться в Раманашраме, несмотря на то что Махарши покинул свое тело.

По пути я остановился переночевать в Мадрасе у своего давнишнего преданного, работающего на правительственном монетном дворе. После ужина он проводил меня в приготовленную комнату и поинтересовался, не хочу ли я погостить у него еще несколько дней. Он напомнил мне, что я не был в Мадрасе уже с 1947 года, и с теплотой в голосе вспомнил, как мы вместе ходили в ашрам.

Его сестра была замужем. Ее супруг был из Вордхи, штата Махараштра, и работал по контракту в лесу. В этом доме жила и их дочь, ученица десятого класса. Она приехала в Мадрас, чтобы погостить у своего дяди. Ей было около семнадцати лет, и она очень хорошо говорила по-английски.

Ночью она вошла в мою комнату и заявила, что хочет спать со мной. Ее поведение меня шокировало. Притворившись, что я не понял причины ее прихода, я спросил, что она делает в моей комнате в такой поздний час.

Она повторила свою просьбу, на что я ответил: «Твой дядя и тетя, а также две их дочери не найдут тебя в своей комнате, беспокоятся и начнут искать по всему дому».

Я постарался разъяснить, что ее намерение невозможно осуществить в таком узком семейном кругу. Скорее всего мне бы не удалось выпроводить ее из своей комнаты, если бы я воззвал к ее нравственности. Из всего ею сказанного можно было заключить, что мораль не является ее сильным звеном. Я продолжал говорить, что она не может дольше оставаться в моей комнате, так как это вызовет подозрения и тревогу у всех обитателей этого дома. Казалось, этот довод также не оказал на нее должного действия.

«Это мое личное дело, — ответила она. — Я просто вас люблю. Сегодня за ужином у вас был какой-то особенный взгляд, когда вы смотрели на меня, и я уверена, что вы испытываете то же чувство по отношению ко мне».

Я должен был положить этому конец. Семнадцатилетняя девушка, родственница хозяина дома, посреди ночи находилась одна в моей комнате, пытаясь завести со мной интрижку.

Я сказал: «Мне не интересно твое предложение. Я еду в Тируваннамалай и пришел в этот дом, чтобы повидаться с твоим дядей, потому что несколько лет назад мы были хорошими друзьями».

Поставив ее в известность о своем отъезде, я намеревался показать, что я здесь временный гость и скоро исчезну из ее жизни, но, казалось, новость ничуть ее не расстроила.

«Я тоже поеду с вами», — ответила она.

Я никак не мог допустить этого и отказался взять ее с собой. Однако на всякий случай, чтобы уж наверняка она не поехала вслед за мной, сказал: «Я приеду к тебе и твоим родственникам позже».

Вскоре после этого случая я уехал в Тируваннамалай, полагая, что сбежал от нее. Но эта девушка была полна решимости. Спустя несколько лет она разыскала меня и предприняла еще одну попытку соблазнить.

Более подробно эта история об их встрече будет изложена в конце данной главы.

Пападжи снял комнату недалеко от Раманаширама и поселился в ней. Несколько недель спустя, прогуливаясь по склонам Аруначалы, он познакомился с одним французом, который жил в пещере. Далее Пападжи повествует, как состоялось это знакомство, и приводит их последующую беседу:

Я поднимался в гору, направляясь к Скандашраму. Мне сказали, что неподалеку жила школьная учительница из Кералы. Я хотел познакомиться с ней, но когда пришел, она медитировала и не захотела прерывать своего занятия.

Проходящий мимо пастух, присматривающий за пасущимися козами, прокричал мне: «Здесь неподалеку, в пещере, живет один иностранец. Почему бы вам не сходить к нему?»

Я последовал его совету и, уточнив, в каком направлении мне следует идти, отправился разыскивать этого человека. Мне не терпелось узнать, почему иностранец живет в пещере Аруначалы. Пастух очень хорошо объяснил маршрут, и через несколько минут я уже был у него. Войдя в пещеру, я увидел человека, сидящего на корточках. Он собирался готовить еду.

«Сколько ты здесь уже живешь?» — поинтересовался я.

Ответа не последовало. Вместо этого он поднес свою ладонь к лицу. Когда он сообразил, что я не понял значения его жеста, он отошел в другой конец пещеры, нашел там лист бумаги, написал на ней что-то и затем протянул мне. В записке говорилось, что он соблюдает *мауну* (молчание) и не хочет ни с кем разговаривать.

На нем была одежда оранжевого цвета, которую носили *санньясины*, и он старался точно следовать правилам традиции. Хотя в день моего прихода к нему он готовил себе пищу сам, позже я узнал, что он достаточно часто появлялся на улицах Тируваннамалай, прося что-нибудь поесть. Ему удавалось соблюдать обет молчания, даже во время таких вылазок. Обычно *санньясины* останавливаются перед домом и просят пищу. Иногда, чтобы привлечь к себе внимание обитателей дома, они поют *бхаджаны*. Но этот человек просто стоит перед домом, ожидая, когда ему вынесут что-нибудь поесть. Если же этого не случалось, он молча направлялся к другому дому.

Его вынужденное молчание не произвело на меня впечатление.

Я обратился к нему: «Ты совершил столько действий, лишь для того чтобы объяснить мне, что соблюдаешь обет молчания: ты прикрыл свой рот ладонью, взял лист

бумаги и ручку, написал на нем что-то, а затем отдал мне. Не проще ли сделать всего лишь небольшое усилие и произнести все вслух? Ты полагаешь, что таким образом хранишь молчание? Но ведь твое молчание сводится лишь к тому, что ты не напрягаешь голосовые связки, но твой ум продолжает работать. Твой ум подсказал тебе взять бумагу и ручку, а также написать, что ты дал обет молчания. Лишь покой ума означает истинное молчание, даже когда ты продолжаешь говорить».

Он тут же начал говорить и задал мне множество вопросов. Он хотел узнать, кто я, сколько времени живу в ашраме и что думаю о Махарши. Он проявлял большой интерес к Махарши и был рад, когда я сказал о своей беспредельной ему вере. Он также задал мне несколько вопросов о христианстве и поинтересовался, читал ли я Библию. В процессе нашей беседы он представился свами Абхишиктанандой.

Рассказывая о себе, он упомянул, что некоторое время жил на севере Индии, на берегу реки Ганга.

«Но теперь, — добавил он, — я много времени провожу в Кулиталае, в местечке под названием "Ашрам Шантиванама"».

Я спросил его, посещал ли он *самадхи* «нагого» святого, известного здесь. Так как он не слышал о таком святом, я рассказал ему услышанную мною историю.

Однажды этой святой пошел купаться на реку Кавери — и исчез. С тех пор его никто не видел в течение нескольких месяцев. Через полгода какие-то чернорабочие, которые брали песок из пересохшего русла реки, нашли его там заживо погребенным. Вероятно, он попал в половодье. Святой был все еще жив, несмотря на то что был погребен под землей целых шесть месяцев. Должно быть, он выполнял какую-то практику йоги, чтобы таким образом сохранить свою *прану* (жизненную силу), пока пребывал под землей. Когда же его раскопали, святой пошел к реке, сел на берегу и продолжал

медитировать. Он прожил еще несколько лет, а когда умер, его похоронили. С тех пор многие приходят за благословением этого святого к его *самадхи* (месту захоронения).

Свами Абхишиктананда ни разу не посещал его *самадхи* и пообещал мне, что обязательно сходит туда, как только выберется опять в город.

Мы стали хорошими друзьями и в последующие годы он частенько навещал меня в различных местах Карнатаки, куда меня посылали. После моего увольнения он приезжал ко мне в Дели и Лакнау. Несмотря на то что на нем была одежда *санныясины* и он старался соблюдать как внешнее молчание, так и внутреннее, его можно отнести к числу чрезвычайно активных людей. Когда я смотрел в его глаза, он не производил впечатление человека, который обрел покой ума. Он старался что-то скрыть от меня. Я явственно это ощущал.

Свами Абхишиктананда был монахом-бenedиктинцем и вел уединенный образ жизни в монастыре, где его звали Отцом Генри Ле Со. Он получил разрешение от своего ордена во Франции поехать в Индию и попробовать вести разные образы монашеской жизни. Поскольку его главной целью было обратить индусов в христианство, он был, скорее, миссионером. Он хотел, чтобы Индия стала христианской страной, и для достижения данной цели ему необходимо было найти новые пути и способы, посредством которых индусы приняли бы учение Церкви. Он полагал, что, если христианские священники будут носить одежду санныясинов и жить, как садху, христианская религия сможет укрепиться в Индии. Вот почему он носил оранжевую одежду и жил в пещере. Несмотря на то что он обсуждал христианство во время своей первой встречи с Пападжи, он скрыл, что у него был духовный сан священника, а также утаил цель своей миссионерской деятельности, которая стала первостепенной причиной его

пребывания в Индии. Возможно, именно это вызвало у Пападжи чувство, что он что-то скрывает.

Для католического священника он слишком благосклонно относился к индуистским традициям. Он изучал индуистские тексты и экспериментировал с религиозными практиками и медитациями, приведенными в этих писаниях. Он полагал, что христианство многое может почерпнуть из индуизма, но не мог допустить и мысли, что через индуизм можно обрести истинное спасение.

Свами Абхишиктананда никогда не был преданным Пападжи, однако они продолжали поддерживать отношения друг с другом на протяжении двадцати лет. Именно этот свами был первым человеком, который опубликовал во Франции книгу «Воспоминания об Аруначале», повествующую о встрече Пападжи с Махарши. Позднее она была опубликована на английском языке под названием «Тайна Аруначалы». Также в книге содержится длинный рассказ об их первой встрече. Я поместил его здесь полностью, поскольку этот диалог, состоявшийся между Пападжи и искателем истины, был самым первым из записанных учений.

Отрывок начинается с вопроса свами Абхишиктананды, адресованного Пападжи, о том, как ему удалось отыскать его (Абхишиктананду).

«Как вам удалось найти меня? От кого вы обо мне узнали? Кто направил вас к моей пещере?» — «Ты позвал меня, — ответил он (Пападжи), смотря мне прямо в глаза, — и вот я здесь». Его слова вызвали у меня скептическую улыбку, но он вполне серьезно продолжал: «Повторю еще раз: именно Ты позвал меня. Я притягивает Я. А разве может быть иначе?»

Мы беседовали о Махарши, его учении и последователях, с которыми он непосредственно был хорошо знаком.

Рядом со мной лежали некоторые духовные книги. В их числе были *Бхагават Гита* и *Упанишады*, откуда я цитировал отрывки при разговоре с посетителями.

Я практиковал это после одного случая, который произошел в прошлом году. Как-то я беседовал с одним очень надменным брамином из Танджора, и только после того как я на одном дыхании перечислил ему названия основных *Упанишад*, он оставил свою напыщенность...

Постепенно наш разговор переключился с Махарши на тему писаний, и я взял в руки одну из своих книг, чтобы сослаться на какой-то текст, так как не обладал такой памятью, которая позволяет цитировать все наизусть. Также я добавил, что начал заниматься изучением санскрита, чтобы лучше понимать данные тексты.

«А зачем все это? — прямо спросил Харилал (Пападжи). — Все твои книги, все это время, которое ты тратишь на изучение различных языков. А какой язык ты будешь использовать при общении с *атманом* (Я)?» Я попытался отстоять свою точку зрения, но он опять перебил меня: «Забудь все! Разве есть что-либо еще помимо самого *атмана*? Так что знание английского или санскрита не помогут тебе. Какая от них польза при общении с *атманом*, с Я? Все языки бесполезны при общении такого рода. *Атман* не имеет никакого отношения ни к книгам, ни к языкам или писаниям. Он есть — и это все!» «Одно время, — продолжил он, — я тоже очень увлекался чтением духовной литературы. Но она мне ничего не дала. Теперь же я практически ничего не читаю, даже «Гиту», чьи слова в былые дни звучали в моем сердце как музыка. Я также перестал медитировать: *атман* не имеет никакого отношения к медитации. То же самое и с *джапой*, повторением имен Бога, с мантрами, с литаниями, *бхаджанами*, а также с религиозными молитвами и гимнами. Было время, когда я занимался всем этим с великим рвением! Конечно, я учу этому и своих детей и все еще иногда выполняю эти практики, но только ради них, поскольку в таком возрасте дети нуждаются в этом. Таким образом я как бы присоединяюсь

к их игре, в конце концов это не просто игра, *а лила* (божественная игра) *атмана, Я*».

До сих пор я никогда не встречал такого искреннего и истинного *адвайтина*. Огромное количество людей в Индии — особенно на юге и в кругах ашрама — говорят об *адвайте* (не-двойственности) со знанием дела. Но в большинстве своем они в первых рядах побегут в храмы делать *пуджу*, прося, чтобы удалась сделка или чтобы их повысили, не говоря уже о чудовищной заикленности на это, которая часто сопровождает интеллектуальное ремесло Веданты. Пусть даже и так, но Харилал определенно зашел слишком далеко. Разве не следует принимать во внимание слабость каждого человека? И пока человек не реализовал свое Я, бессмысленно действовать так, как будто Я открылось ему. Однажды я обсуждал данный вопрос с хорошо известным профессором философии из Мадраса, доктором Т. М. П. Махадеваном. Сам он преданный ученик Махарши и абсолютно убежден в истинности *адвайты*, и, однако, он остался верен своим склонностям к церемониям — часто посещал храмы и участвовал в привычных *пуджах*. По его мнению, не следует отказываться от внешних ритуалов, до тех пор пока человек не осознает единство и не положит конец двойственности между «собой» и своим Я. Когда я выразил свое изумление по поводу его слов и напомнил ему об учении Шри Раманы, он сказал, что именно в «переходный» период, когда поклонение и молитвы станут чем-то искусственным и даже противоестественным, тогда, безусловно, с благословения гуру, можно воздержаться от внешних практик. Поэтому я довольно энергично отреагировал на замечание Харилала.

«Кто осознает или осознал Я? — ответил он. — Это все игра слов. Никто не может достичь *атмана*. Кроме Я, что еще существует? Кто постигает Я, как не само Я? "Не реализация" — всего лишь предлог, к которому прибегают те, кто пытается сбежать от Реальности и старательно

продолжать жить молитвами, преданностью и даже аскетизмом. Все это, без всяких сомнений, весьма благотворно для ничтожного *эго*, но на самом деле же оказывается бесполезным. Разве солнце садится потому, что мы закрываем ставни? Главным препятствием к истинной реализации является ошибочное представление, что нужно ждать, пока реализация наступит». «Безусловно, — продолжал он, — не следует совсем отказываться от чтения духовной литературы. Лучше читать, чем целый день дремать или сплетничать. А еще лучше медитировать, чем читать. Однако лишь в абсолютном безмолвии происходит раскрытие *атмана*, если, конечно, так можно сказать. Но еще раз повторю: мы не должны полагать, что безмолвие имеет какое-либо отношение к процессу "думания" или же "не-думания" о нем. Потому что *атман* нельзя свести к чему-либо, что можно выразить словами, о чем можно подумать или чему можно научить, а также приравнять к отрицанию или отсутствию мысли». Затем я сказал: «А как насчет разносчиков *адвайты*, чьи издания переполняют библиотеки? Их можно встретить в нашей стране на улицах и в общественных местах. Они кричат во все горло и выступают против тех, кто пропагандирует западные религии, хотя сами мыслят намного уже, чем любой из их оппонентов. Они "обладают" истиной и любой, кто не приемлет их, так сказать, всеобъемлющую ведическую точку зрения, в их глазах становится просто глупцом или фанатиком». «Ты абсолютно прав, — ответил Харилал. — Как только *адвайта* будет представлена как религия, в тот же самый миг она перестанет быть *адвайтой*. У Истины нет "церкви". Истина всегда остается Истиной, и ни один человек не может передать ее другим людям. Истина сияет своим собственным светом, а тот, кто заявляет, что владеет Истиной, или же утверждает, что достиг ее или что может передать ее другим, либо глупец, либо шарлатан».

Он продолжал расспрашивать меня о моих взглядах, образе жизни, о моем понимании духовной жизни...

Вот что он сказал: «Тебе нужно всего лишь разорвать цепи, которые тянут тебя назад. Ты готов к этому. Оставь свои молитвы, культ, понимание того или этого. Осознай, что *ты есть. Там твам аси* — ты есть То!

Ты называешь себя христианином, но это не имеет никакого значения на том уровне, которого ты достиг. Слушай внимательно: именно Я является христианином, так же как и индусом. Для тех, кто видел Реальность, нет ни христианства, ни индуизма, ни буддизма, ни мусульманства. Существует только *атман*, и ничто не может ограничить или определить *атман*. А теперь расскажи мне о своем духовном опыте». И еще раз я предпринял попытку спрятать эмоции, переполняющие меня, и, улыбнувшись, спросил: «Как вы хотите, чтобы я это сделал?» Но он был серьезен: «Выбор остается за тобой. Донеси это до меня любым тебе доступным способом. Мне все равно, как ты это сделаешь — используя слова или нет, — я просто должен знать».

Мы сидели на камне друг против друга. Я не произнес ни звука. Воцарилась тишина. Я закрыл глаза, он — тоже, и мы долгое время пребывали в таком состоянии. Затем я опять открыл глаза, и он открыл, и несколько секунд мы продолжали пристально смотреть друг на друга. И еще раз мы закрыли глаза, а когда наконец я посмотрел на него, то увидел, что он сидит с широко раскрытыми глазами, но с отсутствующим взглядом.

«Ты любишь тишину», — промолвил он. «Это вы предложили мне такой способ передачи ответа на поставленный вопрос, поэтому я использовал именно его». — «Твой ответ был великолепен. Теперь мне все ясно. Ты готов. Чего же ты ждешь?» — «Готов к чему? Увы, я чувствую себя таким ничтожным перед лицом Бога, когда вспоминаю, кем я должен быть». — «Прекрати молоть чушь! Хватит говорить о различии. Ни в чем нет

никаких различий. Есть только *атман*. Бог есть *атман*, Я всего, что существует. Я есть *атман*. Ты есть *атман*. Реально только Я во всех и вся». — «Но откуда вы знаете, что я готов?» — «Когда женщине приходит время рожать, она, естественно, знает об этом. И каждая женщина, ставшая матерью, знает без тени сомнения те признаки, которые предшествуют родам. То же самое происходит и с теми, кто близок к пробуждению или чье "я" вот-вот исчезнет в свете сущностного и единственного Я. Я увидел это в твоих глазах этим утром на базаре, когда наши взгляды встретились, именно тогда ты безмолвно позвал меня». — «Вы так говорите, как будто вас направили ко мне лишь для того, чтобы сообщить мне это известие». — «Я должен был сообщить тебе это, все остальное — неважно. Теперь это сделано. Если ты мне не веришь — дело твое. Но теперь ты не сможешь от этого уйти. Мы встретимся позже для окончательного решения, если потребуется. А возможно, вмешается кто-либо еще, кому ты не сможешь противостоять». — «Но если я так близок к пробуждению, тогда почему вы просто не пробудите меня?» — «Так нельзя ставить вопрос. Кто является на самом деле спящим? Как можно пробудить кого-либо, кто не спит и никогда не погружался в сон? Сон, сновидение, пробуждение — все это относится к телу и чувствам, локализованным в теле, включая, конечно, мысли, желания и волю. Разве ты — тело? Являешься ли ты этой мыслью о том, что ты пребываешь в границах этого тела? Когда ты погружен в глубокий сон, разве у тебя есть мысли или сознание того, кто ты? Но даже тогда ты существуешь, ты *ЕСТЬ*. Ты пребываешь в Истине, невзирая ни на тело, которое спит или, напротив, бодрствует, ни на функционирование ума, который временами бывает ясным, а временами пребывает в замешательстве и находится в постоянном поиске новых впечатлений, ни на осознание, которое исчезает в глубоком сне, в коме и при отмирании тела.

Это видится и слышится, думается и желается через *тебя*. Ты есть то, что остается, когда исчезают мысли, желания, а также зрительные и слуховые объекты. Это и есть *атман*, Я. Это то, чем ты являешься в реальности и за пределами всего проявленного, которое преходяще и подвержено изменениям. *Tat tvam asi* — Ты есть То! Что мешает тебе это осознать?

Ты помнишь то время, когда ты родился? Ты можешь вспомнить о своих первых моментах существования? Ты тогда осознавал, что начал свое существование? Разве ты уже не существовал задолго до этого момента, как возникла мысль, что ты существуешь? Если ты привязываешь свое бытие к воспоминаниям прошлого, тогда можешь ли сказать, что же происходило с тобой до момента зафиксированных в твоей памяти событий? Что происходит с тобой, когда твое сознание погружается в глубокий сон?

Я повторю еще раз: тебе не хватает всего лишь одного. Войди в *гуху* — пещеру своего сердца — и осознай, кто ты *есть!*» «Пещера моего сердца! — воскликнул я. — Я и так прилагаю все свои усилия, чтобы по возможности дольше там оставаться. Именно поэтому я живу в этой горной пещере. Я медитирую в этой пещере и еще в одной, дальней, куда не проникает свет, и обретаю неопишуемые покой и радость». — «Твоя горная пещера — всего лишь мертвый камень. Как она может дать тебе покой и радость? Она не имеет никакого отношения к той радости, которую ты испытываешь, удаляясь в нее. Скорее, ты сам где-то глубоко внутри являешься источником покоя и радости. Именно ты наполняешь эту пещеру покоем и радостью, которыми ты, по сути, и являешься в пещере своего сердца. Блаженство *ананды*, эхо которого ты испытываешь, — неужели ты полагаешь, что это щедрый дар горы, предназначенный для тебя? Как ты можешь так слепо следовать за мечтами и не видеть истины? На самом деле ты ничего не даешь и ничего

не получаешь, особенно что касается покоя (*шанти*) и радости (*ананды*). Ты сам *ананда*, чистая *ананда*, и эта *ананда* не может даже быть названной *анандой*, поскольку ее невозможно ни увидеть, ни воспринять, ни дать имя. Она просто *есть*».

Когда я вел Харилала по тропинке, ведущей с горы, я указал ему на раскрывающуюся нашему взору живописную картину — совсем под рукой располагался город Тируваннамалай с его храмом, а немного поодаль простиралась сельская местность со скалистыми выступами, выделяющимися среди полей и вересковых пустошей. Садилось солнце. Я что-то рассказывал ему о великолепии восхода солнца и блеске его лучей, заполняющих мою пещеру.

«Я не сомневаюсь в великолепии этого зрелища, — ответил он, — но разве его можно сравнить с рассветом Я, восходом Бытия?»

После этого я довольно часто встречался с Харила-лом. Мы с ним пребывали в согласии и настолько хорошо друг друга понимали, что при каждом удобном случае беседа заходила о наиболее значимых для нас вещах, тем более что мы оба столкнулись с тем, что такие вопросы можно обсуждать лишь с немногими.

Даже несмотря на такие близкие отношения, Харилалу было очень трудно понять, почему же я все еще чувствовал необходимость выполнять обрядовые церемонии и другие обязательства, предписанные христианской Церковью.

В связи с этим он неоднократно повторял: «*Атман*, истинное Я, ничем не обусловлен».

Такой совет, данный Пападжи более сорока лет назад, свидетельствует о том, что годы не изменили стиля и сути его учения. Когда бы Пападжи ни общался с ищущими, его подход всегда прямой, вызывающий и бескомпромиссный. Всякий, обратившийся к нему за советом, услышит,

что для понимания и осознания своей истинной природы совсем не нужно выполнять какие-либо практики и что любые попытки найти свое Я будут безрезультатными, поскольку уведут человека от того, чем он уже является.

В Раманашираме Пападжи проводил мало времени. Спустя несколько недель после своего приезда, он переехал в Бангалор, где вступил в новую фазу жизни.

Приехав в Раманашрам после проведенных лет в Северной Индии, я намеревался обосноваться здесь до конца своих дней, но этому не суждено было свершиться. Вскоре после моего прибытия некоторые из моих старых друзей пришли в ашрам, чтобы отпраздновать день рождения Раманы. Они удивились, увидев меня, так как думали, что я продолжаю жить и работать на севере Индии. После окончания празднования они пригласили меня съездить в Вилсон Гарденз, Бангалор и встретиться с друзьями и родственниками, которых я не видел уже много лет. Я сказал им, что не намерен покидать ашрам, но они не хотели и слушать какие-либо возражения. Они чуть ли не насильно посадили меня в свою машину и повезли в Бангалор.

По прибытии в Бангалор, который находится в пяти часах езды от Тируваннамалай, они высадили меня около дома моего старого друга Б. М. С. Найду. Мы познакомились с ним где-то в середине 1940-х годов, когда я еще работал в Мадрасе.

На следующее утро он предложил пойти прогуляться в «Лалбагх», знаменитые сады, располагающиеся в центре Бангалора. А поскольку от его дома они находились не очень далеко, мы пошли пешком. Мы бродили по садам, иногда останавливаясь, чтобы полюбоваться цветами. Затем, когда мы зашли в стеклянный дом — большое сооружение из стекла в центре этих садов, — мы встретили одного знакомого моего друга. Он представился как Кришна Лал Поддар. Он был выдающимся

предпринимателем, а его деловые партнеры находились в разных штатах Индии: в Ассаме, Бенгалии и Бихаре. Мы остановились, чтобы немного поболтать.

Во время нашей беседы он сказал: «В Гирди, в Бихаре, у меня есть прииск слюды. А в Бангалор я приехал потому, что совсем недавно получил разрешения проводить раскопки в лесах недалеко отсюда и добывать там марганец и железо».

Затем он стал расспрашивать меня об обычных вещах: откуда я родом, что делаю в Бангалоре, женат ли я, где живет моя семья и все в таком роде.

«Я бывший армейский служащий, — отвечал я на его вопросы. — Моя семья живет в Лакнау, а работал я в Северной Индии. Но несколько недель назад я решил оставить свою карьеру и приехать на юг. Ашрам моего гуру располагается в Тируваннамалае. Вообще-то я живу там. Я переехал в Бангалор только по настоянию моих друзей, с которыми не виделся много лет. Они убедили меня приехать сюда и познакомиться с их друзьями, а также повидаться с родственниками. Как только я улажу здесь свои дела, я тут же вернусь в Тируваннамалай». «А вы оказываете своей семье финансовую поддержку? — поинтересовался он. — Кто заботится о них, пока вы проводите свои дни в ашраме?» «Бог присматривает за ними», — ответил я.

Я не чувствовал, что поступил безответственно. Я действительно был убежден и искренне верил в то, что это была обязанность Бога присматривать за миром, включая всех членом моей семьи, которых совсем недавно обеспечивал я.

Господин Поддар смотрел на это иначе.

«Нельзя сидеть сложа руки, ожидая, что Бог позаботится о вашей семье. У вас есть жена и дети, которых вы должны обеспечивать. Я могу предложить вам хорошую работу. Денег у вас будет достаточно, чтобы содержать свою семью. Я предлагаю вам руководить рабочими

на моих новых приисках. Я уже нанял инженеров по земельной части, геологов, геодезистов и других специалистов. А теперь я ищу человека, который смог бы координировать их работу. В случае если вы принимаете мое предложение, в ваши обязанности войдут управление и контроль всей выполняемой работы. Вы будете выдавать зарплату, контролировать вывоз руды из приисков в порт, а также закупать оборудование, необходимое для открытия шахт и поддержания их рабочего состояния. Мне как раз нужен человек из Северной Индии, чтобы выполнять данную работу. Я обеспечу вас всем необходимым, включая повара из Северной Индии, чтобы вам не пришлось менять привычки в еде».

Для совершенно незнакомого человека это было очень необычное предложение, если еще учесть тот факт, что я совершенно ясно выразил свое желание никогда больше не работать. И лишь намного позже я узнал, что именно сподвигло его сделать такое предложение.

Тогда ему в голову пришла мысль: «Этот человек служил в армии, был офицером, следовательно, он знает, как руководить, давать приказы и поддерживать дисциплину. Теперь он живет в ашраме. Это, по всей вероятности, говорит о его честности и богатом духовном мире. Как раз такого-то человека я и ищу. Мне нужен тот, кому я смог бы доверить крупные суммы денег, кто без посторонней помощи добивался бы положительного результата и мог бы руководить большим штатом рабочих в условиях джунглей, мобилизуя все их силы».

Мы направились к его дому на Кришна-роуд и более подробно обсудили условия работы. Он хотел, чтобы я немедленно приступил к выполнению своих обязанностей, даже не заезжая в Раманашрам. Это было очень заманчивое предложение, но согласиться на него так быстро? Со мной было лишь одно *дхоти* и *баниан*. Как я мог вот так вдруг поехать в джунгли и остаться там жить на неопределенный период времени?

Казалось, это не представляло для него никаких сложностей. Напротив, он настаивал на том, чтобы утром следующего дня я сопровождал его во время объезда всех принадлежащих ему приисков.

«Я подъеду за вами в 8 часов утра к дому господина Найду, — заявил он, игнорируя все мои доводы и сомнения. — Вам обязательно понравятся высокие горы и лес, который изобилует дикими животными».

Должен признать, это был главный плюс в предложенной работе. Мне всегда нравилось одиночество, и больше всего меня привлекала возможность получить работу на территории отдаленного дремучего леса.

На следующее утро мы сели в машину и отправились на прииски. Место нашего назначения находилось где-то в шести часах езды от Бангалора. По прибытии на место он показал мне лагерь, который находился еще в недостроенном состоянии и напоминал, скорее, пограничное поселение. На расчищенной от леса территории строили хижины для рабочих, а неподалеку, расчищая территорию для следующих построек, работал бульдозер. На территории лагеря стояли грузовик, джип и бульдозер. Поблизости суеилось много людей, старающихся обустроить новое поселение.

После того как мы вместе пообедали, он спросил меня, что я думаю об этом месте и о предложенной работе. Я признался, что место мне очень понравилось. Нас окружал густой лес, а в одном месте — недалеко от хижин управляющих — протекала река. Казалось, что она каким-то загадочным образом уходит в землю, при этом больше нигде не появляясь. Во время нашего короткого ознакомления с местностью мне показали небольшой храм, в котором, как говорят, свами Видьяранья написал «Панчадаси». Сам же лес назывался «Государственный лес Видьяраньи». Помимо того что Видьяранья был известным учителем, он был премьер-министром Виджьянагара — суверенного государства,

процветающего на этой территории несколько сотен лет назад.

Особо не колеблясь, я принял предложение о работе. Казалось, я принял верное решение. Мне нравилась мысль проводить свои дни в таком диком месте.

В тот же день мы вернулись в Бангалор. Господин Поддар выдал мне 100000 рупий, чтобы выплатить зарплату рабочим на следующий день, и дал распоряжение приступить к работе немедленно, не возвращаясь в Тируваннамалай за вещами. Он пообещал, что сам позаботится о том, чтобы все мои вещи были перевезены сюда. На следующий день я приехал на прииски, захватив с собой деньги и немного еды, которой меня любезно снабдил господин Поддар. Через день прибыли мои вещи из Тируваннамалай вместе с поваром из Северной Индии, который должен был готовить для меня пищу. В моей жизни начался новый период.

Господин Поддар раздобыл адрес моей жены в Лакнау и без моего ведома стал посылать ей ежемесячно 500 рупий на покрытие расходов моей семьи. Я сказал ему, что Бог заботится о моей семье. Хотя он и не поверил мне, но, сам того не ведая, стал Божьим посланцем.

Я поселился в лесу и приступил к выполнению своих обязанностей. Один раз в неделю я приезжал в Бангалор, чтобы взять денег для оплаты счетов, а остальное время проводил в лесу, осуществляя контроль за проводимой здесь работой. Я провел в штате Карнатака и располагающемся по соседству штате Гоа последующие тринадцать лет, работая в приисковых поселениях в качестве управляющего административно-хозяйственной частью.

На мою просьбу более подробно рассказать о выполняемой им работе Пападжи написал следующий список своих обязанностей:

В данной компании я отвечал за выполнение разного рода работ:

1. Добыча руды в главных шахтах, погрузка ее на грузовики и перевозка до конечного пункта.
2. Доставка руды в Мангалор, Мадрас и Карвар, организация отгрузок по морю.
3. Выплата зарплаты наемным работникам и штатным сотрудникам.
4. Закупка оборудования и провизии.
5. Контроль за работой автомобильных мастерских.
6. Прокладывание трасс к месту разработки.
7. Отправка рабочих за водой в ближайший родник.
8. Обеспечение нормальных условий жизни рабочих.

Жизнь в джунглях была суровой и примитивной. Свами Абхишиктананда часто посещал лагерь, где всеми делами управлял Пападжи, и в книге «Тайна Аруначалы» он описал свои впечатления, сложившиеся после его визитов к Пападжи и после наблюдений за его образом жизни.

Особое удовольствие мне доставляли наши с ним встречи в джунглях Мисора. Каждый раз, когда мне представлялся случай быть в этой части Индии, например направляясь в Пуну или Бомбей, я всегда прерывал свое путешествие по крайней мере на несколько дней, чтобы встретиться с ним... Он часто повторял, с какой радостью он оставил бы работу, если бы его сын женился...

Он отвечал за некоторые шахты по добыче железа и марганца, расположенные в глубине джунглей, вдали от городов, до которых нужно было добираться по ужасным дорогам. Он жил в хижине, построенной из соломы и хвороста, недалеко от поселения рабочих. Безусловно,

о таком уединении может мечтать только тот, кто прекрасно обходится без человеческого общества. Но оно мало кого прельщало из его коллег, поскольку они не знали секрета жизни в глубинах своего бытия...

Когда он услышал те простые слова, которые изменили всю его жизнь, от Раманы, то обнаружил, что все его желания исчезли. Тем не менее он приступил к работе с полной самоотдачей, улаживал возникающие трудности, чтобы как можно больше повысить производительность труда, а также раскрывать новые и лучшие залежи руды. Видя, как он в высоких сапогах обходит свои прииски, разъезжает на джипе или грузовике, мало кто мог догадаться о его секрете — глубокой внутренней жизни. Особенно ему нравилось рассказывать, как удивилась одна молоденькая девушка из Германии, которая специально приехала посмотреть на *садху*. Она слышала о нем и ожидала увидеть его либо нагим, либо

одетым в тряпье, неподвижно сидящим в какой-нибудь пещере или где-нибудь в зарослях джунглей.

Пападжи редко рассказывает о тяжести работы, а вот о красоте джунглей и о диких животных, обитающих там, он рассказывает с удовольствием.

Мне нравилось уединение джунглей, естественная красота мест, но иногда животные доставляли нам некоторые трудности. Как-то я работал в таком месте, где поблизости не было воды, и мне приходилось ездить за водой за пятьдесят миль. Местные медведи вскоре обнаружили наш лагерь и повадились приходить к нам пить воду. Они совершали набеги на наш лагерь по ночам, тем самым упрощая себе задачу добыть воду.

Вначале мы хранили воду в бадьях на улице, но это продолжалось недолго, потому что всю ночь приходили медведи и пили ее. Когда я распорядился заносить воду в хижины, то медведи стали заходить за ней внутрь. Многие жили в хлипких соломенных хижинах: полный решимости медведь без особого труда мог проникнуть внутрь прямо через стену, если чуял там воду.

Было время, когда я жил под одной крышей с мужчиной из Кералы. Он был одним из надзирателей, приглядывающих за некоторыми рабочими. Мы разделили хижину на две половины, поставив бамбуковую перегородку. Однажды в его половину дома зашла медведица и стала все обнюхивать. Она залезла носом под его рубаху и начала водить носом между его ног, и тут он проснулся. Он с криком выскочил из постели, вбежал на мою половину и запрыгнул ко мне в кровать. Должно быть, он думал, что это было самое безопасное место. Медведица последовала за ним и тоже попыталась пристроиться к нам в постель. Ночь была холодной, возможно, она искала теплое местечко, чтобы поспать. Мне пришлось ее прогнать, перед тем как вернуться в кровать.

В лесу также обитали и тигры, но они нас не тревожили. Похоже, у них были свои запасы пищи и воды, поэтому они не совершали набеги на наш лагерь. Но они не боялись изредка появляться у нас, поскольку в этой местности на них не охотились. Как-то я ехал по размытой дороге в джипе — вдруг, мой водитель остановился и закричал: «Тигр! Тигр!» Он настолько испугался, что перебрался ко мне на заднее сиденье, поскольку в наших джипах не было дверей по бокам от передних сидений. Нашему взору открылась следующая картина: на дороге сидела тигрица и играла с одним из своих детенышей. Безусловно, она слышала мотор приближающегося автомобиля, но даже и не собиралась уходить с дороги. Уже темнело, поэтому я включил фары, таким образом предупреждая тигрицу о приближении машины. Она посмотрела в нашем направлении, но не двинулась с места. Некоторое время я с удовольствием наблюдал за их игрой, затем завел джип и стал медленно подъезжать к ним. Когда мы приблизились, она взяла своего детеныша в зубы и перенесла его в безопасное место. Такое поведение нетипично для диких тигров, особенно для тигриц, охраняющих своих детенышей.

По соседству с нашим лагерем водилось очень много змей, но они не доставляли нам больших хлопот.

Как-то ехал я из Бангалора в наш лесной лагерь на приисках и остановился около озера, чтобы залить в радиатор немного воды. На спуске к озеру я наблюдал такую необычную картину: из норы в земле наполовину вылезла змея с лягушкой во рту. Передняя половина лягушки все еще была видна. Лягушка была жива и пыталась охотиться за насекомыми. Было непохоже, чтобы она боролась за свое спасение, а просто продолжала заниматься своим обычным делом — ловить мошек и есть их.

Первой моей мыслью было: «Я должен спасти лягушку, поскольку она еще жива», но затем мне в голову

пришла другая мысль: «Змее тоже надо жить. Если я лишу ее добычи, что она будет делать? А мухи? Разве они не заслужили того, чтобы их спасти? Они ведь тоже чья-то пища. Но если я спасу мух, отогнав их рукой, на меня рассердится лягушка».

Так я наблюдал за этой маленькой драмой несколько мгновений и пришел к выводу: «Оставь их в покое. Не твое это дело. Не пытайся вмешиваться в дела, которые тебя не касаются. Если ты вмешаешься в законы природы, ты обязательно кому-нибудь причинишь боль. Лучше оставить все как есть, пусть все идет своим чередом. Мир сам позаботится о себе». А затем пришла другая мысль: «Вот как работает *самсара*. Мы все уже находимся в пасти смерти, пока мы в *самсаре*. Избежать этого невозможно, но никто с этим не борется. Никому нет до этого дела. Никому. Все продолжают есть, как будто ничего не случилось».

Внутри нас есть что-то, к чему смерть не может прикоснуться. Змеи не могут укусить и проглотить это. Смерть никогда не коснется тебя, лишь осознай, кто ты на самом деле. Съесть можно тело, но если знаешь, что ты — не это тело, смерть не сможет причинить тебе вред. Стоит лишь отвергнуть свою тождественность с телом и признать единство с подлинным и постоянным, тогда тело будет продолжать функционировать, но его финальное разрушение не будет беспокоить тебя. Когда твоя рубашка изнашивается, ты просто выбрасываешь ее, но сам ты остаешься неизменным, поскольку знаешь, что не являешься этой старой рубашкой. Когда ты перестанешь считать себя телом, ты можешь позволить ему умереть, сознавая, что твоя истинная природа никоим образом не изменится. Не привязывайся к временному и преходящему — вот секрет вечной жизни. Отбрасывай все, что появляется и исчезает с течением времени, держись лишь того, чтоечно.

Поскольку мы говорим о лесных животных, могу рассказать историю о питоне, которого я видел, когда работал в джунглях. Питоны — это очень длинные и толстые змеи. Как-то ехал я по лесной дороге недалеко от места где я работал, и увидел огромного питона. Он лежал на дороге, по всей ее ширине. Он был очень длинным: его голова и хвост находились за пределами дороги, видно было лишь туловище, преграждающее проезд. Я не хотел переезжать его, поэтому постарался сделать так, чтобы он уполз с дороги. Он, казалось, спал или отдыхал. Проглотив крупную добычу, такие змеи нередко уходят в своего рода спячку сразу на несколько дней. Таким образом, я взял его за хвост и попытался перенести на одну сторону, чтобы освободить проезд для своей машины, но он был слишком тяжелым для меня. Тогда я оставил эту затею, сел и стал ждать, пока не приедет следующий водитель. Через несколько минут на дороге появилась еще одна машина. Сначала водитель хотел просто переехать питона, тем самым убив его, но мне удалось убедить его не делать этого, поскольку нам нужно было лишь перетащить его на одну сторону, чтобы он не мешал движению машин. На такую работенку — тащить живую змею в двадцать футов через дорогу — найдется мало желающих. Но мне повезло встретить того, кто согласился попробовать. Мы оба ухватились за хвост, но питон оказался слишком тяжелым даже для нас двоих, и мы не смогли осуществить свой план. На дороге появилось еще несколько грузовиков. Вновь прибывшие водители хотели забрать питона и увезти с собой.

«Нет, — запротестовал я, — за эту часть леса отвечаю я. Значит, питон принадлежит мне. Я никому не позволю убить его или увезти. Вы можете вывозить отсюда лес, но не его живых обитателей».

Я блефовал. Моя компания просто получила право проводить земельные работы в лесу, но моя уловка сработала.

Некоторые водители узнали меня. Они знали, что я представляю компанию по разработке полезных ископаемых, которая поблизости проводит земельные работы, и были готовы поверить, что у компании были дополнительные права на лес. С помощью пятерых водителей мы перетащили питона с дороги на обочину и положили его в тень растущих у дороги деревьев.

Позже я рассказал эту историю еще нескольким знакомым.

Один из них заметил: «Обычно питоны не перемещаются в поисках пищи, они обладают магнетической силой взгляда, которая притягивает к нему жертву. Они применяют свою способность к проходящим мимо них зверям, таким, как кролики. Питоны неподвижно лежат в зарослях леса, высматривая приближающуюся к ним добычу. Животные, поддавшись магнетическому действию взгляда питона, направляются прямо к нему в пасть».

Я не знал, правда ли это, но мне понравилась эта история, поскольку так работает сила гуру. Он сидит в безмолвии, не порождая ни единой мысли. Те, кто смотрят на него, поддаются его чарам и становятся его жертвами. Пребывающие в состоянии покоя гуру великие охотники, хищники. Им не нужно бродить в поисках пищи. Преданные сами предстают перед ними и следуют прямо в их пасть. Вот какова магнетическая сила покоя. Такими были Даттатрея, Шука и мой учитель. Он не выступал с речами и не переезжал с места на место, — со всего мира люди сами стекались к нему.

Как только Пападжи наработывал несколько дней отпуска, он брал отгулы и приезжал в Раманаширам. В одну из таких поездок Пападжи неожиданно столкнулся с загадочным святым, живущим в лесах недалеко от Кришнагири — где-то на полпути между Тируваннамалаем и Бангалором.

Когда я стоял на безлюдной остановке, расположенной недалеко от Кришнагири, ожидая автобуса, ко мне подошел очень потрепанный человек. Он был одет в грязные лохмотья, на ногах были открытые раны, которые он настолько запустил, что там даже завелись личинки насекомых. Мы поговорили с ним, и я предложил ему удалить личинки с его ран и дать лекарство, которое поможет ранам зажить. Но он не желал принимать от меня никакой помощи.

«Оставь личинки там, где они есть, — сказал он. — Не лишай их пищи».

Я не мог оставить его в таком плачевном состоянии, поэтому оторвал от своего платка полоску ткани и обвязал вокруг его ноги — так по крайней мере у него была чистая повязка. Он попрощался со мной и пошел в сторону ближайшего леса.

Я понял, что этот человек был *джняни*. Я задумался над тем, какая карма довела его до такого состояния, что он так пренебрежительно стал относиться к своему телу, и тут ко мне приблизилась женщина. Она продавала *иддли* и *досы* в придорожной палатке.

«Вам очень повезло, — обратилась она ко мне. — Это был *махатма*. Он живет в лесу и практически никогда не показывается на глаза. Люди приходят из Бангалора за его *даршаном*, но он прячется от них, если только сам не захочет встретиться с ними. Я сижу здесь целыми днями, и прошло уже больше года, как он никому не показывался. Я впервые вижу, чтобы он подошел к совершенно незнакомому человеку и завел с ним разговор».

Был и еще случай, когда Пападжи описывал очень странного святого, проживающего в этой местности. Возможно, это был тот самый джняни.

Я ехал на машине из Раманашрама в Бангалор. Наш путь лежал через пустынную лесную территорию, и я попросил своего водителя остановиться, чтобы тихо посидеть в одиночестве. Я отпустил его, так как мной овладело сильное желание побыть одному в тишине.

Он сказал: «Уже поздно, и вокруг ни души. Я не могу оставить вас здесь одного. Немного дальше есть красивый храм, он стоит на вершине холма. Почему бы вам не пойти туда? За ним присматривает священнослужитель. Многие приходят в этот храм, поскольку на этой территории проживает великий святой. Он прячется в лесу и очень редко выходит на люди, но, кажется, сюда, в этот храм, он приходит частенько. Он настолько знаменит, что за его *даршаном* и благословением люди приезжают из Калькутты и Бомбея. Он очень странный человек, но обладает большой силой. Если кому-то посчастливится найти его, они позволяют ему помочиться на их руки. Если затем лизнуть ладонь, то родится мальчик, а если же он лизнет свою руку, то — девочка. Этот человек всегда попадает в точку».

Пападжи никогда не встречался с этим святым, так что он не может сказать, был ли он тем самым джняни, который позволял червям есть свою ногу.

В книге «Интервью с Пападжи» описаны его встречи с Раманой Махарши, мусульманским пиром в Мадрасе и с этим садху недалеко от Кришнагири. Все трое, по его словам, были джняни, но их поведение и отношение к преданным в корне отличались.

Из всех этих трех человек только Махарши был доступен для посетителей все двадцать четыре часа в сутки. Кришнагирский садху прятался в лесу, мусульманский пир, остановившись у Хана Бахадура в Мадрасе, запирали двери дома и никого не впускал. Из всех трех только Махарши можно было легко найти и обратиться

к нему за советом. Это видно из ранее описанных мною встреч.

Когда я пришел к нему, он, должно быть, отдыхал после обеда и спокойно мог дать указание выпроводить меня, однако, почувствовав, что у меня неотложное дело, Махарши позволил мне войти и обсудить волнующие меня вопросы. Никому и никогда не было отказано. Посетители и преданные могли находиться в его присутствии столько, сколько им этого хотелось, и поглощать исходящую от него милость в неограниченных количествах. Благодаря одной лишь *джняне* Махарши был великим духовным гигантом. И сделал себя доступным для всех желающих, сияние его величия лишь усиливалось.

Несмотря на то что Пападжи был хорошим организатором и усердным управляющим, ему с самого начала не хватало квалификации для выполнения некоторых возложенных на него обязательств в лагере на прииске. Оказалось, что он управляет сотнями грузовиков, не обладая достаточными знаниями в области поддержания их рабочего состояния. Поэтому компании пришлось направить его учиться в Мадурай, на крайний юг Индии, чтобы он получил квалификацию и в этой области.

Компания, в которой я работал, послала меня в Мадурай учиться, как управляться с большим количеством грузовиков. Там находилась компания TVS, которая занималась перевозкой груза по всей Южной Индии. В Карнатаке в моем распоряжении была сотня грузовых машин, осуществляющих доставку руды в западный порт Мангалора. У нас не было механиков, и даже водители были обучены плохо. Люди не хотели работать в джунглях, поэтому мы нанимали всех, кто изъявлял желание работать. Отсюда и результат. Много дополнительных средств уходило на починку грузовиков, так как не было своих специалистов.

Во время своего отпуска мой директор встретился с главой грузовой компании TVS в Кашмире. И когда он упомянул о возникших из-за отсутствия квалифицированных людей проблемах в джунглях, директор компании TVS предложил ему свою помощь.

«Отправь одного своего сотрудника на одномесячные курсы, которые будут проходить в одном из моих управлений в Мадуре. Мы покажем ему, как мы управляемся с большим количеством наших грузовиков и как добиваемся того, чтобы наши машины, водители и механики работали с полной отдачей».

Выбор пал на меня, поскольку вся ответственность за перевоз руды и доставку ее в порты была возложена на меня.

Во время моего пребывания там я отправился посмотреть известный храм Минакши, расположенный в центре города. Минакши — так местные называют Парвати, супругу Шивы. Я пошел туда под влиянием внутреннего зова, поэтому не взял с собой даже фруктов. Я чувствовал некоторое неудобство, из-за того что пришел с пустыми руками, но Минакши, богиня храма, по всей видимости, не возражала. Войдя в главные ворота, я увидел ее стоящей перед собой. Она улыбнулась и предложила показать мне храм. Я принял приглашение, и она показала мне все святыни и достопримечательности храма. После моего знакомства с храмом богиня проводила меня до главных ворот, попрощалась и исчезла.

Это была не единственная встреча Пападжи с богинями храмов. Один из его преданных писал мне, что помнит, как Пападжи рассказывал о нескольких подобных случаях, произошедших в Южной Индии в 1950-х годах. К сожалению, ни он, ни Пападжи не смогли вспомнить подробностей.

В 1954 году у Пападжи было еще одно необыкновенное видение богини. Эта длинная история началась тогда, когда Пападжи прочел о главном празднике, который вскоре должен был отмечаться в Северной Индии.

Это случилось в 1954 году, когда я работал на юге Индии. Как-то я нашел в газете статью, что в этом году в Аллахабаде состоится празднование «Маха Кумбха Мелы». Кумбха Мела отмечается раз в двенадцать лет на слиянии трех рек — Ганга, Ямуны и Сарасвати. Сарасвати нельзя увидеть. Это невидимая река, которая сливается с двумя другими под землей в Аллахабаде.

После цикла из двенадцати Кумбха Мел проводится «Маха Кумбха Мела», или «Великая Кумбха Мела». Следовательно, ее празднование происходит раз в 144 года. Вот о каком праздновании говорилось в газете. Я всегда любил Гангу, и такая возможность предоставлялась раз за всю жизнь — сходить туда и совершить омовение в ней во время празднования Маха Кумбха Мелы. Миллионы паломников со всей Индии приходят на *мелы*, прежде всего чтобы совершить омовение в священных водах Ганга, а также чтобы встретиться с тысячами *садху* и йогами, собирающимися здесь во время фестиваля.

Я взял несколько дней отпуска на работе и поехал на север, чтобы присутствовать на праздновании. Во время моего визита я остановился у давнишнего своего преданного — судьи Аллахабада. Как старший слуга города он играл весомую роль в организации процесса *мелы*. На него была возложена очень важная миссия — организовать проведение праздника. Съехалось около восьми миллионов человек, и каждому надо было предоставить жилье и обеспечить пропитанием. К этому мероприятию были подключены дополнительные службы по охране здоровья и поддержания порядка, а также транспортные службы.

Вскоре после моего приезда судья, господин Рамешвар Мишра, обратился ко мне с просьбой выступить в качестве переводчика иностранного журналиста, прибывшего сюда с целью осветить происходящее здесь торжественное событие в своей газете. Журналист хотел побеседовать с *нагами* — нагими *садху*, проводящими большую часть своего времени в скитаниях по Гималаям. Они редко спускались на равнину в таком количестве, за исключением празднования такого торжества, как Кумбха Мела. Я нашел для него очень яркого их представителя — обнаженного, обмазанного пеплом человека со спутанными волосами, рост которого, казалось, достигал семи футов.

На протяжении многих лет Рамешвар Мишра и его семья были близкими преданными Пападжи. Впервые они встретились в 1948 году в Лакнау, когда Мишру назначили туда на работу. Вскоре он стал преданным Пападжи и частенько навещал его, даже когда работал в других городах штата Уттар-Прадеш. В начале 1950-х годов Пападжи был частым гостем в его доме в Аллеи Гандж, Аллахабад.

Подробности об отношениях Мишры и Пападжи предоставил мне профессор О. П. Саял — один из преданных Пападжи в Лакнау.

Я часто встречал Рамешвара Мишру в Лакнау и в Аллахабаде. Несмотря на то что он был государственным служащим и занимал высокопоставленный пост, он также страстно и искусно декламировал *Веды*. Я слышал как это делают профессиональные священники и пандиты, но никогда атмосфера не наполнялась такой силой, как у Мишры. Когда это делал Мишра, пространство вокруг него наполнялось божественным светом.

Он был великим преданным Пападжи и всецело верил в него. Как только он узнавал о приезде Пападжи в

Пападжи (слева) и Рамешвар Мишра. Эта фотография, сделанная примерно в 1948 году, вторая уцелевшая фотография Пападжи.

город, он тут же брал на работе отгулы и не выходил на нее до тех пор, пока не уезжал Пападжи. Если Пападжи сообщал ему о своем приезде в Аллахабад, Мишра шел на станцию в одной набедренной повязке, встречал его и нес багаж Пападжи у себя на голове, как *кули*. Он чувствовал, что должен приходить к своему гуру как можно более обнаженным. В то время все свои принадлежности Пападжи перевозил из города в город в большом железном чемодане, но Мишра, несмотря на то что был высокопоставленным служащим, любил принижать свое положение перед Пападжи, ведя себя таким образом, как будто он был простым *кули*.

Он прочел книги Рамакришны Парамахамса и из них почерпнул мысль, что должен обращаться со своей женой, как если бы она была Божественной Матерью. Пытаясь контролировать свои плотские инстинкты, он

решил поклоняться ей, как богине. Каждое утро, поднявшись с постели, он падал перед своей женой ниц и начинал петь десять *шлок*, вознося хвалы богине. Не думаю, чтобы это срабатывало. Как-то Пападжи сказал мне, что утром Мишра пел *шлоки*, а вечером того же дня занимался сексом со своей супругой.

Помню один разговор, который состоялся у него с Пападжи в Лакнау. Рамешвар оспаривал утверждение Пападжи о том, что не нужно прилагать никаких усилий, чтобы реализовать свое Я.

«Вы говорите, что не потребуется никаких усилий для реализации своего Я, но для того, чтобы достичь что-либо, необходимы усилия. Если, находясь на берегу Ганга, я хочу наполнить сосуд водой, чтобы попить из него, я должен зачерпнуть воду, поднять его к своим губам, набрать в рот воды, а затем проглотить ее. Вода не прыгнет сама прямо ко мне в рот. Аналогично просветление не сойдет на меня так вдруг, без каких-либо приготовлений с моей стороны. Если я не совершу усилия, я не стану просветленным». Тут же последовал ответ Пападжи: «Чтобы Ганга была Гангой, она должна быть ограничена с двух сторон берегами. А если убрать берега, где река Ганга?»

Ответ и глубокий взгляд Пападжи разрушили все концепции Мишры относительно просветления и способа его достижения. Он смотрел на Пападжи, и слезы текли из его глаз. Он не мог вымолвить ни слова. Своим ответом Пападжи показал ему то состояние, для достижения которого, как он считал, требовалось много усилий.

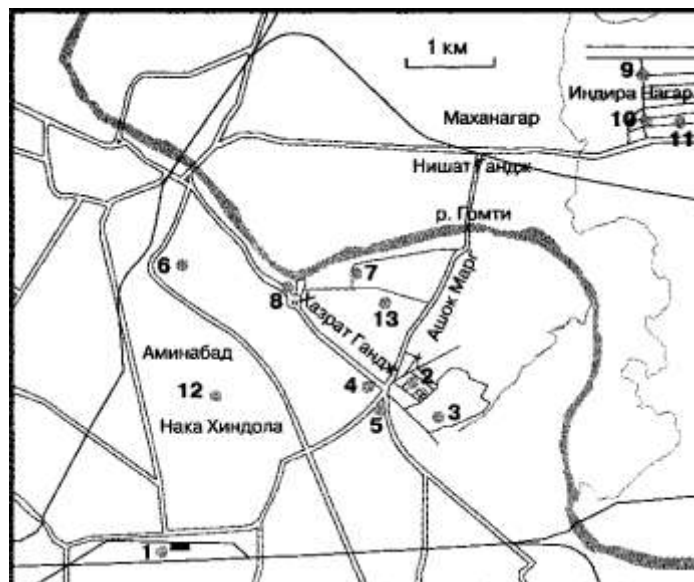
Мишра страдал приступами головной боли, однако, как он частенько любил повторять, голова переставала болеть в присутствии Пападжи. Помню, я встретил его как-то в доме Пападжи, в Нархи. Он лежал на софе. Тогда Мишра и сказал, как он счастлив отдыхать в присутствии Пападжи, так как дом Пападжи был единственным

местом, где он не чувствовал никакой головной боли.

Мишра рано ушел в отставку, частично потому, что его мало интересовали мирские дела, а частично потому, что хотел быть предоставленным самому себе. Однако его увольнение не принесло ему много счастья. К концу своей жизни у него практически не осталось денег, и в последние годы за ним некому было ухаживать. В конечном итоге Шивани, дочь Пападжи, взяла его к себе в Дели и заботилась о нем до конца его дней. Думаю, он там и умер где-то в начале 1980-х годов.

В 1995 году, в то время как я занимался подбором и изданием материала для данной главы, мать Рамешвара Митры умерла в Лакнау в возрасте девяноста шести лет. Пападжи приехал на ее похороны и встретил там некоторых членов семьи, которых он не видел уже много лет. На следующий день они все пришли к Пападжи. Когда он увидел Кайлаша — брата Рамешвара Мишры — он вспомнил о другом памятном происшествии, случившемся в 1954 году, в год празднования Кумбха Мелы. Когда посетители разошлись, он рассказал историю своим преданным, оставшимся с ним в доме.

Кайлаш Мишра служил офицером в военно-морском флоте. Все члены его семьи занимали хорошие должности и были довольны работой. В 1954 году он познакомился с одной девушкой и хотел жениться на ней, но его семья с самого начала была против их брака. Они все были браминами и хотели, чтобы он составил партию девушке того же круга. Но в конечном итоге ему удалось настоять на своем и получить их согласие на брак. Он взял десятидневный отпуск и приехал в Лакнау, чтобы сыграть свадьбу. Я был в числе приглашенных, поскольку некоторые его родственники были моими преданными. В день свадьбы я сидел рядом с

Лакнау

Черные линии на карте обозначают железнодорожные пути, проходящие через город. Главные улицы обозначены параллельными линиями.

1. Чарбагх (железнодорожный вокзал в Лакнау).
2. Нархи, где Пападжи прожил много лет.
3. Зоопарк Лакнау.
4. Спортивный магазин, где временно работал Пападжи в 1947 году.
5. Центральный почтамт, главное почтовое отделение в Лакнау.
6. Резиденция, место осады во время восстания сипаев в 1857 году.
7. Дом родителей Пападжи на Батлер-роуд.
8. Отель «Кларкс».
9. Индира Нагар, 20/144А, дом, в котором Пападжи проживал с 1990 по 1997.
10. Бхаван Сатсанг (Индира Нагар, А-306), где Пападжи проводил сатсанги с 1992 по 1997.
11. Храм Бхутнатха.
12. Храм Ханумана, Аминабад.
13. Отель «Карлтон».

Рамешваром Мишрой, его сестрой, его матерью и другими преданными. Мы проводили небольшой сатсанг, пока шло последнее приготовление к торжеству. Тут в комнату зашел Кайлаш — взять говорящую куклу, которую подарил кто-то из гостей, — и увидев, что некоторые члены его семьи сидят здесь, вместо того чтобы работать, даже изменился в лице. Чувствуя, что причина бездействия его родственников заключается во мне, он, выходя из комнаты, бросил на меня сердитый взгляд. Наши глаза встретились, и я отразил его гневный взгляд. В таких обстоятельствах я становился зеркалом эмоций стоящего передо мной человека. Вдруг Кайлаш остановился уже на пороге комнаты. Он продолжал смотреть на меня, но его тело, включая лицо, неожиданно оцепенело. Он переводил свой взгляд с одного на другого. Тогда я понял, что он больше не испытывает чувства гнева. Переживание, которое он испытал, буквально обездвижило его. В течение пяти минут он не мог сдвинуться с места. Так и стоял как приклеенный — одна нога в комнате, другая на пороге.

В конце концов я поднялся и подошел к нему, чтобы посмотреть, что с ним случилось. Его неподвижность начинала удивлять меня. Я попытался вывести его из этого состояния и встряхнул за плечо, но мне не удалось привести его в чувство. Когда стало очевидно, что он не может реагировать на окружающих, мы подняли его, перенесли через всю комнату и положили на кровать. Я присел около него. Он поднял свою голову, положил ее мне на колени и посмотрел на меня с любовью. Вся его вражда прошла.

Тем временем приближался назначенный час свадебной церемонии. Кто-то из его семьи попытались настоять на том, чтобы он поднялся и подготовился к свадьбе. Как только время подошло, он с большим нежеланием встал с постели и, не переодеваясь, пошел на церемонию. Как только она подошла к концу, Кайлаш вернулся ко мне и снова лег мне на колени.

В первую брачную ночь, вместо того чтобы выполнять свои супружеские обязанности, он настоял на том, чтобы спать со мной. Он категорически отказался меня отпускать и целую ночь провел у меня на постели, крепко прижимаясь к моему телу. Его жена, естественно, была очень огорчена. Ее попытки заполучить мужа в свою кровать были тщетны: он не обращал на нее никакого внимания. Большую часть брачной ночи она провела в слезах, сидя на полу.

На следующий день Кайлаш должен был вернуться в Бомбей. Я пошел провожать Кайлаша и его жену на станцию. Несмотря на то что на нем была белая форма офицера военно-морского флота, он в полный рост распластался передо мной на грязной платформе и лежал так несколько минут, прильнув к моим ногам. Нам удалось посадить его на поезд за несколько секунд до отправления поезда с платформы.

Пападжи продолжает рассказ о своей поездке в Аллахабад, которая состоялась в 1954 году:

Мне удалось взять на работе двадцатидневный отпуск, так как у меня оставались неиспользованные дни за предыдущее Рождество и Пасху. Благодаря этому в моем распоряжении было достаточно времени, чтобы осмотреть все достопримечательности. Бродя по городу, я узнал, что все большие ашрамы, а также свами имеют здесь своих представителей. Они все основали небольшие лагеря и пытались навязать посетителям свои книги или склонить послушать их учения. В некоторых из таких лагерей сатсанги проходили все двадцать четыре часа в сутки.

В один из дней празднования *мелы* я прошел пять километров вниз по течению Ганга в поисках уединения. Наконец-то я нашел одно местечко, где, как полагал, я смогу остаться некоторое время наедине с самим

собой. Но откуда ни возьмись передо мной появилась девушка и припала к моим ногам. Она оставалась так лежать еще некоторое время. Девушка была достаточно юной, чтобы ходить одна, но, оглядевшись, я не увидел поблизости ни ее родителей, ни друзей. Затем я осторожно поднял ее за плечи. Ей было около семнадцати лет, а индийские девушки в таком возрасте не ходят в уединенные места без сопровождения. Но, к моему удивлению, поблизости никого не оказалось. Наконец-то она поднялась. Я увидел, что она была очень красивой, но также заметил, что ее черные глаза были очень широко посажены. От них исходило сияние. Они, казалось, были нечеловеческими, скорее походили на рыбы.

Я поинтересовался, где ее родители, и она ответила, что у нее нет родителей.

Тогда я спросил: «Почему ты здесь ходишь в одиночестве? Почему бы тебе не пойти на празднование *мелы*, где собралось множество людей?» Она ответила: «Я Ганга. Я смываю грехи всех тех, кто пришел омыться в моих водах. Я сошла с небес вследствие сурового наказания, наложенного на меня *риши* Бхагиратхом на благо всех людей. Во время Кумбха Мелы восемь миллионов людей омылись в моих водах и смыли все свои грехи. Что мне делать со всеми этими грехами? Я искала истинного мудреца, к чьим стопам я смогла бы сложить все эти грехи, но до сих пор я встретила здесь только тебя. Ежедневно тысячи людей входят в мои воды, чтобы освободиться от своих грехов. И я принимаю их, так как я дала обет смывать грехи всех, кто омоется в моих водах. Но я не могу накапливать их до бесконечности. Мне нужен человек, перед которым я бы смогла сложить их все. Уже целых семь дней я нахожусь в поисках реализованного мудреца, чтобы сложить перед ним все эти грехи, и наконец-то я встретила тебя. Я припала к твоим стопам, чтобы передать тебе все эти грехи».

Я посмотрел ей в глаза, чтобы увидеть, что за существом она была на самом деле. Ее глаза были очень красивыми, но, как я уже упомянул раньше, они определенно были нечеловеческими. Изучая эту девушку, я обнаружил, что могу видеть сквозь нее. Она была настолько прозрачна, что я мог видеть находящиеся прямо за ней предметы.

Она повернулась ко мне спиной и направилась обратно к реке. Дойдя до края берега она продолжала свой путь, но не погружалась в воду, а шла по ее поверхности. Сделав несколько шагов по поверхности воды, она медленно погрузилась в реку и вновь слилась с водами.

Много часов я провел, устремив свой взгляд на реку, удивленный случившимся. Я чувствовал, что получил великое благословение. Сколько еще людей видели ее в реальной форме? Она была богиней, сошедшей с небес на землю, чтобы очистить грехи смертных, тех, кто омылся в ее водах, и она явилась мне в человеческой форме, а не просто в форме реки.

В первый раз, услышав от Пападжи эту историю, я задал ему вопрос: «Действительно ли джнани может забрать грехи других людей? Вы в самом деле забрали чужие грехи?» Я не получил ответа на вторую часть вопроса, но на мой первый вопрос он ответил так: «Безусловно может. Именно это и произошло с Раманой Махарши. Вот почему он так сильно болел в конце своей жизни. Он забирал карму окружающих его людей, и это отражалось на нем в виде физических заболеваний. Незадолго до того как он умер, одна из преданных ему женщин приблизилась к Рамане Махарши и обратилась к нему с такими словами: "Бхагаван, вы всегда делитесь всем, что у вас есть. Почему бы вам не передать и нам часть ваших страданий? Если каждый примет частичку вашей боли, ваши страдания уменьшатся". Бхагаван рассмеялся и ответил: "А как ты думаешь, от кого я в первую очередь принимаю эти страдания?"»

Я задал Пападжи данный вопрос не из праздного любопытства. За несколько месяцев до этого мне приснился Пападжи. Он посмотрел на меня и сказал: «Твои грехи прощены».

Я рассказал ему о своем сне, после того как Пападжи ответил, что причиной страданий Махариши было принятие им кармы своих преданных.

Я спросил: «Вы действительно забрали у меня грехи?» «Да, — был его ответ. — Я принял их все».

В 1994 году Пападжи дал официальное интервью американскому журналисту, который собирался снять фильм о Божественной Матери в духовных традициях мира. Один его ответ имел особое значение:

Вопрос: У индуистов Мать принимает разные формы. У вас есть наиболее любимая, о которой вы бы хотели поговорить? Прошу вас, расскажите историю о той ее форме, которая вам наиболее дорога.

Пападжи: Матерей много, но прежде всего я считаю своей матерью Гангу. Для меня она не просто река, а Божественная Мать. Из сострадания она приняла форму реки. Я гулял вдоль ее берегов от места, где она впадает в Бенгальский залив, до Уттаркаши — города, недалеко от которого река берет свое начало. Я также видел ее в человеческой форме во время празднования Кумбха Мелы в 1954 году.

Затем Пападжи продолжил свою речь рассказом вышеизложенной мною истории. В ходе того же интервью Пападжи ответил на некоторые другие вопросы относительно роли и значения Божественной Матери. Ниже приведены три других его ответа:

Вопрос: Каким способом лучше всего выражать свое почтение и преданность Божественной Матери?

Пападжи: Лучше всего стать сыном Божественной Матери. Это самый лучший способ выражения своего почтения и уважения к ней.

Вопрос: Как милость Матери может помочь нам реализовать Я?

Пападжи: Необходимо получить благословение Матери или своего учителя. Обладая милостью, ты обладаешь великим благословением. Когда Божественная Мать благословляет тебя, внутри тебя рождается желание быть свободным! Такое желание не может исходить от твоей биологической матери, а только от пребывающей внутри тебя Божественной Матери. Эта *шакти*, эта Божественная Мать побуждает тебя заглянуть внутрь себя, чтобы узнать, что она из себя представляет и откуда возникает. Таким образом она благословляет немногих. На сегодняшний день в мире насчитывается около шести миллиардов человек, но избранными Матерью стали немногие.

Вопрос: Христианство рассказывает нам, что Мария, мать Иисуса Христа, была Богородицей. В последние годы у людей по всему миру было видение Девы Марии. Примером этого может служить случай, происшедший в Боснии во время жестокой войны. Откуда берутся эти видения и какое учение они несут с собой?

Пападжи: Такое иногда случается. Люди с чистым умом могут видеть богов. У меня самого неоднократно было видение Девы Марии. Также я видел Иисуса во время моего пребывания в Ришикеше. В те дни некоторые миссионеры из разных стран регулярно приезжали ко мне. Когда они узнали о моих видениях, они очень удивились, что Иисус и Дева Мария предстали именно передо мной. Один миссионер даже написал об этом в

одной из своих книг. Такие видения приходят к каждому, у кого разум чист и непорочен, и кто поклоняется Богу в определенной форме.

Когда Пападжи доводилось приезжать в Северную Индию, он навещал Мишру, у которого останавливался на время празднования Кумбха Мелы. В следующей истории Пападжи рассказывает о другом равно выдающемся члене его семьи.

Господин Мишра был давним и дорогим мне преданным. Впервые я познакомился с ним в 1948 году, когда он работал менеджером по продажам на цементном заводе. В последующие годы он в связи с разными обязанностями разъезжал по всему штату. Приезжая в Уттар-Прадеш, я взял себе за правило навещать его, где бы он ни был.

В тот момент, когда произошел этот случай, я работал в Карнатаке. Господин Мишра был судьей в Шахджаханпуре. У меня было несколько отгулов, поэтому я отправился в Лакнау, намереваясь провести свою семью. Однако по прибытии в Лакнау я ощутил сильное желание встретиться с Мишрой, и, вместо того чтобы сразу направиться к себе домой в Нархи, я пошел к нему. И закончилось это тем, что я остался у него, поскольку у него и у его жены ко мне было много вопросов, на которые они хотели получить ответ.

Однажды, когда мы беседовали в гостиной на разные духовные темы, ко мне подошла их восьмилетняя дочь с необычной просьбой.

Она сказала: «Вы всегда разговариваете с моими родителями о Кришне. Сегодня я хочу остаться с вами. Так что я тоже смогу увидеть Кришну. Я хочу его увидеть, потому что очень сильно его люблю».

В это время к воротам подошел водитель, который возил ее в школу. Так как она уже немного опаздывала,

он поторопил ее сесть в машину, но девочка не хотела уезжать, и ее мама начала сердиться. Тут вмешался я, попросив ее ехать в школу.

Я сказал: «Сегодня отправляйся в школу, а завтра я покажу тебе Кришну».

Мое обещание настолько ее обрадовало, что она согласилась. На следующий день она повторила свою просьбу показать ей Кришну, когда пришло время отправляться на занятия. И снова я пообещал показать ей Кришну как-нибудь в другой раз, объяснив, что она не должна пропускать школу.

На этот раз рассердилась она: «Вы каждый день повторяете "завтра, завтра". Но когда наступает завтра, вы не выполняете свое обещание». На что я ей ответил: «На этот раз я точно сдержу свое обещание. Поверь, если ты сейчас пойдешь в школу, я обязательно покажу тебе Бога завтра».

На следующий день девочка наотрез отказалась идти в школу, пока не увидит Кришну. Я видел и чувствовал ее возбуждение. Она действительно чувствовала, что была близка к своей цели увидеть Кришну, и искренне верила, что с моей помощью Кришна предстанет перед ней.

Ее отец уже уехал на работу, а мать хлопотала на кухне. Я пригласил ее пройти в мою комнату и закрыл позади нее дверь.

«Теперь, — сказала она, — покажите мне Кришну». Я ответил: «Кришна сейчас стоит прямо перед тобой. Разве ты Его не видишь?» «Нет, — недовольно сказала она. — Я не вижу Его. Где Он? Вы обещали показать Его мне, но я нигде не вижу Его». Я решил использовать другой подход и ответил: «Кришна голоден. Ему надо что-нибудь поесть. Что ты можешь Ему предложить?» Она задумалась на мгновение и сказала: «У меня есть несколько шоколадок в портфеле. Мама дала, чтобы я съела их в школе».

Она побежала к себе в комнату и вернулась с плиткой шоколада в руках.

Когда она показала мне плитку, я сказал: «Теперь предложи шоколад Кришне». «Но где Он? — удивилась девочка. — Как я могу дать Ему шоколад, если не вижу Его?»

Тогда я сказал, что сначала она должна предложить свое угощение, и если она протянет Ему шоколад, Кришна появится и примет его.

Она положила плитку на ладонь и вытянула руку во всю длину.

Вдруг она закричала, очень громко: «Кришна! Ты сейчас съешь весь шоколад! Оставь мне немножко!»

Затем она махнула рукой, как будто хотела ударить кого-то в грудь.

«Поделись со мной! — закричала она. — Я тоже хочу!»

Мать, услышав крики, вбежала в мою комнату, чтобы посмотреть, что там происходит.

«Детка, что случилось?» — взволнованно спросила она. Дочка ответила: «Мама, посмотри! Кришна ест мой шоколад. Сначала он взял всю плитку, поэтому я стукнула его. А после этого он вернул мне половину. Ты видишь, мамочка? Теперь он обнимает меня. Он обвинил меня своими ногами. Он не хочет, чтобы я уходила!» На мать ее слова не произвели впечатления: «Ты обманываешь меня. Я никого не вижу. Рядом с тобой стоит только учитель». «Но мамочка, как же ты его не видишь, ведь он такой отчетливый? Он стоит прямо передо мной!» Когда мать снова не поверила ей, дочка сказала: «Хорошо, если ты не видишь его, я нарисую его тебе. Тогда ты увидишь, какой он».

Она принесла бумагу и коробку цветных карандашей, села и нарисовала прекрасное изображение Кришны. Я видел много картинок и образов, изображающих Кришну, но никогда не видел такого, каким видела его эта девочка. Это не мог быть рисунок по памяти,

поскольку ни одно изображение Кришны не было похоже на ее рисунок. На ее картинке было нарисовано два тела. Они настолько красиво сплелись, что невозможно было различить, где кончается одно тело и начинается другое.

Несколько раз Пападжи рассказывал эту историю на своих сатсангах в Лакнау.

В феврале 1994 года один посетитель написал ему записку, в которой говорилось: «Вы можете показать мне Бога?»

Пападжи попросил его выйти и встать перед ним и рассказал ему историю о том, как показал Бога той маленькой девочке.

Когда он закончил он спросил: «Ты знаешь, почему эта маленькая девочка смогла увидеть Бога? Потому что она была невинна. Она была абсолютна уверена в том, что Бог предстанет перед ней, стоит мне только сказать ему. Веря в то, что Бог стоит прямо перед тобой, ты можешь видеть его физическое обличив. Лишь отсутствие веры мешает тебе видеть его. Ты спрашиваешь меня, могу ли я показать тебе Бога. Я говорю, что прямо сейчас он стоит перед тобой. Если ты действительно веришь в это, ты увидишь его. Теперь скажи, ты видишь Бога?» Мужчина помолчал, а потом ответил: «Нет. Не вижу». «Посмотри еще раз, — сказал Пападжи. — Если ты чист в мыслях и веришь, что он здесь, ты увидишь его. Теперь ты его видишь?» Через несколько секунд лицо мужчины озарилось радостью, и он воскликнул: «Я вижу Его!» Он припал к ногам Пападжи, радостно смеясь и повторяя: «Ведь это так просто! Так легко!»

Пападжи был настолько доволен произошедшим, что рассмеялся и никак не мог остановиться. Пападжи несколько раз пытался начать сатсанг, но безуспешно: каждая попытка оканчивалась смехом, который был настолько заразительным, что распространился и на всех присутствующих. Прошло уже десять минут, а Пападжи так и

не смог остановиться, поэтому ему пришлось на этом завершить свой сатсанг и пойти домой.

В тот же день Пападжи отметил: «Его лицо выражало невинность. Я был уверен: он увидит что-то, если я скажу, что Бог находится прямо перед ним».

За месяц до этого происшествия Пападжи приехал во Вриндаван, где произошло нечто подобное.

В январе 1994 года я с шестью моими преданными направлялся в Дели. По дороге назад мы заехали во Вриндаван и несколько дней провели в одном из ашрамов. Утром первого дня нашего пребывания там мы пошли завтракать в ресторан.

Там был один мальчик из России, который поинтересовался: «А кто этот человек, сидящий в машине?»

Они сказали, как меня зовут, и он подошел ко мне. Мальчик представился, сказав, что приехал во Вриндаван из Москвы, чтобы найти Радху (супругу Кришны).

После завтрака он рассказал мне следующую историю: «Я приехал в МОСК (международное общество "Сознание Кришны") в Москве и спросил представителей данного общества, где живет Радха? Они показали мне статую Радхи в своем храме и ответили: "Вот Радха".

Я не поверил им. Для меня Радха реальный человек, а не каменное изваяние.

Тогда я сказал им: "Она не может со мной говорить. Я хочу увидеть настоящую Радху, с которой бы я мог беседовать". Они подумали, что я сошел с ума, и сказали следующее: "Она ни с кем не говорит. Это просто образ Радхи".

Мне недостаточно одного образа, я ищу настоящую Радху. В конечном итоге кто-то предложил мне поехать во Вриндаван, поскольку иногда она появляется там для своих преданных. Я совершил весь этот путь с одной единственной целью — увидеть Радху. Я объездил весь Вриндаван, и куда бы я ни пришел, я везде задаю людям

один вопрос: "Где Радха? Я хочу увидеть Радху". Местные обитатели продолжают направлять меня в храмы, но я не хочу созерцать статуи. Я хочу увидеть саму Радху. Здесь люди такие же, как и в Москве. Они полагают, что Радха — это статуя и что она живет в храме. Потом кто-то указал мне на вас, сказав, что вы тот, кто видел Радху. вы действительно видели ее?» «Да, — ответил я. — Я неоднократно ее видел». «А какие у вас с ней отношения?» — был его вопрос.

Это был хороший вопрос. Я посмотрел на него и ответил: «Она моя жена».

Он был счастлив услышать такой ответ. Он начал прыгать, восклицая: «Да! Да! Вы понимаете меня. Я отношусь к ней также. Я хочу увидеть свою жену, а не каменную статую в храме. Я хочу обнять живую плоть и кровь!» Затем он умоляюще взглянул на меня: «Вы можете показать мне Радху? Мне больше ничего не нужно. Мое единственное желание — увидеть Радху».

Я уже уезжал, поэтому пригласил его поехать с нами.

Я обратился к нему: «Мы не можем разговаривать об этом посреди улицы. Поехали с нами в ашрам, где мы остановились».

Мы зашли ко мне в комнату, и он начал засыпать меня вопросами. Наш разговор затянулся. Было уже за полночь, когда мы прекратили беседовать.

Когда пришло время нам всем ложиться спать, он сказал: «Я не собираюсь никуда уходить. Разрешите мне спать в вашей комнате. Вы единственный человек, так же смотрящий на вещи, касающиеся Радхи. Я бы хотел остаться с вами и никуда не уходить». Затем он начал изливать свою любовь к Радхе: «Без нее я не могу ни есть, ни пить. Без нее я не могу спать и двигаться. Радха! Радха! Радха! Прошу тебя, Радха, приди ко мне!» Тут я его перебил: «Чье имя ты повторяешь? Тебе не надо звать ту, кто стоит прямо перед тобой. Достаточно лишь обратиться к ней. Радха находится прямо перед

тобой. Почему бы тебе не посмотреть на нее и не поговорить с ней?»

И тут он впервые увидел ее.

Он вдруг подскочил и воскликнул: «Я вижу тебя! Я вижу тебя!»

Он упал на мое тело, стал обнимать и покрывать меня поцелуями. Он ласкал меня и целовал, как если бы я был его женой. В конце концов он успокоился и зарыдал, сотрясаясь всем телом. Его голова лежала у меня на коленях, и так он остался со мной до самого утра.

На следующий день ко мне пришли какие-то люди и пригласили в ашрам Ним Кароли Бабы. В этот день отмечался праздник, и они хотели, чтобы я пришел туда на пир. Я, в свою очередь, предложил ему пойти вместе с нами, и мы хорошо провели время.

В конце дня он обратился ко мне со следующими словами: «Моя миссия завершена. Я получил то, зачем сюда приехал. Мне здесь больше нечего делать. Завтра я еду в Москву и расскажу всем, как я встретил здесь, во Вриндаване, Радху в ее физической форме».

Не каждый проходящий, обращающийся к Пападжи с просьбой увидеть Бога, находил искомое. Иногда Пападжи приводит историю о судье, который явился к нему со следующей просьбой: «Джанака стал просветленным благодаря Аштавакре. И заняло это у него лишь мгновение. Он просветлел в тот момент, когда сажился на лошадь. Мне сказали, что вы обладаете такой же силой. Не могли бы вы мне даровать просветление прямо сейчас?» «Да, — ответил Пападжи. — Но сначала отправляйся на Хазрат Гандж (главная улица в центре Лакнау) и сделай полный пранам полицейскому, руководящему дорожным движением. Сделав это, гарантирую, ты станешь просветленным».

Судья отказался. Он был слишком тщеславен, чтобы так ронять свое достоинство перед дорожным полицейским,

занимающим более низкое положение в обществе, чем он.

Иногда Пападжи рассказывает и о двух других случаях, произошедших в 1950-х и 1960-х годах. И тогда он тоже отказался выполнить аналогичные просьбы, так как обратившиеся к нему люди не достаточно серьезно относились к этому. Следующая история повествует об одном американце, желающем обрести просветление. Этот американец сказал, что на это у него есть всего лишь три дня, так как больше он не может отсутствовать на работе.

Ты напомнил мне одного человека, приехавшего ко мне много лет назад. Он был врачом. Мы никогда раньше не встречались, однако он каким-то образом услышал обо мне. Недалеко от моего дома есть банк, в котором он улаживал какие-то дела. Один из моих преданных рассказал ему, что в Нархи проживает человек по имени Пунджаджи, который может показать ему Бога. Таким образом, он решил зайти ко мне на обратном пути.

Чтобы получить деньги в банке Индии нужно отстоять приличную очередь. Сначала заполняешь бланк о снятии некоторой суммы со счета и отдаешь его одному из служащих. Он, в свою очередь, выдает тебе медный жетончик с порядковым номером в занимаемой тобой очереди.

Тот самый врач постучал в мою дверь и сказал, что пришел за тем, чтобы убедиться, действительно ли я могу показать ему Бога. Я пригласил его пройти в дом, но он отказался, мотивировав тем, что у него мало времени.

Показав мне свой жетон, он сказал: «Я только что из банка. Сейчас они проверяют мои документы. А так как я в очереди тринадцатый, у меня времени в обрез — я должен вернуться в банк до того, как подойдет моя очередь». Я ответил ему: «А разве нельзя зайти позже, после получения денег? Я не могу показать тебе Бога, если ты все время будешь думать о том, что же происходит

в банке». «Нет, — был его ответ. — Позже прийти я не могу. Меня пригласили к губернатору штата, и мы с ним будем петь *бхаджаны*. Я отправил его назад, сказав: «Я тоже занятой человек. И если у тебя нет времени оставаться здесь, то у меня нет времени показать тебе Бога».

И это был не единичный случай. Другие тоже приходили за мгновенным просветлением, в то время как решали свои проблемы.

Я знал одного юношу, который учился на третьем курсе медицинского колледжа в Лакнау. Он неоднократно повторял мне, что хочет увидеть Бога.

Я сказал ему: «Сначала закончи обучение. А затем, когда все экзамены будут позади, я покажу тебе Бога».

Я не хотел, чтобы он слишком глубоко ушел в духовные вопросы, пока не окончена его учеба в колледже, так как знал, что это может отрицательно сказаться на его дальнейшей карьере.

А потом подумал: «После получения квалификации он будет занят своими пациентами, родителями. Так зачем же откладывать?» И тогда я согласился: «Я покажу тебе Раму. Ты увидишь Бога, и это произойдет завтра. Приходи завтра в шесть часов утра, и обещаю: я покажу тебе Бога».

На следующий день он приехал в назначенный час. Я пригласил его войти в дом и закрыть за собой дверь, так как не хотел, чтобы кто-нибудь помешал нам. Когда он закрывал дверь, кто-то на улице выкрикнул его имя.

Юноша сказал: «Похоже, это мой брат. Видимо, что-то очень важное произошло, раз он последовал за мной сюда. Я должен пойти и узнать, в чем дело».

Я слышал их последующий разговор.

«К нам приехали сваты из другого города обсудить предложение о возможной свадьбе. Они ждут в нашем доме. Желательно, чтобы ты присутствовал при нашей беседе. Так как данный вопрос касается тебя, ты не

можешь оставаться здесь. Мы все ждем твоего прихода, чтобы начать переговоры».

Здесь, в Индии, так заведено, что семья невесты приходит в дом жениха, чтобы обсудить их свадьбу. При этом сама невеста не присутствует. От ее имени ведут беседу родители невесты. В случае положительного решения семья со стороны жениха договаривается о дате смотрины.

Юноша обратился ко мне: «Я должен покинуть вас прямо сейчас. Это дело касается моей семьи, и они не могут обойтись без меня. Как только смогу, я вернусь к вам».

Я прождал его целое утро, но он появился только после обеда.

«Прошу прощения за опоздание, — сказал он. — Но все утро мы беседовали с гостями, а потом нам пришлось угостить их обедом. Теперь они ушли, и мы можем продолжить наше дело».

Я не впустил его в дом.

Стоя на пороге, я ответил: «Тебе был дан один шанс. Другого у тебя нет. Если бы ты действительно хотел увидеть Бога, ты бы смог отложить свои дела на несколько часов. И даже если бы им так и не удалось тебя увидеть, то полно других невест, подбирающих себе женихов. Я дал тебе возможность осуществить твое желание в шесть часов утра, но ты отказался от нее, поскольку посчитал дела своей семьи важнее Бога. Другого шанса у тебя не будет».

Получив один шанс, используй его, чего бы тебе это ни стоило. Другого случая может не представиться.

В начале данной главы я изложил ряд историй о Кришне, начав со случая, когда Пападжи помог дочери Рамешвара Мишры увидеть Бога в своей спальне. Далее я продолжу свое повествование о ней, и вы увидите, насколько велика была ее бхакти к Пападжи.

Как-то, когда я работал на юге Индии, я получил от Рамешвара Мишры письмо. В нем сообщалось, что он берет отпуск на месяц и хочет провести некоторое время со мной в Варанаси. Я тоже взял отпуск и приехал встретиться с ним.

По истечении некоторого времени, которое я провел с ним и его семьей, я сказал ему: «Поскольку я нахожусь в северной части Индии, я намерен съездить в Лакнау навестить свою жену и детей. Прошу извинить меня, но я вынужден покинуть вас». Мишра настоял на том, чтобы я немного задержался, мотивировав следующим: «В следующее воскресенье мы все возвращаемся в Аллахабад. Это как раз по дороге к Лакнау. Оставайтесь с нами, а немного позже мы вместе поедem в Лакнау».

Я согласился, и мы провели еще несколько дней вместе в Аллахабаде. За это время дочь Мишры настолько ко мне привязалась, что настояла на том, чтобы спать со мной в одной комнате. А когда она узнала о предстоящей моей поездке в Лакнау без нее, она отыскала какую-то веревку и привязала меня за ногу к кровати, чтобы я не смог уйти. В другой раз, когда я катал ее на своих плечах, девочка укусила меня и засмеялась.

Ее родители были шокированы ее поведением и хотели наказать, но она объяснила: «Вы не понимаете. Я так сильно его люблю, что иногда у меня возникает потребность попробовать его на вкус. Когда это желание очень сильное, я не могу сдержаться и поэтому кусаю его».

Каждое утро, пока я жил у них, я брал ее с собой на место слияния трех рек — Ганга, Ямуны и Сарасвати. Искупавшись там, она обмазывала свое тело грязью и целыми часами медитировала. В час дня мне приходилось напоминать ей, что пора обедать, и мы шли домой. Не напомни я об этом, она бы так и сидела весь день.

Следующий случай произошел незадолго до того, о котором Пападжи только что упомянул.

Во время одного моего пребывания с Рамешваром Мишрой он поинтересовался, хочу ли я познакомиться с некоторыми академиками из университета в Аллахабаде. Сам Мишра был выпускником этого университета и хотел представить меня некоторым своим знакомым. Он получил мое согласие, и встреча была назначена на следующее воскресенье. Гвоздем программы должен был стать профессор Рой, глава факультета философии. По секрету он предупредил нас, что приведет с собой десять своих студентов, чьи научно-исследовательские работы он курирует. Все они пришли около пяти часов вечера, так что для них уже были приготовлены места за столом.

Когда бы я ни гостил в доме Мишры, его восьмилетняя дочь всегда крутилась около меня, поэтому и на этой встрече она была рядом. Профессор начал задавать мне вопросы, перед этим заметив, что ни на один из них не получил удовлетворительного ответа, когда задал их в ашраме в Аллахабаде, где остановился Шанкарачарья.

Я хотел ответить ему на английском языке, поскольку он плохо говорил на хинди, но девочка настояла на том, чтобы беседовать на хинди, так как совсем не знала английского. Профессор обратился к ее отцу с просьбой вывести ее из комнаты, потому что она мешала ему вести беседу, но она настаивала на своем присутствии, заявив, что не уйдет ни под каким предлогом.

Я не хотел расстраивать ни профессора, ни девочку, таким образом, я обратился к профессору Рою: «Девочка сама будет отвечать вам на вопросы, как только я произнесу их на хинди». Она взглянула на меня и запротестовала: «Но я же не знаю английский!» Я посмотрел на нее и решительно сказал: «Когда ты откроешь рот, то будешь говорить на английском языке».

Так профессор Рой начал задавать вопросы на английском. Я давал ответы на хинди, что привело девочку в восторг. Затем, ко всеобщему удивлению, она начала переводить их на великолепный английский. Ее речь была образна, отчетлива и понятна. Профессор Рой часто использовал слово «knowledge», знание, для описания определенной функции ума. В своих ответах девочка же прибегала к слову «learning», эрудиция, говоря о том же феномене. Профессор возразил против использования ею данного слова, так как считал, что «знание» наиболее точно отражает выражаемую им идею. В конце концов мы воспользовались услугами словаря, чтобы разрешить спор. Оказалось, что использованное ею слово наиболее точно передавало его мысль.

Весть о ее способности распространилась по всему городу. К ней стали стекаться люди, так как слышали, что она может дать ответ на любой вопрос.

Как-то к ней пришел один *санньясин* и спросил: «Кто говорит, когда ты отвечаешь на вопросы?» «Мой Гуруджи», — ответила она. «А где твой Гуруджи?» «В Сердце». «А где твое Сердце?» — продолжал он расспрашивать ее. Она указала на мою грудь и сказала: «Мое Сердце — это Сердце моего Гуруджи. Когда я говорю, говорит его Сердце». Этот *санньясин* распростерся перед ней и сказал: «Теперь я понимаю природу этого феномена».

Эта девочка, не зная никаких философских учений или английского языка, преподнесла дипломированному профессору и *санньясину* практический урок о силе *бхакти* к своему гуру.

Некоторое время пожив с семьей Мишры, я покинул их и поехал в Лакнау, чтобы проведать свою жену и детей.

В 1950-х годах Пападжи периодически приезжал в Северную Индию навестить свою семью и встретиться со своими преданными. Условия проживания в лагерях на приисках были очень примитивными, поэтому Пападжи считал,

что будет лучше, если его семья останется в Лакнау, а не поселится вместе с ним. Дети Пападжи закончили здесь школу, а позже поступили в университет в Лакнау.

Во время своих визитов Пападжи возобновлял проведение сатсангов. В конце 1950-х годов Свами Абхишиктананда записал один его сатсанг, который позже был опубликован в книге «Тайны Аруначалы». Он дает некоторое представление о своеобразном стиле Пападжи.

Практически каждый год он приезжал в Лакнау к своей семье и многочисленным друзьям, которые с нетерпением ждали его приезда. В такие визиты его маленькая комнатка практически всегда была заполнена людьми...

Он никогда не потакал своим посетителям... Он был очень строг, особенно с теми, кто, по его мнению, вводил людей в заблуждение, позволяя им останавливаться лишь на внешних религиозных практиках, несмотря на то что это, возможно, устраивало учеников и было зачастую удобно так называемым гуру.

Однажды вечером один хорошо известный врач припарковал свою машину в узком переулке напротив дома Харилала.

«Мне сказали, — начал он, — что вы обладаете *сиддхами* (духовными силами). Это правда? Я жажду увидеть Бога. Не могли бы вы помочь мне осуществить мое желание?» «Почему бы нет?» — спокойно ответил Харилал. «Тогда...» — «Тогда, если вы искренне желаете этого, то посмотрим, что можно сделать. Но прежде должен вас попросить отнестись к этому очень серьезно. Это не пустяк. Это может увести вас гораздо дальше, чем вы предполагаете». — «Не волнуйтесь. Это не имеет значения». Затем с понимающей улыбкой он добавил: «Я в состоянии заплатить за вашу услугу, будьте спокойны». «Действительно?» — ответил Харилал. — «В таком случае раскроем наши карты и будем играть в открытую».

«Сколько вы хотите?» — с такими словами посетитель полез в карман и, вытащив чековую книжку, положил ее на стол. «Сколько вы готовы заплатить?» — холодно произнес Харилал. «Если вы скажете мне выдать вам *лакх* (сто тысяч), я тут же впишу эту сумму в чек». — «Вы действительно можете потратить сто тысяч на это? А вы не будете чувствовать себя стесненно в финансовом положении, отдав такую сумму? Подумайте еще немного, прежде чем принять окончательное решение. Какими суммами вы располагаете?»

Посетитель стал делать какие-то подсчеты: имущество, дом, ценные бумаги, банковские счета. При общем подсчете сумма, которой он располагал, составляла где-то шестьдесят пять или семьдесят *лакхов*.

«Понятно, — сурово сказал Харилал. — Вы хотите меня одурачить? Сами сказали, что хотите увидеть Бога, что это ваше первостепенное желание и все такое. А на самом деле вы можете отдать за него всего лишь шестьдесят пятую часть всей вашей собственности. Вы не можете сыграть такую шутку с Богом! Мы попусту теряем время. Нет смысла продолжать наш разговор. Доброй ночи!»

Спустя несколько лет работа Пападжи в Государственном лесу Видьяраньи подошла к концу. В определенной степени он стал специалистом в области развития и управления шахт приисков в отдаленных от поселений местах, и компания, на которую он работал, направила его в другие пункты в Карнатаке, где он выполнял аналогичные функции. На мою просьбу перечислить мне все места, где он работал в период с 1950-х по 1960-е годы, Пападжи предоставил мне следующий список:

Будучи сотрудником корпорации по добыче полезных ископаемых, я работал во многих местах за период с 1953 по 1966:

- в районе Тумкура в лагере по добыче железной руды и на марганцевых приисках;
- в Читрадурге на приисках по добыче марганца и железной руды;
- в Халияле добывал марганец;
- на шахтах по добыче железной руды в Ваджре;
- в Шринджери добывал кианит;
- в штате Гоа — железную руду;
- марганец добывал на горе Кастл-Рок;
- в Дхармастале;
- в Кудремукхе занимался добычей железной руды.

Большинство перечисленных им мест находится в северной или западной части Карнатаки.

Как только Пападжи поднабрался опыта в деле по добыче полезных ископаемых, компания-наниматель возложила на него ответственность за управление несколькими лагерями. Он должен был ездить по определенным местам и контролировать работу в каждом порученном ему лагере, а также ему иногда приходилось проверять и производить опытную добычу руды на новых участках, где они только планировали добывать полезные ископаемые. В это время он поселился в Чикмагалуре, небольшом городке на западе Карнатаки. У него там был офис, но большую часть времени он проводил в дороге, разъезжая по приискам или организуя доставку руды в западный порт Мангалора. Некоторое время он жил в одной местной семье. Шри М. Пани — один из представителей этой семьи — делится своими теплыми воспоминаниями о визитах Пападжи.

На протяжении многих лет Пападжи жил у нас в доме в Чикмагалуре как член нашей семьи. Так как я представлял интересы компании TVC по хранению партий

товара, то большую часть времени проводил на их складе. И возможность побыть в обществе Шри Пунджаджи мне предоставлялась лишь во время принятия пищи. Моя жена и свояченица с большим удовольствием занимались приготовлением блюд по традициям Северной Индии под руководством Шри Пунджаджи. Это было замечательно: процесс готовки стал своего рода развлечением, доставляющим удовольствие, а не просто поденной работой. Мы до сих пор еще готовим те блюда и вспоминаем то время, когда с нами был Пунджаджи и впервые рассказывал способ их приготовления. Пунджаджи любил проводить свой досуг с детьми моего брата, им всем еще не было двенадцати лет. В его присутствии время летело незаметно.

К нам часто приходили посетители, чтобы побеседовать с Шри Пунджаджи. Зачастую они просто молча сидели друг против друга целыми часами. Он редко говорил. Иногда, если он не находил чем заняться и не было посетителей, он ходил гулять на окраину города, где проводил много времени.

Мы настолько привязались к нему, что скучали, когда Пунджаджи отсутствовал несколько дней, уезжая в Мангалор, чтобы организовывать доставку руды в порт. Он обычно передавал записки через шоферов наших грузовиков, которые приезжали туда по делам. И нашей радости не было границ, когда он сообщал о своем скором возвращении в наш дом.

Как-то мы решили купить новый дом. Свое жилье мы снимали, но пришло время, когда возникла необходимость переехать в свой собственный дом. В течение дня мы объезжали все привлекающие наше внимание дома и просматривали все возможные варианты. Если какой-то вариант казался нам приемлемым, мы вечером сообщали это Шри Пунджаджи.

Он говорил: «Покажите мне дом», — и мы все вместе шли смотреть его.

Сначала он не одобрял наш выбор. Пунджаджи обходил и осматривал дом, но не общепринятым способом, а каким-то образом настраивался на вибрации, накопившиеся в нем от предыдущих владельцев.

«Не покупайте его, — обычно говорил он. — Кирпичи этого дома плачут. Здесь случилось что-то нехорошее. В этом доме лучше не поселяться».

Тоже самое он сказал, обойдя снаружи еще несколько предложенных нами домов. Наконец-то Пунджаджи отыскал один дом, который он одобрил.

«Вот то место, куда вы можете переехать! — воскликнул он. — Это очень хороший дом. Кирпичи этого дома поют "Рам! Рам! Рам!". Здесь проводилось много *хом* (ведических ритуалов) и *бхаджанов*. Переезжайте в него. В нем очень благоприятная атмосфера».

В его обязанности также входило заботиться о создании нормальных условий работникам приисков. Он следил за условиями труда и жизни на шахтах и с этой целью проезжал огромные расстояния. Однажды в день выдачи денег он прошел много миль до Бабабуддин-Хилс, чтобы заплатить некоторым нанятым им рабочим. Он мог бы пойти туда на следующий день, когда стих дождь, но это бы означало заставлять рабочих ждать выдачи зарплаты. В результате он, конечно же, простудился, так как целый день ходил под дождем. Но его простуда прошла через несколько минут, после того как он вернулся домой, и его состояние нормализовалось.

На наш вопрос, как ему удалось так быстро поправиться, он засмеялся и сказал: «Появился Бог Шива и нанес *вибхути* на мой лоб. Как только он прикоснулся к моей голове, простуда отступила».

Иногда создается впечатление, что он ни капельки не заботится о своем теле и его не волнует, что с ним происходит. Однажды я стал свидетелем, как он пригоршнями клал в рот перец чили и жевал его с отсутствующим видом. Я только подивился его способности есть стручки

жгучего перца и не чувствовать огонь во рту. Когда я выразил ему свое удивление, он вдруг осознал, что делает. Он выплюнул оставшийся во рту перец и попросил принести воды, чтобы заглушить жжение во рту. Но до тех пор пока я не сказал ему о том, что он делает, Пунджаджи совершенно не ощущал реакции своего тела и жжения, которое должно было ощущаться во рту.

Находиться с ним было всегда весело. Он редко относился к вещам серьезно и всегда подшучивал, но в его шутках часто содержался серьезный смысл. К примеру, пятилетний сын моего брата слышал, как в местной мечети читают молитвы. Он запомнил слова и начал распевать их дома.

Пунджаджи услышал это и в шутку сказал: «Ты взываешь к мусульманскому богу, но если он появится перед тобой, у тебя будут проблемы. В твоей комнате для *пуджи* много индуистских богов, а если в этой комнате появится еще и бог, которого ты призываешь, то разразится драка. Чтобы сохранить мир в твоём доме, лучше молиться тем богам, которые здесь уже живут».

Для него боги были реальными существами. Они не были просто изображениями на картинках или идолами в комнате для *пуджи*. Они часто приходили к нему и говорили с ним. Помню, как мы сидели с ним и он рассказывал мне свое переживание, полученное им в храме Махалакшми, в штате Гоа, и в храме Мангала Деви, в Мангалоре. В обоих храмах богини проявлялись перед ним в своем физическом облике и несколько часов разговаривали с ним.

По возвращении из обычной своей поездки в Мангалор ему чудом удалось избежать несчастья.

Я отправился в порт Мангалора проследить процесс загрузки корабля. Целый день я руководил погрузкой руды в люки. Я должен был убедиться, что вся руда

была погружена, а бумажная работа выполнена должным образом. После погрузки моя компания планировала получить наличными 90% стоимости руды. Оставшиеся десять процентов должны были поступить в банк после проведения анализа руды. В этот день я должен был остаться после выполнения этих работ, поскольку мой директор в этот раз попросил меня задержаться, чтобы я смог получить чек на 90% стоимости руды, как только завершатся погрузочные работы. Он хотел, чтобы на следующий день я привез ему деньги в Бангалор.

Работы шли до девяти часов вечера. У меня был длинный тяжелый день без отдыха, да к тому же я ничего не взял с собой поесть. Капитан корабля предложил мне разделить с ним трапезу, но я отказался, поскольку в предложенном им обеде присутствовало мясо. Я знал, чтобы вовремя приехать в Бангалор, мне надо выезжать из Мангалора немедленно и ехать всю ночь. Такая перспектива не очень меня радовала. Я был голоден и устал, к тому же я понимал, что при таком раскладе мне удастся отдохнуть и поесть только после долгого и утомительного ночного пути в несколько сотен миль.

Дорога лежала через западные горные проходы на высоте 5 000 футов над уровнем моря. По такой дороге было трудно ехать даже днем, поскольку предстояло преодолеть резкие повороты, которых было не менее двенадцати. В те дни опасность представляли и дикие слоны, которых все еще можно встретить в лесах и в наши дни. Было известно несколько случаев, когда слоны нападали на проезжающие мимо грузовики и сбрасывали их вниз. На такой дороге надо быть предельно аккуратным и бдительным.

Моей целью было добраться до круглосуточно работающего отеля на отдаленной стороне горы. Я полагал, что, доехав до него, я смогу отдохнуть, поесть и поспать несколько часов, перед тем как продолжить свой путь в Бангалор утром.

Я отправился в путь, и вскоре после этого, должно быть, заснул, потому что, когда я очнулся, моя голова покоилась на руле управления. Сон как рукой сняло, как если бы я проспал добрых несколько часов. Я оглядел свое местонахождение и к большому удивлению увидел, что уже нахожусь на дальней стороне гор. Должно быть, я проделал весь этот путь, когда спал. Я благополучно проехал все двенадцать крутых поворотов, даже не осознавая, что веду машину. Когда я напряг свою память, то смог вспомнить только несколько миль, которые проделал от Мангалора.

Вскоре я подъехал к долгожданному отелю. Там я выпил несколько чашек кофе и затем проехал еще 100 миль пути до Бангалора, чтобы вручить чек своему директору. Затем я снял номер в отеле, принял душ и попытался поспать, но сон не шел: я восстановил свои силы во время ночного сна в горах.

Кто вел джип? Кто управлял машиной на поворотах? Даже в дневное время было трудно совершать маневры на этой дороге: с одной стороны были горы, с другой — обрыв, а ширина дороги составляла всего лишь около двадцати футов. Сегодня, вспоминая эту историю, у меня волосы становятся дыбом. Если бы я на самом деле спал, то, безусловно, разбился бы. Так кто же управлял джипом?

Я много раз думал об этом инциденте. И единственное, что мне приходит в голову, — я выжил лишь благодаря милости. Какая-то сила помогла мне в ту ночь, поскольку еще не пришло мое время умирать. Судьбой было предначертано, чтобы я был посредником этой силы, поэтому мне не позволили умереть. Я выжил потому, что через мое тело эта сила выполняет свою работу.

С Пападжи приключился еще один случай на дороге, который принес ему намного больше неприятностей.

Однажды я ехал в своем джипе из приисков в Ваджра Майн, в Чикмагалур, как тринадцатилетняя девочка неожиданно побежала через дорогу. Мой водитель не успел избежать столкновения и сбил ее. Местные жители этой деревни вооружились палками и побежали к нам. Выглядело так, будто они хотели убить моего водителя, поэтому я сказал ему трогаться с места, чтобы минуть толпу. В следующем городке на нашем пути я сообщил о несчастном случае в местную полицию. Семья погибшей девочки тоже явилась в полицейский участок, и они заявили, что мой шофер преднамеренно переехал ее. Полицейские поверили версии пострадавшей семьи и посадили моего водителя в местную тюрьму. Все жители деревни пришли к этой тюрьме, чтобы оплакать мертвую и дать показания против сбившего ее человека. Полицейский привез меня на место происшествия и записал показания всех свидетелей, на основе которых был составлен первичный отчет. Старший офицер конфисковал мой джип и сообщил мне, что мой шофер останется под арестом до тех пор, пока дело не будет рассмотрено в суде.

Я знал, что мой водитель был невиновен, поэтому при первой же возможности я расписался в долговом обязательстве на 15000 рупий, и его выпустили под мое поручительство. Также с меня взяли расписку, что в день рассмотрения дела в суде я приведу его в суд или выплачу 15000 рупий.

Водитель, напуганный возможностью провести несколько лет за решеткой, если его признают виновным, примчался к своей семье в Кералу и не показывал носа до рассмотрения дела в суде. Я нанял адвоката по имени Рамдас Йенгар, который убедил судью дать мне время на то, чтобы я привез своего водителя в суд. Судья предоставил в мое распоряжение десять дней срока.

Я тут же отправил к нему в Кералу человека, поручив ему привезти водителя на слушание дела, но дома его не

Лагеря и шахты в регионе Тумкура, упомянутые ранее. Шахта в Ваджре находится в районе Читрадурги. Ни у одного из перечисленных мест поблизости нет достаточно крупных городов, которые были бы отражены на карте.

оказалось. Его жена сказала, что не видела его уже больше года. Должно быть, ее муж прятался где-нибудь в подвале, боясь предстать перед судом и открыто столкнуться с возможностью попасть за решетку.

Я обратился в суд с просьбой предоставить мне еще некоторое время с целью организации более тщательных поисков. И судья проявил снисхождение, предоставив в мое распоряжение еще семь дней, однако предупредил, что больше он не пойдет мне навстречу.

«Если вы не сможете привести своего водителя в зал суда на слушание дела в течение предоставленного вам срока, — сказал он мне, — вам придется выплатить суду сумму в 15000 рупий».

С провалом моей второй попытки мне ничего не оставалось как явиться в суд и просить предоставить мне возможность выплачивать назначенную мне сумму частями. В то время я зарабатывал не так уж много. Я надеялся, что мне удастся добиться позволения судьи выплачивать долг ежемесячно по 200 рупий. Поскольку я содержал жену и детей, эта сумма казалась мне довольно приличной, чтобы каждый месяц отнимать ее из моей зарплаты. Даже на условиях выплаты по такой ставке окончательно погасить свой долг мне бы удалось лишь через несколько лет.

Рамдас Йенгар сообщил мне, что встретиться со мной лично он сможет лишь в день слушания дела в суде, так как у него где-то еще была назначена встреча, а в мое дело он посвятил одного своего знакомого, на которого можно положиться. Он заверил меня, что этот человек сможет убедить судью предоставить мне возможность осуществить свой план по выплачиванию долга частями.

В назначенное время я явился в суд, но нигде не мог найти своего адвоката. Я обошел все здание суда, но его нигде не было. Совершенно случайно я узнал, что он был вынужден отправиться в другой суд на рассмотрение еще какого-то дела и у него совершенно не было времени на то, чтобы сообщить мне о сложившихся обстоятельствах. Меня это очень беспокоило. Я не хотел застать судью в плохом расположении духа, поскольку мне надлежало убедить его отнестись ко мне снисходительно.

Незадолго до начала слушания моего дела я встретил другого знакомого мне юриста. Он однажды пришел ко мне в дом, чтобы поговорить о различии между *бхакти* и *джняной*. Я устранил все его сомнения по данному вопросу и теперь надеялся, что он не откажется помочь мне решить мою проблему. Я тут же устремился к нему и объяснил ему, что мне очень нужен адвокат, который

бы смог убедить судью предоставить мне возможность выплачивать долг небольшими суммами. Мой знакомый Т. Ситарамайя согласился взяться за дело за 100 рупий. Я принял его условия и выплатил назначенную им сумму до начала слушания моего дела. У меня с собой были деньги, поскольку я знал: при любом исходе суд потребует от меня внести наличные. Я кратко изложил суть дела по дороге в зал суда.

Когда было произнесено мое имя, мой адвокат объяснил присяжным, что всего лишь несколько минут назад он был посвящен в курс дела и ему потребуется несколько часов, чтобы изучить бумаги. Он пояснил, что адвокат, которого я нанял ранее, не явился на слушание дела, поскольку его вызвали на рассмотрение другого дела в Мисоре. Суд присяжных согласился выполнить его просьбу и отложил слушание дела на вечер того же дня.

Во время нашей с ним беседы я сказал Ситарамайе: «Вы должны быть предельно вежливы с судьей. Я не богат. Постарайтесь убедить его в том, что я могу выплачивать лишь 50 рупий в месяц. Постарайтесь вызвать у него снисхождение, потому что он имеет право назначить любую ставку по своему усмотрению».

Адвокат бегло просмотрел касающиеся дела документы и сказал, что сумеет решить дело в мою пользу.

Спустя несколько часов судья вновь назвал мое имя. Тогда Ситарамайя поднялся и обратился к судье с речью. Но вместо того чтобы просить его о снисхождении, он начал нападать на судью и присяжных заседателей.

«Мой клиент собирается подать иск, — начал он. — Вы беспокоите его без всякой на то необходимости. Несколько раз вы заставляли его являться в суд. У вас нет на то права — требовать его явки в суд. Вы отнимаете у него время, поэтому я посоветовал ему выдвинуть против вас иск».

Я совсем пал духом. С таким адвокатом я запросто могу оказаться за решеткой к концу дня. А если этого не произойдет, можно считать, мне крупно повезло. Ситарамайя был хорошо известен в суде из-за своего эксцентричного поведения, но я и мысли не допускал, что он преднамеренно сорвет дело.

Адвокат продолжал: «Здесь передо мной лежит долговое обязательство, подписанное моим клиентом. В нем говорится, что мой клиент обязуется выплатить сумму в 15000 рупий правительству махараджи Мисора, в случае если ему не удастся привести в зал суда своего водителя. А данный суд ведет дела правительства Индии, а не махараджи Мисора. Следовательно, у вас нет полномочий вызывать моего клиента сюда, а также вы не имеете полномочий взять с него даже *пайсу* (одну сотую рупии)».

Ситарамайя показал судье и прокурору документы по долговому обязательству. Они посоветовались некоторое время, но затем были вынуждены признать его правоту. Вот в чем было дело: до провозглашения независимости округ, в котором я пребывал, принадлежал и находился под управлением махараджи Мисора. После разделения государства Мисор вошло в независимую Индию, и следовательно, махараджа сложил свои полномочия правителя. Однако во время переходного периода правительство нового государства пользовалось старыми бланками государства Мисор, так как они еще не успели выпустить свои. Именно в этот период судья зачеркнул «Махараджа Мисора» в верхней позиции листа и заменил эту запись на «Правительство Индии». А служащий, который готовил мое долговое обязательство, забыл сделать то же самое, поэтому свои финансовые дела я должен был улаживать с несуществующим государством Мисор, а не с правительством Индии.

В связи с тем что государство Мисор больше не существовало, судья и прокурор были вынуждены согласиться

с невозможностью заставить меня выплачивать кому-либо деньги. Дело было закрыто.

Когда Рамдас, мой первоначальный адвокат, вернулся из Мисора, я рассказал ему о случившемся. Он принес свои извинения за то, что упустил из виду это обстоятельство. И если бы он тогда появился в суде и защищал мои интересы, я бы до конца своей трудовой деятельности выплачивал бы тот долг.

За период работы на юге Индии Пападжи познакомился с некоторыми людьми, которых считали великими святыми. Его встреча с садху недалеко от Кришнагири уже была описана ранее. Также непродолжительная встреча у него состоялась и со свами Нитьянандой, с которым до этого он встретился, когда работал в Бомбее в начале 1930-х годов. В 1950-х годах свами Нитьянанда жил в Северной Керале. После одной своей командировки в Мангалор Пападжи поехал в Северную Кералу, чтобы еще раз увидеться с Нитьянандой. Я не слышал, чтобы Пападжи рассказывал об этой второй встрече, однако он как-то обронил, что в то время этого свами очень чтили и почитали в Керале и Южной Карнатаке и что во многих домах висел его портрет. Некоторые даже говорили, что разбогатели, после того как получили благословение свами.

За этот периоду Пападжи было еще несколько встреч.

Свами Абхишиктананда рассказал мне о проживающем в Тирукойлуре свами по имени Джнянананда. Тирукойлур находится в нескольких милях от Тируваннамалай. После общения с ним Абхишиктананда стал ценить его и был о нем очень высокого мнения. Он даже написал об этом святом книгу. Во время одной нашей встречи он высказал предположение, что, возможно, мне будет интересно встретиться с ним. Джнянананде должно было быть около ста пятидесяти лет, а люди, знавшие его пятьдесят или шестьдесят лет, говорили,

что за этот период времени он ничуть не постарел. Я пришел к нему и обнаружил, что он был грузным, но жизнерадостным пожилым человеком с хорошим чувством юмора, который был полон сил и энергии.

«Что вы хотите?» — спросил он, когда я подошел к нему. «Ничего, — ответил я. — Я просто пришел за вашим *даршаном*. Один мой друг предложил мне познакомиться с вами, поскольку полагал, что общение с вами доставит мне удовольствие — вот я и пришел». «Замечательно, — сказал он. — Мне нравятся люди, которым ничего не надо. Проходите и присаживайтесь рядом со мной».

Следующим посетителем был торговец бриллиантами. Он приехал с женой из Хайдерабада. Его супруга вся была украшена драгоценностями — они свисали со всех частей ее тела.

«А что хотите вы?» — поинтересовался он. «Мы хотим ребенка, — ответил торговец. — Не могли бы вы помочь нам?» «Конечно!» — ответил Джнянананда. Он подозвал своего помощника и сказал: «Загляни в кладовку и посмотри, не осталось ли у нас лишних сынов. Если найдешь, то отдай одного этой парочке».

Он был милым старичком, который со всеми шутил. Мне он очень понравился.

Несколько лет спустя я познакомился с одной женщиной, которая также считалась великой святой. Мой путь лежал в Бомбей. Я направлялся туда по делам транспортировки груза, и Субраманья Айяр, мой друг, работающий в Бомбее как представитель акцизного управления, предложил мне остановиться в Пуне, чтобы встретиться с его гуру. Его гуру была женщина по имени Амаду Амма. Он рассказал мне несколько любопытных историй, касающихся ее, поэтому я взял у него адрес и отправился искать ее в Пуне. И мои поиски увенчались успехом. Она давала сатсанги в большом зале, где присутствовали сотни людей. У меня не было желания

разговаривать с ней. Я просто хотел понаблюдать за происходящим, и не стал проходить внутрь зала, а остановился при входе.

Субраманья сказал мне, что она была преданной Ширди Саи Бабы и через нее люди получали его силу и милость. Судя по количеству собравшихся на ее сатсанг, она, безусловно, пользовалась популярностью.

Через несколько минут ко мне подошел какой-то мужчина и обратился ко мне: «Амма хочет видеть вас. Она хочет познакомиться с вами». «Думаю, она не имела в виду меня, — ответил я. — Я не принадлежу к числу ее преданных. Я направляюсь в Бомбей по своим делам. Ей, должно быть, нужен кто-то другой». «Нет, — ответил он. — Она очень точно вас описала и сказала, где вы будете стоять. Никто другой не подходит под данное ею описание».

Я снял свою обувь и пошел ей навстречу. Она сидела на скамеечке в начале зала, приветствуя каждого, кто подходил к ней. Позади нее на стене висела большая фотография Ширди Саи Бабы. Она поприветствовала меня и предложила сесть на скамейку рядом с ней.

Она обратилась к одному из своей свиты: «Этот человек обладает такой же силой, как и я, и даже больше. Я почувствовала это, как только он вошел в зал. Он, безусловно, великий человек. Сегодня каждый присутствующий может поприветствовать его вместо меня».

Я не хотел сидеть здесь и быть центром всеобщего внимания, но был вынужден остаться. Она обращалась к подходящим к ней людям, говоря, что я был великой душой, которая пришла благословить ее сатсанг, и они совершали простираания передо мной. Казалось, что не было конца очереди людей, желающих выразить свое почтение.

Спустя некоторое время я сказал: «Я узнал о вас от одного вашего преданного по имени Субраманья Айяр. У меня не было намерения оставаться здесь надолго.

Мой шофер ждет меня снаружи, чтобы отвезти меня в Бомбей. Я не могу провести здесь весь вечер».

Она и слышать ничего не хотела об этом. И мне пришлось приветствовать всех присутствующих на ее сатсанге одного за другим. Затем она настояла, чтобы я поужинал вместе с ней. К тому времени как трапеза подошла к концу, был уже час ночи.

«Вы не можете сейчас отправляться в путь, — сказала она. — Уже за полночь. Переночуйте здесь, а завтра утром продолжите свой путь в Бомбей».

Кончилось все тем, что я остался на ночь в ее центре. Следующим утром я просто-напросто сбежал, пообещав еще вернуться, после того как улажу свои дела в Бомбее. Я сдержал данное мною слово. Возвращаясь из командировки, я заехал к ней и предложил поехать со мной на юг Индии. Она оказала мне очень радушный прием, поэтому я взял несколько дней отпуска и показал ей Мадрас и Раманаширам.

Спустя несколько лет я поинтересовался у Субраманьи, что с ней произошло, так как я не получал от нее никаких известий уже долгое время. Он рассказал мне, что она исчезла при загадочных обстоятельствах. Она вошла в храм, расположенный на берегу реки Кришна, и растворилась. С тех пор больше никто ее не видел.

В конце 1950-х годов, обосновавшись в Чикмагалуре, я познакомился еще с одним преданным этой женщины. Его звали Саи Нараян, и он одно время был ее поваром. Я вышел на него, потому что один мой друг, который сам был врачом, ждал чуда, благодаря которому произошло бы исцеление его единственного сына. Сын его был неизлечимо болен. Ему было около шестнадцати лет, но он сильно отставал в развитии. Его головной мозг не развивался, его интеллектуальные способности были на уровне маленького ребенка.

Мой друг слышал о Саи Нараяне, который прославился своими способностями материализовывать предметы,

как это делает Сатъя Саи Баба. Больше всего ему нравилось материализовывать маленькие статуэтки индуистских богов, которым поклонялись его преданные. Таким образом, я и мой друг врач отправились посмотреть на деяния этого человека.

Когда мы подошли к нему, Саи Нараян обратился к нам с такими словами: «Назовите почитаемое вами божество. Статуэтку какого бога вы бы хотели получить?»

Перед нами люди просили получить изваяние Рамы, Кришны и Шивы, и их желания были удовлетворены. Я не мог видеть, мошенничает ли он или нет, поскольку находился от него немного поодаль, но сидящие прямо перед ним ученики определенно верили, что он совершает чудо, а не путем обмана совершает свой трюк.

Мне не было видно, как он это делает, поэтому я решил проверить его и назвал малоизвестную форму Кали. В этой части Индии никто не поклонялся Кали.

Он даже и не попытался материализовать статуэтку. Вместо этого он сказал: «Может быть ты хочешь какую-нибудь другую форму Бога? Лучше поклоняться другой форме Бога».

Тогда я понял, что у него наверняка где-то спрятаны статуэтки наиболее распространенных божеств и что он незаметно вытаскивает их одну за другой по мере необходимости.

Врач представил ему меня как духовного учителя из Чикмагалура. Саи Нараян пригласил нас посидеть некоторое

время рядом с ним, потому что сам хотел рассказать нам о своем учителе.

«Её звали Амаду Амма, — начал он, — и она была родом из Раджамундри, штат Андхра-Прадеш. В нее вселялся дух Ширди Саи Бабы. Пребывая в этом состоянии, она могла ответить на любой заданный ей вопрос. Могу показать вам несколько ее фотографий».

Он достал фотоальбом и стал перелистывать страницы

одну за другой. Одна фотография привлекла мое внимание.

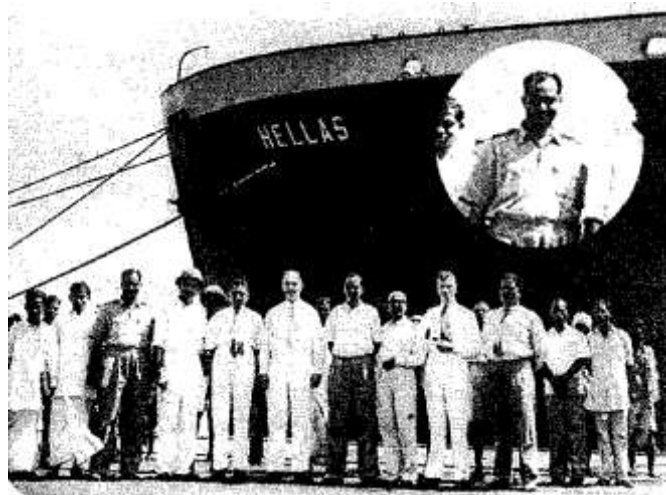
«Кто этот человек на фотографии?» — поинтересовался я. «Никто не знает, — ответил он. — Этот загадочный посетитель был на одном из сатсангов Аммы в Пуне. Она признала его великим святым и сказала, что он наделен даже большей силой, чем она. Она попросила его сесть рядом с ней и сказала своим преданным поклониться ему. После этого он пропал, и с тех пор никто больше его не видел. Ходили слухи, что он служил в армии, но это единственное сведение, которым я располагаю». «Разве это изображение никого вам не напоминает, — засмеялся я. — Возможно, это тот человек, которого вы видели совсем недавно?»

Неожиданно он осознал, кто изображен на фотографии. Он простерся передо мной и извинился за то, что не поприветствовал меня должным образом раньше. Тем временем мой друг с беспокойством пытался выяснить, может ли этот свами вылечить его сына.

Саи Нараян честно признался, что не обладает никакими исцеляющими способностями, может лишь проявлять статусетки. Хотя я и сомневался в такой его силе, я промолчал, поскольку мы были его гостями.

В конце 1950-х и начале 1960-х годов Пападжи проводил сатсанги для небольших групп в Чикмагалуру. Большинство его друзей и преданных были представителями местного торгового общества. Однажды, во время празднования фестиваля, каждый из них пригласил его в гости к себе домой в одно и то же время.

В Южной Индии отмечали новый год. Это происходило не первого января, как на Западе. В Южной Индии новый год наступает другого числа. За пару дней до этого праздника, когда я сидел у себя в офисе в Чикмагалуре, ко мне зашел один друг, занимающийся выращиванием

Погрузка руды на судно в Мадрасе в период 1950-х годов. Пападжи четвертый слева. Это единственная фотография, где Пападжи заснят на работе в Южной Индии.

кофе на плантациях, и пригласил отметить новый год у него дома. Жил он в пятидесяти милях от офиса.

«Вы должны быть у меня, — сказал он. — Я пригласил всех своих друзей. Придут все мои соседи и многочисленные родственники. Будем ждать вас в полдень. Пообещайте, что придете к нам, иначе мы не притронемся к еде, пока вас не будет».

Такова одна из традиций в Индии: если твой гуру ест вместе с тобой, то нельзя начинать трапезу, пока он не приступит к еде. Я принял его приглашение, потому что не хотел его расстраивать.

Немного позже ко мне зашел учитель местного колледжа и пригласил меня к себе домой, назначив то же время того же дня.

«Мы покажем, как празднуют это событие на юге. На севере празднуют по-другому. Соберется вся моя семья, а также придут некоторые учителя из колледжа. Приходите в полдень. Мы все будем ждать вас».

Я покачал головой. Мне не хотелось говорить ни «нет», ни «да». Я полагал, что дал уклончивый ответ, но мой друг расценил его как определенное «да».

Следующим пришел мой друг, владеющий некоторым количеством автобусов.

«Меня прислала жена пригласить вас на новогодний обед, — сказал он. — Я устраиваю пир для всех своих работников. Вы должны прийти. Обед начинается в полдень».

Я покачал головой, и опять это было расценено как знак согласия.

Немного позже аналогичный разговор состоялся с владельцем одного отеля. Создавалось впечатление, будто все, кого я знал, хотели видеть меня в своем доме. Мне не хотелось никому отказывать, но я понимал затруднительность своего положения, поскольку меня приглашали в одно и то же время, и все приглашающие намеревались дождаться меня, перед тем как сесть за стол. Хотя некоторые дома находились и далеко друг от друга, я полагал, что, скорее всего, смогу выполнить свое обещание, проведя в каждом из четырех домов несколько минут.

Когда же настал тот долгожданный день, получилось так, что я не смог попасть ни на один обед. Меня срочно вызвали в Мангалор, и весь день я провел в делах — улаживал проблемы с грузом. Я не ожидал, что надолго задержусь в Мангалоре, поэтому никого не успел предупредить, что не смогу явиться на званный обед.

Когда я вернулся, ни один из моих друзей не посетовал на мое отсутствие, поэтому я предположил, что все они каким-то образом вовремя получили известие о моем внезапном отъезде в Мангалор. Дело, которым я

занимался, не исключало неожиданностей, и, казалось, такой поворот событий можно было считать уважительной причиной для неявки на званый обед.

Через несколько дней все четверо встретились в банке. Городок был небольшой, и предприниматели постоянно сталкивались друг с другом. Начал разговор владелец автобусов, сказав, что в новый год Пунджа почтил своим присутствием его дом, и съел огромное количество блюд. Его слова вызвали удивление у остальных трех. Они в один голос заявили, что Пунджа был у них в гостях и сидел с ними за столом.

Один из них сказал: «Моя жена поставила перед ним полное блюдо, а также *паясам*, фрукты и *паан*». Другой сказал: «То же случилось и в моем доме. Он съел по крайней мере десять порций *паясам* (сладость вязкой консистенции, напоминающая кашу)».

Естественно, они начали выяснять, в какое время это происходило. Каждый хотел знать, когда я был в гостях у остальных. Все они сошлись на том, что пришел я к ним в дом около полудня.

Кто-то из них сказал: «Возможно, относительно времени мы и ошибаемся, но как же он смог съесть столько в середине дня? В праздничные дни еда настолько сытная и плотная, что после такого обеда даже ужинать не хочется. Как ему удалось поглотить так много пищи за такой короткий промежуток времени, да к тому же в полдень? Это невозможно».

Владелец кофейных плантаций, господин Субба Рао, высказал мысль, что я, вероятно, трапезничал в четырех местах одновременно.

«Такое возможно, — сказал он. — Вокруг него часто происходят необычные вещи. Я сам был свидетелем некоторых чудесных явлений».

Им пришлось остановиться на данной версии, поскольку другого объяснения они не могли найти. Их дома находились на некотором расстоянии друг от друга,

и все они были убеждены, что я приступил к обеду приблизительно в двенадцать часов дня. Они спросили, как мне это удалось, но я ничего не ответил. Я не сказал им, что весь день провел в другом городе, улаживая возникшую проблему.

Да и сам Пападжи не знал, как все так вышло, так как и понятия не имел, что явился на празднование нового года к друзьям. Хотя однажды он выдвинул свое объяснение, сославшись на сходный случай, произошедший несколько столетий назад.

Однажды жил цирюльник, бреющий местного короля. В те дни цирюльники брили, делали массаж, а также стригли. Король вот уже несколько лет страдал артритом, и цирюльник каждое утро приходил к нему, чтобы побрить его и помассировать его колени.

Как-то к цирюльнику пришел его гуру.

Он подумал про себя: «Этот гуру — мой Бог. Я должен остаться дома и служить ему. Король может наказать меня и даже уволить, но сегодня я просто обязан остаться дома служить своему учителю».

Вечером того же дня, когда гуру покинул его дом, цирюльник отправился во дворец, чтобы принести свои извинения королю. Он подходил к воротам дворца, находясь в состоянии сильного волнения, так как знал: король вправе распоряжаться его жизнью — казнить или помиловать.

Дворцовая охрана спросила его: «Зачем ты вернулся? Разве король посылал еще раз за тобой?»

Цирюльник не мог ничего понять и решил, что охранник просто подшучивает над ним. Весть о неожиданном приходе цирюльника быстро разнеслась по дворцу и достигла ушей короля. Тот выбежал из своей комнаты навстречу цирюльнику, радушно поприветствовал его и заключил в свои объятия.

«После того как ты покинул меня сегодня утром, — сказал король, — мучивший меня артрит полностью исчез. Это был самый лучший массаж, который мне когда-либо делали. Я хотел было поблагодарить тебя, но ты так неожиданно исчез, что лишил меня всякой возможности сделать это. Я рад, что ты вернулся, и хочу наградить тебя». Он дал ему мешок золота и сказал: «Больше можешь не приходить во дворец. Мне больше не нужен массаж. Теперь ты можешь уйти на покой и наслаждаться благами, которые можно купить за подаренные мною деньги».

Так что же произошло на этот раз? Цирюльник проявил себя как истинный преданный своего гуру, оставшись прислуживать ему. Он знал, что за такой поступок он может лишиться работы и даже поплатиться жизнью. Но его это мало беспокоило, поскольку служение своему гуру для него было намного важнее, чем своя собственная жизнь. Если человек обладает такой верой, то может произойти чудо. Сам гуру ничего не сделал. Именно вера цирюльника в своего учителя вызвала ту силу, которая проявилась в присутствии короля и излечила больные суставы.

Такие чудеса могут происходить вокруг учителя, даже если он и не знает о них. Я принял приглашения на празднование нового года, веря, что приду на них, но в силу обстоятельств был вынужден провести весь день в другом месте. «Я» обрело облик Пунджаджи и выполнило его обязательства в четырех различных местах. Но не спрашивайте меня, как я это сделал. Я не имею к этому никакого отношения.

Хотя Пападжи не был широко известен за пределами своего круга, к нему продолжали приезжать из дальних мест новые посетители. Одна такая встреча состоялась с доктором Джеймсом, из Лондона. Казалось, Пападжи не знал, что именно случилось с доктором Джеймсом во время

их первой короткой встречи, но, должно быть, произошло что-то очень значимое, так как он оставил свой поиск и ушел счастливый и удовлетворенный. Сам Пападжи неоднократно говорил, что духовные пробуждения, свидетелем которых он становился, оставляют в его памяти неизгладимый след. Если это так, то с доктором Джеймсом наверняка произошло нечто особенное, потому что эта история относится к тем, которые Пападжи рассказывает довольно часто.

Я гостил у одного своего друга, живущего в пригороде Чикмагалура. Он принадлежал к числу местных владельцев кофейными плантациями. С нами были и еще несколько наших друзей. Мы беседовали, и я заметил, как перед домом остановилось такси. Из машины вышел какой-то незнакомец и зашел к нам в дом. На вид ему можно было дать лет пятьдесят.

Он представился следующим образом: «Меня зовут Джеймс, и я приехал из Лондона. Недавно я был в Токио на международной религиозной конференции. Там присутствовал преданный Пунджаджи, который и рассказал мне об этом человеке. После услышанного мне захотелось приехать в Индию и познакомиться с ним. Я исколесил всю Южную Индию в поисках его, побывал в Бангалоре, Мисоре, Белуре и наконец-то приехал сюда, в Чикмагалур. Господин Пунджа здесь? Я бы хотел поговорить с ним».

Я сказал, что он нашел меня, и пригласил присоединиться к нам.

Он обратился ко мне: «Я хочу поговорить с вами и задать один вопрос». Я ответил: «Вы проделали длинный путь и, наверное, устали. Почему бы вам не принять душ? Затем вы составите нам компанию и выпьете чашечку кофе».

Спустя несколько минут он вновь оказался в нашем обществе и стал рассказывать свою историю.

«Последние десять лет я езжу по миру, посещаю духовных учителей и задаю им вопросы, но ни один их ответ не удовлетворил меня. Больше всего меня интересует вот какой вопрос. Я хочу знать, как ведет себя просветленный человек, я имею в виду его поведение в миру».

Я ответил ему, как всегда отвечаю на подобные вопросы: «Такой вопрос может возникнуть только в уме того, кто считает себя непросветленным. У просветленного человека такой вопрос никогда не возникает. Просветленный человек не следует никаким законам поведения. Нет таких правил и законов, которых он должен придерживаться или соблюдать. Его поведение определяется ситуацией и обстоятельствами, которые окружают его. Он реагирует на события и окружающих его людей, подобно зеркалу. После просветления никого не остается, кто мог бы решать поступать ему или нет в соответствии с установленными правилами и законами. Его действия — спонтанные реакции на все происходящее вокруг него. Он не может выбирать — подчиняться или не подчиняться правилам, потому что тот, кто ранее делал выбор, перестал существовать. Просветленный действует не задумываясь. У его действий нет причин. Его действия — реакция на то, что происходит вокруг него. Можно сказать, что он подобен электрическому свету в комнате. В свете комнаты развиваются разные события, но сам свет не играет никакой роли. Просветленный человек — свет, который просто светит, — ничего другого он не делает. Он свидетельствует все то, что освещено светом, но не принимает в этих действиях никакого участия».

Такой ответ пришелся по душе Джеймсу. Он сложил ладони вместе — прощальный жест — и сказал, что поиск ответа, который бы удовлетворил его, закончен.

«Я получил от вас все, зачем приходил, — сказал он. — Мне нет нужды оставаться дольше. Теперь я могу

вернуться в Лондон. Я полностью удовлетворен произошедшим. Благодарю вас за все, что вы для меня сделали. Я изложу все, что я испытал здесь за последние десять минут, в письме и отправлю вам его по почте из Бангалора».

В эти несколько минут с ним, вероятно, произошло нечто особенное. Он был счастлив, и это чувство не имело никакого отношения к получению ответа на заданный им вопрос. Что-то другое раскрылось ему. Несколько дней он ездил по всей Южной Индии, чтобы найти меня, но, проведя в моем обществе всего лишь несколько минут, не остался со мной, а напрямик отправился назад в Лондон. Почему? Он обрел счастье, счастье, которое ни от чего и ни от кого не зависит. Вот почему он встал и покинул меня всего лишь после нескольких минут нашего общения. Он сказал, что напишет и расскажет, что с ним произошло, но я так больше его никогда не видел и не слышал о нем.

В этот период Пападжи общался еще с несколькими ищущими-иностранцами. Так как большинство из них были направлены свами Абхииктанандой — французским монахом, — они были либеральными католиками, изучающими направления и учения, которые может предложить им индуизм. Только один из них, Энрик Агвилар, пробыл с Пападжи некоторое время.

Этот человек одно время был монахом в Монтсеррате — знаменитом испанском монастыре поблизости Барселоны. Когда я впервые встретил его, он все еще носил одежды своего ордена, хотя это продлилось недолго. У него были большие проблемы с христианской верой, политикой и церковными предписаниями, так что он перестал быть монахом. Он проявлял очень большой интерес к индуизму, выучил санскрит и изучил много направлений индийской философии. Где-то в

течение трех лет (в начале 1960-х годов) он регулярно приходил ко мне.

Долгое время он жил в Индии, проводя дни в моем обществе, и индийское правительство распорядилось, чтобы он покинул страну. Его визу больше не продлевали. Я предложил ему поехать на Шри-Ланку и поселиться там в монастыре, так как он хотел медитировать в тихом месте. У приезжающих на остров иностранцев, становящихся буддистскими монахами, не было проблем ни с пропитанием, ни с визой. Правительство позволяло им пребывать на острове сколько им угодно, пока монастыри предоставляли им жилье и питание. Очень хороший расклад для тех, кто хочет сидеть и медитировать весь день. Таким образом, он отправился на о. Шри-Ланка, взял себе буддистское имя, пришел в монастырь и вел там жизнь буддистского монаха.

Спустя несколько месяцев он опять приехал в Индию с двадцатидневной визой, чтобы проконсультироваться со мной по поводу своих личных проблем.

«Обычно я хожу просить подаяние с другими монахами, — начал он. — И как-то в один из таких наших выходов я познакомился с мусульманской девушкой и полюбил ее. Я хочу жениться на ней, но ее отец не даст свое благословение, пока я не перейду в ислам. Он не допустит, чтобы его дочь вышла замуж за не мусульманина. Ее отец работает инспектором полиции. А его дочь ни на что не может решиться без его благословения».

Я знал, что он не был идейным буддистом, а приехал на Шри-Ланку лишь из-за возможности медитировать в спокойном месте.

«Если ты действительно ее любишь, — сказал я, — тогда женись на ней. В любви не существует никаких религий. Сними с себя свои одежды монаха, прими новую веру, если это именно то, что от тебя требуется. Женись на ней, и поезжайте вместе в Испанию. У себя на родине ты сможешь начать с ней новую жизнь. Не

притворяйся монахом, соблюдающим celibat, коль внутри тебя кипят желания».

Ему не по вкусу прилась идея завязать с монашеской жизнью. В той или иной степени он вел жизнь монаха вот уже много лет, и это уже вошло в стиль его жизни. Однако любовь к девушке победила его желание одеваться в монашеские одежды и выглядеть монахом. Он снял с себя монашеские одеяния на короткой церемонии, состоявшейся на Шри-Ланке, привез свою жену к себе в Испанию и начал там новую жизнь. Через несколько лет я приехал в Испанию по его приглашению. Мы сходили с ним в его старый монастырь и отдали его монашеское одеяние. У него был достаточно долгий религиозный поиск: от христианского монаха до индуистского *садхака* (духовного практика), от индуистского *садхака* до буддистского монаха, от буддистского монаха до мусульманина с новым именем Мохаммед Али. Но ни одна из этих религий не дала ему истинного счастья или удовлетворения. Сейчас он живет в Испании и ведет дела своей фермы.

Как-то в 1950-х годах Пападжи ехал от одной шахты, которая располагалась в районе Шимоги, в Мангалоре. По дороге он заехал пообедать к Венкатасуббе Рао, его дом находился недалеко от Чикмагалура. Все утро Пападжи провел за рулем и поэтому решил немного вздремнуть перед едой, поскольку в тот же день ему нужно было ехать дальше. Во время отдыха ему приснился удивительный сон о его прошлой жизни.

Всякий раз, когда мне предстояла дорога в 200 км от района Шимоги до Мангалора, я заезжал в Чикмагалур и обедал у своего друга.

В тот день Венкатасубба Рао сказал мне: «Сегодня состоится церемония священной нити* у моего сына.

* Упаяна — посвящение в брамины. — Прим. ред.

Я буду дожидаться прихода друзей и священнослужителей, а вы тем временем, пожалуйста, отдохните. Я предупрежу вас, когда все будет готово».

Я отправился спать и увидел сон о своей предыдущей жизни. Мне открылось, что я был йогом и жил на берегах реки Тунги в нескольких милях от Шрингери. Это местечко расположено довольно-таки близко к Чикмагалуру. Должно быть, я был весьма известен в той жизни, поскольку у меня был большой ашрам и много преданных. В своем ашраме я построил храм, где установил изваяние Кришны из черного камня. В той жизни меня звали сваами Гопалой, и построенный мною ашрам был назван моим именем.

Помимо того что я был *бхактой* Кришны, я был искусным йогом. Я овладел искусством *нирвикальна самадхи* и целыми днями мог пребывать в этом состоянии. Мое желание находиться в таком состоянии в конечном итоге стало причиной моей смерти. Я вошел в *самадхи* и оставался в таком состоянии на протяжении многих дней. Мои преданные не могли «пробудить» меня и привести в нормальное состояние. В действительности же они не могли добиться того, чтобы я отреагировал на их действия или ответил им. Таким образом, они пришли к заключению, что я, должно быть, умер. Один из местных деревенских жителей, которого считали экспертом в этой области, заявил, что намерен проделать дырку на макушке моей головы и посмотреть, покинули ли *праны* мое тело. Он взял мачете (нож для срезания кокосовых орехов) и вскрыл мне череп. Заглядывая в образовавшуюся дыру, он заявил всем, что, определенно, я был мертв и меня надо было похоронить. Тела святых хоронят, а не подвергают сожжению. Я сознавал, что происходит вокруг, но ничего не мог сделать, чтобы предотвратить это: я не мог говорить или двигаться, хотя осознавал происходящее вокруг. Я пребывал в таком состоянии, которое каким-то образом парализовало

работу моей нервной системы, а также все мои рецепторы чувств, что лишало меня возможности противостоять их действиям. Я даже осознавал, что эти люди опускают мое тело в могилу *самадхи*. Когда яма была завалена, у меня наступило удушье, и я умер.

Подобное состояние я испытал еще ребенком уже в этой жизни. Проиgnорировав манговый напиток в Лахоре, а также услышав «*Ом шанти*» в школе, я погрузился в глубокое состояние, похожее на транс, и не мог отвечать окружающим меня людям, даже смутно сознавая их присутствие. Такие состояния приходили ко мне, потому что в своей прошлой жизни у меня было сильное желание наслаждаться ими. Моя любовь к Кришне в прошлой жизни также объясняет, почему я так сильно хотел получить его *даршан* в этой жизни. Будучи свами Гопалой, у меня было огромное желание увидеть Кришну Переродившись под именем Пунджаджи, это желание вернулось и подтолкнуло меня многие годы искать внешнего Бога. Вот что происходит с неосуществленными желаниями. Если они еще есть в момент смерти, ты родишься вновь в той форме, в которой сможешь их реализовать.

Из моей прошлой жизни в эту перешло еще одно неосуществленное желание. Неподалеку от моего ашрама проживала одна семья, которая ухаживала за принадлежащими мне кокосовыми пальмами. Они работали по контракту. В их обязанности входило следить за состоянием деревьев, собирать плоды, и каждый двадцатый плод они оставляли себе. В 1950-е годы в Южной Индии все еще действовала данная система. У этой семьи была очень красивая дочка, ей было около двадцати лет. Я помогал ей и ее семье, давая им еду, сари и деньги, не говоря уже о заработанных ими кокосовых орехах, потому что у меня было сильное сексуальное влечение к этой девушке. В то время я был уже стариком, но это не мешало мне предаваться своим мечтам об этой девушке.

Я ничего не мог поделать со своим телом, меня тянуло к этой девушке, но я не шел на поводу у своих желаний, поскольку не хотел терять репутацию. Я был известным йогом, а она всего лишь работала в моем ашраме. В этой жизни эта девушка родилась в Пенджабе и в конечном итоге стала моей женой. Желание оставалось, и оно должно было осуществиться.

Впервые я понял, кем она была, когда мы вместе жили в Мадрасе в 1940-е годы, хотя в то время я еще не знал о существовании принадлежащего мне большого ашрама в Карнатаке. Сначала я настолько был шокирован, обнаружив, что живу с девушкой, которая в прошлой жизни принадлежала к низшему сословию, что не мог заставить себя к ней прикоснуться. Я даже не хотел касаться ее одежды. Меня воспитывали как ортодоксального брамина, и по традициям того времени я должен был избегать общения с людьми, стоящими на более низкой ступени, и с теми, кто не входил в нашу касту. Пока шок не прошел, я настаивал на том, чтобы наши вещи после стирки сушились на разных веревках, а если же я случайно дотрагивался до ее сохнувшего белья, то шел мыться. Я не мог объяснить причины такого странного поведения своей жене. Ведь она, несмотря ни на что, в этой жизни была рождена в семье браминов и очень бы расстроилась, узнав, что я видел в ней девушку низшего сословия, кем она была в прошлой жизни. По прошествии многих лет я сказал ей об этом, но она не поверила мне.

Проснувшись в доме Венкатасуббы Рао, я прокричал: «Неси скорее ручку и бумагу. Я хочу записать кое-какую информацию. Мне только что приснился сон о моей прошлой жизни в ашраме, который находится недалеко отсюда. Я хочу подробно записать, как туда добраться, пока я ничего не забыл. У меня достаточно информации, которая мне поможет найти это место, если я как-нибудь соберусь туда прийти».

Я рассказал весь сон Венкатасуббе Рао. Услышанная история очень взволновала его, и он решил отыскать это место, если, конечно, еще что-нибудь осталось от старого ашрама. Мы не могли отправиться туда в тот же день, поскольку на нас обоих были возложены определенные обязательства, но мы договорились поехать туда на моем джипе на следующий мой выходной.

Несколькими днями позже мы приехали к реке посмотреть, что сможем отыскать. Я был уверен, что узнаю ашрам, если увижу его, но не знал точно, как до него доехать. Я оставил машину на берегу реки из моего сна, и мы стали расспрашивать всех встречающихся на нашем пути прохожих, нет ли поблизости каких-нибудь храмов Кришны, так как полагали, что в нашем случае лучше всего действовать именно таким образом. В этой части Карнатаки не часто встречаются храмы Кришны, поскольку большинство проживающих людей в этой части штата были шайвитами.

Наконец-то нам встретился человек, который сказал: «Да. Неподалеку есть храм Кришны, который называется свами Гопала Девастанам. Вот уже много лет там никто не живет. Едва ли кто туда теперь ходит».

Моста через реку не было, поэтому нам пришлось пересечь реку на плоту, отталкиваясь шестом. На противоположном берегу один фермер помог нам найти этот храм. Как только я увидел его, то сразу узнал этот храм, выстроенный мною несколько столетий назад. Внутри сохранилась водруженная мною статуя Кришны. Больше не было других признаков принадлежности этого старого ашрама мне. Мое *самадхи* было смыто рекой, и не осталось ни одной кокосовой пальмы.

Позже у Пападжи были видения других его предыдущих жизней. С ними вы познакомитесь в последующих главах. Перед тем как стать йогом в Южной Индии, он дважды родился в Европе как христианский священник. Обе эти

жизни были несколько столетий назад. Рассказанные им истории о прошлых воплощениях побудили меня задать ему следующие вопросы.

Дэвид: Сколько жизней вы потратили на поиск Бога или свободы? Что стало причиной ваших последующих перерождений? Какие-то совершенные вами ошибки? Почему данный поиск продолжался так долго?

Пападжи: Я видел много прожитых мною жизней. На берегах Ганга у меня было видение всех их, тысячи и тысячи жизней — от самой примитивной формы моей жизни до рождения человеком. Но большинство информации не сохранилось в моей памяти, когда видение закончилось. Однако я хорошо помню последние три жизни и знаю, какие ошибки я совершил в каждой из них. Я уже рассказал тебе о моей прошлой жизни, в которой я испытывал сильное влечение к женщине, проживающей в моем ашраме. Именно это желание стало причиной моего перерождения.

Несколько лет назад Пападжи рассказал о своей последней жизни йогом в Южной Индии небольшой группе преданных. Их беседа состоялась в доме Пападжи в Индира Нагаре, Лакнау.

Кто-то поинтересовался: «После всего тапаса вашей прошлой жизни зачем потребовалось рождаться снова?» Он рассмеялся и ответил: «Секс! Три жизни и 700 лет я провел без секса. Это слишком долгий период ожидания для каждого. Но даже после всех тех жизней, которые я прожил как брахмачари, желание плотской любви во мне не угасло. Мне просто удавалось подавлять его в себе. Я должен был прожить свою последнюю жизнь в качестве домохозяина и выйти за пределы этого».

Пападжи продолжает отвечать на ранее заданный мной вопрос.

Много лет назад я прочел книгу о Будде. Он был в лесу, как вдруг неожиданно острая боль пронзила его голову.

Сопровождающий его Ананда спросил его: «Может, мне сходить в соседнюю деревню и принести какое-нибудь обезболивающее средство, чтобы уменьшить ваши страдания?» Будда ответил: «Нет, Ананда, моя боль вызвана определенной причиной. Сотни жизней назад я жил в небольшой деревушке, расположенной в лесу. И там три года не было дождей. Пруд в деревне практически пересох. Живущая в этом пруду рыба погибала от нехватки воды. Некоторые подростки кидали в умирающую рыбу камнями и смеялись. Среди них был и я, я тоже бросал в них камнями. Вот почему теперь меня мучает эта головная боль. Те удары, совершенные мною тысячи лет назад, вернулись ко мне сейчас. Я заслужил это и теперь расплачиваюсь».

Вот что случается. В каждой жизни мы все совершаем много подобных ошибок, но последствий нам не избежать. Рано или поздно нам придется отвечать за свои поступки.

Дэвид: Расскажите о своей жизни священника. Какую *садхану* вы выполняли тогда?

Пападжи: Будучи католическим священником, я не практиковал никакую *садхану*. Библия не предписывает *садханы*. Я просто ходил в церковь и выполнял то, что говорили мне церковные авторитеты.

Дэвид: А в прошлой жизни у вас была связь с вашим учителем, Раманой Махарши?

Пападжи: У нас с ним безусловно была очень близкая связь. Иначе зачем ему было приходить ко мне в дом в Пенджабе и давать свой адрес? Но я не помню, в какой

жизни установилась эта связь. Это произошло не в тех жизнях, что я хорошо помню.

Еще ребенком я полюбил Будду. Он стал моим первым гуру. Я выбрал одеяние буддистского монаха, ходил в нем по улицам, прося подаяние, и даже пытался вести беседы на тему буддизма на главной площади города. Маленькому индуистскому мальчику такое поведение несвойственно, его, должно быть, можно объяснить сильными буддистскими *самскарами*, но я не знаю, откуда они взялись. Я не помню ни одной своей жизни, в которой я был бы буддистом.

В 1987 году Пападжи рассказал историю о своей прошлой жизни в качестве бхакты Кришны группе преданных. Это происходило в Южной Индии. После этого он пояснил, что большинство его преданных, посещающих его в этой жизни, были связаны с ним по прошлым жизням, когда он был йогом и священником, а с остальными он впервые встретился в этой жизни. Я сам присутствовал, когда он говорил, что некоторые преданные, посещающие его сатсанги в 1990-е годы, известны ему по их прошлым жизням в Раманашираме в 1940-х годах. Пападжи редко рассказывает детали, но некоторым он открыл завесу своих отношений с ними в прошлых жизнях.

Я попросил его рассказать об этих связях.

Дэвид: Некоторым преданным вы сказали, что были знакомы с ними в прошлой жизни. Таких людей много или нет? Ваша с ними связь очевидна? Как они отнеслись к этому?

Пападжи: Иногда в своих видениях или снах я узнаю людей, а также в каких других телах мы встречались. Эти видения могут произойти в любое время. Бывает так, что в моей голове просто возникает информация, что определенный человек, с которым мы были знакомы

в другой жизни, скоро придет. Вскоре после этого он оказывается около моих дверей. Войдя в мой дом, он не будет чувствовать себя чужим. Несмотря на то что лицо может быть незнакомым, его внутреннее знание будет говорить, что он — один из моих старых друзей, преданных или компаньонов, пришедший ко мне, чтобы быть снова вместе. Мои посетители иногда говорят, что у них были сны обо мне и что они также чувствовали в свой первый приход присутствие того, кого они знали уже долгое время.

Однажды, когда я возвращался из Харидвара в Лакнау на поезде, ко мне подошел один человек и совершил передо мной простираие. Я никогда раньше не встречал этого мужчину, но у меня создалось впечатление, что он знал, кто я.

«Мы встречались раньше?» — спросил я. «Нет, — был его ответ. — Но я определенно чувствую: вы когда-то были моим учителем, как будто бы я очень хорошо был с вами знаком в прошлой жизни. Чувство настолько явственное, что я не смог удержаться, чтобы не совершить перед вами простираие».

Когда я взглянул на него, мною овладело чувство, что я знал его (затрудняюсь сказать, где и когда), но в другой форме. Он не остался со мной, а сошел с поезда и пошел вдоль платформы. Больше я его не видел.

Если знать, как это делать, можно увидеть прошлые жизни, просто смотря глубоко в глаза другому человеку. Для меня глаза могут рассказать многое. Они своего рода картотека, где хранится информация о человеке. Если открыть картотечный шкафчик, то увидишь сложенные друг за другом файлы. Если необходимо получить какую-либо информацию из одного такого файла, нужно просто его извлечь и прочесть. Таким же образом специалисты считывают информацию по глазам людей. Ты выбираешь необходимый тебе уровень, сосредоточиваешься на нем, и вся информация предстает перед

тобой. В одном таком слое содержатся сведения о прошлых жизнях. Если мне действительно необходимо узнать о некоторых прошлых связях, я могу посмотреть этот слой и найти, что ищу, но поступаю я так крайне редко, потому что это сродни чтению писем других людей без их на то разрешения.

Несколько лет назад посреди ночи ко мне пришла девушка и стала рассказывать мне о моих прошлых жизнях. Она была в каком-то истерическом состоянии, но некоторые события она описала очень точно.

Она жила в городском отеле «Карлтон». В то время там останавливались многие приезжающие в Лакнау преданные. Вечером она курила *ганджу* (сухие листья конопли), поэтому она была в таком странном состоянии. Посреди ночи она почувствовала, что сейчас умрет.

Тогда она начала кричать: «Я умираю! Я умираю! Помогите! Помогите! Я умираю!»

Двое других моих преданных пришли посмотреть, что с ней произошло. Она билась в истерике и продолжала настаивать, что скоро умрет. Ее конечности были очень холодными, поэтому один из них подумал, что стоит прислушаться к ее странному заявлению. Невзирая на то что все это происходило глубокой ночью, эти двое решили привести ее ко мне домой, поскольку не знали, что еще с ней делать. Так как в такой поздний час такси не ездили, они попытались поймать попутную машину. В то время как они пытались остановить машину, она несколько раз чуть не покончила с собой, бросаясь под колеса грузовиков. Каждая ее попытка была пресечена ее спутниками. Наконец-то они нашли того, кто согласился довезти их прямо до моего дома, до которого надо было ехать около трех миль. К дому они подъехали где-то в 11. 30 вечера и стали греметь задвижкой на моих воротах.

Шейла, гостившая у меня девушка, вышла посмотреть, кто был во дворе и что им нужно. Она вернулась в

дом и сообщила мне, что у ворот стоит истерично плачущая девушка, которая кричит, что умирает. Я вышел посмотреть, что могу сделать для нее. Пригласил пройти в дом и постарался успокоить ее, но еще долго она продолжала кричать и плакать. Временами она грубо бранилась, но иногда она говорила чрезвычайно интересные вещи. В порыве волнения девушка рассказана мне о моих прошлых жизнях, и вся информация была достоверна. Ей замечательно удалось описать мою прошлую жизнь, когда я был *бхактой* Кришны и йогом. Иногда она начинала плакать и говорить о своих собственных прошлых жизнях. Казалось, некоторые из них она сама впервые видела.

Рядом со мной находился немецкий мальчик по имени Патрик. Она рассказала и о его прошлых жизнях. Эта информация также была достоверной. Выкуренная ею *ганджа*, вероятно, стерла какие-то ограничения ее мозга, и на протяжении двух или трех часов ей раскрывалась та информация, которая обычно была глубоко запрятана. После того как действие наркотика подошло к концу, я нашел для них повозку и отправил обратно в отель.

После этого происшествия она не появлялась несколько дней. Я думал, она смущалась из-за того случая. Когда же она пришла, я поприветствовал ее и дал ей имя «Паравани», что значит «высшая речь».

Просматривая старые тетради Пападжи, я обнаружил, что он заставил ее написать несколько слов о том, что она тогда испытывала. Вот что она написала:

2 сентября 1991 г.

Я притворялась, что хочу стать свободной. Желание присутствовало всегда, оно сопровождало меня во всех прошлых жизнях. Хорошенького понемножку. Я не

знаю, как я очутилась здесь. Вечером я стояла перед зеркалом. Я увидела свое тело отдельно от СЕБЯ. Мое тело проживало другие жизни. Я увидела их и заплакала. Затем я заснула и почувствовала, что тело очень ослабло. Оно стало немощным, но привязанности к телу НЕ БЫЛО. НЕ БЫЛО ума. НЕ БЫЛО эго. Я лишь видела, что есть. Это ЕСТЬ.

Все совершенно и прекрасно.

Я благодарна вам за это, Пападжи.

Паравани

В предыдущей главе я мельком упомянул о том случае, когда Пападжи испытал переживание кундалини. Теперь наступил подходящий момент, чтобы представить вам всю историю, так как именно она привела его к человеку, который рассказал ему о его последней жизни.

Я читал книгу Джона Вудрофа «Змеиная сила» в Чикмагалуре. У одного моего работника была копия данной книги, но он не мог понять некоторые моменты. Чтобы разъяснить ему трудные места, мне нужно было сначала самому прочитать ее. В процессе чтения я ощутил, как будто у основания позвоночника, где расположена чakra муладхара (в переводе с санскрита обозначает «корень»), шевелится змея. Я практически слышал ее шипение в этой области. Затем почувствовал, как по позвоночнику стала подниматься энергия, проходя сквозь все чакры. Энергия поднималась все выше и выше, через *свадхистхану*, *манипуру*, *анахату*, *вишуддху* и *аджну*, достигнув чакры *сахасрары*, которая расположена на верху головы. Когда энергия дошла до *сахасрары*, я почувствовал необычайную легкость в теле. Мне показалось, что ноги не касаются земли. Это чувство оторванности от земли длилось некоторое время.

Приблизительно тогда же до меня дошли слухи о странном целителе, практикующем в Мангалоре. Я встретился

с ним, когда одному моему другу поставили диагноз «рак». Он отправился к этому целителю. Тот сказал, что должен ввести ему какой-то смертельный яд в руку. Для пациента эта доза была смертельна, но мой друг ему верил и продолжал лечение. Вскоре после этого диагноз был снят. Об этом человеке мне рассказывали и многие другие, и у каждого была своя удивительная история. Доктора звали Вайдья Падманабхан, хотя местные дали ему кличку «сумасшедший *сиддха*». *Сиддха* — одна из местных форм медицины Южной Индии.

Я навел некоторые справки и узнал, что он принимает не более десяти пациентов в день. В его клинике было десять стульев, расположенных в ряд друг против друга. Обследуя пациента, он садился напротив него и тщательно изучал его (он не спрашивал, на что пациент жалуется и даже не осматривал его тело), затем говорил своему ассистенту, какие лекарства приготовить для каждого больного. Каждому пациенту давалось десять доз, которые он должен был принимать один раз в день, и так на протяжении десяти дней.

Ассистент говорил: «Если препарат поможет после двух или трех дней, больше не принимайте лекарство. Остаток вылейте в реку».

Несмотря на то что он ставил диагнозы и лечил необычными методами, он достигал очень высоких результатов. Тогда я решил прийти к нему и проверить этого доктора, так как полагал, что он может что-нибудь сделать с этим моим странным ощущением невесомости. Таким образом, я занял место на одном из выстроенных в ряд стульев и ждал, что же он выпишет мне. Он взглянул на меня несколько раз, но никаких распоряжений на мой счет не дал своему ассистенту. Со всеми остальными он разобрался и отпустил одного за другим. В конце концов в его кабинете остался я один. Он несколько раз оглядел меня с ног до головы с озадаченным выражением лица.

Тут он не выдержал и нарушил свое обычное молчание, обратившись ко мне со следующими словами: «Я не знаю, что вы делаете в моей клинике. Вы выглядите, как мертвец. А что мертвецу делать в моей клинике?»

Я ничего не ответил.

Тогда он продолжил: «Зачем вы сюда явились? На что вы жалуетесь?»

И снова ответа не последовало. Придя к кому-либо, кто заявляет, что обладает определенной сверхъестественной силой, я никогда не предоставляю таким людям никакой информации. Мне хочется посмотреть, что они сами могут выяснить, не получая никаких подсказок или наводок с моей стороны.

Он продолжал внимательно смотреть на меня, и постепенно его озадаченное выражение лица потихоньку исчезало, заменяясь на удовлетворенный вид.

«Вы знаете, в чем ваша проблема, не так ли?» — сказал он. «Нет, — ответил я, — я хочу услышать заключение от вас. Поэтому я и пришел к вам». «В своей прошлой жизни вы были йогом, — сказал он. — Многие дни вы проводили в медитации. Вы выполняли множество *пранаям* и развили в себе *джвалану*, огненную *прану* в животе, которая сжигает всю не усвоенную вами пищу. Вам не нужно было ходить в туалет, поскольку все продукты распада уничтожались огненной *праной*. Тот огонь вновь к вам вернулся. Вы ходите в туалет очень помалу, я прав?»

Здесь я должен был признать его правоту. Мой естественный «ритуал» был чуть ли не смехотворным. Работая в лесных лагерях, я мог три раза плотно поесть, но перед тем как что-то появится с другого моего конца, могло пройти несколько недель. Меня никогда не тошнило, и я не страдал запорами, просто у меня не возникало необходимости ходить в туалет.

В лесу у нас не было сливных туалетов. Перед моим домом стояло ведро, наполненное водой. И полагалось

каждое утро выносить его в лес, чистить, а затем ставить на место пустым. Но мое ведро стояло нетронутым неделями. Некоторые рабочие заметили, что я очень редко использую предназначенную для определенных нужд воду. Они видели, как я ем, и отказывались верить, что моему организму не требовалось освобождаться от продуктов распада. Некоторые даже пытались за мной шпионить по утрам, чтобы посмотреть, не хожу ли я тайком в лес по нужде, но так и не подловили меня на этом, поскольку я не совершал таких походов.

Я всегда задавался вопросом, почему мое тело так функционирует. Мне и в голову не приходило, что эта способность перешла ко мне из прошлой жизни.

Вайдья Падманабхан пояснил мне: «Вот сейчас большинство ваших проблем, связанных с телесной оболочкой, являются следствием той энергии, которая была создана вами как йогом в прошлой жизни, но они вскоре пройдут. Так как вы больше не практикуете *пранаяму*, необычные побочные эффекты в скором времени пропадут. Через несколько лет вы будете ходить в уборную так же часто, как все остальные».

Его предсказание оказалось верным. Несколько лет спустя я заметил, что мои походы в туалет участились, а к 1970-м годам тело стало функционировать, как у всех остальных людей. Вайдья Падманабхан не распознал мое ощущение невесомости, с которым я первоначально пришел в его клинику, но и она, скорее всего, была побочным явлением того же феномена. Через несколько лет и эта проблема исчезла.

В 1960-х годах Пападжи познакомился еще с одним экстрасенсом, который произвел на него большое впечатление. Его сын, Сурендра, недавно вернулся из Лакнау домой в Чикмагалур, так как Пападжи хотел устроить его на работу в приисках. Как-то в воскресенье они оба отправились на базарную площадь купить овощей, так как именно

в этот день на базаре продавали экзотические овощи или такие, которые редко появлялись на прилавках.

По дороге на рынок мы заметили стоящего на тротуаре человека. Рядом с ним стоял знак с нарисованной на нем ладонью. Это означало, что он может читать по ладони и ищет «покупателей» своих способностей. Под нарисованной рукой красовалась надпись: «Гадание по руке, стоимость 50 пайс».

Я немного интересовался хиромантией и решил проверить, на что он способен.

Я обратился к Сурендре: «Давай разыграем этого человека. Ты наблюдай молча, а я заведу с ним разговор».

Таким образом, мы подошли к нему и попросили погадать по руке.

Я сказал ему: «Этот юноша — сирота. Он потерял своего отца и у него нет работы. Смерть отца его очень расстроила. Теперь он должен заботиться о себе сам, ему нужна работа, чтобы обеспечить свое существование. Когда он устроится на работу и какого рода обязанности будет выполнять?»

Сурендра уже работал на прииске, добывая железную руду для правительства. Работа приносила ему удовлетворение. А для гадалщика я придумал эту версию, чтобы проверить его. Мне было любопытно, на самом ли деле он профессионал своего дела. Большинство людей, занимающихся подобным видом деятельности, просто внимательно выслушивают вас, а затем приукрашивают те же самые истории и преподносят их в немного измененном виде. Я прекрасно знал, что лишь хороший специалист сможет понять, что все мною сказанное — выдумка.

Несколько минут он изучал руку Сурендры, а затем произнес: «Отец этого юноши жив. Он — *дживанмукта* (просветленный человек) и пришел сегодня на рынок, чтобы купить овощи. Они встретятся с ним сегодня

здесь. Определенно, отец юноши пребывает в полном здравии, и покинет он этот мир, лишь когда сыну исполнится семьдесят лет».

Всякий раз, когда Пападжи рассказывает эту историю, все, безусловно, задаются вопросом, а сколько же лет Сурендре. В декабре 1996 года ему исполнилось шестьдесят. Эта история доставляла Пападжи огромное удовольствие: он рассказывал различные версии разным слушателям, а возраст он давал совершенно разный — от пятидесяти семи до семидесяти. На протяжении многих лет его излюбленным числом было пятьдесят семь, но так как приближался пятьдесят седьмой день рождения Сурендры, предсказанный возраст стал увеличиваться и вырос до последнего уровня — до семидесяти. Именно этот возраст выбрал Пападжи, когда рассказывал мне эту историю год назад.

Я расспросил Сурендру, помнит ли он, что предсказал ему гадалщик по руке, и он ответил: «Безусловно. Я помню каждое его слово». «Так какой же возраст он назвал?» — поинтересовался я. «Не хочу повторять его слова, — был его ответ, — потому что не хочу, чтобы люди заостряли свое внимание на подобной дате». «Значит, это еще не скоро произойдет», — высказал я свое предположение. «Да, — подтвердил Сурендра. — Предсказатель не назвал точной даты, а сказал лишь период времени, который еще не закончился. Больше я ничего не скажу».

Пападжи продолжает свой рассказ:

Учитывая то, что я преднамеренно дал ему неверные сведения, он удивительно точно прочел по руке. Сам он не был просветленным, поэтому не мог определить, кто я, просто глядя мне в глаза. Он безусловно обладал *сиддхой*, определенной сверхъестественной силой, чтобы отличить истину. Не думаю, чтобы он заподозрил наше с Сурендрой родство. Верные слова просто пришли ему в голову, и он автоматически их произнес.

Его предсказания по руке произвели на меня большое впечатление. И так как он замечательно выполнил свою работу, я сказал Сурендре, что хочу заплатить ему больше, чем он обычно берет. В конце концов я дал ему 10 рупий — все деньги, что были со мной на этот раз. И мы вернулись домой без овощей.

У Сурендры был свой гороскоп, составленный другим пандитом. По нему выходило, что отец Сурендры — *джняни*, просветленный.

Знакомство с другим хиромантом также произвело на меня яркое впечатление. Я познакомился с ним в Лакнау в 1950-е годы. Он сидел около центрального почтамта и рекламировал свои услуги хироманта, как раз когда я проходил мимо этого здания. Недавно я ознакомился с некоторыми западными книгами по хиромантии, поэтому хотел понаблюдать за этим человеком, а именно за его работой. Меня интересовало, может ли он давать подробные предсказания, либо же он будет давать общие советы. Я нашел подходящее местечко в нескольких ярдах от него и стал ждать, наблюдая за происходящим.

Первым к нему подошел мужчина, которому на вид было около сорока лет. В руках он нес портфель и, как мне показалось, был довольно-таки хорошо одет. Я предположил, что он был бизнесменом.

«Во сколько лет я умру?» — поинтересовался мужчина, протягивая свою руку.

Когда к хиромантам подходит молодой здоровый человек и задает подобный вопрос, большинство станут тщательно изучать линии ладони, а затем скажут «семьдесят» или «восемьдесят». Клиентам нравится слышать подобную лесть.

Этот же предсказатель удивил меня, очень откровенно сказав следующее: «Вы умрете в возрасте сорока пяти лет». «Вы ошиблись, — ответил клиент, — но тем не менее вы хорошо знаете свое дело. Я заплачу вам не 25 *пайс*, обычный ваш гонорар, а 100 рупий».

Он расплатился и пошел вдоль улицы. Это была очень загадочная встреча. Тогда в Чикмагалуре я заплатил предсказателю большую сумму, потому что его точное чтение линий руки потрясло меня. Этот же человек, с другой стороны, дал большое вознаграждение за то, что счел неправильным. Это меня настолько заинтриговало, что я последовал за ним, чтобы посмотреть, что же это за человек.

Я догнал его и спросил, почему он заплатил большую сумму за ложную информацию.

«Я должен умереть сегодня, — ответил мужчина. — Несмотря на то что я все еще молод и здоров, я знаю, что сегодня наступил последний день моей жизни. На самом деле мне тридцать семь, но, вероятно, этому хироманту показалось, что мне сорок пять. Он сумел увидеть, что мне отмерено очень мало жить, поэтому в этом смысле его предсказания точны. И такую сумму я заплатил потому, что он тоже увидел: жить мне осталось недолго».

«Почему вы так уверены?» — удивился я. «Один астролог из Канпура сказал, что сегодня последний день моей жизни. Он сказал: если я "пересеку реку", я смогу, возможно, избежать этой участи, поэтому я приехал в Лакнау сегодня, посмотреть, смогу ли я уйти от предопределенной судьбы (Ганга протекает между Канпуром и Лакнау). Однако не думаю, чтобы это сработало. Помимо всего этого я сам чувствую, что наступил последний день моей жизни». «Где вы остановились в Лакнау?» — спросил я. «Я зарегистрировался в отеле "Центральный" в Аминабаде прошлым вечером, — ответил он. — Но я не хочу доставлять никаких хлопот управляющему. Номер своей комнаты я оставил открытым, чемоданы упакованы, и к ним я приложил записку, в которой говорится, чтобы они отправили принадлежащие мне вещи в Канпур моей семье, в случае если я больше там не появлюсь».

Он не выглядел подавленным и, казалось, не собирался кончать жизнь самоубийством. Он просто был

твердо убежден, что его час пробил. Мы расстались, и я пошел домой.

На следующий день я отправился в Аминабад, мусульманский район в старом Лакнау, чтобы провести там одного своего знакомого. По дороге я зашел в храм Ханумана, так как священник был моим давнишним другом. После того как мы обменялись обычными приветствиями, он начал рассказывать мне о посетителе, который пришел в храм вчера.

«Вчера произошло что-то очень странное, — начал он. — В качестве подношения Хануману один мужчина дал 500 *ладду* (круглые конфеты размером с мяч для гольфа). Он попросил раздать их в качестве *прасада* преданным, которые придут в этот день в храм. Он сидел на полу и наблюдал, как я раздаю первые несколько конфет. Неожиданно он скорчился и повалился на бок. Мы послали за доктором, но к моменту его прихода мужчина уже был мертв. Мы не знали, кто он, поэтому открыли его портфель, так как думали найти там какие-нибудь документы, чтобы опознать его личность. В портфеле мы нашли письмо, адресованное его жене, некоторую сумму денег, а также записку, предназначенную для управляющего отелем "Центральный", с просьбой отправить все принадлежащие ему сумки его жене в Канпур».

Когда священник упомянул отель «Центральный», мне пришло в голову, что, скорее всего, речь идет о том человеке, которого я видел около центрального почтамта. Я описал его внешность и во что этот мужчина был одет, и священник подтвердил, что это тот самый человек, который пришел к ним вчера в храм и там скончался.

Ну что можно сказать относительно подобных случаев? В мире есть несколько одаренных хиромантов и астрологов, которые обладают определенной сверхъестественной силой ясно и верно предвидеть будущее. Остальные же делают всего лишь предположения, основанные

на полученных ими знаниях и жизненном опыте, а не на их собственном интуитивном видении.

В начале данной главы Пападжи описал один инцидент, произошедший с семнадцатилетней девушкой в Мадрасе. Она никогда не забывала Пападжи. В начале 1960-х годов, когда распадался ее брак, она решила отыскать Пападжи и прибегнуть к его помощи.

Она написала письмо в Раманашрам, чтобы разузнать, есть ли у них мой адрес, по которому они бы смогли связаться со мной. Кто-то в офисе дал ей адрес моей компании в Бангалоре. Она покинула свой дом, нанесла персональный визит моему директору и попросила дать ей мой адрес. Он попытался отговорить ее, сказав, что я работаю в очень труднопроходимой части леса в Карнатаке и что добраться туда будет крайне сложно, поскольку в такое отдаленное место не ездит общественный транспорт. Также он добавил, что в этом месте нет никаких удобств для женщин. В то время я работал в очень примитивном лагере в районе Шимоги.

Но когда на все его доводы она ответила, что ее не волнует, насколько недостижима эта часть леса, где я был, и есть ли там какие-либо удобства, он дал ей мой адрес и в общих словах описал, как туда добраться. Она тут же отправилась в путь, и ей удалось отыскать меня без особых сложностей. Меня удивила ее настойчивость. Она сказала, что хочет провести некоторое время со мной, так как у нее были проблемы личного плана, но в лагере не было места, где бы я мог ее разместить. В конце концов я нашел для нее место в бунгало для туристов. Я предложил ей что-то из еды и сказал, что приду к ней где-то после 5 часов вечера.

Я рисковал, давая такое обещание, поскольку должен был дежурить в лагере весь вечер и ночь. В мои обязанности входило руководить рабочими и обеспечивать

их безопасность. Из газетных статей я знал, что если во время моего отсутствия произойдет какой-либо несчастный случай, меня могут привлечь к ответственности. Как на управляющего шахтой вся ответственность за безопасность ложилась только на меня. И если будет доказано, что я проявил преступную халатность, меня могут арестовать. Я также знал, что за такое нарушение выносили строгое наказание — штраф до 1000 рупий или тюремное заключение до пяти лет, в зависимости от степени вины.

Она провела со мной несколько дней. В ходе нашей первой беседы я узнал, что она сбежала из дома. Она хотела поселиться со мной, но я не мог допустить с ней такого рода отношений. Я настаивал на ее возвращении домой, поскольку ее постоянное присутствие рядом со мной получит широкую огласку, в результате чего компания, на которую я работаю, может отказаться от моих дальнейших услуг. Мне сначала показалось, что она была готова уехать, потому что заговорила о посещении Шри Раманашрама. Она обронила, что хочет привезти своего дядю в ашрам и все ему там показать. Услышав ее слова, у меня вырвался вздох облегчения, но ее плану не было суждено осуществиться. Через несколько дней, когда ее дядя вычислил свою племянницу, наведя о ней справки в Шри Раманашраме, создавшаяся тупиковая ситуация была разрешена. Следуя тем же маршрутом, каким шла девушка, он приехал в главную шахту спустя несколько дней после ее прихода. К моему большому облегчению, он не стал обвинять меня в случившемся. Он знал своеобразие своей племянницы, а также располагал информацией, что в попытках отыскать меня она объехала всю Южную Индию. Я попросил его отвезти девушку домой, что он и сделал с превеликим удовольствием: именно с этой целью он и приехал сюда.

Она с большой неохотой поехала со своим дядей, а по прибытии в Мадрас решила, что больше не хочет оставаться

с ним. Поэтому она отправилась в Хайдарабад и где-то месяц неотступно следовала за мной. К тому времени я переехал на западное побережье Мангалора, но эта девушка была очень настойчива, и ей не стоило больших трудов вычислить меня и там. Она приехала на машине, захватив с собой все имеющиеся у нее драгоценности и крупную сумму денег.

По прибытии она сказала: «Драгоценности, деньги и машина — все это было подарено мне во время моего замужества, поэтому все это принадлежит мне, и я могу распоряжаться ими, как мне заблагорассудится. Мой муж работает управляющим банка, он сын судьи в штате Андхра-Прадеш. Я больше не могу жить с ним. У него интрижка с женщиной, которая замужем за его другом детства».

Она стала посвящать меня в подробности сексуальной жизни своего мужа и его наклонностей. Из ее слов следовало, что его сексуальная жизнь была намного оригинальнее, чем ее.

«Однажды мы вместе были на пикнике недалеко от плотины "Низам Сагар", — начала она. — Нас было четверо — мой муж, его друг, жена друга и я. Вечером мы все вместе пошли в ресторан поужинать. Все пили виски, но мне не хотелось составлять им компанию. Потом мы разошлись по комнатам. Когда я входила в свою комнату, то услышала чей-то голос, который говорил, чтобы я выключила свет и ложилась спать. Я вошла внутрь и обнаружила на моей постели друга мужа.

"Что случилось с моим мужем?" — спросила я.

Я подумала, что, должно быть, произошла какая-то путаница с нашими номерами. Но друг моего мужа вскоре рассеял все мои иллюзии.

"Сегодня он будет спать с моей женой, — заявил он. — Мы с ним дружим с самого детства, и мы договорились провести ночь с женами друг друга — сделать своего рода обмен".

Я знала, что они были пьяны, но такому поведению не было оправдания. Этот случай был последней каплей. Я и до этого не испытывала супружеского счастья с ним, а теперь и вовсе решила уйти от него. Я уже подала заявление на развод, но в течение полугода я должна жить отдельно от него, перед тем как заявление юридически зарегистрируют в суде. Я приняла решение с этого момента постоянно находиться с вами. Я никогда вас не оставлю. Я собираюсь провести всю свою жизнь с вами».

Мне и раньше не хотелось быть втянутым в ее дела, а услышав ее историю, я и вовсе насторожился. Я прекрасно понимал: стоит мне приютить ее, как вскоре на меня обрушится гнев ее мужа и его родственников. Я не мог ее просто выгнать, так как знал, что по собственной воле она не уйдет и не вернется в свою семью. Таким образом, я решил самолично отвезти ее домой. Я взял несколько дней отпуска и рассказал ей о своем намерении вернуть ее в семью. Отец девушки был богатым человеком, известным в Вардхе. Мне в голову пришла мысль, что он лучше всех сможет позаботиться о ней. Я намеревался рассказать ему, сколько хлопот доставила его дочь и попросить его сделать все возможное, чтобы она вновь не приехала ко мне.

В это время Пападжи был не слишком загружен работой. Он фактически уволился с работы у Поддара, а на юге оставался лишь, чтобы помочь Сурендре в его делах. В связи с тем, что больше не было нужды в его присутствии на шахтах, он вполне мог посвятить время своим проблемам. Более подробно о данном периоде его жизни вы сможете прочитать в начале следующей главы.

Мы прибыли к ее отцу, но нам оказали не слишком радушный прием. Ее супруг был уже там: как только она уехала от него, он сначала подумал, что она, скорее всего,

вернется к своим родителям. Мы приехали в самый разгар семейной ссоры.

Отец кричал на мужа своей дочери, желая знать, как он смог допустить, чтобы его жена вышла из-под его контроля. Так как отец не желал принимать у себя дочь, а она, в свою очередь, отказывалась возвращаться к мужу, я принял решение: мы оба покидаем Хайдерабад и едем в Секундерабад, тем более что я понял, каким человеком был ее муж. По прибытии в Секундерабад я забронировал на ее имя комнату в отеле, а сам решил тайком, когда она будет спать, уехать на автобусе или такси в Казипет, затем сесть утром на поезд до Лакнау.

Мне удалось осуществить свой план, но избавиться от нее не удалось. Четырьмя днями позже она уже поджидала меня около моего дома в Лакнау. Когда она приехала, меня не было дома.

Моя супруга поинтересовалась, кто она, так как видела ее впервые, на что она ответила: «Я жена Пунджаджи».

Затем она села на дорогу и начала читать *Бхагават Гиту*.

По возвращении домой моя семья, естественно, пожелала узнать, кто эта странная женщина, которая называет себя моей женой. Я рассказал им все известные мне сведения, относящиеся к этой девушке, и о том, как она преследует меня по всей Индии. Я уже и не помышлял о бегстве, да и о том, чтобы отослать ее обратно, поэтому я спросил разрешения жены, может ли эта девушка временно остаться у нас дома, пока я не придумаю какого-нибудь выхода из создавшейся ситуации.

Моя жена была против ее пребывания в нашем доме, что вполне объяснимо. Когда я спросил ее: «Кто другой приютит ее и накормит, если не мы?» — на что она ответила, что это нас не должно касаться. Она сказала: «По твоим словам, у нее все еще есть деньги, полученные в качестве свадебного подарка. Если она не захочет тратить их на свое содержание, то она всегда может вернуться».

в свою семью. Мы не несем за нее никакой ответственности».

Девушка была полна решимости провести оставшуюся жизнь со мной. И не получив разрешения поселиться у нас в доме, она не стала сдаваться, а настойчиво шла к своей цели — целый день просидела перед моим домом. Многие наши соседи сочувственно отнеслись к ней, а некоторые, кто вошел в ее положение, даже предложили поселиться у них, но она отказалась.

Она продолжала сидеть перед моим домом, а когда по утрам и вечерам ко мне на сатсанг приходили люди, она останавливала их у входа и обращалась к ним с такими словами: «Если вы хотите обрести свободу, вы должны пожертвовать всем, ради того чтобы быть со своим гуру». Если они проявляли интерес к ее истории, она обычно говорила: «Я оставила своего мужа, шестимесячного сына, дом и родственников — и все это ради моего гуру. Я приехала сюда, чтобы быть рядом с моим гуру, даже если он не будет разговаривать со мной. Все, что мне нужно, — видеть его. Этого достаточно. Мне достаточно мельком видеть его».

Наконец-то в Лакнау приехал ее муж, чтобы посмотреть, чем она здесь занимается. У него были связи в одном из судов в Лакнау. Его дядя, судья Найдун, работал с ним в Высоком суде в Аллахабаде. А после того как он обратился в местный суд, ко мне домой пришел представитель правоохранительных органов.

«Мы получили информацию, — начал он, — что с вами проживает молодая женщина из Хайдерабада. Мне нужно поговорить с ней. Где она?»

Мы стали ее искать и нашли на прежнем месте, она сидела на улице.

Инспектор обратился к ней: «Суперинтендант полиции поручил мне взять вас под охрану. Мы намерены отправить вас в Хайдерабад».

Женщина отказалась поехать с ним.

Она показала документы на развод и сказала: «Я больше не собственность того человека. Я давно с ним развелась. Он не имеет на меня никаких прав. Я могу быть, где хочу, и делать, что хочу. А я хочу быть здесь с моим гуру».

Полицейский изучил ее документы и вернулся назад в участок, удостоверившись в правдивости ее слов. Суперинтенданту он доложил, что она находится там по своей собственной воле и что ее бывший муж и его семья не имеют никакого права распоряжаться, что она может делать, а что нет, так как они развелись.

Вскоре после этого у нас с ней состоялась длительная беседа. Она не могла вечно жить на улице, да и я собирался поехать в Гималаи и не хотел больше прятаться от нее. Я посоветовал ей отправиться в Шри Раманашрам и там искать истину. Удивительно, но она приняла мое предложение и вскоре после этого уехала на юг. Убедившись, что она действительно уехала, а не прячется где-нибудь, чтобы потом опять преследовать меня, я с легкой душой отправился в Ришикеш.

Позже я узнал, что она приняла *санньясу* и, проведя некоторое время в Шри Раманашраме, поехала в другие места. Она прислала мне несколько писем, в которых сообщала, где находится и чем занимается, но больше я с ней не встречался.

РАМ МАНДИР

В период с 1953 года по 1964 год Пападжи работал на компанию «Поддар-Мартин Майнинг и Минералз», в той, что первоначально пользовалась его услугами в Бангалоре в 1952 году. В 1964 году Сурендра, сын Пападжи, к тому времени уже выпускник университета Лакнау, приехал на юг, в Чикмагалур, учиться на опыте своего отца делу по добыче полезных ископаемых. Пападжи удалось пристроить его в кампанию «Ганеш Майнинг», конкурирующую с той фирмой, где ранее работал Пападжи. Когда же Пападжи начал передавать своему сыну элементарные знания, он понял, что был втянут в конфликт интересов. Так как Пападжи близился к возрастной отметке пятьдесят пять — общепринятый возраст ухода на пенсию, — он решил сложить с себя обязанности в компании «Поддар-Мартин» и поддерживать Сурендру советом и наработанным за долгие годы опытом. Но компания не хотела терять такого ценного работника и оставила его на должности консультанта. В начале 1965 года в одном из своих писем к Свами Абхишиктананде Пападжи описал сложившуюся ситуацию:

Чикмагалур

Дорогой друг, премного тебе благодарен за твое письмо от 16 февраля 1965 г.

В прошлом году я уволился с работы и устроил своего сына в одну из новых компаний в этой сфере деятельности. Поэтому мне пришлось остаться здесь, чтобы поддержать своего сына в данной области. Мой сын сейчас находится в Мангалоре.

Честно говоря, в настоящее время я практически не загружен работой. Раз в неделю я приезжаю на прииски и консультирую владельца шахт, какие шаги необходимо предпринять для тех или иных целей.

В том же году директор компании «Поддар-Мартин» попытался уговорить Пападжи продолжить свою работу, но в другой части страны, где у них не было конкурентов в лице «Ганеш Майнинг». Пападжи принял их предложение и был направлен в штат Гоа. Несмотря на то что Пападжи выделили отдельный офис, он большую часть времени проводил в разъездах по Северной Карнатаке, контролируя прииски, находящиеся под управлением компании, а также присматривая новые места, где можно было бы начать работы по добыче железной руды. И как-то раз, когда Пападжи находился в своих обычных разъездах, чудесное стечение обстоятельств помогло ему открыть новую страницу своей жизни.

Я работал на корпорацию по добыче руды, которая направила меня в Панаджи в штате Гоа. Эта компания получила лицензию на проведение опытной добычи марганца в различных частях Карнатаки. И в мою обязанность входило бывать на этих местах. Я должен был проверять, перспективны ли эти шахты в целях коммерческой добычи руды и марганца. Возвращаясь из Панаджи после посещения одного такого места, на перекрестке дорог я увидел знак, на котором было написано: «Лонда. 5 км». И тут вдруг вспомнил, что должен проверить и эту территорию, чтобы сообщить моему директору о возможности добычи там руды. Директору был нужен подробный отчет о целесообразности ставить дело по добыче полезных ископаемых на территориях, перед тем как приступить к формальностям по получению официального разрешения открывать там шахты.

Я ехал в своем джипе и высматривал почтовое отделение, поскольку мне срочно нужно было отправить директору письмо. Шел такой сильный дождь, что вода стала протекать через крышу машины. Я нашел почтовое отделение, но оно было настолько маленьким, что я не смог укрыться там от дождя, чтобы написать письмо.

Я ехал дальше по улице, пока не доехал до клиники, на которой красовалась вывеска: «Клиника Нараяны».

Я подумал про себя: «Это как раз мне подойдет. Тут должна быть приемная, где я спокойно смогу сесть и написать письмо».

Пациентов не было, поэтому вскоре после моего прихода ко мне подошел доктор. Я извинился за свое вторжение и объяснил, что просто хотел найти сухое место, так как срочно должен написать и отправить письмо. Доктор, довольно-таки молодой, не возражал против моего присутствия. Он даже принес несколько листов чистой бумаги и ручку, чтобы я смог написать свое письмо.

Через несколько минут в приемную вошел его отец. У него был взволнованный вид.

Он обратился к сыну: «Гуруджи не было на вокзале. Я и еще двадцать человек пошли встречать его, но его не оказалось в поезде. У нас всех были гирлянды, но он так и не появился».

Отца звали Даттатрея Бакр, и он рассказал мне, что был местным доктором больницы Лонды. Он пригласил меня к столу, но я постеснялся принять его приглашение. Он сам да и другие преданные были одеты в затейливые шелковые *дхоти*, какие носят брамины, в то время как на мне была спецодежда: галоши, защитный шлем и непромокаемый плащ. И долгое время пробыв под дождем, я был весь грязный и мокрый. Я заметил, что доктор пытается определить, кем я был или, скорее, к какому сословию принадлежу. В некоторых частях штата Гоа большая часть населения исповедует христианство, а я так бесцеремонно явился к ним, что, очевидно, расценивалось как черта, принятая у браминов.

Чтобы облегчить их задачу, я объяснил причину своей неопрятности и растрепанности, рассказав, что работаю в компании по добыче полезных ископаемых, еду из расположенных поблизости лесов, где попал под

ливень, а также сообщил, что я брамин. Доктор Бакр предложил мне принять ванну, перед тем как сесть с ними за стол, и даже дал мне чистую *дохти*, чтобы я смог переодеться.

Я принял его приглашение, но предупредил, что не могу остаться надолго, потому что меня ждут в лагере на Кастл-Рок. В два часа у меня там была назначена встреча с коллегами.

«Хорошо, — сказал он. — Вымойте руки и спускайтесь обедать». Полагая, что он это делал из вежливости и чувства такта, я сказал: «Вы совершенно не обязаны угощать меня обедом. Достаточно будет, если вы дадите мне *прасад* от своей *пуджи*». Такая альтернатива была для него неприемлемой, и он ответил: «Так нельзя. *Прасад* я могу дать только после еды».

У них у всех на плечах были священные нити, грудь обнажена, а на лбы нанесен *вибхути*. Все это говорило, что я находился в обществе очень ортодоксальных людей, что слегка меня смутило. Сам-то я сказал, что брамин, но не носил священной нити. Должно быть, это расстроило бы их, тем более что день для них был особенным. Меня не очень интересовали устоявшиеся традиции такого рода, поэтому я снял с себя нить давным-давно, но я уважал их ценности и не хотел показывать им, что на мне нет этого обрядового атрибута, поэтому сказал доктору Бакру, что за стол сяду в рубашке.

Я вошел в зал, украшенный для приема гуру, который не появился. Сцена была украшена венками из цветов, а пол был раскрашен замысловатыми рисунками. До этого момента я был уверен, что просто гость на их обеде, но когда мы дошли до центральной платформы, доктор предложил мне сесть на тигровую шкуру, расстеленную для гуру. Это меня удивило. Они знали обо мне лишь то, что я был брамином, работающим в близлежащих лесах на шахтах, но, невзирая на это, они хотели, чтобы я восседал на почетном месте, которое

они готовили и украшали специально для своего учителя.

Я отказался, объяснив, что не являюсь их учителем и что я поступлю неуважительно по отношению к нему, если займу предназначенное для него место. Остальные подхватили просьбу доктора. Они все хотели видеть меня на тигровой шкуре.

В конце концов, чтобы угодить им, я сел, все еще продолжая удивляться, почему же они проявляли ко мне столько внимания и уважения. Я сидел в ожидании обеда, но вместо этого ко мне подошли восемь женщин и спросили разрешения исполнить ритуал *пада пуджи*. Тут я понял, почему они настояли на том, чтобы я занял место на шкуре тигра: они хотели сделать меня своим гуру. Среди этих женщин были супруга и дочь доктора. Они держали в руках большое серебряное блюдо со всеми атрибутами, необходимыми для выполнения *пуджи*. Я был против того, чтобы они омывали мне ноги и отнюдь не потому, что они были очень грязными в связи с особенностью моей работы. Я выразил свое нежелание вовлекать меня в *пуджу*, но возражения не принимались.

Я никак не мог понять, как или почему они выбрали меня своим гуру. Я никогда раньше не был в их городке и ни с кем не был знаком. Я не проводил в лесу сатсанги, поэтому никто не мог знать, что на приисках работает духовный учитель.

Неожиданно мне в голову пришла мысль: «Я буду спокойно сидеть, и пусть они делают, что им заблагорассудится. Кто я такой, чтобы принимать или отвергать что-либо? Я не тело. Пускай продолжают. Они будут только рады, если я смиренно приму их ухаживания и выполнение *пуджи*».

Они исполняли обряд омовения ног с большим усердием. Омыв мои грязные ноги, женщины унесли грязную воду и выпили ее. И вновь это поразило меня. Да я

сам бы не стал пить воду, в которой мыл ноги, а для них я был просто незнакомцем.

В конце церемонии я распрощался со всеми и направился к джипу. Мне надо было ехать, поскольку должен был явиться на встречу в лесу. Я сел в свой джип и попросил водителя отвезти меня обратно в лагерь.

Водитель поинтересовался: «А другой пассажир куда направляется?»

Когда я садился в машину, я никого не заметил, но теперь, оглянувшись, увидел сидевшего позади доктора. Он, должно быть, сел в машину, когда я разговаривал с одной из женщин.

Я подумал: «Возможно, ему надо навестить какого-нибудь больного или съездить в одну из клиник».

Он не спросил меня, могу ли я подвезти его, а просто молча сидел на заднем сиденье. Я распорядился ехать прямо в лагерь, полагая, что доктор сам скажет, где ему выйти или куда надо его довезти. Но он продолжал сидеть, не говоря ни слова. Наконец-то мы подъехали к месту, где шла дорога в одно лишь место — лагерь, куда я и возвращался.

Я обернулся к нему и спросил: «Отсюда дорога ведет только в лагерь. Где вы хотели сойти? Перед тем как мой водитель привезет меня назад, он может подбросить вас в нужное место». На это доктор мне ответил: «Я еду с вами в ваш лагерь. Мне хочется посмотреть, где вы живете. Я должен знать, где вы живете и питаетесь, чтобы отправлять для вас еду. Теперь вы наш гуру, и я должен служить вам. Я знаком с некоторыми людьми, работающими на шахтах, и они все говорят, что большинство работников не вегетарианцы. У вас, вероятно, возникают проблемы с доставкой вегетарианских продуктов. Поэтому каждый день я буду посылать вам еду, а для этого мне надо знать, куда ее доставлять».

В это время я работал в местечке Кастл-Рок. По прибытии в лагерь я принял ванну и попросил своего повара

накрыть стол для всех служащих, сказав, что сам я не буду есть, поскольку меня накормили в Лонде. Затем попросил его принести нам с доктором свежих фруктов в офис.

Доктор все еще хотел должным образом обеспечить мой рацион питания. Он расспрашивал меня, во сколько ему привезти завтра еду и чему я отдаю предпочтение. И снова мне пришлось повторить, что в этом нет необходимости.

«У меня есть свой личный повар, и он знает, как готовить вегетарианские блюда. Не нужно беспокоиться по этому поводу. Все, что мне нужно, уже есть здесь или же можно приобрести в местном магазине».

Жена и дочери доктора настояли на том, чтобы он поехал со мной и узнал, где я живу, так как они решили, как он уже сказал, каждый день привозить мне продукты. Остатки пищи будут съедены ими как *прасад*.

Мне не удалось отговорить его от намерения каждый день обеспечивать меня провизией, так как семья уже приняла решение.

На следующий день они осуществили свое намерение. Доставка еды в место, отдаленное от Лонды на тридцать миль, было делом непростым. Кто-то должен был проделать все это расстояние, а затем дожидаться окончания трапезы и отнести остатки обратно. Так продолжалось несколько дней. Убедившись, что семья доктора решительно настроена продолжать этот ритуал, я предложил им альтернативный план действий.

«Почему бы вам не подыскать для меня здесь, в Лонде, четыре или пять домов? За аренду заплатит компания. В одном доме поселюсь я сам, а в других мы разместим всех остальных рабочих. Если я буду жить в Лонде, доставка пропитания не доставит вам столько хлопот».

Доктор Бакр в течение последующих нескольких дней осуществил мой план. Я же, в свою очередь, объяснил директору компании причину своего переезда,

сказав, что в Лонде я смогу осуществлять перевозку руды, используя железную дорогу. И урегулировал с начальством вопрос переезда в Лонду, аргументировав тем, что доставка руды по железной дороге обойдется дешевле, чем с использованием грузовиков. Переезд занял у нас где-то около недели.

Начиная с первого моего дня в Лонде доктор приглашал меня ужинать вместе с ними. По утрам он приносил к дому завтрак и оставлял у порога. Некоторое время спустя он построил новый дом недалеко от города и обратился ко мне с просьбой поселиться там и освятить его. Я принял его приглашение и назвал новое место «Рам Мандир».

С того самого времени Пападжи регулярно давал сатсанги в Рам Мандире. Он завоевал свою репутацию силой слова, и за короткое время вокруг него собралась новая группа преданных. Далее повествование пойдет от лица Субаши Тенгса — племянника доктора Даттаатрея Бакра. Он интересно и подробно описывает повседневную жизнь, развивающуюся вокруг Пападжи в этот период времени, что и навело меня на мысль включить его рассказ в свою книгу.

Впервые я познакомился с Шри Пунджаджи в 1967 году. Тогда мне было всего лишь около семнадцати лет. Долог и извилист был мой путь к нему: сначала я попал в ашрам Сатхи Саи Бабы. В тот год Саи Баба приехал в Карвар, откуда я родом, и из 5000 тысяч человек, пришедших увидеть его, он благословил четырех, положив свои ладони на их головы. Среди них был и я. Вскоре после этого я решил сбежать из дому и отправиться в его ашрам в Путтапартхи. Я полагал, что меня там примут, если я буду выполнять для них некоторую работу. Продав ткань, которую мне дал отец на рубашку, я выручил 50 рупий, и с этой суммой отправился в ашрам, покинув

свой дом. Когда я пришел в ашрам, Саи Бабы там не было, и мне было отказано в просьбе жить в ашраме в обмен на работу. Вскоре у меня закончились деньги, и я был вынужден уйти. Поскольку я не хотел возвращаться домой, я решил отправиться в Лонду, деревню, располагающуюся в районе Белгаума, где проживали мои родственники. Так как у меня не осталось денег на обратный билет, мне пришлось ехать зайцем. На станции «Хубли» меня поймал контролер. Мы прошли в его кабину, и он начал расспрашивать меня о моей личной жизни. Убедившись в том, что я действительно сбежал из дому, он сказал, что сам позаботится обо мне, будет кормить, и я буду работать в поезде. От меня требовалось только безоговорочное подчинение его указаниям. Он заказал для меня кофе и *иддли* (булочки), а затем попытался склонить меня к тому, чтобы я сел к нему на колени. Тут я понял, что он, скорее всего, гомосексуалист. Тогда я пулей вылетел из его кабины, прыгнул с поезда и тут же пересел на другой поезд, который уже трогался со станции. Немного придя в себя, я поинтересовался, куда едет поезд, и услышав, что он направляется прямо в Лонду, очень обрадовался.

В Лонде жил мой дядя, доктор Даттатрея Бакр, его сын, доктор Нараян Бакр, моя старшая сестра, Сумати, и много других родственников. Я пришел к ним домой, и мне был оказан радушный прием. Вечером того же дня мы с доктором Бакром отправились в недавно построенное бунгало, которое он назвал «Рам Мандир». Именно там я впервые встретился с Пунджаджи. В небольшой комнатке, наполненной запахом благовоний, сидели несколько человек. Они устремили свой взгляд на одного крупного мужчину в белой *курте* и *лунги*. Все молчали и, казалось, пребывали в расслабленном состоянии. Я уловил что-то очень тонкое в атмосфере комнаты, но не смог сразу понять, что именно это было. И меня будто током ударило, как только я осознал, что чувство

умиротворения, завершенности и радости были практически осязаемы. Иногда кто-то задавал вопросы, и он отвечал на них. Казалось, его настроение меняется в зависимости от момента. То он смеялся невинным детским смехом, то вдруг гневался и становился сердитым. Никто не вступал с ним в спор, присутствующие просто слушали его и принимали то, что он говорил.

Его личность произвела на меня неизгладимое впечатление. Внутри я чувствовал: «Этот человек совершенен и безупречен. В нем нет ни единого изъяна». Его присутствие было всеобъемлющим, и все присутствующие, казалось, пребывают в благоговейном трепете.

В последующие дни я узнал о нем некоторую информацию от людей, живущих поблизости с ним. Старший сын доктора Бакра, Нараян, рассказал мне, что Пунджаджи был учеником Раманы Махарши, что работал в компании по добыче руды и недавно уволился, а также что служил в армии и т. д. Но ни один из услышанных мною фактов не произвел на меня такого же сильного впечатления, как то чувство, которое я ощущал, просто глядя на него или находясь в его присутствии.

Некоторые люди в его окружении — Бабу Маргод, Индру Баба и Кешав Дхум — создали компанию по покупке и продаже товаров, производимых из леса. Вся прибыль либо отдавалась Пападжи, либо шла на другие проекты, рекомендованные им.

Было еще три юноши приблизительно моего возраста — Арвид Тенге, Суреш Дхум и Аджит Таншикар. Мы в основном выполняли рутинную работу: носили воду из колодца, который был практически семьдесят футов глубиной, убирались в доме, мыли полы и кухонную утварь. В те дни Пунджаджи поднимался в 5 часов утра и уходил в полном одиночестве в джунгли. А возвращался он не раньше 9 или 10 часов. В это время моя сестра или Майи, жена доктора Даттатрея Бакра, готовила ему завтрак. Иногда ему приносили еду другие его преданные.

Недавно сделанная фотография «Рам Мандира», расположенного в Лонде. Две кокосовые пальмы были посажены Пападжи в 1960-е годы.

Он съедал малую часть, а остальное раздавал как *прасад*. Мы все ощущали себя как дети, которых кормит любящий отец.

По природе я ленив, но, находясь в «Рам Мандире» или поблизости, мы все занимались делом. Пунджаджи хотел, чтобы мы добросовестно трудились, что мы и делали, отчасти из-за чувства любви и уважения к нему, а еще потому, как я полагаю, что немного его побаивались. В течение всего дня к нему приходили люди из разных мест и рассказывали ему свои истории. Они приходили из Карвара, Дхарвара, Белгаума и других мест близлежащих районов. Посетители делились своими домашними, а также духовными проблемами. Многие описывали свои сновидения, видения и глубокие переживания. Казалось, вокруг него постоянно происходят какие-то странные и загадочные вещи, и всегда был тот или та, кто хотел поговорить с ним о своем опыте.

Должен признаться, что некоторое время спустя я начал испытывать чувство зависти к его стилю жизни. У меня создалось впечатление, что большую часть дня он ничего не делает, предаваясь неге, в то время как другие суетятся, работая для него. Вскоре я возненавидел те обязанности, которые лежали на мне, поскольку мне казалось, что меня эксплуатируют как бесплатного слугу. Я считал, что мои мысли и чувства были безразличны ему, но теперь я понимаю, что Пунджаджи молча наблюдал за каждым из нас. В моей голове блуждали недобрые мысли, которые заставляли меня сторониться Пунджаджи. Я чувствовал, что не могу больше смотреть на него, и стал избегать его общества. Недобрые мысли порождали у меня чувство вины, и сознание своей вины заставляло меня сторониться Пунджаджи.

Однако этот период длился недолго. Благодаря милости Пунджаджи или его воле уродливая гусеница, ползающая в грязи у его ног, неожиданно и мгновенно превратилась в прекрасную бабочку, расправившую свои крылья и устремившуюся к свободе. Это было подобно внезапному и неожиданному удару молнии. Двадцать семь лет прошло с того момента, но когда я вспоминаю это, по моему телу проходит дрожь.

А произошло вот что. Был август, около 8. 30 вечера. В то время жители Лонды ложились спать где-то между 8. 30 и 9 часами вечера. Все звуки стихали, было слышно только потрескивание сверчков и других ночных насекомых. Вдалеке раздался гудок поезда. Пунджаджи сидел на стуле. У его ног сидел Арвинд, двоюродный брат доктора Нараяна, массируя его правую лодыжку. На потолке горела небольшая лампочка, и Пунджаджи спокойно и умиротворенно сидел под ней. Потом он поговорил с Арвиндом, и тот попросил меня помассировать другую ногу Пунджаджи, как раз когда я собирался уходить. В те дни в моей голове роились мысли, что оказание таких услуг Пунджаджи самая неблагодарная

плебейская работа, и меня охватило чувство возмущения, когда он обратился ко мне с такой просьбой. Я с неохотой начал разминать его лодыжку руками.

Моей первой мыслью было: «Какое же у него большое тело! Мне не удастся обхватить его ногу даже пальцами обеих рук».

Я продолжал выполнять свою работу, погруженный в такие мысли.

Затем произошло нечто выходящее за рамки того, что можно описать или даже представить. Я не могу никому объяснить свое переживание. Я массировал его ноги, но в следующие мгновение я уже не думал ни об Арвинде, ни о Пунджаджи, хотя я каким-то образом все еще ощущал его присутствие. Я почувствовал легкое покалывание в области спины и ощутил волны чистой радости. Потoki лучезарной энергии захватили меня, и я плыл в океане чистой энергии.

Неожиданно исчезли и Субаш, и Пунджаджи. Остались лишь чистое счастье и невероятно реальное чувство всеобщей завершенности.

И в этот самый момент каким-то образом пришло знание того, что это именно то, что мое сознание уже целую вечность безуспешно жаждало обрести. Это переживание настолько неизгладимо, что по сей день, когда я вспоминаю о нем, тут же впадаю в состояние, в котором отсутствуют какие-либо мысли. Больше никто ни до него, ни после не смог дать мне такого счастья, которое не зависит от чего-то материального. Мне не надо было что-то делать, я не прикладывал для этого никаких усилий. Ощущение завершенности пришло само по себе, неожиданно, и ни от чего и ни от кого не зависело.

Возможно, мое состояние, в котором присутствовало одно лишь ощущение счастья, длилось около пяти минут. Позже, когда в присутствии Пунджаджи у меня было переживание, я стал замечать, что и другие люди

погружаются в подобное состояние на несколько часов. Но время здесь не играет существенной роли. Что действительно важно, так это выход за пределы материальности даже на секунду. Однажды пережив это, ты уже не будешь прежним.

Несмотря на то что к нему в Лонду приезжали люди, чтобы поговорить о своих чудесных переживаниях, мне и в голову не приходило, что что-то подобное может произойти со мной. Я не стремился к подобному переживанию, не предпринимал никаких попыток, чтобы обрести его. Я хочу акцентировать внимание на следующем: чтобы получить милость Пунджаджи, не нужно ничего делать, лишь находиться в его присутствии. От него исходит осязаемое сияние, благодаря которому мысли и идеи отходят на второй план, а люди, находящиеся под воздействием его света, обнаруживают и раскрывают свою истинную сущность. Возможно, лучше сравнить Пунджаджи с тигром, поедающим мысли и ум тех, кто приближается к нему. И нет возможности скрыться, убежать или спрятаться на дереве. Ты стоишь в его присутствии, как парализованный, до тех пор пока в какой-то момент он не набросится на тебя, чтобы съесть.

Пережив такой опыт, я стал смотреть на Пунджаджи совершенно другими глазами. Это похоже на то, когда ты смотришь не на какую-то отдельную часть, а на все в целом. Я перестал воспринимать его как тело. Он стал для меня воплощением чистой любви. С тех пор мой страх исчез, ему на смену пришли любовь, уважение и благоговение.

Пунджаджи заботился о моем материальном благосостоянии так же, как и о духовном благополучии. Он заметил мои способности к рисованию и предложил моему отцу отправить меня в школу искусств или коммерческое художественное училище, чтобы развивать данный талант. Отец же хотел, чтобы я получил медицинское

образование, но я разочаровал его, так как провалил выпускные экзамены в средней школе. Он был против моей учебы в художественном училище. Отец хотел, чтобы я пересдал экзамены и набрал достаточно баллов, что позволило бы мне пойти либо в медицинский, либо в инженерный колледж.

Когда он отказался платить за мое образование в школе искусств, вмешался Пунджаджи и сказал: «Если вы не отдадите юношу в художественный колледж, я заберу его с собой в Лакнау, и он будет учиться в художественной школе там, если даже мне самому придется взять на себя все связанные с учебой расходы».

Мой отец смягчился и позволил мне заниматься искусством, сначала в Дхарваре, а затем в Бомбее. Теперь же я работаю в Бомбее, и мои работы хорошо расходятся.

Моей заслуги нет в том, кем я стал в этой жизни. Всем, что произошло со мной, и чего я достиг, я обязан милости Пунджаджи.

В начале 1996 года Пападжи наконец-то уволился из компании «Поддар-Мартин». С того самого времени он смог проводить все свое свободное время с новой группой преданных в Лонде. Где-то в это же время и доктор Даттатрея Бакр решил оставить свою практику и уволиться. Дальнейшее повествование о развитии событий пойдет от лица Пападжи.

Однажды я увидел перед Рам Мандиром нескольких пациентов. Было непохоже, чтобы за ними кто-либо присматривал.

Я поинтересовался у доктора Нараяна, сына Даттатрея Бакра: «Почему твой отец не пришел сегодня к этим больным? Они ведь ждут его». «Мой отец ушел с работы, — ответил доктор Нараян. — Он передал все свои обязательства своему ассистенту. Теперь его помощник должен заботиться об этих людях».

Такой поворот событий был достаточно странным. Я не мог понять, что послужило причиной его внезапного ухода. Эта работа была его единственным источником дохода, и кроме того, здесь не предусматривалась выплата пенсии. Во время наших с ним бесед он ни единым словом не обмолвился о своем намерении оставить работу

Позднее, в тот же самый день, когда я нашел доктора, он сказал мне, что больше не хочет работать, поскольку желает больше времени проводить со мною. Полагаю, он надеялся, что мы постоянно будем вместе до конца наших дней. Я тоже думал, что навсегда останусь жить в Лонде после своего увольнения.

У меня был еще один преданный, проживающий в Лонде. Его звали господин Негинхал. Он был местным егерем. К тому времени как уволился доктор, он предложил мне десять акров земли на берегах реки Кали. Я принял его дар, но не ради себя. Я передал этот участок жене доктора Даттатрея и попросил его возделывать землю, чтобы она приносила хоть какой-то доход семье. Потом уже я попросил доктора построить на этой земле небольшую хижину, где бы я мог уединенно жить в лесу

Вскоре доктор с энтузиазмом занялся фермерским делом. Он пахал землю, выращивал кокосовые деревья и собирал урожай сахарного тростника, поскольку поблизости от его фермы располагался сахарный завод.

Перед тем как въехать в хижину во владениях доктора Бакра, мне нужно было уладить некоторые семейные дела.

Я обратился к доктору: «На некоторое время я уеду в Лакнау. Мне нужно организовать помолвку своих детей, сына и дочери, а также уладить кое-какие финансовые вопросы с женой. После того как я покончу со своими делами, я навсегда смогу покинуть свою семью. У меня больше не будет перед ними никаких обязательств».

Пападжи неоднократно упоминал, что несколько раз бросал семью, оставляя их на милость провидения, хотя большинство его попыток бросить все оказывались неудачными. Но не следует делать поспешных выводов, что Пападжи не заботился о своих детях. Я беседовал с двумя его выжившими детьми, Сурендрой и Шивани, и они вспоминают его как доброго и любящего отца, который уезжал по делам, чтобы они не знали ни в чем нужды, могли веселиться и быть счастливыми. Когда они все вместе жили в Мадрасе, Пападжи со всей семьей ходил на пляж или в лес по выходным и в праздники. Иногда он брал своих детей в Раманаирам, и они могли наслаждаться даршаном Махариши.

Пападжи продолжал жить с семьей и заботиться о своих детях все те пять лет, когда он работал в Уттар-Прадеше (1947—1952), но когда он переехал в Южную Индию и стал заниматься разработкой месторождений по добыче полезных ископаемых, его жена и дети остались в Лакнау, поскольку в лесу не было условий для проживания с семьями. Работодатель Пападжи каждый месяц посылал из Бангалора в Лакнау 500 рупий, да и сам Пападжи частенько ездил на север проводить свою семью.

Несмотря на то что сам Пападжи бросил школу, когда ему было шестнадцать лет, он работал не покладая рук, чтобы дать своим детям хорошее образование. Сначала они были поставлены в затруднительное положение из-за частых переездов со своим отцом. В Мадрасе обучение велось на тамильском языке. Затем в Бангалоре их направили в школу, где учителя преподавали на языке каннада. Шивани и Сурендру определили на класс ниже, поскольку они не знали этого языка. Позже Пападжи отправил их вместе со своей супругой в Лаялпур, но у них там возникло еще больше трудностей со школой. Все задания в Пенджабе давались на урду, и они опять вынуждены были ходить в класс ниже. После разделения они ходили в школу в Лакнау, где основным языком был хинди.

Слева направо стоят: С.

несмотря на все эти трудности, Шивани и Сурендра учились с большим прилежанием и успешно закончили школу.

По окончании школы Пападжи привез Сурендру в Южную Индию, чтобы обучать основам шахтового дела. Пападжи всегда работал как наемный работник в компании по разработке полезных ископаемых, но Сурендра предпочел работать подрядчиком. На протяжении пяти лет он работал по контракту и уволился, лишь когда цены на руду значительно снизились. Правительство обладало монополией на покупку руды. В связи с тем что правительство устанавливало цены на руду, а также контролировало все движения на экспорт, персонал, работающий по контракту, напрямую зависел от чиновников, так как именно они назначали цены. Когда дело по добыче руды стало приносить мало дохода, Сурендра вернулся в Лакнау и, следуя по стопам своего отца, стал представлять интересы компании, занимающейся продажей электротоваров.

В течение многих лет он путешествовал по всему Уттар-Прадешу, продвигая свою продукцию. Он рано оставил работу и вскоре переехал в новый построенный на окраине Лакнау дом.

В обязанности каждого индуистского отца входят образование детей и забота об их браке. В середине 1960-х годов Пападжи занялся поисками подходящих партнеров для своих детей, с которыми им предстояло идти рука об руку по жизни. Вскоре ему удалось найти жениха для Шивани, но родители молодого человека считали, что их сын не может составить подходящую пару дочери Пападжи.

Отец юноши сказал Пападжи: «Ваша дочь имеет хорошее образование, ей присвоена квалификация магистра гуманитарных наук. Она слишком образованна для нашей семьи. Думаю, что ей будет тяжело ужиться с нашей семьей из-за ее образования. Я не думаю, что ей понравится жить с нами».

Пападжи уже пришел к решению, что именно за юношу из этой семьи он хочет выдать замуж свою дочь.

Он ответил: «Я уверен, что они составят удачную пару, и я знаю, что она найдет общий язык со всеми членами вашей семьи. Я в этом настолько уверен, что готов на деле доказать это. Шивани придет жить в вашу семью не как жена вашего сына, а как полноправный член семьи и останется с вами в течение полугода. Она будет выполнять всю работу по дому, как если бы она была вашей снохой. Если к концу этого срока вы будете ею недовольны, о женитьбе наших детей не будет идти и речи».

Отец юноши был очень удивлен: «Никто и никогда еще не делал такого предложения. Я впервые слышу, чтобы кто-нибудь предлагал свою дочь на таких условиях. Никто не допустит, чтобы его дочь жила в доме чужого мужчины до их брака».

Такое ошеломляющее предложение вызвало симпатию к Пападжи.

Он продолжил: «Вы очень необычный человек, но мне нравится ваш честный и прямой подход к данному делу. Я уверен, что вы хорошо воспитали свою дочь. Должен признаться, когда я впервые встретился с вами, я намеревался отклонить ваше предложение, но теперь, поговорив с вами и услышав такое предложение, я хочу, чтобы наши семьи объединились. И не нужно присылать свою дочь с испытательным сроком в полгода. Я заставлю своего сына жениться на ней».

Свадебная церемония состоялась, и новобрачные поселились в Нью-Дели. На протяжении многих лет они управляли фотостудией в Южной Индии. Супруг Шивани скончался в 1994 году, прервав их брак, который длился двадцать семь лет. В один из своих последних визитов в дом Пападжи в Лакнау Шивани сказала, что за все это время они ни разу не поссорились между собой.

Теперь перейду к событиям, произошедшим в 1966 году. Перед тем как Пападжи поехал в Лакнау улаживать судьбу своих детей, они с доктором Даттаатреем Бакром отправились в Гималаи. Доктор Бакр хотел съездить в Девапраяг и выполнить церемонию шрадхи, и Пападжи согласился его сопровождать. История о данной поездке будет изложена в последней главе. После этой поездки Пападжи поехал в Лакнау и договорился женить своего сына на девушке, чья семья приехала из Агры. Свадьба должна была состояться в январе. Несколько дней спустя доктор Бакр вернулся в Лонду и получил от Пападжи следующее письмо:

Лакнау
1 февраля 1966 г.

Вернувшись сегодня из Праяга, я нашел твое письмо... У меня нет планов устраиваться куда-либо на работу. Я не знаю, что я должен делать, а чего не должен.

Пападжи со
своей дочерью
Шивани в
зоопарке в
Лакнау, 1957. В
то время
Шивани было
двадцать два
года.

Я полагаюсь на волю ветра. Мне все равно, куда он занесет меня — на север, юг, запад или восток.

Я люблю друзей, тебя и других, но только по одной единственной причине: я знаю, что они и я — одно. Это игра Единственности во всей этой Вселенной. Ты, я и остальное — никто и ничто не может существовать отдельно от чего бы то ни было еще.

Перед своим возвращением в Лонду Пападжи заехал в Читракут, где Рама и Сита провели годы изгнания. Письмо, которое он написал доктору Даттатрею Бакру оттуда в конце марта, свидетельствует об уважении к нему и его семье:

Мой дорогой друг!

Я только что вернулся из Нархи. Через неделю я поеду в Айодхью. Я разговаривал с богом Рамой и Матерью Вселенной о преданности твоей, твоего сына и жены к Нему. Услышав это, Он умиленно улыбнулся.

После короткого паломничества Пападжи вернулся в Лонду. Несмотря на все его планы проводить там больше времени и даже уединиться в хижине, построенной специально для него на земле доктора Даттатрея Бакра, намерениям Пападжи не суждено было осуществиться. Он часто стал отправляться в паломничество со своими преданными и редко где-либо останавливался более чем на несколько недель, включая Лонду. В одном своем письме к доктору Даттатрею Бакру (24 января 1969 г.) он писал:

Священная сила безгранична. Она заставляет меня переезжать с места на место, и, честно говоря, мне не хочется оставаться в одном месте. Лучше сказать, что я не могу оставаться в одном месте больше недели. Такова воля моего Бога. Я должен принять ее. Меня ничто не привязывает к Лакнау или к какому-либо другому месту.

В последующие после увольнения годы Пападжи много путешествовал по Индии. Просматривая его письма за этот период времени, я нашел упоминание таких мест, как Чикмагалур, Мангалор, Бангалор, Шри Раманаширам, Пуна, Пандхарпур, Дхарвар, Бомбей, Ришикеш, Бадринатх, Читракут, Айодхья, Варанаси, Пури, Дакинешвар, Аланди и Агра. В некоторых местах он был неоднократно.

Следующее повествование пойдет от лица одного преданного, путешествующего в этот период с Пападжи. Хотя он и пожелал остаться неизвестным, я могу сказать, что этот человек принадлежит к числу тех, кто был сильно привязан к Пападжи, когда он был в Рам Мандире.

В своей жизни я встречал много святых, но никто не может сравниться с учителем Пунджей. Думаю, такого, как он, кто обладал бы такой же силой мгновенно пробуждать людей и показывать им, кто они есть, больше нет.

Наша встреча с ним была случайной, и состоялась она вдали от постоянного места моего проживания. Было хорошее время года для поездок. Тот день, когда я впервые встретил его, был лучшим днем моей жизни. После нашей встречи вся моя жизнь, которая до того момента была непривлекательной, преобразилась благодаря его священному присутствию. Теперь я живу свободной жизнью просветленного человека. Я очень, очень благодарен учителю.

В этот знаменательный для меня день, когда я познакомился с ним, он принял меня как своего преданного. С того самого времени я частенько находился у его ног. Мы были во многих местах вместе с другими его преданными. В те дни нас было не так уж много. Мы ездили на восток, запад, север и юг. Иногда мы ходили в горы или к священным рекам, а также на берег моря. Каждый момент пребывания рядом с ним был для меня божественным опытом. Мы от всего сердца смеялись и радовались, куда бы ни пришли. Когда учитель смеется, его лицо похоже на распустившийся цветок лотоса. Он учил нас смеяться и поддерживать это состояние радости все время.

Большую часть времени мы гуляли, купались в реке, попадавшей нам по дороге, даже при сильном дожде. Иногда мы останавливались в джунглях, а иногда у богатых людей или же у бедняков. Везде и всегда от него исходило обаяние и тепло. Мы были в различных местах и общались с различными людьми, но я заметил, что он, по моему мнению, чувствовал себя более свободно и расслабленно с простыми людьми. Он сам, казалось, предпочитает не показной, а простой стиль жизни.

Он ни единым словом или намеком не давал нам почувствовать, что чем-либо отличается от нас, и не требовал к себе какого-либо особого обращения. Мне казалось, что он любит преданных даже больше, чем своих собственных детей и членов семьи. Ему нравилось

останавливаться с нами в отдаленных от дороги ашрамах. Иногда мы жили в диких забытых богом местах, что служило нам хорошим уроком в развитии бесстрашия.

Бывало, он находил на улице нового преданного и брал с собой, даже не располагая какими-либо сведениями о его жизни. И с этой самой минуты относился и обращался к ней или к нему с таким же уважением, как ко всем нам. Однако если новый преданный обращался к нему за милостью, он тут же предпринимал шаги, чтобы лишить его тех религиозных позиций, знаний и идей, которых тот придерживался. Он настолько умело это проделывал, что это нисколько не унижало достоинства человека.

Он всегда кормил нас самой вкусной едой и проявлял любовь и уважение по отношению к нам. Мы не просто получали от него духовные наставления. Следуя его примеру, мы учились, как правильно жить и сохранять чувство юмора. И даже серьезные духовные вопросы он обсуждал в такой расслабленной манере и с чувством юмора, что не оказывал давления на преданных. От него исходило чувство расслабленности и покоя.

Сатсанги проводились не регулярно, а в любое время дня. Они происходили во время наших прогулок или после чая днем, или во время купания в Ганге, или даже во время путешествия в автобусе. Его сатсанги отличала спонтанность, и это было их самой лучшей чертой. Иногда даже он давал нам сатсанги, когда мы спали, так как часто являлся нам во снах и давал советы или наставления. А если мы спрашивали его об этом наутро, он подтверждал их правильность.

Переживание божественного также приходило спонтанно и в неожиданное время. Некоторые испытывали этот опыт во время прогулок, купания, другие же во время еды и т. д. Мы все чувствовали великую радость и счастье в эти моменты. Когда учитель видел, что кто-то из нас пережил прямой опыт, его лицо озарялось радостью.

Взяв кого-либо под свое крыло, учитель полностью возлагал всю ответственность за него или нее на себя. За все то долгое время пребывания с ним я не могу вспомнить ни единого прецедента или несчастья. Даже в самых экстремальных климатических условиях — ливне, жаре или холоде — никто из нас не заболел. Каким-то образом он мог предвидеть трудности и, соответственно, избегать их.

Я на собственном опыте убедился в том, что он никогда ничего не навязывал своим преданным. Он никого не заставлял вести тот или иной образ жизни или практиковать определенную *садхану*. Напротив, он освобождал нас от груза и устранял препятствия, стоящие на пути к просветлению. Он освобождал нас от всех волнений и показывал наше истинное Я.

Некоторые приходили не за свободой, а за освобождением от бремени страданий. Я видел, как он беседовал с людьми, которые намеревались покончить жизнь самоубийством, и всего лишь за несколько минут ему удавалось пробудить их к жизни, вернув ощущение радости и счастья. Я лично был знаком с некоторыми из них и могу заверить, что до сих пор они не потеряли ощущения счастья и продолжают жить нормальной жизнью.

Что еще я могу сказать? Подобно философскому камню, который при прикосновении превращает металл в золото, учитель Пунджаджи превращал все вокруг себя в сияющее золото. Он развеивал сомнения и устранял расщепленность умов и даровал просветление многим из тех, кто приходил к нему. В присутствии солнца тьма исчезает. Подобно этому невежество преданных, их эго перестает существовать, когда учитель рядом. Преданные озаряются своим собственным божественным светом и живут в мире как свободные люди. Мне неизвестен никто из учителей, который смог бы наградить подобным даром такое большое количество

людей, независимо от их образования. И я считаю, что мне чрезвычайно повезло познакомиться с ним в этой жизни. Я снова и снова благодарю его за ту великую милость, которой он наградил меня.

Шри Б. Д. Дезай, житель Бомбея, работающий в бухгалтерском отделе отеля «Тадж», рассказывает следующее:

С самого детства я всегда верил в то, что все мои действия и поступки определяет божественная сила. Чем успешнее была моя жизнь, тем больше я убеждался в этом. Я практиковал все традиционные формы поклонения божествам, но особенную страсть во мне пробуждали местные святые Махараштры. О них я читал все, что только мог достать.

В 1960-е годы у меня был своего рода сон, в котором какой-то человек высокого роста, одетый в шафрановые одежды, стоял на берегу реки. Он посмотрел на меня и сказал: «Я твой благодетель». Этот сон запомнился мне, хотя я и не понял, что он означал.

В конце 1960-х я приехал в Лонду навестить своего шурина, где он работал по контракту.

Он сказал: «К нам в город приехал один святой. Не хочешь ли ты пойти и встретиться с ним?» «Безусловно, — ответил я, — пойдем прямо сейчас».

Пройдя около 200 ярдов*, мы вошли в помещение, где Шри Пунджаджи проводил сатсанг. Перед ним сидели около шести человек. Я помню, что, когда я вошел, у Пунджаджи были закрыты глаза. Как только я расположился перед ним, он открыл глаза и поприветствовал меня. Я стал внимательно его разглядывать и вдруг вспомнил, что именно этого человека я видел в своем сне несколько лет назад.

Я рассказал ему об этом и добавил: «Я уверен, что вы тот самый человек из моего сна».

* 1 ярд = 91. 44 см Прим. перев.

Он попросил меня закрыть глаза и описать, что я вижу.

Я последовал его инструкциям и ответил: «Я вижу джунгли, больше ничего».

Мой ответ прозвучал странно, но, казалось, он его удовлетворил.

«Очень хорошо, — сказал он, — очень хорошо».

Я почувствовал, будто он принял меня.

Некоторые посетители время от времени задавали ему вопросы, но я не могу сказать, что понимал его ответы. Я не мог разобрать, в чем суть его учения, но чувствовал, что оно отличалось от той традиционной формы индуизма, на которой я вырос. В те дни это была типичная реакция впервые приходивших к нему людей. Пунджаджи учитывал различие в предшествующем опыте людей. Он говорил с абсолютной точки зрения, и если они не понимали, это была их проблема, не его.

Несмотря на то что я не вполне понимал, что он хочет донести до нас, меня тянуло к нему снова и снова. В течение нескольких дней я проводил там практически все время. Я стал оказывать ему различные услуги, и с каждым днем моя привязанность к нему становилась все сильнее и сильнее. Когда я больше не мог откладывать свой отъезд, я пригласил Пунджаджи гостить в своем доме в любое время, когда он будет в Бомбее. К моему большому удивлению, он принял приглашение. С тех самых пор в течение нескольких лет он всегда заезжал ко мне и гостил в моем доме несколько дней, бывая в Бомбее проездом.

Я начал путешествовать вместе с ним. Ему нравилось ездить по разным местам, и казалось, моя компания доставляла ему удовольствие. Несколько раз мы ездили в Ришикеш и Харидвар, а также бывали в Пандхарпуре, храме Вайшно Дэви в Кашмире, Варанаси и Читракуте. Куда бы мы ни приезжали, везде мы жили просто и счастливо.

Обыкновенно он практически каждый день отправлялся в долгие прогулки. Нам было привычно проходить двадцать или тридцать километров за одну такую прогулку. Однажды, когда со мной была одиннадцатилетняя дочь, мы шли около семи часов под непрекращающимся дождем, потому что Пунджаджи непременно хотел увидеть место, которое ассоциировалось у него с Рамой Тиртхой, его дядей по материнской линии. Никто из нас не устал и даже не подхватил простуду или каким-либо образом пострадал. Когда он был рядом, мы могли делать все, так как знали, что он защищает и оберегает нас всех. Не могу не упомянуть об одной его привычке. Когда бы мы ни встретили на своем пути речку, мы всегда останавливались и купались в ней. Казалось, он был не в состоянии удержаться от того, чтобы не искупаться в бегущих потоках реки, протекающих у него на пути.

Однажды, когда мы остановились с ним в Ришикеше, меня внезапно охватило чувство духовной неполноценности. Я очень плохо разбирался в философии и не практиковал *садханы*, потому что он не говорил мне выполнять их. Чувство, что я не предпринимаю усилий в достаточной степени, побудило меня пойти и купить «Йога-Васиштху» и заняться ее изучением, так как я сам слышал, что Пунджаджи был о ней очень высокого мнения. Я показал ему эту книгу, полагая, что он обрадуется, узнав, что я решил заняться ее изучением. Вместо этого он сердито взял ее из моих рук, разорвал на клочки и бросил в Гангу. Сначала он не дал мне никаких объяснений, но у меня было ощущение, как будто он говорил мне, что не надо заниматься изучением каких-либо книг, когда он рядом. Позже, когда я напрямую спросил его об этом, он подтвердил мои догадки.

«У меня чувство, будто я недостаточно стараюсь, — сказал я. — Меня не отпускает чувство, что я должен что-то делать, а не просто так сидеть целый день, наслаждаясь вашим присутствием». «В присутствии гуру, —

ответил он, — делать ничего не надо. Достаточно лишь одного этого присутствия».

Вскоре я осознал истинность его слов. По мере того, как все больше и больше времени я проводил с ним, интеллектуальное понимание, которого, как казалось, мне недостает, потеряло всякую важность. Все вопросы и сомнения, беспокоящие меня, сменились умиротворением, без всяких усилий с моей стороны.

Я научился наслаждаться покоем, который исходил от него, вместо того чтобы тревожиться о том, что же я должен делать или достиг ли я какого-либо прогресса. Его благословения выражались в состояниях, свободных от мысли. Они были наполнены светом. Они и сейчас здесь, независимо от того, находится ли он рядом или за сотни миль от Бомбея. Его божественное присутствие освобождает меня от мыслей, сомнений, тревог и проблем. И я могу найти покой и умиротворение по желанию, стоит лишь мне закрыть глаза.

Я до конца своей жизни буду благодарен ему за то, что он сделал для меня и ради меня. Он показал мне Бога и подарил мне покой. Что еще я мог желать?

По всему миру у Пападжи были преданные, многим из которых редко представлялась возможность встретиться с ним. В те годы, когда Пападжи регулярно путешествовал по всей стране, он со многими преданными вел переписку. Он рассказывал им о своих поездках и встречах, отвечал на вопросы, связанные с духовным развитием, интересовался их физическим и духовным благополучием, призывал идти к духовным вершинам, подбадривал и поддерживал советом в любой сфере их жизни. Шри Дезай получил около 150 писем от него, они в основном были написаны в конце 1960-х и начале 1970-х. Я включил в книгу несколько писем, так как они живо иллюстрируют советы и учения Пападжи. Некоторые из его более ранних писем особенно ценны, так как в них содержатся наставления по традиционному

индуистскому учению, к которому он редко прибегает в сегодняшние дни.

22 декабря 1968 г.
Лакнау

Приветствую тебя, Божественное Дитя.

Получил твоё письмо. Каждое содержащееся в нём слово и мысль наполнены Любовью и преданностью. Я глубоко верю в тебя. У тебя есть все, что должно быть присуще истинному искателю Истины. Возникла острая необходимость покинуть Бомбей. С одной стороны это хорошо, поскольку юные ищущие уже приехали из Испании и ждут встречи со мной. Я буду останавливаться в Каши, Читракуте и Ришикеше, а затем продолжу свой путь на юг. О дальнейших своих передвижениях я напишу позже. Но в данный момент советую тебе оставаться дома и еще некоторое время продолжать практику. Истина находится в Сердце всех существ. Прежде всего почувствуй это в Сердце близких тебе людей — жены, дочери и друзей. Находясь на данном пути, тебе необходимо благословение всех людей, включая свою жену. Если между вами все еще остался след непонимания, устрани его, поскольку твой ум должен быть чист, как очищенное масло, только тогда ты сможешь предложить его Богу. У тебя хорошая жена и милый ребенок. Живи дома как истинный *риши*. Я не поощряю людей оставлять свое общественное положение и уходить в джунгли. Если твой поиск искренен, ты найдешь у своих дверей *махатм*. Это и есть Божественный Закон. Свежий бриз возникает сам по себе, если стоит жара. Избавься от приходящих мыслей и храни покой. Наблюдай, как Я раскрывается, и ты ощутишь блаженство, неизведанное тобою ранее во всех твоих жизнях.

Пападжи и Шри Б. Д. Дезай. Фотография сделана в начале 1970-х годов.

Следующее письмо служит великолепным примером, демонстрирующим, как Пападжи дает точные инструкции по практикам традиционной медитации. В данном письме он ссылается на Нараяну — Бога в форме Вишну, — поскольку все обитатели дома Шри Дезая поклонялись этому божеству.

6 января 1969 г.
Лакнау

Дорогое Божественное Дитя.

Сегодня получил твоё письмо, написанное 3 января 1969 года. Я очень обрадовался, прочитав, что ты прибегаешь к помощи практики для достижения Абсолютного Нараяны. Нараяна пребывает в Сердце всех существ.

Я не имею в виду то сердце, которое находится в левой стороне грудной клетки и перегоняет кровь по телу. Я говорю о Сердце в значении «*Хридаям*». Это та сущность твоего тела, что отвечает за работу физического сердца. Оно находится в правой стороне, на два дюйма правее от медианы (грудной кости). Благодаря определенной практике ты сможешь более отчетливо его увидеть. Если тебе удастся это хотя бы на четверть секунды, ты почувствуешь необычайную радость. Нужна лишь глубокая сосредоточенность. Ты можешь использовать имя Нараяны, погружаясь в океан, где в великом покое и умиротворении, в *шанти* пребывает НАРАЯНА. Всецело сосредоточься на Сердце и пребывай в покое. Не надо повторять мантру вслух, так как покой первостепенен. Но если хочешь, можешь повторять имя Нараяны беззвучно — просто в уме или привязывая к вдоху и выдоху, — даже когда ты занят работой. Не следует концентрироваться на пупке. Данный центр пробуждает более низменные инстинкты и дает пищу уму. Пребывай в покое в самом себе, для этого тебе никто не нужен. Ты можешь написать мне, и я отвечу на любые твои вопросы. Я вижу в тебе жаждущего истины и хочу, чтобы ты открыл Высшее знание в этом своем воплощении...

С Любовью.

Твой в Я.

18 января 1969 г.

Лакнау

Дорогое Божественное Дитя.

Рад получить от тебя письмо.

Цель, к которой следует стремиться, — покой ума. Когда ум пребывает в покое, все вопросы, такие, как: «Как я могу узнать, что пребываю в покое?» — исчезают.

Где остается это «ты», чтобы чувствовать покой? Ты чувствуешь только субъективное счастье и существование — ничего объективного. Пока ты остаешься там, у тебя не будет идеи времени и тела. Только когда твое сознание возвращается в тело, ты осознаешь, как много времени прошло. Лишь в сознании тела возникают различные вопросы.

Прими мою Любовь.

Твой в Я.

14 марта 1969 г.

Лонда

Возлюбленный Дезай Джи!

... уверен, ты верной поступью приближаешься к Идеалу. У тебя есть, с чем предстать перед Истиной, и ты должен предстать перед Ним. Только трусы избегают Бога. Прими решение увидеть Бога в этой жизни. Нет более великого блага, чем обретение Бога, обретая которого, ты обретаешь все.

Больше внимания уделяй своему собственному Я. В самые трудные минуты Он никогда тебя не оставит, как делают и всегда делали другие. Пусть твое Я станет твоим единственным другом...

13 сентября 1969 г.

Лакнау

Мое возлюбленное дитя!

Я получил огромное удовольствие, читая твое письмо. Переходя от одной строки к другой, я ощущал, как твое сердце переполнялось эмоциями в процессе написания этого письма. И каждый раз, когда я возвращаюсь к месту, где ты описываешь свою встречу с Шри

Джнянешваром в Аланди, как он благословил тебя и даже подарил свою фотографию, счастье переполняет мое сердце. Что еще тебе надо? Разве ты не слышишь, как люди хором кричат, направляясь к храму Мата Дурги: «Она сама пишет письма преданным и приглашает их к себе». Так же поступают и все святые, призывая своих преданных, чтобы благословить их. Я несказанно рад, что в тебе продолжает гореть пламя преданности, которое я заметил еще при нашей первой встрече в Лонде. Недавно совершенное тобой паломничество определенно очистило твои спящие *васаны*, о чем ты даже можешь и не подозревать. Если ты посадишь семя в землю, а на следующее утро раскопаешь его, ты не заметишь явных изменений, произошедших с ним. Но, несмотря на это, внутри него произошли громадные перемены, которые в конечном счете послужат тому, что оно через день или два прорастет. Присутствие святых работает по такому же принципу. Перемены могут быть незаметны, но все-таки они происходят внутри. Рано или поздно это будет вырвано с корнем благодаря присутствию святых. Когда же это произойдет? Все зависит только от стремления самого ищущего. Ум не является ни прямым, ни извилистым, как ты пишешь в своем письме. Тебе когда-нибудь удавалось узреть его витиеватость? Такова натура человеческая — обвинять кого-то еще в своих ошибках. Разве не тот же самый ум приводил тебя в нужные и благодатные места и сводил тебя с хорошими людьми? Подружись с ним. Что касается Бомбея. Все места одинаковые. Мысль, что места бывают хорошими и плохими, принадлежит уму...

В письме Пападжи упоминается имя одного святого, Джнянешвара, который жил и учил несколько сотен лет назад в Махараштре. Еще ребенком он начал учить и написал знаменитый комментарий к Бхагават Гите, известный сейчас как Джнянешвари. В шестнадцатилетнем возрасте

он почувствовал, что его миссия учителя завершилась, и попросил замуровать его в пещере в Аланди, упомянутой Пападжи деревне. Его преданные заявляют, что он до сих пор жив там, погруженный в самадхи. В тот период, когда Пападжи работал в Гоа, он приходил к этой пещере в знак почтения Джнянешвару. Вот что он рассказывает:

Как-то я приехал в Аланди, Махараштра, чтобы посетить *маха-самадхи* Джнянешвара. Говорят, что уже в шестнадцать лет он обратился к двум своим братьям, Нивритинатху и Супандеве, и сестре, Муктабаи, сказав, что миссия его жизни завершена. Он добавил, что намерен уйти в пещеру и остаться там навсегда. Сестра умоляла его не заканчивать жизнь подобным образом, но Джнянешвар был настроен решительно. Таким образом, вход в пещеру был закрыт навсегда.

Я направился к той самой пещере, так как мне было интересно, возможно ли, чтобы Джнянешвар все еще медитировал там. Я стоял перед замурованным входом в пещеру, и тут у меня было переживание, будто я нахожусь внутри вместе с Джнянешваром. Я видел, что он сидит там, пребывая в глубоком состоянии медитации. Его глаза были закрыты, а лицо излучало свет.

Я достаточно хорошо знаю язык маратхи, что могу читать *Джнянешвари* без перевода. Во время визита в Аланди я встретил двух ученых, Мама Дандекара и мистера Джоши, занимающихся исследованием *Джнянешвари*. С ними было еще несколько немцев. Они пришли за консультацией, поскольку занимались переводом данной книги на немецкий.

Мама Дандекар рассказывал мне, что несколько человек из Аланди видели, как Джнянешвар купался в реке Индраяни. Я верю этому. Любой человек с чистым умом может видеть все, о чем думает, и даже стать воплощением своей мысли. Любая мысль, приходящая такому человеку, проявляется перед ним.

22 сентября 1969 г.
Лакнау

Мое возлюбленное дитя!

Я очень рад, что у тебя абсолютно верное понимание истины. Твои мысли в письме от 19 сентября изложены, как если бы они слетали с языка невинного ребенка. Поэтому я и обращаюсь к тебе соответственным образом. Образованные мужи, обладающие знанием четырех *Вед*, а также другие ученые не стремятся получить Божественную Милость. Божественному нужна твоя Любовь, подобная любви невинного дитя, и твое стремление быть у Его ног. Больше ничего. Тукарам не был ни ученым, ни хорошим музыкантом, но как бесстрашно он говорил с богом Виттхалом. Так же поступай и ты — разговаривай с Ним как со своим отцом. Проси Его обо всем, в чем нуждаешься, и будешь вознагражден — обретешь не только три мира, но и то, что за пределами всего, свободу от цикла перерождений. Всегда созерцай ум и его причудливые выходки. Если ты можешь это сделать, то обретешь свободу сейчас...

Спустя три года последовал новый поток писем. К тому времени Шри Дезай стал ревностным преданным Кришны, который ассоциируется с известным храмом «Пандхарпур» в Махараштре. Известный как бог Виттхал, или бог Пандуранга, он одна из наиболее почитаемых форм Кришны. Шри Дезай жаждал физического даршана этого божества. Это была цель, которая получила одобрение и поощрение Пападжи. В этот период переписки Пападжи начинал большинство своих писем к Шри Дезаю восклицанием «Джая, Джая, Виттхал Пандуранга», что означает «Слава Виттхалу Пандуранге!».

В 1990-х годах, когда на его сатсангах было больше иностранцев, Пападжи перестал говорить о пути преданности. Хотя Пападжи до сих пор считает это действенной

формой садханы, он говорит, что жители Запада не могут следовать традиционному пути бхакти, поскольку их сердца слишком загрязнены мирскими желаниями. В книге «Интервью с Пападжи» приведены его слова:

Жители Запада уже продали свой ум и тело кому-то еще. В индуизме мы предлагаем Богу только те цветы, чей аромат никто не вдыхал. У кого есть сердце, чей аромат никто не вдыхал, чтобы предложить Богу? Как ты можешь предложить такой цветок или такое сердце Богу?

Так как сейчас Пападжи неохотно ведет публичные беседы на сатсангах о бхакти и медитации на имя и форму, эти письма являют собой уцелевшее свидетельство того подхода Пападжи к Богу, который он рекомендовал в ранние годы своей деятельности как гуру.

В первом письме Пападжи поздравляет Шри Дезая с его прямым переживанием Кришны. В большинстве других писем он дает ему советы, как добиться того, чтобы Кришна представал перед ним.

10 августа 1972 г.

Лакнау

Джая, Джая, Виттхал Пандуранга!

Драгоценнейший мой, ты несказанно порадовал меня на этот раз. В ашраме Виттхала (Ришикеш), когда я наблюдал за тобой, я уже знал, что вскоре наступит этот чудесный день. И вот он пришел. Я полюбил тебя еще при нашей первой встрече в Лонде. Я пишу все это, потому что я счастлив. Переполняемое меня ощущение счастья побуждает писать эти строки. Что, как не это, может дать мне такое счастье? «Джая, Джая, Виттхал Пандуранга» — не мантра, которую следует повторять, а то, что было заложено в пещеру твоего Сердца самим

Виттхалом. Ты сам можешь слышать это внутри себя, для этого повторения не нужны. Все случилось неожиданно в подходящее для этого момента время по милости Пандхаринатха (бога Пандхарпура). Теперь ты можешь увидеть, как Он стоит подбоченившись и смотрит на тебя, и пленительно, но озорно улыбается. Мой дорогой сын, я счастлив видеть тебя. Ты сидишь передо мной, ведешь беседу, оглядываешься по сторонам, в то время как на самом деле пребываешь во внутреннем покое, сосредоточившись на себе, и продолжаешь проявлять все *ашта саттва бхавы* (восемь физических признаков глубокой преданности, проявляющихся в мурашках на коже, слезах экстаза и т. д.), что характерно только для тех, кто предан и любим Пандурангой. Многие мои посетители рассказывают о тебе. Их восторженные речи наполняют меня счастьем. Я все еще чувствую, что ты со мной, даже физически. Из-за своего плохого здоровья я не могу оказать тебе такую помощь, которая бы удовлетворила мое сердце...

30 октября 1972 г.

Лакнау

Джая, Джая, Виттхал Пандуранга! Мой возлюбленный Сын, получил твое письмо от 28 октября и был несказанно рад. Благодарю тебя за поздравления с праздником Дивали. Пусть каждый зажжет огонь в своем Сердце, чтобы увидеть Бога, ожидающего, когда *бхакта* приблизится к нему. И я несказанно счастлив встретить человека, повторяющего его Божественное Имя, а еще большее блаженство доставляет мне встреча с тем, кому удается сохранить это состояние, как это делаешь ты. Я чувствую, что становлюсь пылью под ногами того преданного, который произносит имя Бога. Винайк (Прабху) красиво и доступно описывает переживание Имени.

Он сказал мне: «Переживание Имени есть пребывание самим ИМЕНЕМ».

Не беспокойся, выполняешь ли ты свою работу или нет. Нет никакой разницы. «Я делаю» или «я не делаю» не имеют никакого отношения к «Я ЕСТЬ». Не тревожься о тех обстоятельствах, в которые поставил тебя Бог. Важно, чтобы ты погрузился в Его Имя и пребывал в таком состоянии, выполняя выпавшую на твою долю работу. Тогда у тебя появится больше времени, чтобы провести его с Богом. Лучше оставаться с Богом, чем тратить целую жизнь на бесполезную работу. Бог, находящийся в твоём Сердце, будет твоим проводником. Ни о чем не тревожься.

С любовью от Мукти, Миры и меня.

13 ноября 1972 г. Джая,

Джая, Виттхал Пандуранга! Мой дорогой обитатель.

Я счастлив, что ты пребываешь у стоп Бога. Не думай о том или об этом. Позволь Господу Пандхаринатху охватить тебя. Теперь Его очередь.

Ты понимаешь, что я имею в виду или что я говорю? Я спрашиваю, потому что не могу найти слов, чтобы выразить то, что я имею в виду. Открой свое Сердце и услышь мои слова:

«Смотри внутрь.

Говори внутри,

слушай внутри.

Одновременно. И скажи мне, что ЭТО?»

2 декабря 1972 г. Лакнау *Джая, Джая,*
Виттхал!

Мой благородный Сын, сегодня я получил денежный перевод, а также прочел о твоих переживаниях. Ты не видишь Бога, потому что Он так близко! Кто Тот, кто не видит? Каждый является ТЕМ, поскольку ничто не отделено от него, чтобы видеть. Вскоре все само собой прояснится. Винайяк очень высокого мнения о тебе, судя по его письмам. Он очень мудрый сын моего Бога. Поэтому-то я сразу полюбил его.

Он говорит: «Дезайджи полон твердой решимостью к отречению».

Я рад, что время еще не пришло. Ты стоишь на верном пути. Не принимай никаких поспешных решений. Отречение — не самоцель. От чего следует отречься? И даже если ты отказался от чего-либо, оно все равно присуще миру То, от чего ты отрекаешься, не исчезает. Так зачем же беспокоиться о том, что всегда есть и будет? Когда мы смотрим в лицо Пандуранге, все выглядит, как если бы оно было самим Пандурангой. Дезайджи, я горжусь твоей устремленной преданностью. При каждом вдохе и выдохе должно звучать имя «Виттхал! Виттхал!» Мне только что на ум пришло имя Джанабаи. От чего она отеклась? Даже ее коровьи лепешки произносили имя Виттхала, и все, к чему она прикасалась, было Виттхалом. Офис, дом и рынок — все должно стать храмом Пандуранги. Я слышу, как твоя кожа поет и волосы встают дыбом, когда ты слышишь имя Виттхала. *Джая, Джая, Виттхал Пандуранга!*

3 декабря 1972 г. Лакнау *Виттхал-Пандуранга!*

Ты пишешь: «Когда я смотрю внутрь, я Его не вижу. Но в то же время я не вижу ничего другого».

О мой дорогой друг, я рад, что ты дал такое красивое определение этому возвышенному переживанию. Теперь ты можешь сказать, КТО не видит ничего другого? Вглядись еще глубже внутрь, в самую глубь. Взгляни на Него и крепко ухвати Того, кто ничего другого не видит. Что еще можно видеть, кроме самого видящего, который является никем иным, как Пандурангой? Он смотрит на тебя, а не ты на Него. Вот почему ты говоришь, что не видишь Его. Теперь пришла Его очередь смотреть на тебя. Пребывай в покое. Наблюдай, что произойдет дальше. Будь бдителен. Вглядывайся вглубь Глубины.

16 декабря 1972 г.
Харидвар

Мой дорогой Сын, в ночь с 14 на 15 декабря, незадолго до своего пробуждения, когда уже светало, я увидел тебя во сне, стоящего по колено в водах реки Бхимы, твои глаза были полуоткрыты. Ты стоял наклонившись вперед, и от твоего тела исходило медное сияние. Ты стоял перед богом Пандхари, который только улыбался, не говоря ни слова. После этого у тебя остаются еще какие-то сомнения? Еще долгое время я видел вас обоих, пока окончательно не пробудился. Это видение было настолько явным, что я не мог не написать тебе. Что это было — видение, действительность или и то и другое, или то, что за пределами и того, и другого? В любом случае это благоприятно...

2 октября 1973 г.
Лонда

Мой возлюбленный, дорогой, преданный Пандуранга!

Я так счастлив, что ты в моем Сердце. Ты сделал шаг, который редко кто мог сделать раз в тысячи лет. Это чистая МИЛОСТЬ Бога и Милость всех мудрецов и святых прошлого и настоящего. Теперь тебе нет смысла особо много общаться с теми, у кого отличное от твоего видение, и не стоит вести с ними переписку. Держись Имени устами, в мыслях и в безмолвии, пока ты ждешь появления Бога...

1 декабря 1976 г. Париж *Джая, Джая, Дезай Джи!* Твое письмо от 4 ноября, которое ты направил в Венесуэлу, было переадресовано сюда во Францию. Ты изрек ИСТИНУ, сказав: «Учитель, когда я посмотрел на свою фотографию, то мне показалось, что я похож на Виттхала».

Все время ты видел лица, которые не были твоим собственным лицом. Теперь ты увидел свое лицо. Ты славно потрудились. Теперь я совершенно счастлив.

Ты освободился от всех оков. Не держи в себе никаких сомнений. Не оглядывайся назад. Виттхал Пандхарпура благословил тебя. Он вошел в твое Тело. Это тело — Пандхарпур, и сам Виттхал живет в нем. Больше нет никакого Дезайджи. Пусть Виттхал постоянно пребывает в Его собственной ОБИТЕЛИ. Не читай, не пиши и не говори. ПУСТЬ ЭТО СЛУЧИТСЯ. Мой дорогой мальчик, ТЫ СДЕЛАЛ СВОЮ РАБОТУ..

14 декабря 1977 г.

Харидвар

Джая, Джая, Виттхал Пандуранга! О, мой возлюбленный,... с каждым дыханием ты поёшь имя бога Пандуранга. Что еще нужно? Имя Бога неразделимо с самим Богом, так же как сладость и сахарные конфеты. Имя — это корабль, который доставляет тебя на берег, где обитает сам Бог, который ждет тебя, протягивая тебе навстречу свои четыре руки...

У Шри Дезая была дочь Бхарати, она тоже была бхактой Кришны и желала иметь прямое видение Бога. Пападжи поощрял все ее попытки. В одном из ранних писем (18 января 1969 г.), адресованных ее отцу, он написал:

Да, я был бы рад получать письма от Бхарати о ее переживаниях, написанные ее собственной рукой, а не под диктовку. Она милое дитя. Одна девочка, примерно ее возраста, желающая увидеть Кришну, обратилась ко мне где-то в январе 1968 года, и через месяц она уже могла играть с Кришной, есть с Ним и разговаривать с Ним, как если бы Он был одним из ее приятелей. Дети лишены барьеров, которые строит эго, поэтому они практически тут же встречаются со своим Божественным Другом...

Последующие три письма были адресованы дочери Шри Дезая.

5 января 1969 г.

Лакнау

Мое дорогое Божественное Дитя! Я был очень рад получить от тебя письмо, написанное 1 января. Я люблю тебя, потому что ты любишь

Кришну. Кришна всегда живет рядом с тобой, но ты ведь знаешь, какой Он озорной мальчишка. Он любит играть в прятки с *гопиками*... Божественное уже наблюдает за тобой. Он побуждает тебя любить Его. При следующей своей поездке в Бомбей мы увидимся...

26 июня 1971 г.
Лакнау

Дочка, твое письмо очень порадовало меня. Хорошо, что ты вспоминаешь тех, с кем провела практически двадцать два дня, — меня, Миру и Гангу. Конечно, Кришна придет к тебе в комнату, будет разговаривать, есть вместе с тобой и играть в настольный теннис. Он пребывает в твоём сердце, ожидая, когда ты Его позовешь. Зови Его постоянно, и Он придет. Он очень капризный, такой же как ты. Люби Его больше всего на свете. Мира всегда Его видит, и ты тоже сможешь...

Мира, которую Пападжи упоминал в своих письмах несколько раз, была бельгийской преданной. Ее история будет рассказана в дальнейших главах.

3 мая 1973 г.

Дорогая Бхарати,

Джая Сита Рам. Я очень рад получить твое письмо, так как оно передает вибрацию *бхакти*. Оно наполняет мое Сердце нектаром преданности. Без сомнения, мое дорогое дитя, Бог благословил тебя, поэтому-то ты и любишь Его. Бог стоит позади тебя, играя с тобой в прятки. Посмотри на Него. Еще и еще раз посмотри на Него, и ты обязательно Его найдешь. Затем посмотри снова. Теперь Он стоит перед тобой. Открой свои глаза и посмотри на Него. Закрой глаза и опять Он пред твоим

Купание в Ганге в Ришикеше или Харидваре (начало 1970-х годов). Слева направо: Мира, преданная из Бельгии; Анакутти, преданная из Кералы; Пападжи; Бхарати, дочь Дезая; Б. Д. Дезай.

взором. Мое дорогое дитя, не сомневайся в том, что Он здесь... При нашей следующей встрече мы будем играть с Ним вместе. Твой отец уже играет с Богом. Будь рядом с ним. Тебе очень повезло быть дочерью такого отца.

Повторяй Его имя, когда бодрствуешь и когда спишь. Услышь мелодию его флейты. Посмотри на Его прекрасное лицо, коснись Его ног и вдохни аромат, исходящий от Его гирлянд. Пусть твои мысли всегда будут полны Им. Во время еды думай, что это Он ест. Разговаривая, представляй, что это Он говорит. Гуляя, ощущай, что это Он гуляет. Когда ты спишь, думай, что это Он спит.

Долог и сложен был путь Шри Дезая к видению, или даршану, бога Пандуранги. А когда Пападжи приехал в

Пандхарпур с намерением получить в главном храме даршан, он тут же получил его. Вот что рассказывает Пападжи по этому поводу.

В то время я работал в Гоа. Во время празднования Асадхи Экадаси люди стекались в Пандхарпур из Аланди, преодолевая большие расстояния пешком или сидя на запряженных буйволами повозках с багажом. На автобусной остановке я попросил носильщика проводить меня до любой *дхарамсалы*, расположенной где-нибудь неподалеку. В первой же *дхарамсале*, куда меня привели, управляющий объяснил, что все комнаты были заняты в связи с фестивалем, но, несмотря на это, он предложил мне место в камере хранения, чтобы я мог сложить туда свои вещи. Я запер на ключ свой ящик и отправился искать храм.

Я хотел получить *даршан* божества, но один из священников храма сказал мне, что за *даршаном* выстроилась огромная змееобразная очередь. Желающих получить его было так много, что некоторые стояли даже четыре дня, настолько она была длинная. Такие очереди образовывались только в дни празднеств.

Я не располагал таким временем, постольку был в этом городе проездом. Я объяснил священнику, что не могу столько стоять в очереди, так как у меня нет на это времени.

«Ну что ж, — сказал он, — если ты не можешь подождать сегодня, приходи в другой день, когда у тебя будет время».

Вместо этого я решил пойти и осмотреть другую часть храма, но первой моей мыслью было искупаться в реке Бхиме. Я направил свои стопы к ее берегам и увидел тысячи людей, совершающих омовение в ее водах. Там было столько людей, что я не мог даже пробраться сквозь толпу к воде. От такого количества людей вода была мутной.

Я оставил свои попытки омыться в реке и, вместо этого, сел на камень, расположенный немного поодаль от людей.

Ко мне подошел человек, который выглядел, как брамин, и спросил, пришел ли я в храм, чтобы получить *даршан* Пандаринатха Виттхала.

Я ответил: «Очередь слишком велика, а у меня мало времени, так как я здесь проездом. Я вернусь и увижу Виттхала в другой раз, когда здесь будет меньше народу». Брамин сказал: «Я священнослужитель в храме. Могу сделать так, чтобы ты получил *даршан* и тебе не придется стоять в очереди. В храм можно войти с другого входа, который используется в особых случаях. Я могу провести тебя в храм через этот проход».

Я последовал за ним обратно в храм. Мы вошли в пристройку позади храма, и он провел меня через вход, который я раньше не видел. Оттуда мы попали в святилище, и он позволил постоять перед идолами Виттхала и Рукмини около пяти минут. Также он дал мне *прасада*. Пока я стоял перед идолами, священнослужитель исчез. Я хотел поблагодарить его за то, что он провел меня внутрь, но его нигде не было. Мне также хотелось дать ему *дакишину* (денежное вознаграждение за оказанную услугу).

Я вернулся в *дхарамсалу*, где оставил свои вещи. Там я встретил еще одного человека, который, как он сказал, был священнослужителем этого храма. Я рассказал ему, что приехал в этот город на короткий срок с целью получить *даршан* богов.

Священнослужитель сказал: «Если у тебя действительно мало времени, то тебе не удастся осуществить свое намерение. Многие стоят в очереди уже несколько дней». «Я знаю, — ответил я, — я столкнулся с этим еще утром. Но когда я потерял всякую надежду войти внутрь, мне повстречался священнослужитель из этого храма, который был так добр, что провел меня в храм».

через потайную дверь. Так что я уже получил *даршан* и *прасад*». «Не может быть, удивился тот. — Он, должно быть, привел тебя в другой храм. В этом городе много храмов. Вход был со стороны реки? Там была длинная очередь из преданных, желающих попасть внутрь?» «Да, — ответил я, — это был тот самый главный храм, где толпилось много народу, но я вошел не с главного входа. Священнослужитель провел меня через заднюю дверь».

Он все еще отказывался поверить, что мне каким-то образом удалось попасть в храм, минуя всех остальных.

«Не может быть, чтобы это был главный храм, — сказал он, — поскольку в него можно попасть только через главный вход. Ты, наверное, был в каком-то другом храме. С обратной стороны храма выстроен длинный ряд лавок, где продаются кокосы, фрукты и цветы. Ничего другого там нет».

Тогда я предложил ему пойти со мной. Я хотел показать ту самую дверь, через которую проник внутрь. Мы вместе направились обратно к храму, и я обнаружил, как он и говорил, что никакого видимого входа в храм нет — лишь ряд лавок, которые я до этого не замечал.

Я не был готов дать объяснение этому.

«Я действительно видел изваяния богов в этом храме, — сказал я. — Менее часа назад я стоял перед ними». «А как они выглядели?» — поинтересовался священнослужитель.

Он полагал, что сможет определить по данному мною описанию, в каком храме я был.

Я дал описание увиденного и добавил, что стоял перед статуями около пяти минут.

Мое описание подходило к изваяниям Пандуранга и Рукмини, находившихся в храме. Священнослужителю пришлось поверить, что я видел их, но он никак не мог понять, как мне удалось стоять перед ними целых пять минут.

«Через святилище непрестанно проходят толпы паломников, — сказал он. — Никто не задерживается там, не говоря уже о том, чтобы столько времени находиться внутри него. Это просто невозможно. Смотрители храма следят за тем, чтобы люди не задерживались в нем. В дни больших праздников, как сегодня, *даршан* осуществляется поточным способом: никому не позволяют останавливаться, тем более стоять пять минут».

Тогда я рассказал ему все события, произошедшие со мной в тот день. Когда я дошел до места, где мне дали *прасад*, он поинтересовался, что я с ним сделал. У меня еще оставалось немного *прасада*, и я показал его священнослужителю. Именно этот *прасад* окончательно убедил его в истинности и уникальности моей истории. Такой *прасад* был особенным: он выдавался только в данном храме в этот особенный день. Священнослужитель узнал его и в конце концов должен был признать, что я в самом деле получил личный *даршан* в храме.

Мы вернулись в *дхарамсалу*, потому что там оставались мои вещи. Я предложил ему деньги, так как он потратил на меня столько времени, но священнослужитель отказался принять их.

«Я не возьму с вас денег, — сказал он. — Сегодня сам Бог показал вам свой собственный храм. Сегодня здесь свершилось чудо. Я не могу принять деньги после того, что сегодня произошло. Подобные случаи уже были. Я могу рассказать одну историю, чем-то напоминающую вашу.

Давным-давно здесь жила святая по имени Джанабаи. Сам бог Виттхал приходил к ней домой, чтобы привести ее в храм. Несмотря на все ее желание, она не могла ходить в храм, поскольку ее не пускала мачеха.

Как-то она обратилась к своей мачехе с мольбой: "Сегодня праздник Асадхи Екадаси, прошу, отпустите меня в храм, хотя бы ненадолго. Я вернусь как только смогу".

В ответ на это мачеха заперла ее в комнате. Бог знал о ее сильном желании прийти в храм, поэтому Сам явился к ней. Он отпер замок и освободил Джанабаи. Когда они уходили из дому, Господь Пандуранга попросил ее запереть дверь снаружи, чтобы казалось, будто она все еще находится в комнате.

В храм Джанабаи пошла с девушками, жившими по соседству. Когда *даршан* подошел к концу, они пошли поблагодарить ее мачеху, за то что она позволила ей пойти вместе с ними. Они не знали, что ей запретили посещать храм.

Ее мачеха была в ярости.

"Я не разрешала ей выходить из дома, — сердито сказала она. — Я заперла ее в комнате на весь день. Вы можете убедиться в этом сами".

Она повела их к ее комнате показать девушкам, что Джанабаи была заперта внутри. Подойдя к комнате, они увидели, что дверь открыта, а ключи от комнаты находятся в руках Джанабаи. Она вошла в комнату, а бог Виттхал вышел из нее. Он закрыл дверь и исчез. Мачеха не поняла, что тут происходит, но девушки знали, что сам бог Виттхал отпер дверь и, соответственно, позволил Джанабаи прийти к нему в храм».

По возвращении в Гоа я многим рассказал о моем необычном посещении храма. Они все поверили моему рассказу, поскольку сами сталкивались с необходимостью стоять три или даже четыре дня, чтобы войти в храм. Они знали на своем собственном опыте, что я никак не мог войти в храм и получить личный *даршан* без божественного вмешательства.

В 1973 году Пападжи планировал совершить поездку из Северной Карнатаки на самый юг Индии. Однако ему пришлось изменить свои планы, когда у одного из его преданных, Рави Бакра, случилось несчастье. Семья Бакра была одной из первых, кто принял Пападжи как своего Гуру во

время его первой поездки в Лонду, а позже построила Рам Мандир, чтобы он мог там жить. В своем письме к Шри Дезаю он описывает, что случилось с Рави.

4 октября 1973 г. Лагерь в Карваре Джая, Джая,
Виттхал Пандуранга!

Мой Святой Сын, у меня было намерение поехать в Бангалор повидать Винаякдаси, а оттуда мы собирались отправиться вместе в Каньякумари, но вчера я прочел письмо Рави, адресованное моему отцу (доктору Даттатрею Бакру). В нем говорилось, что он закрыл свой банковский счет и послал все деньги со счета мне, чтобы я распоряжался ими по моему собственному усмотрению. Также он пишет, что не может оставаться на работе, после того как через милость его учителя истина на мгновение открылась ему. Он заявляет о своем решении уволиться с работы, чтобы постоянно быть со своим Гуруджи и служить ему. Мы вместе с доктором Бак-ром сели на первый же автобус до Гоа и приехали туда прошлым вечером. Поездка длилась десять часов. Когда мы постучались в его дверь в 10 часов вечера, он сидел перед изображением своего гуру, и от него исходило божественное сияние. Он припал к моим стопам. Его лицо сияло счастьем. Я рад за этого юношу: за короткий период (двадцать восемь дней) пребывания со мной он достиг таких высот. Его отец тоже очень счастлив. Содержание письма, где подробно говорилось об отречении его сына, несколько не взволновало его.

Я попросил его не бросать работу, а остальное оставить на меня.

В последующие годы Пападжи написал много писем Рави Бакру. Отрывки из некоторых его писем приведены в главе «Снова за границей». Приведенные ниже выдержки

взяты из трех других писем Пападжи к Рави, которые он написал во время своих поездок по Европе в 1970-е годы.

Дорогой Рави!

Да, самое главное пребывать в покое во время работы. Именно это дает тебе возможность работать, говорить, смотреть, есть или делать что-нибудь еще. Важно знать, что это не ты делаешь, пока ты делаешь то, что делаешь. Понимаешь ты это или не понимаешь, не имеет отношения к делу. Все это относится к деятельности, поэтому просто храни ПОКОЙ!

Позволь мне выразить ту великую радость, которая охватила меня во время прочтения твоего письма. Теперь, когда это больше не секрет, я могу подтвердить твое предположение, что во время наших длительных прогулок, бесед за едой я вел работу над тобой. Все время, когда мы были вместе, я старался сделать так, чтобы ты прочувствовал ИСТИНУ, которая выходит за пределы всякого понимания.

Не трать время на духовную болтовню, чтение книг и разнообразные гимнастические упражнения, которые называются ритуалами и духовными практиками. Все это ухищрения твоего ума. Твой высокий статус имел прекрасное выражение в «не-выражении», но в то же время ты указываешь на что-то, что находится за пределами слов. Ты не помнишь слов, исходящих от Меня, потому что они выходят за пределы того, что может воспроизвести память...

Из Индии ко мне пришло много писем, но в них нет ничего особенного. Некоторые люди пишут, что у них прошел хороший дождь, другие закончили свои книги, иногда пишут о своем благополучном возвращении из паломничества. Многие рассказывают о своих женах, сыновьях, профессии, доходах, о предстоящих свадьбах их детей и очень немногие о своих снах о Боге...

ДА! Ты вышел за пределы опасной зоны неведения! Я рад, что у меня в Индии есть такой молодой человек, которого я мог бы действительно учить, а не просто проповедовать то, что тысячи лет вдалбливали проповедники, которые лишь хотели загипнотизировать людей. Ты говоришь о том, что было взято не из писаний. Ты не просто переписал это откуда-то. Ты не цитируешь услышанные тобой лекции. Ты говоришь о том, что никому не принадлежало. Это также не проявление твоей памяти, поскольку в ней не хранится информация, перешедшая от Меня. Ты не просто воспроизводишь слова. Как ты пишешь в своем письме, истинные слова могут идти только с высот состояния безусильности. В письме ты пишешь о своем намерении продолжать созерцать, чтобы достичь таких высот! Может быть, это бесконечное путешествие...

Мой дорогой мальчик! Напиши мне из этого бесконечного путешествия.

Теперь давай войдем в новую сферу! Эта СФЕРА не имеет отношения к тем областям, о которых говорят люди. Ты сможешь войти в эту СФЕРУ, только если твой ум не будет выстраивать ее, а интеллект поддерживать.

Взгляни на Нее, не смотря на НЕЕ...

Рави в своем письме разъяснил некоторые ключевые моменты его разговора с Пападжи:

Я знаю Пунджаджи с июня 1966 года. У меня было много моментов, когда в его присутствии я испытывал состояния экстаза, но тот случай, который я считаю поворотным моментом в моей жизни, произошел во время неофициального сатсанга. В ответ на чей-то вопрос Шри Пунджаджи упомянул, что концепции связанности и освобождения в равной степени ошибочны.

«Несмотря на то что никто не является связанным или свободным, — сказал он, — лучше придерживаться

утверждения "я свободен", "я освободился", так как мысль о связанности приводит к страданию и делает человека несчастным. Если уж притворяться, что ешь что-то, то почему бы не представить, что это что-то вкусное, как миндаль, вместо того чтобы притворяться, что ешь лошадиный помет? Не думай, что ты нищий, которому нужна помощь, а живи с убеждением, что ты король королей!»

Несмотря на то что данные комментарии были направлены не в мой адрес, они тут же нашли отражение во мне. Они привели в движение процесс трансформации, который полностью изменил мой взгляд на вещи и на окружающий меня мир. Данный процесс все еще продолжается. В те дни я был угрюмым пессимистом. Слова Пунджаджи стали лучом света, осветившим мою жизнь и мой мир, полностью поменяв образ моих мыслей, мое видение себя и окружающие меня вещи.

Среди тех многих, кто тянулся к Пападжи в ранние годы его пребывания в Лонде, была семья Прабху. В то время они жили в Анколе, соседнем городишке. Перед тем как рассказать о личных переживаниях и опыте в присутствии Пападжи и о поездках с ним, Винаяк Прабху описывает, как состоялось их знакомство.

Перед тем как Пунджаджи вошел в нашу жизнь, мы пребывали в состоянии замешательства. Мы чувствовали потребность в духовном наставлении, поскольку нас действительно интересовала религиозная жизнь, но ни одна наша попытка не приносила удовлетворения. Мы побывали у многих *садху* и *свами*, но советы, которые они нам давали, лишь усиливали ощущение замешательства. Они говорили выполнять различные религиозные ритуалы, повторять мантры и совершать паломничества. Все их предписания мы тщательно исполняли, но это не приносило никакого изменения в нашу

жизнь. Эффект был непродолжительным и не приносил удовлетворения. Полагаю, мы понимали, что эти упражнения были бесполезны, и именно это усугубляло наше состояние неудовлетворенности.

Мы были хорошо подкованы в духовном плане и внимательно изучали жизнеописание и работы множества святых. Мы все пришли к заключению, что нам не хватает только руководства реализованного учителя, но до сих пор ни один из встретившихся нам святых не мог удовлетворить данной потребности. Некоторые из нас даже начали отчаиваться, потому что мы постепенно приходили к заключению, что в мире не осталось больше ни одного просветленного. Я помню свои мысли, что такие великие учителя прошлого, как Ширди Саи Баба, Рамакришна Парамхамса и Рамана Махарши, ушли из этой жизни, не оставив после себя никого, кто мог бы продолжать их работу.

Только моя мать не падала духом, поскольку глубоко верила, что мы обязательно встретим такого великого человека. Ее отец в последние минуты своей жизни сказал ей, что в мире есть *джняни*, которые выглядят как обычные мужчины и женщины, они безмолвно передают свое послание через сатсанги с небольшими группами преданных. Ее отец перешел в мир иной даже не получив *даршан* от такого человека, но моя мать безоговорочно верила в истинность его слов.

«Просто ждите и увидите, — говорила она. — Я знаю, что наступит тот благословенный день, когда к нам придет реализованный человек, такой, как Рама Тиртха».

Моя мать очень любила Рама Тиртху. Она даже выбрала его как тему своей дипломной работы, когда училась в колледже.

Где-то в 1965 году мой отец устроился по контракту на производство железнодорожных шпал из срубленного поблизости Лонды леса. Именно там он впервые познакомился с Пунджаджи. По возвращении в Анколу,

где проживала наша семья, он с воодушевлением рассказал о новом учителе. Невзирая на все предыдущие разочарования, связанные с другими свами и *садху*, мы все загорелись желанием познакомиться с тем человеком, который произвел такое сильное впечатление на нашего отца. Отец рассказал нам, что Пунджаджи активно разъезжает по Северной Карнатаке и часто посещает своих преданных, проводя с ними несколько дней. Мы все поддержали его намерение пригласить Пунджаджи к нам домой погостить некоторое время.

Через несколько недель мой отец стал регулярно приезжать к Пунджаджи. Ему несложно было приезжать в Рам Мандир, поскольку он работал поблизости от этого места. И каждый раз, когда он приходил домой, мы оживленно интересовались, пригласил ли он Пунджаджи, но каждый раз он признавался, что был слишком смущен, чтобы приблизиться к нему с такой просьбой. Наконец-то Пунджаджи получил приглашение к нам в дом необычным образом. У него было видение, что моя мать, стоя перед нашим домом, жестом приглашала его войти.

Она обратилась к нему со следующими словами: «Прошу вас, благословите наш дом своим присутствием. Мы все жаждем получить ваш *даршан*».

В этом видении моя мать сказала, что она жена Рамачандры Прабху, моего отца. Таким образом, когда отец в следующий раз пришел в Рам Мандир, Пунджаджи рассказал ему об этом видении. Он описал, как выглядит снаружи наш дом в мельчайших подробностях, и все им сказанное соответствовало действительности.

Мой отец тут же пригласил его погостить у нас несколько дней. В те дни я и мой брат Радж ходили в колледж в Хубли, близлежащем городке. Отец написал нам о произошедшем событии, тем самым поощрив нас приехать домой в тот же день, когда Пунджаджи должен был прийти к нам в дом.

В назначенный день отец привел Пунджаджи к нам в гости. Мы все совершили перед ним простиание в знак величайшего почтения. Хотя мы никогда раньше и не встречались с ним, мы почувствовали явную связь с ним. Когда церемония знакомства подошла к концу, он улыбнулся благосклонно и умиротворенно. В этот момент каждый из нас понял: мы нашли учителя, которого так долго искали. Это было удивительное коллективное самоотдавание, когда мы все без тени сомнения отдали себя этому человеку в первый же момент, увидев его улыбку, и даже предыдущее разочарование с другими свами не могло помешать этому. Много лет прошло с тех пор, как он вошел в нашу жизнь, но мы все — моя сестра Судха, мой брат Радж, родители и я, — присутствующие при этом событии, остались его верными преданными.

Я не претендую на исключительность данного события. В последующие годы нашего общения с Пунджаджи я видел, как многие люди принимали его в качестве своего учителя после нескольких секунд знакомства с ним. Бывает достаточно одного взгляда Пунджаджи, чтобы даже самые циничные и скептические ищущие поняли: их долгий поиск гуру окончен.

Каждый раз когда мы встречались с Пунджаджи, мы вели многочисленные дебаты относительно духовных вопросов. Каждый из нас придерживался своей точки зрения, и каждый считал себя правым, а точки зрения остальных — ошибочными. А Пунджаджи убедительно, но в мягкой форме показывал нам, что мы все ошибались и наши соображения и теории были мертвы и представляли собой лишь обрывки мертвых концепций. Один за другим мы сдавали свои позиции, которые так долго лелеяли, и практики, веря ему заботу о наших жизнях.

До встречи с Пунджаджи я был сторонником карма йоги и отстаивал ее действенность в бесконечных спорах

на духовные темы, которые велись в нашем доме. Я принял эту позицию, так как на меня оказал большое влияние учитель Наяк, ветеран борьбы за освобождение, живший в Анколе. Всю свою жизнь он посвятил служению обездоленным и угнетенным в нашем регионе, и его называли Ганди Северной Карнатаки. Мне он казался смиренным человеком, свободным от эго. Однако моя мать никогда не придерживалась такой же точки зрения.

Она, бывало, говорила: «Никогда нельзя сказать наверняка, освободился ли человек от эго, просто наблюдая за его поступками или слушая его речи».

В первую же нашу встречу с Пунджаджи я поднял этот вопрос, и был удивлен, когда он принял сторону моей матери.

«В каждом человеке заложено эго, и его проявление бывает довольно неуловимым, — ответил он. — И поведение не является достоверным показателем просветленности или свободы от эго».

Я принял его слова, никоим образом не подвергнув их сомнению. Это было одним из любопытных и значимых показателей, что мы впустили Пунджаджи в свою жизнь. Мы бесконечно могли спорить на духовные темы между собой, но если мы выносили вопрос на его суждение, одного его слова или предложения было достаточно, чтобы положить конец всем нашим сомнениям и разбить все наши убеждения, которые мы с таким пылом отстаивали на протяжении многих лет. Мы не просто сдавали свои позиции, а без всяких колебаний и вопросов принимали всё им сказанное.

Как-то я привел учителя Наяка на встречу с Пунджаджи, так как хотел, чтобы они наконец-то познакомились. Учитель Наяк тут же признал величие Пунджаджи и тоже стал его преданным.

До встречи с Пунджаджи у нас был свой семейный гуру. По заведенной традиции, у нашей касты были свои

гуру, и при рождении мы автоматически становились их преданными. После того как мы приняли Пунджаджи своим учителем, мы вместе с ним пошли к нашему семейному гуру. Пунджаджи нас очень удивил, когда снял с себя рубашку и распростерся перед свами. Он даже коснулся его ног, когда лежал на полу. Пунджаджи не был высокого мнения об этом человеке, поэтому проявленное им уважение к этому свами удивило нас. Свами дал ему кокос, который Пунджаджи принял как *прасад*. По дороге домой он объяснил, почему так себя вел.

«Я выступаю как домохозяин. Этот же человек *сан-ньясин*. Это будет правильно, если я окажу ему уважение, коснувшись его стоп. Такова традиция в этой стране. Я не выражаю уважение его внутреннему состоянию, а проявляю уважение, поскольку он свами. В действительности же я вижу, что он очень тамастичный человек. В нем нет ни *саттвы*, ни *раджаса*».

В последующие годы я видел, как он таким же образом обращается и с другими свами. Он обычно выражал внешнее уважение к тем, кто носит одеяния оранжевого цвета, особенно если они главы ашрамов или матхов. От других я слышал, что Пунджаджи состоит в хороших отношениях со всеми главами ашрамов в Ришикеше и Харидваре. В знак благодарности и дружбы они от случая к случаю направляют к нему преданных. То же самое происходит и в других местах. После того как Пунджаджи побывал в Чикмагалуре, у Шанкарачарьи Шринджери Матха сложилось очень хорошее мнение о Пунджаджи. И когда люди обращаются к Шанкарачарье в поисках свободы, он осмотрительно направляет их к Пунджаджи, так как знает, что он дока в этом вопросе. Я был знаком с четырьмя такими преданными, которых Шанкарачарья направил к Пунджаджи. Такие известные свами, как Шанкарачарья, не могут открыто выражать свое уважение к Пунджаджи, при этом не теряя

авторитета в глазах своих преданных, но в глубине души они очень высоко ценят его.

По мере того как мы больше узнавали Пунджаджи, он стал давать советы членам моей семьи в разных аспектах жизни. Он начал помогать в управлении домашним хозяйством, научил множеству практических вещей, которых мы не знали раньше. Мать и сестра учились у него кулинарному искусству. С моим отцом он обсуждал ведение дел в лесу, а когда разговаривал со мной или моим братом, то давал советы, как оставаться здоровым, и обсуждал с нами последние спортивные новости, опубликованные в газете. Казалось, он обладал неограниченным запасом знаний по всем вопросам, влияющим на нашу жизнь. Своим примером он учил, как брать от жизни самое лучшее — как в духовном аспекте, так и в материальном. Когда он не давал советы, он потчевал нас историями о своем прошлом или поездках по Индии. Создавалось впечатление, что он побывал в каждом уголке страны и, по-видимому, обладал практическими знаниями по языкам, на которых общаются в Индии. Перед тем как он впервые пришел к нам в дом, мы полагали, что будем разговаривать с ним на хинди, поскольку знали, что он был родом из Пенджаба. И каково было наше удивление, когда, вместо этого, он заговорил с нами на правильном каннадском языке.

При каждом его визите мы хотели оказывать ему особые почести, но он предпочитал, чтобы мы относились к нему просто как к такому же члену нашей семьи. Например, как-то рано утром он захотел принять ванну, но обнаружил, что она занята. Тогда он вышел на улицу, снял с себя одежду и вышел под дождь. Тогда стоял сезон дождей, и потоки с неба были такими же сильными, как и струя воды в ванной. Мы все чувствовали себя виноватыми из-за того, что причинили ему неудобство, но когда обратились к Пунджаджи с тем, что стоит ему только сказать и мы всегда пропустим его вперед, он

только рассмеялся и ответил, что любит стоять под дождем. С того дня мы оставляли полотенце и мыло на веранде, на случай если он вдруг захочет насладиться небесным душем.

Пунджаджи обладал необыкновенным воздействием, вследствие которого люди оставляли свои ошибочные религиозные убеждения. Большинство очень привязаны к своим идеям о Боге, *садхане* и просветлении. Обычно такие люди с пеной у рта отстаивают свои взгляды, если кто-то осмелится не согласиться с ними. В Лонде многие приходили к Пунджаджи только чтобы отстоять свои взгляды. Возможно, они надеялись, что им удастся склонить его к их сектантской точке зрения. В большинстве таких случаев Пунджаджи вводил этих спорщиков в состояние безмолвия, в котором они непосредственно осознавали никчемность всех верований. Некоторые из тех, кто пришел бросить ему вызов, впоследствии становились его лучшими преданными. Пунджаджи был настолько в этом силен, что мой отец и доктор Бакр частенько выходили на базар и находили там желающих посетить сатсанги Пунджаджи. Они обращались к людям, говоря, что Пунджаджи настолько велик, что каждый должен воспользоваться случаем и посетить его сатсанг. Спустя тридцать лет некоторые из тех, кого таким образом звали на сатсанг, продолжают оставаться его преданными.

В 1960-е годы у Пунджаджи была настолько хорошая репутация человека, который может убеждать состоянием безмолвия, что сам управляющий Шри Раманашрамом направлял к нему ищущих, которых не удовлетворяли беседы с представителями ашрама. В ответ на это Пунджаджи время от времени направлял в Раманашрам тех, кто доставлял ему в Лонде слишком много хлопот.

«Отправляйтесь в Раманашрам и соблюдайте тишину в течение нескольких недель, — говорил он. — Затем возвращайтесь ко мне, и мы продолжим наш разговор».

Пунджаджи удивлял многих посетителей тем, что отказывался предписывать какие-либо *садханы*. В Индии людям, приходившим к свами за советом или помощью, всегда предписывали медитировать или выполнять некоторые практики. А Пунджаджи, напротив, рекомендовал отказаться от всех практик. Именно это им было очень трудно принять, поскольку практически все полагают, что для духовного продвижения необходимо медитировать. Например, когда я впервые познакомился с Пунджаджи, то старался достичь состояния *самадхи* путем концентрации на священном слове «Ом», который я написал на стене. Я полагал, что у меня все получится, если я буду долго и усердно стараться. Пунджаджи же показал всю тщетность такой практики и, вместо этого, направил меня заняться самоисследованием. Это единственная практика, которую он рекомендовал выполнять. Но даже тогда он не хотел, чтобы она воспринималась как форма медитации.

«Сделайте это один раз, но должным образом, — обычно говорил он. — И ваш духовный поиск завершится раз и навсегда».

На протяжении тридцати лет я наблюдал, как он учит людей. И за все это время основа его послания оставалась неизменной — оставить концентрацию на объекты и найти источник появления мыслей.

В Лонде сатсанги не были регламентированными. Время их проведения не было установлено, а их проведение отличалось спонтанностью. Иногда Пунджаджи рассказывал о каких-нибудь событиях или истории, которые имели непосредственное отношение к его собственному опыту. Если у кого-то возникали вопросы, он отвечал на них, но в основном преданным нравилось молча сидеть в его присутствии. Однажды, когда мы пришли на его сатсанг, он вслух читал *дохи* (стихи) Кабира и комментировал их. Каждый день мы выбирали одно или два ключевых стиха и вели беседу по ним на

Слева направо: Винайк Прабху, Энрике Агвилар и Пападжи, купающиеся в реке Кали, неподалеку от Лонды (конец 1960-х годов).

хинди. Большинство сатсангов в Лонде проводились на хинди, поскольку некоторые жители не знали английский или каннадский. Такие беседы о Кабире были для меня откровением. Мы должны были изучать Кабира в школе как часть курса хинди, но наш преподаватель просто давал нам литературный перевод его стихов. Он не пытался донести суть учения. Когда же Пунджаджи прорабатывал с нами тот же материал, мы могли увидеть и прочувствовать, как один *джняни* раскрывает перед нами ум и сердце другого *джняни*. Его объяснения служили прекрасным образцом слияния *бхакти* и *джняны*. Они подкреплялись приведением примеров из жизни Кабира и чтением строк из его поэм. Воодушевленные беседы на эту тему обычно начинались после ланча и продолжались вплоть до захода солнца и даже еще позже. Некоторое из того, что говорил Пунджаджи,

было настолько проникновенно, что я ловил себя на том, что плачу уже несколько минут. Так много прекрасных бесед потеряно для потомков, потому что никто не позаботился о том, чтобы записать их на бумагу или на пленку.

Как-то стихи растрогали Пападжи до слез, и он не мог продолжать беседу. Не могу вспомнить, какие именно строки комментировал Пападжи, но в них Кабир говорил следующее: «Я начинаю повторять имя Рама, а затем сам Рама начинает повторять "Кабир!", "Кабир!"». В самом разгаре объяснения Пунджаджи вошел в такое состояние экстаза, что не смог продолжать беседу. Его голос оборвался, а из глаз потекли слезы. В Рам Мандире он был хорошо известен своей *джняной*, но в этот день я прочувствовал, каким великим *бхактой* он был. Около получаса он сидел молча, и слезы текли по его щекам.

Потом он посмотрел на нас и сказал: «Пойдемте гулять. Нам всем надо немного прогуляться».

Чтобы вернуться в обычное состояние, ему потребовалось несколько часов. Думаю, что полностью он вернулся к нормальному состоянию лишь на следующий день.

У этих сатсангов по Кабиру был один побочный эффект. В своих стихах Кабир постоянно говорит о необходимости гуру и подобающем служении ему. Я задал Пунджаджи вопрос относительно правомерности данных высказываний и получил утвердительный ответ.

«Ты должен служить своему гуру верой и правдой двенадцать лет, — сказал он. — Такова традиция этой страны. Если ты не желаешь служить своему учителю, какое право ты имеешь ждать от него чего-либо? Выполняя для него некую работу, ты тем самым проявляешь свою готовность и желание принять его учение».

В это время строительство Рам Мандира еще не началось. Мы предложили свои услуги и были приняты.

Наша работа заключалась в том, чтобы возить на тачках землю в сад. Рам Мандир строился на откосе, и нас попросили вручную выравнивать землю. Такая тяжелая ручная работа была для нас непривычной, но мы с рвением взялись за нее, чтобы оказать услугу своему учителю. Мой брат Радж никогда не отличался хорошим здоровьем. У него было слабое сердце, что стало следствием пережитого в детстве приступа ревматизма. Доктор Бакр попытался разъяснить Пунджаджи, что данный вид работы может нанести вред здоровью такому ослабленному организму, как у Раджа, но Пунджаджи не согласился с ним.

«Этому юноше нужно упражняться, — сказал он. — Он слаб из-за того, что ты не позволяешь ему выполнять никакую тяжелую работу. Пусть повозит землю несколько недель. Это укрепит его тело, сделает его здоровым и сильным».

Пунджаджи полагал, что нам обоим будут полезны нагрузки, так как считал нас типичными ленивыми подростками. Никто из нас не занимался спортом, не выполнял никаких физических упражнений, и Пунджаджи решил заняться как нашим физическим воспитанием, так и духовным. Безусловно, наша сила возросла, а здоровье улучшилось в последующие недели.

Перед тем как я познакомился с Пунджаджи, я обычно посещал беседы хорошо известных учителей. В то время свами Чинмаянанда и ачарья Раджниш вели беседы по *Бхагават Гите* и другим известным писаниям. Для меня была привычна традиционная форма ведения таких бесед, когда приводимые из писаний цитаты комментировались или по ним давали объяснения со ссылкой на сходные идеи и отрывки из других источников. Если же они хотели выразить свое мнение, то обязательно подкрепляли его сходными утверждениями других людей или отрывками, взятыми из книг. Беседы же Пунджаджи были в корне отличны от бесед других

учителей. Несмотря на то что начало было традиционным, где он цитировал отрывки из стихов и объяснял их значение, Пунджаджи никогда не ссылался на авторитеты, а опирался исключительно на собственный прямой опыт Я.

Он мог сказать: «У меня было такое переживание» или «Я не испытал данного переживания», но никогда не говорил, например, следующее: «Должно быть, это истинно, поскольку сам Шанкара тоже говорил об этом».

В этом правиле было одно исключение. Пунджаджи помимо своего собственного опыта ссылался лишь на одного человека — своего учителя. Он часто цитировал его книги, и если он говорил: «Мой учитель сказал это», — это означало, что он принимает его слова как окончательное суждение по поводу любых обсуждаемых вопросов.

Однажды он объяснял нам взгляды одной секты, представители которой фактически возвели Кабира в ранг Бога. Данная группа считала, что есть семь уровней просветления. В соответствии с их философией, Кабир единственный человек, дошедший до наивысшего, или седьмого, уровня. Другие же великие святые, такие, как Рамакришна Парамахамса и Рамана Махарши, по их мнению, принадлежали к более низким ступеням в данной иерархии.

Как-то Пунджаджи подытожил все их идеи и сказал следующее: «Уровней просветления не существует. Переживание просветления едино для всех».

Его объяснения были простыми и ясными. Он никогда не делал факт просветления чем-то сложным и загадочным. Полагаю, даже десятилетний мальчуган смог бы понять многое из того, что он хотел донести до нас.

Это было удивительное ощущение — слушать, как он разбирает Кабира строчку за строчкой. В ходе беседы Пунджаджи открывал нам свои внутренние переживания

и размышлял, пытался ли Кабир выразить такие же чувства или нет. В те дни, полагаю, Пунджаджи искал кого-то, подобного ему и с кем он мог бы поделиться мыслями относительно просветления. И из-за того что такого человека не находилось, он посредством этих стихов общался с самим Кабиром. Иногда у меня создавалось впечатление, что мы становились случайными свидетелями интимного разговора этих двух великих учителей.

Я уже упоминал, что Пунджаджи никогда не подтверждал свои слова цитатами из писаний. В самом начале периода пребывания в Лонде он не мог приводить цитаты из писания, если даже и хотел, потому что большую часть он просто не читал. В Рам Мандире было много духовных книг, и у нас в доме, в Анколе, тоже была хорошая коллекция книг. Пунджаджи начал читать эти книги только потому, что многие посетители его сатсангов оперировали цитатами, взятыми из этих писаний. Он приходил к нам в дом, когда мы выполняли свои школьные задания, шел в библиотеку, брал какую-нибудь книгу и начинал читать. Он начал с *«Аштавакры Гиты»*, а затем дошел до *«Йога-Васишты»*. Позже он занялся изучением текстов Адвайты, которые издавались в Раманашраме: *«Трипура Рахасья»*, *«Адвайта Бодха Дипика»* и *«Кайвалья Наванита»*. В данных книгах он с удивлением обнаруживал моменты, подтверждающие его собственный опыт.

Иногда он в волнении обращался к нам: «Послушайте, что этот человек пишет! Именно это и происходит со мной!»

Затем он читал стих или отрывок, который привлек его внимание.

Однажды я поинтересовался у него, почему он раньше не потрудился прочитать эти книги. На что он ответил: «Я слышал все эти названия, но у меня никак не хватало времени прочесть сами книги. Последние

четырнадцать лет я работал на приисках. И в этих лагерях всегда возникали проблемы, которые требовали моего внимания даже ночью. У меня появилось время ознакомиться со всеми этими книгами только после увольнения».

Во время своих визитов в Рам Мандир мы часто заставляли Пунджаджи погруженным в чтение книг, принадлежащих доктору Нараяну Бакру. Сам доктор был тоже большим любителем книг. В те дни, делая обход пациентов, ему приходилось совершать длительные прогулки в соседние деревни. Иногда он проходил от восьми до десяти километров, чтобы навестить всего лишь одного пациента. В пути он убивал время тем, что читал отрывки либо из «Гиты», либо из «Джнянешвари», написанную Джнянешваром.

Увидев, насколько Пунджаджи нравятся эти книги, мы начали покупать для него все новые и новые. Многие ашрамы Индии выпускали дешевые издания классических текстов. Мы посылали за данными книгами и пополняли ими коллекцию в «Рам Мандире». Прочитанные им новые книги служили поводом для его рассказов о своих переживаниях. Он прорабатывал все, что только мы ему давали, разъяснял трудные места, а затем говорил, какие моменты совпадали с его собственным опытом. Он никогда не советовал нам самостоятельно заниматься изучением этих книг.

«Книги не приведут вас к пробуждению», — говорил он.

Однако ему нравилось читать о том, что в этих книгах прошлого говорилось о просветлении. Когда посетители просили его порекомендовать им какую-либо книгу для чтения, он предлагал «Трипуру Рахасью» или одну из книг о Рамане Махарши. Он говорил нам, что нет нужды в чтении религиозных книг, но в то же время предлагал изучать «В лесах божественного осознания», написанную его дядей, Рамой Тиртхой. Сам же он

прочел эту книгу в подростковом возрасте. Когда же мы сказали ему, что наша мама читала нам ее в детстве, его лицо озарилось улыбкой. В этом месте я должен упомянуть, что в нашем доме, в мои детские годы, не было никаких романов или комиксов. Все книги носили духовный характер. Мать обычно читала нам жизнеописание известных святых, а также поощряла нас самих читать эти книги в свободное время. Оглядываясь назад, могу сказать, что это было замечательным моментом в нашем воспитании. Ее набожность и сыграла основную роль в формировании наших личностей.

Не могу не упомянуть о произошедшем преображении матери благодаря Пунджаджи. Обычно она была очень разговорчивой, но как только приходил Пунджаджи, она погружалась в великое молчание. В его присутствии она молча сидела, и в глазах ее стояли слезы. Как только Пунджаджи вошел в нашу жизнь, она стала поощрять нас проводить с ним как можно больше времени. Впервые мы с ним познакомились, когда еще ходили в колледж в близлежащий город. Там мы и жили, а домой приходили только на выходные и праздники. В наши первые летние каникулы после знакомства с Пунджаджи мы приехали домой и полагали, что проведем их дома, но у нашей матери были другие соображения на этот счет.

«Как можете вы думать о том, чтобы оставаться здесь? — спросила она. — Езжайте в Лонду и проводите время с Пунджаджи. Теперь, когда учеба закончилась, вам открылась прекрасная возможность находиться в его присутствии. Немедленно отправляйтесь в Лонду и оставайтесь там как можно дольше. Скажите ему, что, если он хочет приехать к нам, мы всегда ему рады, но только по возможности находитеcь с ним как можно дольше».

Мы приехали в Лонду и передали Пунджаджи слова нашей матери. Он был польщен ее вниманием.

«Нечасто встретишь такую мать, которая бы отправила своих детей на учебу к учителю во время школьных каникул! — воскликнул он. — Едва ли ей представится еще такая замечательная возможность столько времени побыть с вами, но она на все каникулы отпускает вас ко мне, вместо того чтобы держать около себя дома. Я впервые встречаю такую женщину, как ваша мать. Еще никто из встречавшихся мне женщин не поступал подобным образом».

Благодаря такому отношению нашей матери мы все долгие каникулы провели в компании Пунджаджи, в Лонде.

В те дни люди, приезжавшие к Пунджаджи, добирались до Лонды поездом, поскольку мало у кого были машины, а с автобусами были проблемы. Так что вокзал в Лонде стал своего рода благословенными воротами для всех преданных, приезжающих за *даршаном* Пунджаджи. На вокзале также работали преданные, и всем приезжающим оказывался радушный прием. К числу преданных относились станционный смотритель, работники столовой и некоторые другие служащие. Рам Мандир находился всего в нескольких минутах ходьбы от станции. Когда Пунджаджи совершал с нами прогулки, мы частенько делали остановки на железнодорожной станции и проводили сатсанг с нашими друзьями. В те дни Лонда был маленьким городком, где жизнь текла очень размеренно. В действительности более точно было бы назвать Лонду большой деревней. Поезда редко останавливались здесь, и работники станции спокойно могли отдохнуть и посидеть с нами.

Когда же Пунджаджи сам отправлялся путешествовать, станция вдруг оживала, как в праздничные дни. Проводить Пунджаджи приходило очень много народа, и на платформе устраивалось большое прощальное торжество. Камлани, служащий в привокзальной столовой, которого мы также называли Индру Бабой, готовил

много блюд для тех, кто приходил проводить Пунджаджи в путь, и тех, кому посчастливилось сопровождать его в поездке. Камлани никогда не брал деньги за еду на таких прощальных вечеринках.

Стиль путешествия Пунджаджи всегда был особым. Он мог ехать поездом вторым классом, но сама поездка через Северную Карнатаку носила настолько величественный характер, что походила на королевское турне махараджи по своей империи. Сначала он подметал и вычищал свое временное место пребывания настолько это было возможно. Затем на пол расстилали коврики, а на полки стелили простыни. Когда все было приведено в порядок, он позволял нам войти, и сатсанг начинался. За несколько дней до начала своего путешествия он отсылал письма всем преданным, жившим в городах, где поезд должен был делать остановки, тем самым информируя их, на каком поезде он прибудет в их город. На каждой станции его встречала новая группа людей. Они могли войти в поезд и побеседовать с Пунджаджи в течение всего нескольких минут, пока поезд стоял на станции. Каждый поезд, в котором он ехал, становился «передвижным» Рам Мандиром, до тех пор пока он был в нем пассажиром. Такое «шоу» всегда привлекало толпы любопытных зрителей, но Пунджаджи полностью их игнорировал. Своего рода царственное пренебрежение сквозило в его отношении ко всем пассажирам и железнодорожным служащим, которые не входили в его группу сопровождающих.

Иногда люди, севшие на поезд исключительно чтобы пообщаться с Пунджаджи, проезжали с ним целую станцию. Существовало негласное правило, по которому преданные, если хотели, могли сопровождать его одну остановку от города, в котором они сели на поезд. На следующей остановке им приходилось сходить с поезда, чтобы освободить место для других желающих увидеть Пунджаджи. Кондуктора тоже входили в число его

преданных, поэтому любое количество людей, сопровождающих его, могли беспрепятственно ехать в поезде, даже если у них не было билетов. Обычно в течение всего путешествия у Пунджаджи было двое сопровождающих. Иногда он ехал из Бомбея вместе с Шри Дежаем. В другие разы этой привилегией пользовались мой брат или я.

Тогда поезда ездил очень медленно, и зачастую несколько часов уходило на то, чтобы проделать короткие расстояния. Пунджаджи учил наслаждаться такими поездками и брать от них все самое хорошее. Для него поездки на поезде не были временным неудобством, которое вызывает чувство досады. Для него это всегда было возможностью получить удовольствие. У него мы учились, как создать себе рай среди грязи, шума и хаоса железнодорожной системы.

«Вы не знаете, как надо путешествовать, — однажды сказал он. — Вы сидите на своих местах в очень неудобном положении — согнувшись крючком — и, ощущая себя несчастными, ждете, когда же поезд приедет до места назначения. Путешествие — сама жизнь! Так наслаждайтесь ею в полной мере!»

Ему нравилась железная дорога, и казалось, он знал каждую станцию в стране. Если кто-либо рассказывал ему о своих планах передвижения, он обязательно рассматривал их маршрут и давал подробные инструкции, где можно поесть во время поездки.

Он обычно говорил следующее: «На той или другой станции кофе не очень хороший. Лучше взять кофе на следующей станции» или «На этой остановке поезд простоит двадцать минут. И пока вы ждете, вы можете сходить в столовую и взять великолепный омлет. Передайте привет тому-то и тому-то, если увидите его».

Казалось, в его голове хранилась персональная энциклопедия железнодорожной системы, и он не переставал удивлять нас множеством своих контактов и знанием мест, где можно разместиться или поесть по дороге.

Впервые познакомившись с ним, мне казалось, что Пунджаджи живет и путешествует практически не имея с собой денег. Обычно я сам укладывал его сумки и следил за одеждой и, следовательно, могу с уверенностью сказать, что у него не было денег, за исключением нескольких рупий на чай или еще что-нибудь, которые лежали в кармане его рубахи. Билет на поезд оплачивали его преданные, приглашающие его приехать в тот или иной город. По его прибытии все заботы о его проживании и пропитании они брали на себя, до тех пор пока он не отправлялся к новой группе преданных, желающих его видеть. Меня восхищала его уверенность, с какой он разъезжал по всей стране, совершенно не имея при себе денег. Иногда он уединялся на несколько месяцев в Гималаях. Что касается денежного вопроса, не имею ни малейшего понятия, как ему удавалось совершать такие поездки.

Как-то мой дедушка, который не относился к числу преданных Пунджаджи, спросил его: «Что за прок в самореализации?»

Мы почувствовали себя немного неловко, когда он задал этот вопрос, потому что посчитали его проявлением неуважения по отношению к Пунджаджи.

Пунджаджи только засмеялся и ответил: «Куда бы я ни поехал, люди покупают мне еду и билеты на поезд. Я постоянно нахожусь в разъездах. Мои преданные, вероятно, тратят около двух *лакх* рупий ежегодно, чтобы содержать меня. Своего собственного источника дохода у меня нет, но куда бы я ни приехал, они осыпают меня деньгами, билетами и всевозможными дарами. Разве из этого не следует, что из просветления можно извлечь пользу?»

Моему деду, который был откровенным материалистом, пришлось согласиться с ним. Мой дед гордился своим финансовым положением, которого он достиг, но несмотря на это, его доход был намного меньше, чем та сумма, которую преданные тратили на Пунджаджи. Он

так и не стал преданным Пунджаджи, но то, что Пунджаджи делал и чего достиг, вызывало в нем истинное восхищение.

В то время когда мы с братом ходили в колледж в Хубли, по крайней мере один раз в неделю Пунджаджи садился на поезд и приезжал к нам. Обычно он приезжал на выходные и ночевал в местном отеле, потому что нам негде было его разместить. Помню, что обычно мы платили 8 рупий за ночь в гостинице «Удипи Шри Кришна Бхаван», недалеко от железнодорожной станции. Он приезжал в Хубли не только для того, чтобы навестить нас. В этом городе проживало еще четыре или пять семей, которые также были его преданными. Дневные часы он проводил с ними, а вечером приходил к нам. Если же Пунджаджи приезжал к нам на неделе, он не позволял нам пропускать занятия в колледже, ради того чтобы побыть с ним. Зато он всегда разрешал нам возвращаться с ним вместе на поезде в Лонду. Мы ехали обратно только, чтобы составить ему компанию на обратном пути.

По какой-то причине ему нравилось стирать белье в Хубли.

Он обычно шутил с нами, говоря: «В Лонде так влажно, что мне просто необходимо приезжать сюда каждую неделю, чтобы высушивать свое белье».

Когда бы мы ни пришли к нему в отель, в его комнате была растянута веревка, и на ней всегда сушилось выстиранное белье.

В те дни он постоянно был в разъездах. В редких случаях он проводил в одном месте больше нескольких дней, так как всегда были те, кто хотели видеть его в других частях Индии. Каждый раз по возвращении в Рам Мандир он вскрывал свою почту и находил приглашения во все части страны. Он никогда не знал, какие приглашения примет, а какие нет.

Иногда он планировал поездку за несколько дней, но затем в последнюю минуту отменял ее, при этом не

давая никаких объяснений. В других случаях он и вовсе ничего не планировал. Он, бывало, выйдет из дома, сказав, что уезжает, и отсутствует несколько дней.

Помню один наш такой визит в Лонду. Когда мы уезжали, Пунджаджи сказал, что поедет с нами на станцию.

На платформе один из нас сказал в шутку: «А что, Пунджаджи, поедете с нами?!» «Хорошая мысль», — был его ответ.

Мы купили ему билет, не зная наверняка, серьезно ли он говорит или поддерживает шутливый тон. Поезд подошел на станцию, мы все сели и приехали в Хубли, где он провел с нами несколько дней.

Пападжи рассказывает одну любопытную историю, связанную с его поездками по железной дороге. Она произошла именно в этот период.

Однажды, когда я еще проводил работы в лесу, я отправился в Бангалор взять деньги из банка для выплаты зарплаты рабочим. Затем купил билет до Лонды на экспресс «Бангалор — Пуна». Приехав на станцию «Лонда», я сразу же направился в Рам Мандир, который находится в одной миле от железнодорожной станции. Там меня ждал доктор Дататрея с пачкой писем, предназначавшихся для меня. Просматривая почту, я заметил открытку от свами Абхишиктананды, в которой говорилось о его приезде в тот же самый день на экспрессе «Пуна». Тут я понял, что, должно быть, мы ехали с ним в одном поезде.

Я обратился к доктору с такими словами: «Нужно вернуться на станцию. Свами Абхишиктананда прервал свое путешествие, чтобы встретиться здесь со мной». Доктор полагал, что он ехал в другом поезде: «Станция очень маленькая. Если бы он сошел с того же поезда, вы бы обязательно встретились. На этой станции выходит достаточно мало людей. Нет смысла возвращаться назад на станцию».

Я настоял на том, чтобы все-таки вернуться и удостовериться, не остался ли он там. По прибытии туда мы увидели свами Абхишиктананду. Отправка поезда должна была произойти еще полчаса назад, но он по какой-то причине продолжал стоять на станции.

Мы не встретились с ним на станции, и свами решил, что меня нет в Лонде. Он тут же купил другой билет из Лонды в Пуну и снова сел на поезд. Ему удалось уговорить кондуктора занять то же самое место, что и до этого. Однако поезд никак не трогался с места, и он вышел на платформу размять ноги.

Когда свами Абхишиктананда увидел нас, то взял свои сумки из купе и пошел к нам на встречу. В это время поезд тронулся.

Мы обменялись обычными приветствиями, и я рассказал ему, что ехал в том же поезде, что и он, и что прочел его открытку лишь в Рам Мандире. Первым делом мы пошли в кассу вернуть билет. Затем он рассказал мне, что произошло с поездом.

«На этой станции поезд должен стоять десять минут. Когда же поезд приехал сюда, я спал, поэтому-то вы меня и не увидели на платформе. Меня разбудил знакомый, который знал, что я должен сойти здесь.

По прошествии десяти минут был дан гудок, станционный работник взмахнул флажком, но ничего не произошло. Поезд не тронулся с места. Он как будто застрял здесь и стоял практически час. Никто не мог привести его в движение. Тут я увидел, как вы идете по платформе. Тогда я вернулся в свое купе забрать сумки. И что же вы думаете? Как только я снял свой багаж с поезда, поезд тут же тронулся с места.

Теперь-то я знаю, почему поезда так часто вдут с опозданием в Индии. Никто даже и не подозревает, что есть высшая сила, которая может останавливать поезда, даже если его двигатель исправен!»

Мы некоторое время пожили в Лонде, а затем вместе отправились в Гоа. Уже после этого он один поехал в Пуну.

Где-то в начале 1990-х во время проведения одного сатсанга в Лакнау Пападжи как-то заметил: «Я обладал сиддхами (сверхъестественными силами), но отказался от них. Я не захотел больше иметь такие силы».

Когда же один из преданных поинтересовался, в чем они заключались, Пападжи рассказал эту историю с поездом, который долго не мог тронуться со станции в Лонде. Он признал: каким-то образом он применил свою силу, так как хотел удостовериться, что поезд все еще будет на станции, когда он вернется туда.

Винаяк продолжает предаваться своим воспоминаниям о том времени, когда Пунджаджи был в Карнатаке.

Чаще всего Пунджаджи ездил в близлежащие города или регионы: Белгаум, Гоа, Хубли, Анколу, Дхарвар, Мирадж, Кханапур и Дандели, куда добраться относительно легко. Дандели — это расположенное в лесу местечко, куда мой отец ходил иногда по делам. В более отдаленных местах, таких, как Бомбей или Северная Индия, Пунджаджи бывал реже. Мой отец однажды отправился в Дандели вместе с Пунджаджи — встретить некоторых преданных, — и пока они там были, ему удалось уговорить его сфотографироваться. Это был настоящий прогресс, поскольку в то время Пунджаджи обычно отклонят какие-либо предложения сделать его фотографию.

Когда же наша семья стала преданными Пунджаджи, у нас, естественно, возникло желание повесить фотографию Пунджаджи в комнате для *пуджи*. Тогда у нас уже были снимки Сатьи Саи Бабы, Раманы Махарши и Рамакришны Парамахамсы, но не было фотографии Пунджаджи. Я подошел к Нараяну Бакру и поинтересовался, можно ли сделать одну фотографию, чтобы мы

могли повесить ее в своей комнате для *пуджи*, но ответ его был не очень-то обнадеживающим.

«Даже и не заикайся об этом при Пунджаджи», — посоветовал он. — Он не разрешает себя снимать. Когда же его об этом просят, он сердится. Если хочешь, могу показать тебе те немногие снимки, что у меня есть».

Он указал на две фотографии, висевшие на стене. Они были очень плохого качества.

«Их сделал Кулкарни, — сказал он. — Он хотел снять крупным планом, поэтому спрятался в кустах среди листвы и сделал снимок, когда Пунджаджи проходил мимо. Он очень нервничал, поэтому снимок вышел таким расплывчатым. Полагаю, у него дрожали руки, когда он снимал».

Другим еще меньше повезло с их попытками сфотографировать Пунджаджи. Я знал одного человека, который несколько раз фотографировал Пунджаджи, когда тот не знал об этом, но при проявке пленка оказалась засвеченной. Некоторые преданные, слышавшие эту историю, связывают такое явление с силой Пунджаджи. Хотя он и не делает ничего преднамеренно, они полагают, что его нежелание быть снятым каким-то образом влияет на качество пленки, приводя ее в негодность.

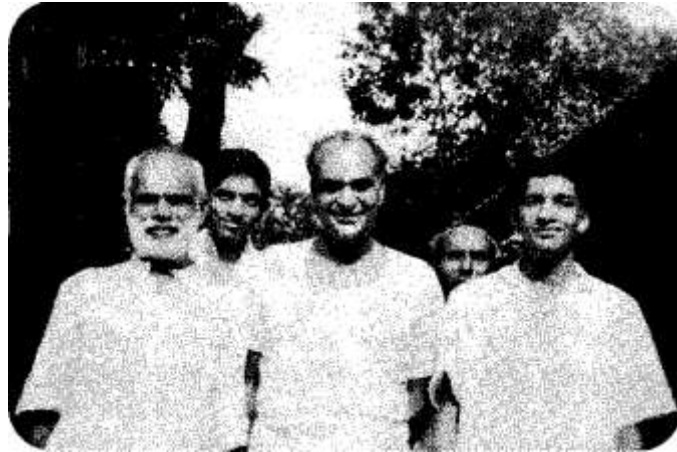
Наша семья была более удачлива. Моему отцу удалось сфотографировать Пунджаджи в Дандели, и даже мне представилась возможность сделать один снимок, при этом не прибегая ни к каким крайним мерам. Когда Пунджаджи второй раз приехал в наш дом в Анколе, отец отправился с ним на прогулку. Я хотел пойти с ними, но Пунджаджи не разрешил мне их сопровождать.

Когда они возвращались обратно, я подошел к нему, держа в руках старый фотоаппарат и сказал: «Многие хотят получить вашу фотографию, чтобы повесить ее в комнате для *пуджи*, но до сих пор вы никому не дали своего согласия. Можно мне вас снять прямо сейчас и позволить преданным сделать с нее копию?» К нашему

удивлению, он улыбнулся и ответил: «Конечно! Вперед».

С ним было еще два человека — мой отец и учитель Наяк. Они трое стояли под манговым деревом, приготовившись к съемке. Эта фотография была одной из первых, сделанная с согласия Пунджаджи, и когда она была проявлена и напечатана, на ней отчетливо было видно, что ветки и листья дерева приняли очертания «Ом». И конечно же, все хотели сделать копию. Все, что делалось с согласия Пунджаджи, выходило замечательно, а без его одобрения зачастую оборачивалась не так, как хотелось бы. Фотографии, сделанные тайком, были смазаны или испорчены, в то время как дозволенные получались красиво. Где-то через год Пунджаджи стал более спокойно относиться к тому, что его снимают. Он даже разрешил нам сделать копии с некоторых старых негативов, хранившихся у него. Помню одну фотографию, где ему было около сорока лет. На ней он очень молод, полон сил и здоровья. Тот кто никогда не встречал Пунджаджи, глядя на снимок, может подумать, что он был профессиональным борцом или штангистом, настолько мускулистым было его тело.

Одним из наиболее интересных посетителей Пунджаджи в то время был суфий по имени Абдул Гаффар. Он сам был учителем и у него было много учеников и последователей. Обладая опытом многих мистических переживаний, Абдул Гаффар сумел распознать величие Пунджаджи, несмотря на то что Пунджаджи не принадлежал к суфийской традиции. Абдул Гаффар регулярно приезжал в Лонду в сопровождении своих учеников. Думаю, у него был собственный центр в Белгауме, где-то в пятидесяти километрах отсюда. Иногда численность их группы доходила до сотни человек. Сатсанги начинались с того, что Абдул Гаффар пел песни преданности на арабском, и время от времени их подхватывали его последователи. Затем они с Пунджаджи с большим

«Ом из деревьев». Слева направо: учитель Найак, Винайак, Пападжи, доктор Даттатрея Бакр и Радж. Слева показана буква санскрита, обозначающая «Ом».

энтузиазмом начинали обсуждать различные аспекты суфизма. Пунджаджи хорошо говорил на персидском и урду, а также хорошо знал суфийскую литературу на этих языках. Казалось, ему очень нравилась компания Абдула Гаффара. Создавалось впечатление, что у Пунджаджи всегда было хорошее настроение во время его визитов.

Практически все преданные, приходившие в Рам Мандир в Лонде, находились на каком-то духовном пути, когда впервые встречали Пунджаджи. Им всем Пунджаджи советовал одно: «Оставьте свои практики: в них нет нужды». Большинство его посетителей, даже те, кто считали себя его преданными, не могли принять его совет. Они продолжали выполнять *садханы* и свои *пуджи* в отсутствие Пунджаджи, а некоторые даже ходили к другим гуру, когда Пунджаджи уезжал куда-либо. Они

пытались скрыть это от Пунджаджи и действовали за его спиной, но он знал, что происходит. Несмотря на то что он был в курсе событий, он никогда не выражал недовольства и не критиковал их. Это один из моментов, располагающих нас к нему. Он никогда не заставлял своих преданных поступать определенным образом. Он лишь давал совет, если его об этом просили, но никогда не навязывал своего учения людям, если они не хотели его принимать.

Наша семья принадлежала к числу тех, кто полностью принимал его советы, и это, полагаю, было одной из причин, почему Пунджаджи нравилось приходить к нам.

Он говорил нам: «Не нужно ничего делать. Вы отдали себя мне. С этого момента я буду заботиться о вашем духовном благополучии. Оставьте все на меня, и пусть вас ничто не беспокоит».

Мы все верили ему и следовали его совету. Мы оставили все свои ритуалы, верования и практики, которыми занимались раньше, даже избавились от всех фотографий в комнате для *пуджи*, оставили лишь снимки Раманы Махарши и Пунджаджи. В действительности же мы сделали Пунджаджи главой своей семьи. Мы обсуждали с ним все наши проблемы, как духовные, так и повседневные, и следовали его советам в любом аспекте жизни.

Помимо нас еще один человек смог оставить все свои верования и ритуалы. Когда Пунджаджи впервые познакомился с доктором Даттатреем Бакром, тот большую часть времени проводил за *пуджами* всевозможным богам. Ежедневно на протяжении двух или трех часов он поклонялся всем статуэткам богов в своей комнате для *пуджи*. Данные ритуалы он ценил превыше всего в своей жизни. Доктор Бакр не приходил к своим пациентам, если даже они были в очень плохом состоянии, пока не закончит утренние *пуджи*. Лишь закончив церемонию поклонения божествам, которых у него было сотня или

больше, он отправлялся к своим пациентам. Если бы Бог когда-нибудь забыл одну из своих форм, в которой он являлся, Он мог бы прийти в комнату для *пуджи* доктора Бакра и освежить свою память. Одной статуэтки, например, Ганеши, доктору Бакру было недостаточно. В связи с тем что у Ганеши было восемь различных форм, Бакру нужны были все эти восемь форм, которые слегка отличались друг от друга. Все божества в их многочисленном разнообразии были представлены в его комнате. И каждой статуэтке он уделял по несколько минут каждое утро. Сначала он мыл и вытирал статуэтку, затем выполнял *пуджу*, распевая мантры, соответствующие конкретному божеству.

Пунджаджи знал, что духовная жизнь доктора Бакра вращалась вокруг его утренних ритуалов. Пунджаджи никогда напрямую не говорил доктору прекратить утренние ритуалы поклонения, но через некоторое время доктор Бакр сам осознал бесполезность таких практик. В конце 1960-х он отправился вместе с Пунджаджи в паломничество в Харидвар и взял с собой металлический сундук, заполненный изваяниями богов. На вокзале два или три носильщика несли его сундук, так как его вес составлял около 100 кг. По прибытии в Харидвар он остановился на мосту через Гангу и попросил носильщиков выбросить этот сундук в реку. Вот каким образом в Индии мы избавляемся от ненужных идолов. Мы топим их в священной реке. Я видел комнату для *пуджи* в доме доктора Бакра и знал, что многие статуэтки были сделаны из драгоценных металлов. Божества, которые он выбросил в реку в тот день, вероятно, составляли сумму, которая складывалась из зарплаты за несколько лет. При моем следующем визите в Лонду я заглянул в его комнату для *пуджи* и удивился, увидев только две фотографии на стене — фотография Пунджаджи и Раманы Махарши. Я поинтересовался, что случилось, но он не мог об этом говорить. Он начинал описывать те перемены,

Снимок, сделанный отцом Винаяка в Дандели, 1966 год.

произошедшие внутри него, но его рассказ обрывался после нескольких предложений, и слезы лились из его глаз. Я больше не расспрашивал его об этом, потому что это было то, о чем, как мне казалось, он не хотел говорить.

Я не знаю, что произошло внутри него, но могу точно сказать, что он изменился в лучшую сторону. Когда он раньше выполнял *пуджи*, все в деревне уважали и боялись его. Его стиль общения был авторитарным, и он обычно запугивал своих пациентов сердитым голосом. Хотя он и был хорошим врачом, он прибегал к запугиванию больных. Мне говорили, что его репутация была настолько устрашающей, что местные ребяташки убегали прочь, когда видели его на улице. Однако после своего возвращения из Харидвара от него исходили

спокойствие и смирение, он проводил много времени за рутинной работой по Рам Мандиру. Когда я приходил туда, то иногда видел, как он, стоя на коленях, драил пол. Он готовил еду для Пунджаджи, а затем самолично прислуживал ему во время трапезы. В то время как Пунджаджи ел, он смиренно стоял позади него со сложенными в жесте благодарности руками, и слезы текли из его глаз.

Два доктора — сын и отец — заботились о медицинских нуждах жителей Лонды и других близлежащих деревень. Изредка Пунджаджи интересовался здоровьем тех больных, кого он знал, но в других случаях не вмешивался в их дела. Однако однажды он взялся сам лечить больного. У доктора Нараяна Бакра был тяжелый случай заболевания гепатитом, и он потерял всякую надежду на излечение больного. Пациент был в настолько тяжелой форме, что доктор предположил, что жить ему осталось всего несколько дней. В свой последующий визит в «Рам Мандир» он рассказал об этом случае Пунджаджи, высказав предположение, что, вероятно, мужчина умрет через несколько дней.

«Ерунда! — возразил Пунджаджи. — Есть очень простой способ лечения гепатита. Давай посмотрим, как он сработает».

Они пришли в дом больного, и Пунджаджи дал ему съесть незрелый банан, обмазанный пастой из лайма. Паста готовится так же, как при приготовлении *паана*, который кладется на листья. На следующий день пациент почувствовал себя намного лучше — он шел на поправку. Доктор Нараян подумал, что это было новое лекарство от гепатита, и следовательно, пробовал его при других случаях этого заболевания, но никому он не помог. В конце концов доктор Нараян пришел к выводу, что именно Пунджаджи оказал воздействие на процесс выздоровления, а препарат из банана и лайма здесь ни при чем.

Доктор Даттатрея Бакр с внуком на коленях в своей комнате для *пуджи*, после того как он избавился от всех своих статуэток, заменив их фотографиями Раманы Махарши и Пунджаджи.

Я показал этот снимок Пападжи, и он внизу подписал следующее: «Первым, кто начал выбрасывать статуэтки, была сопровождающая меня маленькая девочка. Она была настолько мала, что еще плохо могла ходить. Когда доктор Бакр увидел, что она сделала, он пал перед ней ниц и с тех пор никогда больше в его комнате они не появлялись».

Я навел некоторые справки и в Бомбее нашел преданного, который был свидетелем, как эта девочка вытаскивала из сундука статуэтки, некоторые из которых были размером практически с нее.

В середине 1960-х годов Пунджаджи стал путешествовать по всему миру, и где бы он ни был, везде у него появлялись новые преданные. Чтобы держать с ними связь, он использовал адрес Рам Мандир как свой почтовый. Мы, Радж и я, обычно привозили приходящие для него письма и аэрограммы в каждый наш приезд из Хубли, так как знали, какое огромное количество

корреспонденции приходило на его имя. При возвращении в Лонду его уже ждали большие стопки писем. Он обычно просматривал их все за несколько последующих дней и практически на все отвечал.

Мы также привозили с собой и другие, на наш взгляд, полезные предметы. Жители Лонды смотрели на эти вещи, как на диковинку, поскольку их нечасто можно было встретить в этом городе. Пунджаджи, бывало, замечал: хорошо бы, если бы то-то или то-то у нас было, а через несколько дней кто-то из нас привозил эту вещь из Хубли. Мы понятия не имели, каким образом мы угадывали его желание. Просто мы решали навестить его и по дороге покупали что-то. И получалось так, что мы покупали именно те вещи, о которых он говорил за день или два в наше отсутствие.

Во время путешествий Пунджаджи мы регулярно писали ему, и не проходило и недели, чтобы мы не получили ответа. В такие дни меня переполняло чувство преданности к нему, и этот избыток чувств сквозил во многих моих письмах. Пунджаджи нравились мои письма, и из его ответов следовало, что он читал их преданным даже в других частях страны. Он пересылал нам и копии писем других преданных. Если в письмах говорилось о воодушевляющем переживании, которое испытал человек, Пунджаджи хотелось поделиться своей радостью и радостью автора такого письма, поэтому он и отправлял ксерокопии преданным, проживающим в различных частях Индии.

В процессе переписки мы обнаружили, что Пунджаджи обладает телепатическим даром. В своих письмах мы поднимали ту или иную проблему. Часто так бывало, что его письма с соответствующим ответом, которого мы ждали, приходили по почте раньше, чем наши письма попадали к нему. Мы пришли к следующему выводу: в тот момент когда письмо было написано и отправлено по почте, он уже знал его содержание. Ему не нужно

было ждать, пока письмо придет к адресату. Он отправлял нам ответ в течение нескольких часов после отправки нашего письма.

В 1974 году Винаяк посмотрел фильм о жизни Тукарама, святого, жившего в Средние века, и тут же его охватило непреодолимое и сильное желание отречься от мира и вести жизнь садху. Вот какое письмо он получил от Пападжи.

26 марта 1974 г.
Дели

После просмотра фильма «Тика Zalase Kalasa» ты решил отречься от всего и скрыться от мира в Пандхарпуре. Твое письмо вынуждает меня перенестись во времена битвы на поле Курукшетры. Вспомни, что сказал Арджуна. «Я не буду сражаться. Как я могу убивать старших и почитаемых членов моей семьи — своего собственного *ачарью* (учителя), тестя и свояка? Вместо того чтобы убивать других, ради своего королевства, я лучше сложу с себя все обязательства и отправлюсь один в паломничество и буду замаливать грехи».

Кришна не позволил ему сбежать от своего долга. Я тоже не позволю. Ты тоже находишься посреди поля. Как я могу допустить, чтобы ты обратился в бегство и сбежал в Пандхарпур? Твой Пунджаджи поместит Пандхарпур в твое СЕРДЦЕ. Ни о чем не беспокойся. Я гарантирую твое освобождение. Положись на МЕНЯ. Я никогда не потеряю ТЕБЯ, а ты — МЕНЯ. Такие мысли в твоей голове дают мне уверенность, что почва благородна и дождь должен пролиться вовремя. Теперь просто пребывай в покое и жди, когда появятся всходы... Будь уверен, моя любовь всегда с тобой...

Винаяк долгое время пребывал в покое, ожидая входов. Я говорю об этом, поскольку мы беседовали с ним в середине 1996 года по его прибытии на празднование гуру Пурнимы, которое проходило в Лакнау. Я показал ему свою рукопись, чтобы он мог прочесть и проверить достоверность изложенного материала, полученного им из первых рук, и добавить свои собственные истории, еще не включенные в рукопись. Просмотрев материал, он внес некоторые поправки и сделал несколько полезных предложений. Где-то спустя месяц он написал моему другу, которого он знал много лет, в Америку, следующее письмо.

Я так рад, что пишу тебе письмо. Это похоже на восстановление очень давних взаимоотношений. Безусловно, в предыдущих жизнях мы все были одной семьей с нашим любимым Пападжи, а после оказались разрозненными из-за наших невыполненных желаний, достижений, ожиданий и т. д. Именно они предписали всем нам различные назначения в будущем. Нам повезло, что Пападжи вовремя призвал нас к себе. Он заверил каждого, что теперь мы в надежных руках.

И неважно, что из этого процесса выпало несколько лет. Прошло много миллионов лет, но благодаря милости нашего любимого *Садгуру* мы теперь приблизились к концу этого бесконечного цикла. Десятилетия, проведенные порознь, сольются в вечности объединения и единства.

Недавно я был в Лакнау. Меня охватило сильное чувство раскаяния, потому что я практически не продвинулся вперед, несмотря на тридцатилетний период пребывания у его стоп. Это чувство было особенно явственно во время моей поездки в местном поезде, когда я направлялся из центра Мадраса в Тамбарам к пациенту. В моей голове пронеслись мысли, что ни одно мое переживание не идет в сравнение с теми, что были у многих других преданных. Многие из них видели свет при закрытых глазах, другие слышали в мертвой тишине

звук божественной флейты, шедший изнутри. Некоторые благословенные души ощущали, как облака блаженства снисходили на них, а также переживали и другие многочисленные видения. Другим посчастливилось ощутить единение с различными формами жизни, это превосходное переживание на пути самопознания. Но у меня не было ничего подобного.

За исключением того, что я жил с учителем и мог приблизиться к его стопам, делил с ним пищу и кров, ел из его рук и слушал его неиссякаемые шутки, я был лишен всех других переживаний за тридцатилетний период сатсангов.

Когда же эти мысли стали уж очень отчетливыми во время той поездки, я внезапно ощутил, как покой покидает меня. Тогда я почувствовал, что все это время — все тридцать лет и даже больше — я пребывал в покое. Какая-то внутренняя уверенность говорила мне: «Есть только этот покой. Остальные переживания не имеют значения».

Я начал плакать, и пассажиры, ехавшие со мной рядом, подумали, что я сумасшедший.

Я все еще пребываю в этом счастливом состоянии и никогда не променяю его даже на место Брахмы. Ты как-то правильно заметил, что особое благословение нашего дорогого Пападжи нашей семье в том, что мы ни на мгновение не были отдельны от него. Мы пребываем с ним не только эти тридцать лет. Наша с ним связь безначальна.

Пару дней назад у меня было необычное переживание. Когда я почувствовал, что ощущаемый мною покой и умиротворение первостепенны, по сравнению с остальными переживаниями, я вдруг почувствовал сильный аромат, который не развеивался на протяжении целого дня. Он держался двадцать четыре часа, а потом рассеялся сам по себе. Но в течение всего дня он был очень сильным и стойким, а его оттенок редким. Я менял все предметы и вещи, окружающие меня, чтобы по-

Рамачандра Прабху
со своей женой
Сунандой

смотреть, не исчезнет ли аромат, но он оставался неизменным. В конце концов мне пришлось молиться учителю, чтобы он избавил меня от этого аромата, пока он не довел меня до безумия. Теперь-то я не завидую тем преданным, которые сталкиваются с этими или другими переживаниями. Вот как Пападжи учит нас своими *лилами*.

В самом начале своего повествования Винаяк рассказал, что его отец — Шри Рамачандра Прабху — был как раз тем членом их семьи, который первым познакомился с Пападжи. Далее приведен отрывок из статьи, опубликованной в 1960-х годах в газете «Горная тропа», издаваемой Шри Раманашрамом.

Я играл значимую роль в борьбе за освобождение в 1942 году. Я прочел работы таких святых, как Рама Тиртха, Чайтанья Махапрабху, свами Вивекананда и Рамакришна Парамахамса, но в те годы своей *садханой* я считал борьбу за свободу и служение бедным и обездоленным. После восстановления независимости, когда я осознал, что никаких существенных изменений в материальном положении бедняков не произошло, я стал марксистом. Позже я присоединился к партии конгресса и стал членом «Государственного законодательного собрания». В конце концов я разочаровался в политическом строе и занялся бизнесом. Но мои партнеры по бизнесу провели меня, и я потерял много денег.

В 1965 году я нанялся проводить работы в лесу, и меня направили в Лонду, где жил и работал Шри Пунджа. В то время он еще занимался разработкой приисков. Мы встретились в Рам Мандире, небольшом ашраме, выстроенном специально для него. Величие учителя Пунджаджи, его благожелательная и ободряющая улыбка, его любовь к преданным оказали воздействие на мое эго, и оно растаяло. Впервые в жизни я «сдался» и полностью доверился учителю. Я принял его как своего гуру и распростерся перед ним. Шри Пунджаджи поднял меня, посмотрел на меня необыкновенным взглядом, затем обнял с такой любовью, как будто он с нетерпением ждал моего приезда.

В 1970-х и 1980-х годах Шри Раманандра Прабху и Пападжи вели интенсивную переписку по множеству вопросов.

15 декабря 1987 г.
Лакнау

Дорогой Прабху Джи, я с удовольствием прочитал твое письмо от 11 декабря, где ты написал: «Да расцветем

мы в нашей привязанности к учителю... » Это секрет всех секретов, известный лишь немногим, хотя он стар, как сам мир. Давным-давно, много лет назад, жила Гириджа (Парвати) — дочь Дакши, царя в Гималаях. Ее преданность учителю была настолько сильна, что никто не смог поколебать ее. Ни ее отец, ни *риши*, ни даже боги. Ее принял великий учитель (Шива). Однажды у нее был следующий разговор со своим учителем:

Парвати: О Господин, как войти в *нирвикальпа самадхи*?

Шива: Посмотри на МЕНЯ. Кого ты видишь?

Парвати: Передо мной Господь Шива.

Шива: Выйди за пределы этого видения!

Что ты видишь? Парвати: Я вижу СВЕТ.

Шива: Выйди за пределы этого Света!

Что ты видишь?

Парвати МОЛЧИТ

И погружается в Я.

Недавно я вернулся из поездки, которая была достаточно удачной. Я встречался с хорошими людьми: молодым инженером из Хошангабада по имени Шарад, дамой из Бароды, Сухас Бен, которая виделась в Бомбее с Шашикалой, и самой Шашикалой (свояченицей Р. М. Прабху).

Как-то она пришла ко мне, села напротив и задала мне вопрос: «Почтенный учитель, что мне надо делать?»

Я не слышал от нее вопросов уже несколько лет. Хотя я всегда был рад ее служению мне.

Я посмотрел на нее и ответил: «ДЕЛАТЬ ничего не надо!»

Это все, что я ей сказал, но это мгновенно изменило ее. Казалось, она пребывала в великом Покое, а ее лицо лучилось Светом. И это меня обрадовало.

С любовью к тебе, миссис Прабху и Чи Винаяку.

4 августа 1981 г.
Лонда

Дорогой Прабху Джи,.. работа учителя делается, и я счастлив, что эта работа была поручена мне. Я не успокоюсь, пока все не будут пребывать в Покое и Блаженстве...

15 октября 1981 г.
Арья Нивас
Харидвар

Дорогой Прабху Джи,... твоё письмо, в котором ты описываешь свои переживания, очень меня порадовало. Как бы ты ни называл это — видением, проблеском или другим словом, — это состояние свидетельствует о чистоте твоего ума и стремлений. Смотри через свое Бытие все время или хотя бы изредка. Когда ты пребываешь в истинной природе Я, никаких проблем не возникает. Чем человек действительно наделен, так это внутренней возможностью поглотить все проблемы. Освобожденный ум способен сделать это за время, которое требуется для щелчка пальцами...

13 февраля 1983 г.
Лакнау

Дорогой Прабху Джи,... получил твоё письмо от 10 января, отправленное из Муската. Мне жаль, но я не

очень понял, что ты имеешь в виду под следующим: «Отношение учителя к Венкатешу (Сыну Прабху Джи) отличается от отношения к нему его родителей. Когда я смотрю на Венкатеша с вниманием отца, ощущаю привязанность, а также интерес к его деятельности. Но когда я смотрю на него глазами учителя, то вижу его невинность и чистую преданность, а также любовь к учителю и матери».

Это заболевание. Весь мир страдает от раздвоения личности, шизофрении, паранойи. У человека должен быть один взгляд на вещи. Не следует отделять привязанность от отрешенности, отца от учителя, учителя от ученика, друга от врага, хорошее от плохого. ПРОСТО СМОТРИ, но не различай. Это ключ к *Нирване-Покою-Блаженству*.

Разве Кришна (великий учитель мира) не вразумил Арджуну на поле битвы, сказав: «Я даю тебе свое видение. Смотри моими глазами. Выполняй свой долг. Сражайся...»?

1 марта 1983 г.

Лакнау

Многоуважаемый Прабху Джи,... теперь и Индия стала голой и загрязненной, причина чему — вырубка лесов. Ты сам причастен или был причастен к этому, и не хуже моего знаешь, насколько опустошены районы Карвара и Дхарвара. Повалены миллионы деревьев для возведения дамбы в Калинам. Я был свидетелем, как были погублены деревья, растущие по берегам реки в Лонде, но был бессилён что-либо сделать.

Я побывал в Харидваре и Ришикеше. Ежедневно я видел, как 2000 мужчин и женщин и детей вырубают деревья и бросают их в Гангу, загрязняя ее «дровами». И так продолжается уже много лет. И на то есть основание. За такой груз каждому дают по 8 рупий, да и другого

топлива у жителей нет, кроме леса. Газ проведен не по всей стране. Я не вижу никакого выхода из сложившейся ситуации. Каждый день во время своих вечерних прогулок я вижу огромное количество людей, хлестающих своих ослов, развалившихся на нежных ветках молодых деревьев. Каждый удар отражается в моем сердце. Единственным средством для меня было переместиться на поле сражения Курукшетры, где я стал свидетелем разговора между учеником и его мудрым учителем, когда армии стояли лицом к лицу, грудь против груди.

«Но я не могу сражаться, — сказал Арджуна. — Среди них мои двоюродные братья, родственники и мой учитель по стрельбе из лука».

Он бросил свой лук на землю, опустился на колени и стоял так с низко опущенной головой, дрожа всем телом. Лицо было бледным от страха, а губы плотно сжаты.

Вот где начинается *Гита*. Устами самого Бога говорила мудрость Вселенной. Мы можем поговорить в Бомбее о том, что же случилось дальше. В своем последнем письме ты привел много цитат из *Гиты*, тем самым спровоцировав меня на этот разговор. На этом я остановлюсь, поскольку, если стану продолжать, это будет поистине нескончаемый диалог. Даже Кришна остановился в конце восемнадцатой главы, после 700 шлок, но начав рассказывать, что же Кришна сказал своему возлюбленному ученику и другу, я уже не смогу прервать свою речь. Временные и языковые возможности не позволят выразить все то, что я хочу сказать.

Я начал темой о загрязнении Индии и затем перешел к *Гите*, Арджуне и Кришне, так как Кришна имел дело с основной скверной, загрязнением человеческих умов, которое началось с Адама и Евы и продолжается по настоящее время. Наш разум загрязнен. Одна религия выступает против другой, евреи против арабов, арабы против персов, капиталисты борются с социалистами,

каста выступает против касты, семья против семьи, брат против брата, муж против жены — все это свидетельствует о скверне умов. Если смыть ее с наших умов, мы сможем жить как боги на небесах. Может, это всего лишь мечта, но я хочу, чтобы она осуществилась.

Я встречаю молодых юношей, девушек и детей и учу их, как жить в мире и согласии со всеми живущими на Земле существами. Боги, люди, животные, птицы, деревья, морские твари и даже камни и песок указывают на то, что все произошло из одного источника, включая прошлое, настоящее и будущее, не нарушая единственность Себя...

Остальное мы обсудим с тобой при личной встрече.

Спасибо.

29 июля 1984 г.

Дорогой Прабху Джи,... мы вместе с одним молодым человеком из Санкхли приехали в Понду, и он провел со мной вечер, массируя мне ноги. Утром он поблагодарил меня, сказав следующее: «Я просветлел». Присылаю тебе копию оставленной им записки.

Дорогой Пунджаджи, я покидаю это место с чувством глубокой удовлетворенности. Все, что я хотел, я получил, и мне нечего больше искать. Я обрел свободу, счастье, завершенность, просветление и освобождение благодаря милости учителя, гуру, Я, которым вы являетесь. Спасибо.

Искренне ваш,
Патил...

27 июля 1985 г.
Лакнау

Дорогой Прабху Джи, я был глубоко потрясен, прочитав о крушении рейса №182 компании «Каникша Эйр» 23 июня 1985 года. Погибли 329 невинных людей, среди них были дети, женщины, в том числе и беременные, и мужчины всех возрастов. Их жизнь оборвалась внезапно в небе. Это самое масштабное бедствие после взрыва самолета «Император Ашока», который упал в Арабский океан, спустя несколько минут после его взлета из Санта Круз.

Несколько дней в своих снах и видениях я погружался в Атлантический океан, где находил тела погибших, и искал черный ящик, записи которого могли бы помочь установить причину крушения. Я не могу вернуться в свое нормальное состояние...

Вот что приписывают религии своим последователям — убивать людей, не входящих в их «стадо».

Я соболезную родственникам погибших, они должны быть мужественными, представ перед лицом потери дорогих им людей. Я молюсь за *шанти* душ, которые так скоростижно ушли из жизни, особенно за детей. Они еще играли со своими куклами, когда произошло крушение.

Хари ом.

13 апреля 1987 г.
Лакнау

Дорогой Прабху Джи,... я вполне удовлетворен возложенной на меня миссией и пройду этот путь до конца. Я простираюсь перед Господом Раманой, который таким образом задействует заложенный в каждом человеке и любом живом существе неопиcуемый, неугасимый и непостижимый Свет...

По мере подбора материала для этой книги я показывал Пападжи все интересные истории, письма или рассказы, исходящие от его старых преданных. Он с интересом их читал, но при этом никогда не проявлял инициативу и не советовал мне знакомиться с теми или иными людьми, которые могли бы рассказать немало интересного.

Однако однажды он посмотрел на меня и неожиданно сказал: «Ты еще не получил письмо от Габри?»

Шри Габри был начальником почтового отделения в Лонде, в то время как Пападжи регулярно давал там сатсанг и. Я уже обращался к нему и получил краткий ответ, где говорилось, что он предпочел бы не рассказывать о своих переживаниях, поскольку считает, что они никому не интересны. Такое письмо я не стал показывать Пападжи, так как в нем не было ничего особенного, но когда он задал мне этот вопрос, я отыскал его и показал Пападжи.

Пападжи прочел письмо и сказал: «Напиши ему, что я прошу рассказать его историю. Я хочу знать, что с ним случилось».

Затем Пападжи рассказал некоторые моменты, которые разожгли во мне аппетит.

«Лонда — маленький городок, где все друг друга знают. Габри был местным начальником почтового отделения. Он был коммунистом и атеистом и, казалось, с негодованием относился к тому, что в его деревне проводились сатсанги. Обычно он дружелюбно приветствовал всех жителей деревни, но как только встречал меня, он злобно смотрел на меня или просто игнорировал. Затем в нем произошли неожиданные и кардинальные изменения. Помню, как однажды утром на мой сатсанг вбежала его жена. На ее лице было удивление, как будто она не могла поверить своим глазам.

"Мой муж сидит в моей комнате для пуджи и медитирует! Что вы с ним сделали?"

Я до сих пор не знаю, каким же образом я был замешан в это, но определенно что-то с ним произошло. Напиши ему письмо и скажи, что я бы хотел это узнать».

Я отправил Шри Гарби письмо, упомянув в нем, что беседовал о нем с Пападжи. На этот раз я получил длинный и содержательный ответ:

Я воздержался от подробного ответа на ваше первое письмо, поскольку считал себя заурядным человеком, не заслуживающим того, чтобы о нем упоминали в биографии такого известного во всем мире учителя, как Шри Пунджаджи. Я все еще убежден, что история, поведенная деревенским жителем, который не пользуется особой известностью даже в своей деревне, не будет иметь особого значения.

Возможно, Пунджаджи считал меня коммунистом, и я действительно много читал про социализм, но несмотря на это я никогда не разделял их идеи. Полагаю, более правильно было бы назвать меня рационалистом. Я относился к числу тех, кто был готов принимать новые идеи, но только оправданные и полезные.

Сейчас у меня уже не такая хорошая память, поэтому в своем повествовании я в основном опираюсь на записи из дневника, который вел в былые дни. Это Пунджаджи посоветовал мне завести дневник. Он сказал, что это поможет мне спуститься на землю и должным образом выполнять свои рабочие обязанности.

Когда я был помощником начальника почтового отделения в Лонде, я изредка навещал доктора Нараяна Бакра в диспансере, но не ради медицинского осмотра, а чтобы побеседовать с ним о политике и религии. Я не верил в Бога и энергично выступал против всех религиозных верований и практик. Тогда я был под впечатлением от идей Бертрانا Рассела и других мыслителей. Я сильно увлекся чтением антирелигиозной литературы и всем, кто меня слушал, передавал их настрой и отношение к определенным вопросам.

Я был в диспансере доктора Бакра, в начале ноября 1979, когда услышал, как он сказал кому-то следующее: «Он приехал вчера».

Он не назвал имени, но у меня сложилось впечатление, что доктор Бакр преднамеренно сказал это в моем присутствии: он хотел, чтобы я узнал об этом. Позже я узнал об их намерении скрыть от меня приезд Шри Пунджа, так как они опасались, что я приду на их сатсанг и стану вести антирелигиозные речи. В то время я мало знал что-либо о Шри Пунджаджи, лишь то, что он был духовным учителем и Нараян Бакр и его отец, доктор Даттатрея Бакр, относились к нему с большим уважением. Также мне было известно, что они держали для него дом, который всегда пустовал в его отсутствие.

Как-то доктор Бакр сказал мне: «Изначально постройка Рам Мандира была задумана не для Пунджаджи. Он приехал как раз когда "Рам Мандир" был на стадии строительства. Мы сами планировали туда переехать. Когда же Пунджаджи впервые увидел строящийся дом, он воскликнул, что каждый кирпич этого здания говорит "Рам! Рам!". После его слов мы решили оставить здание исключительно для пользования Шри Пунджаджи. В его отсутствие мы запираем дом. Никому другому мы не разрешаем там жить».

Мне было любопытно посмотреть на человека, к которому стекалось так много людей в деревне. Я не хотел нарушать сатсанг — лишь защитить позиции атеизма, если потребуется.

В свой первый визит я слушал, как Пунджаджи рассказывает длинную историю о каком-то свами, пришедшем к нему в отель. Этот свами жаловался, что ничто не принесло ему просветления или покоя ума, хотя он и прочитал все Священные Писания и много практиковал *танас*. Шри Пунджаджи добавил, что этот человек сам был гуру и направлялся с некоторыми своими преданными в Гималаи. Пунджаджи сказал ему выйти

из комнаты и оставить там все бремя прошлого и только после этого снова зайти к нему. Свами был оскорблен его словами, но сделал, как ему было сказано. Через несколько секунд он влетел в комнату, распростерся перед Шри Пунджаджи и сказал, что стал просветленным. Эта история была дополнена множеством подробностей, но суть заключалась именно в этом.

Его рассказ не произвел на меня впечатления.

Я подумал: «Этот человек просто хвастается» — и вышел из комнаты, не выказав какого-либо почтения и уважения к Шри Пундже.

На следующий день я снова пришел туда. Когда я вошел, они разговаривали обо мне.

Когда доктор Нараян Бакр увидел меня, он воскликнул: «А вот и он, Шри Габри». Пунджаджи переключил свое внимание на меня и сказал: «Так, значит, ты не веришь в Бога?» «Нет, — сказал я, — не верю. Богов создают обусловленные умы». «Тогда нужно освободиться от обусловленности», — предложил Шри Пунджаджи. «Это неосуществимо, — ответил я. — Это просто невозможно». «Не мог бы ты уделить мне всего одну секунду своего времени? — спросил он. — Я могу показать тебе, как освободиться от обусловленности».

В то время теория обусловленности была моим коньком, поэтому я с энтузиазмом ухватился за возможность испытать какой-либо метод или систему, обещающую устранить данную проблему.

«Да, — был мой ответ. — У вас есть секунда на то, чтобы продемонстрировать, как это работает».

Я сел прямо перед ним. Он смотрел в мои глаза, а я — в его. Не было сказано ни единого слова.

В конце концов мне пришлось нарушить тишину: «Я стараюсь изо всех сил, но я не могу дать вам секунду своего времени».

Я ушел, оставшись при своем мнении, но где-то через день почувствовал, что этот человек чем-то затронул меня и меня тянет к нему.

Часть меня говорила: «Я не собираюсь сдаваться этому свами», но другая моя часть начинала ощущать, что я — человек, в котором преобладает эго, и мне нужна помощь, и ее я могу найти на сатсангах, которые ведет Шри Пунджаджи.

По вечерам, после окончания рабочего дня, я стал ходить на его сатсанги, но не принимал участия в дискуссиях. Сатсанги не помогли мне обрести покой, напротив, у меня появилось ощущение, что именно они вызывали чувство тревоги и беспокойства. По моей теории, Пунджаджи пытался каким-то образом привлечь меня и сделать одним из своих преданных. Именно поэтому, как мне казалось, я переживал такие странные ментальные состояния. Но, несмотря на эти непривычные ощущения, я все еще чувствовал, что владею ситуацией. Я пришел к решению: я не собираюсь сдаваться этому свами и не собираюсь убежать от него. Я не позволю контролировать меня. Я сам принимаю решения.

В дни, когда я молча сидел позади всех, разговор часто заходил о Шри Рамане Махарши и его учении. В доме доктора Нараяна Бакра на столе стояла большая фотография Махарши, но я никогда не обращал на нее внимания. Теперь же, когда я знал, что он был учителем Пунджаджи, постепенно меня все больше и больше стали увлекать рассказы Пунджаджи о Махарши.

Спустя несколько дней во время моего молчаливого присутствия на сатсанге доктор Бакр дал мне почитать копию «Бесед с Шри Раманой Махарши». К тому времени мне было уже достаточно интересно просмотреть ее и узнать, что же он говорил. И тут же меня поразил метод самоисследования, рекомендованный Махарши. Раньше в беседе с Пунджаджи я высказал свое мнение о невозможности освободить разум от условностей, но

после прочтения техники Махарши я вдруг понял, что есть простой, рациональный и даже научный способ выяснить, что лежит в основе источника ума. Казалось, что для этого не нужна никакая цепочка верований. Нужно просто определить природу ума, источник его существования и возможное место его происхождения. Я решил последовать его учению как рациональному методу изучения природы «я».

В тот день я проснулся где-то в 2. 30 ночи от сильного желания глубоко сконцентрироваться на чувстве «я». Я попытался сделать это, но ничего не произошло. Последующие несколько дней мое желание понять, кто же «я» на самом деле, усиливалось с каждым днем. Я практически стал одержим идеей самопознания и все больше времени проводил в состоянии глубокого исследования природы «я»-мысли.

Несмотря на то что я несильно продвинулся вперед, этот процесс самоисследования настолько увлек меня, что я не мог его прервать. Должно быть, в это время я себя вел как-то странно, потому что Шри Пунджаджи попросил доктора Бакра присматривать за мной во время его поездки в Бомбей. Шри Пунджаджи полагал, что есть вероятность моего умопомешательства! Но это меня не остановило. Невзирая на то что я не получил удовлетворяющего ответа на свой вопрос «Кто я?», я ощутил некоторые перемены в своей жизни. Я потерял интерес к повседневным обязанностям как на работе, так и дома. Даже стал отдаляться от жены и своих детей и стал ощущать отвращение к тому, что с ними связано.

Через несколько дней Пунджаджи вернулся из Бомбея, и я снова стал посещать его сатсанги. Я не понимал, что там происходит, но это почему-то казалось мне неважным. В свободное время я продолжал изучение книги «Беседы с Раманой Махарши», и меня приятно удивляло то, что я мог открыть ее на любой странице и найти там ответ на интересующий меня вопрос по

самоисследованию. На данной стадии я не обращался к Пунджаджи за консультацией по самоисследованию. Я предпочитал находить ответы в этой книге.

Меня пугала личность Пунджаджи и его методы, и я нервничал при мысли подойти к нему. Я поделился своими ощущениями с доктором Даттатреем Бакром, на что он просто рассмеялся.

«Мне, — сказал он, — Пунджаджи представляется маленьким ребенком. Я обращаюсь с ним и люблю его так же, как люблю свою собственную семью. Я отношусь к нему, как к младшему члену своей семьи».

Я посмотрел на него и понял, что он говорит искренне. Он сидел рядом с ним, ухаживая, как за маленьким ребенком. Если он хотел, чтобы Пунджаджи съел что-то особое, он упрасивал его, как если бы он был маленьким ребенком. У него был такой стиль общения с Пунджаджи, но я по-другому относился к Шри Пунджаджи. Для меня он все еще был очень далеким и суровым человеком.

Вскоре я понял, что его присутствие было для меня просто потребностью. Я не мог обходиться без него.

Я все интенсивнее и интенсивнее занимался самоисследованием. Среди ночи я ловил себя на том, что мои попытки отринуть ум были настолько сильными, что я издавал звуки, подобные стону. В конце концов я подошел с этим вопросом к Пунджаджи, и он ответил: «Так держать. Ты приближаешься к цели».

На следующий день я почувствовал, что мне удалось оттолкнуть свой ум на край чего-то. Казалось, за этим краем был широкий и темный проход.

Я рассказал об этом Пунджаджи, и он заметил следующее: «Иди за пределы темного прохода».

Тогда что-то произошло. Где-то в 1. 30 ночи я пробудился ото сна. Я лежал на постели, но тут же ощутил, что пребывал в каком-то другом необычном состоянии. Я сел. Я осознавал все окружающие меня объекты: дом,

проходящая на улице дорога и железнодорожные пути, но они больше не существовали отдельно от меня, вне меня. Я знал и ощущал их частью себя. По железнодорожным путям прошел поезд, и я знал, что он проходит *через* меня, а не *мимо*.

Я ущипнул себя за бок, чтобы убедиться, что я не грежу во сне, и почувствовал: я действительно не сплю. Я хотел пойти в туалет, но боялся двинуться с места. Я чувствовал, что если сделаю движение, весь мир каким-то образом будет двигаться вместе со мной. Но когда я уже не мог больше терпеть, я решил рискнуть. Я встал и взял курс на стену. Я полагал, что если мир находится внутри меня, а не отдельно, вне меня, стена не будет помехой на моем пути к ванной комнате. Я ударился о стену и понял: несмотря на то что мир, возможно, часть меня, он остается таким же твердым, как и раньше. Кроме того, я понял, что мне все-таки нужно пользоваться дверьми.

Я вышел из ванной комнаты, сел на постель и наслаждался этим новым удивительным состоянием с чувством благоговения и восторга. В конце концов я опять заснул на несколько часов. Когда же я проснулся, было уже около 6. 30. Я чувствовал себя счастливым ребенком и пребывал в жизнерадостном и очень хорошем расположении духа. Я пошел на работу и, как и раньше, выполнял все свои обязанности.

В тот вечер я пришел на сатсанг Шри Пунджаджи, сделал ему подношение из связки бананов, распростерся перед ним и произнес: «Я понял». Он разразился смехом и сказал: «Никто и никогда так уверенно не подходил ко мне и не делал такого заявления!»

На этот раз он мне не противостоял, и не знаю почему, я вдруг почувствовал реальность этого ощущения.

Я неоднократно переживал это состояние, обычно оно приходило посреди ночи. У меня неожиданно возникало ощущение пребывания «за пределами всего», и

затем реальное ощущение, что я был везде: поверх и за пределами облаков, луны, неба и т. д.

Однажды утром, когда я сидел на веранде, я внезапно испытал состояние космического Я, сопровождаемое странными ощущениями в моем теле. Я почувствовал, что состою из двух половинок: моя левая половинка была нормальной, в то время как правая — нет. С этого момента мои необычные состояния участились. Иногда я смотрел на свои конечности и понимал, что не могу ими пошевелить. Иногда у меня было ощущение, что я вот-вот умру. В другой раз чувствовал, как исчезает мое эго. Но все эти состояния проходили, и я возвращался в свое нормальное повседневное состояние. Оглядываясь назад, я полагаю, это было своего рода расстройство в нервной системе. Не сомневаюсь, что такие странные состояния были каким-то образом связаны с Шри Пунджаджи.

К концу ноября 1979 года я стал просыпаться посреди ночи, где-то в 2. 30, и в голове у меня звучали лекции. Они все касались тем адвайты, таких, как *ститха праджня* (природа реальности) и недвойственный *Брахман*. Такие лекции продолжались каждую ночь на протяжении недели. По мере того как я их слушал, мне казалось, что меня к чему-то готовят. Я рассказал о таком явлении доктору Бакру, и он тут же захотел узнать все подробности: откуда, по моему мнению исходили голоса, как они звучали и т. д. Я не мог ответить на его вопросы. В действительности, когда он начал меня расспрашивать, я даже не мог сказать, на каком языке они были. У меня было ощущение передачи знания, но необычным способом.

Помню, как подумал: «Вот почему *Веды* и *Упанишады* бессмертны. Они, должно быть, неуловимым образом проходят бесконечный цикл повторения, а пребывающие в состоянии чистоты могут на них настроиться».

Странные переживания продолжались, но вместе с ними приходило более ясное понимание, что было до и после них. Заглянув в свой дневник, я нашел там запись, датированную 29 ноября 1979 года:

Я — все. Я — ничто. Пойми, что нет необходимости в реализации. Не пытайся стать чем-то еще. Ты там, где должен быть. Ты все правильно делаешь. Никаких ошибок не существует. Пойми это. Относись ко всему как к Я, и увидишь, что Я выходит за пределы ментального представления.

Встретившись с учителем, я пытался изменить свой характер, поведение и т. д. Теперь это кажется ненужным.

Если все происходит так, как должно происходить, то кто должен меняться? Кому меняться? Зачем меняться?

Осознай абсолютную *сатъю* (Истину). Знай, *сатъя* — всепоглощающая. Не старайся подразумевать это. Будь ей.

С того самого дня я стал считать всё и каждого своими гуру. Я чувствовал, что могу познать истину через живое и неживое, и находил потенциальных гуру во всем, что окружало меня.

В течение последующих дней я постоянно переживал интенсивное безмолвие. Я в одиночестве совершал прогулки к Рамнагару (новому району, недалеко от Лонды) или Вотргейту (железнодорожному перекрестку за пределами Лонды), глубоко уйдя в себя и наслаждаясь глубоким внутренним безмолвием, устойчивым, монолитным. Это состояние глубокого покоя я назвал абсолютным бытием, — я так чувствовал. Это продолжалось несколько месяцев. Это была истина, это было безмолвие, невероятно плотное и недвижимое. Не было ничего,

кроме него. Я попытался понять это состояние, но не смог, потому что это не может быть понято.

Есть один известный каннадский святой по имени Аллама Прабху. Его высказывания, исходящие из прямого опыта реальности, стали звучать внутри меня. По мере их раскрытия я узнавал, что они также описывают и мое собственное состояние. Я понимал их, потому что я переживал то же, пребывал в том же состоянии, что и Аллама Прабху.

Просматривая свои старые дневники, я нашел много записей, свидетельствующих о моем желании раскрыть природу этого переживания. Я проводил параллель с тем, о чем говорил Шанкара и другие мудрецы, пытался самостоятельно изучить это явление, но практически безрезультатно. В дневнике также много записей, где я обильно воздаю хвалу Шри Пунджаджи за то, что он одарил меня своей милостью и раскрыл меня, чтобы я смог пережить это чудесное состояние. Одна запись гласила: «Наконец-то я отдаю себя своему Гурудеву».

Я пребывал в возвышенном состоянии на протяжении двух или трех лет, после своих первоначальных переживаний. Чувство, что все находится внутри меня и что я не отличен ни от чего, снова утвердилось во мне. Находясь в поезде, я знал, что остаюсь в абсолютном покое и безмолвии. Не я совершал движение по миру, мир двигался через меня. Иногда я смотрел на людей, и мне трудно было дифференцировать их на отдельные сущности. Помню, однажды на празднике в Балакундри я смотрел на ряд попрошаек и не мог разделить их на отдельные существа. Я видел их лица, как если бы это были лица одной души. Иногда даже мелочи становились причиной моих проблем. Как-то я стал есть рис с тарелки, и вдруг меня охватило сомнение: есть его или нет, потому что я не мог отделить себя от него. Рис был настолько неотъемлемой частью меня, что я боялся

повредить его, если стану жевать. Должен признать, что на протяжении многих лет я вел себя очень странно. Многие считали меня слегка двинутым.

В течение многих лет я вел беседы только на тему самореализации, об учении Раманы Махарши и своих переживаниях с Шри Пунджаджи. На неделе я ходил на сатсанги, где с энтузиазмом рассказывал об этом и поощрял всех, кто приходил к Шри Пунджаджи, испытать его милость.

Через несколько лет это состояние стало ослабевать, а где-то спустя девять лет совсем покинуло меня. Но несмотря на то что безуильное и продолжающееся осознание Я больше не со мной, я продолжаю поклоняться и относиться с большим уважением к своему гуру, Шри Пунджаджи. Также я почитаю Шри Раману Махарши, моего *Парамагуру*. Через них я увидел ту красоту, о существовании которой даже и не подозревал. В действительности же до встречи с Шри Пунджаджи я самонадеянно пытался убедить других, что таких состояний и переживаний просто быть не может.

Теперь же я испытываю любовь и уважение к Шри Пунджаджи, как сын к своему любящему отцу. Благодаря его милости у меня был блаженный момент его собственного возвышенного состояния, и за это я всегда буду его любить и почитать. Но еще я люблю Шри Пунджаджи за его обычность. Он ест, пьет, разговаривает с нами, как любой другой член одной семьи. Он не забывает ни о ком, заботливо справляется о всех наших детях, внуках и внучках и т. д. Он — ни с кем не сравнимый йог, но вместе с тем один из самых заботливых людей, которых я когда-либо знал.

В период с 1970 по 1980 год он продолжал периодически приезжать в Лонду и встречаться со своими многочисленными преданными, проживающими в Лонде и в его окрестностях. По мере того как о нем стали узнавать люди из

близлежащих регионов, все больше и больше народу стало приходить за его даршаном и послушать его учения. К числу таких людей относился Б. В. Хакри, инженер из Белгаума, недалеко от Лонды.

Последующее повествование представляет интерес по двум причинам. Во-первых, в нем представлены диалоги, содержащие учение того периода. В те дни ни один из сатсангов Пападжи не был записан на пленку, а Шри Хакри вел записи в дневнике, запечатлевая на бумаге свои ключевые беседы с Пападжи. Во-вторых, Пападжи дает подробные рекомендации по кундалини. Теперь же Пападжи уже не дает советов по практикам йоги, благодаря которым можно достичь переживания кундалини, поскольку, как он говорит, в данный момент окружающие условия не подходят для таких практик.

Когда же его спрашивают о классических методах йоги, в частности о практиках кундалини, он обычно отвечает, что «... для этого необходимо вдыхать абсолютно чистый воздух, соблюдать строжайшую диету и постоянный контроль. Сейчас же такие условия нельзя соблюсти даже в горах. Окружающая среда настолько загрязнена, что эти практики неэффективны. Даже пищу, которую мы едим, нельзя назвать экологически чистой. Я сам выполнял эти практики, поэтому знаю, что эффективно, а что нет».

В 1980 году я работал на дамбе инженером в департаменте по проведению общественных работ. Мое место работы находилось где-то в тридцати милях от Белгаума. Я отвечал за помощь местным жителям, чьи земли практически были затоплены водой. Девятого марта у меня состоялась духовная беседа с одним из моих друзей, когда к нам вошел и присоединился Шри Габри — помощник начальника почтового отделения в Лонде. Он был близким другом того человека, о ком я рассказывал.

Услышав, что меня интересуют духовные вопросы, он сказал: «А почему бы тебе не приехать в Лонду? Там живет великий мудрец по имени Пунджаджи Махарадж. Он развеет все сомнения».

Как только я услышал это имя, я сразу же почувствовал, что меня тянет к нему.

Спустя несколько дней я сел в автобус до Лонды, и Шри Габри представил меня Пунджаджи. Я много думал о самореализации, и как только мне представилась возможность, я задал по этой теме некоторые интересующие меня вопросы. Перед тем как перейти к изложению моей первой с ним беседы должен отметить, что я называю Шри Пунджаджи «Гурудео», так как для меня он — Гуру и Бог. На протяжении всего повествования я использую это обращение.

Вопрос: Я прочел *Бхагават Гиту*, *Джнянешвари* и другие труды. После их прочтения мой разум принимает, что я — не ум, но Я. Во мне присутствует желание изучать философию. Прошу вас, посоветуйте, какую садхану мне следует выполнять, чтобы реализоваться.

Гурудео: Нет никакого процесса. Я не учу никаким садханам.

Вопрос: Тогда что же мне следует делать?

Гурудео: Почему бы тебе не самореализоваться прямо здесь и сейчас? Почему бы не покончить с этим прямо сейчас? Я не обманываю людей, говоря, чтобы они выполнили то или это. Я не хочу, чтобы ты тратил время попусту.

Вопрос: А сколько это займет времени?

Гурудео: Мне нужно лишь мгновение твоего времени.

Вопрос: Когда я достигну самореализации, смогу ли я вернуться назад, домой, и выполнять как прежде свои обязанности? Или же мне придется уйти с работы? Мои дети еще учатся. А после я хочу найти им хорошую партию и продолжать работать. Что произойдет после реализации?

Гурудео: Что ты хочешь делать? Кто ты?

Вопрос: Я есть Я, *Атман*, но я хочу увидеть это.

Гурудео: Я не могу показать тебе, что ты просишь, потому что ты уже есть То. Необходимо устранить только невежество. Как только это будет сделано, ты обретешь свободу. Ты — свидетель всего происходящего. Если ты не являешься деятелем, то зачем тебе беспокоиться о детях?

Вопрос: Мой ум еще не готов к этому. Дайте мне еще немного времени.

Гурудео: Ничего не бойся. После просмотра фильма в кинотеатре разве тебе не хочется еще и еще раз увидеть лучшие сцены?

Вопрос: Да.

Гурудео: После свадебной церемонии жених и невеста хотят все время проводить вместе. Им кажется, что они никогда не расстанутся. Такое состояние присуще реализованному человеку. Он не хочет расставаться с блаженством истинного Я, и постоянно возвращается к нему. Если ты будешь откладывать этот момент, ты просто родишься вновь. Почему бы не покончить с этим прямо сейчас? Познав, кто ты, осознаешь, что ты есть само сознание. С этим осознанием ты будешь выполнять свою

работу еще лучше, чем прежде. Ты сможешь разглядеть то же сознание, которое есть в тебе, в своей жене, детях и в остальных людях.

Вопрос: Несмотря на то что мой интеллект принимает, что я есть само сознание, мое сознание еще не готово.

Гурудео оставил свои попытки убедить меня и вместо этого несколько секунд не отрываясь смотрел прямо мне в глаза. Я не смог выдержать его взгляда и отвел глаза, а затем закрыл их.

Так я сидел примерно пятнадцать минут. Мои глаза были закрыты. После мне сказали, что Гурудео неотрывно продолжал смотреть на меня. Я чувствовал, как будто электрический поток проходил по моему позвоночнику в область сердца. Ум был спокоен, а тело наполняло блаженное ощущение.

Когда же я открыл глаза, Гурудео попросил Шри Габри отвести меня на ланч, а вечером прийти вместе со мной к нему. На протяжении всего дня во мне горел зажженный им огонь. Вечером я вновь пришел к нему. Я сидел рядом с ним в состоянии блаженства и покоя. В конце концов ему пришлось напомнить мне, что я должен сесть на поезд и ехать домой.

Спустя несколько дней я опять приехал к нему и целый день провел сидя рядом с ним в тишине.

Он поинтересовался, гложут ли меня еще какие-нибудь сомнения, и я ответил: «Нет, свамиджи, у меня больше нет никаких сомнений, так как в моем сердце пребываете вы».

Вскоре после этого я уехал из Лонды, и вновь смог встретиться с Гурудео лишь в следующем году. Несмотря на то что я не услышал от него совета выполнять какую-либо практику, у меня оставалась потребность ежедневно медитировать в течение двух или трех часов. Доктор Бакр дал мне книгу «Беседы с Шри Раманой»

Махарши», откуда я узнал технику самоисследования, излагаемую учителем Гурудео. При нашей следующей встрече я завел с ним разговор о прочитанном.

Вопрос: По утрам я медитирую от получаса до часа, пытаюсь исследовать «Кто я?». Хотя я чувствую некоторое улучшение, я так ничего и не нахожу. В свободное время я пытаюсь читать философские книги и использую имя Бога, чтобы оставаться в контакте с самим собой. В прошлый раз я получил от вас указания, но несмотря на это я не понимаю их. Что мне следует делать?

Гурудео: Мое учение не основано на чтении книг. Недостаточно медитировать полчаса или час. Даже трех часов будет мало. Ты можешь медитировать до тех пор, пока тебе не исполнится восемьдесят, но все это будет напрасным трудом: в твоей голове непрестанно будет идти работа мысли. Попробуй быть без мыслей на протяжении одной минуты ежедневно. Этого будет достаточно. Наш метод в том, чтобы оставаться свободным от мыслей. Твоя настоящая природа — медитация. Пребывай в «безмыслии» все время.

Вопрос: У меня все еще остается страх перед реализацией, сам не знаю почему.

Гурудео: Страх не должно быть. Зачем бояться освобождения из плена связанности?

Вопрос: Прошу вас, мне нужна ваша милость.

Гурудео: Милость всегда с тобой, иначе бы ты не оказался здесь, со мной.

Его ответы в какой-то мере удовлетворили меня. Я попрощался с ним и вернулся в Белгаум. В последующий

год я начал вести с ним переписку, так как чувствовал потребность в его советах по некоторым вопросам. Я узнал, что он с радостью отвечает на письма своих преданных. И более того, его очень радовало и воодушевляло, когда мы писали о своих «положительных» переживаниях. Следующие строки взяты из писем, написанных им на мой адрес в июле и августе 1982 года.

Старайся избегать мыслей. Смотри, чтобы увидеть, откуда возникают мысли и останься там. Возможно, это и есть твоя истинная природа... Сиди и медитируй. Наблюдай за работой ума, его возникновением, присутствием и исчезновением... Главный барьер — это слишком большая привязанность к вещам непостоянным. Однажды нам придется оставить их и вернуться домой без них, именно так, как мы и пришли в этот мир... Так вспомним *Сам Пурушу* (совершенного человека), завершив свою работу и приготовившись к уходу.

В октябре того года я получил следующее письмо в ответ на одно из моих писем.

Твое письмо — истинное выражение твоего внутреннего доверия, любви и искренности. У тебя свидание со своим возлюбленным Я, которое ты игнорировал пятьдесят с чем-то лет, ища счастье в чувственных объектах, временных, нестабильных и непостоянных. Как человек может обрести покой ума, имея дело с преходящими вещами?

Выдели себе час из повседневной рутины, чтобы посидеть в тишине. Понаблюдай за тенденцией своего ума, который является причиной неоднократного твоего воплощения.

Я последовал его совету и в начале 1983 года стал ощущать то, что было похоже на переживание *кундалини*. Во время медитации я чувствовал тепло в области спины, энергия поднималась по позвоночнику, я ощущал дрожь в конечностях, а голова начинала содрогаться, и в конце концов я слышал правым ухом странные звуки. Я написал об этом Гурудео, на что он мне ответил следующее:

Пусть твоя *садхана* будет естественной, как дыхание. Движение в верхней части твоей головы ты ощущаешь из-за своего старания сконцентрироваться. Пусть медитация происходит без каких-либо усилий. Вибрации же свидетельствуют о подъеме *кундалини*. Поддерживай это. Тебе следует более серьезно отнестись к этой *шакти*. Не питай никакого страха. Причина твоего страха кроется в том, что ты принимаешь необычный для тебя образ жизни. Ум не питает любви к своему убийце. Отсюда и страх.

В течение 1983 и 1984 годов я продолжал переживать *кундалини*. Я ощущал, как вверх по позвоночнику поднимаются горячие волны, и ощущение теплоты и блаженства разливается и наполняет все мое тело. Этот поток, казалось, доходил вплоть до самой шеи. Голова непроизвольно двигалась. О своих переживаниях я рассказал Гурудео, когда он вновь приехал в Лонду. Его чрезвычайно обрадовал мой рассказ. Он сказал, что подобные переживания сжигают прошлые кармы.

Ещё он сказал: «Нет необходимости в дальнейших усилиях. Все, что случается после того как сила поднимается до области шеи, возлагается на гуру. Он доведет тебя до *сахасрара чакры* и освободит от последующих перерождений и связанности».

Также он добавил, что спектр моих переживаний расширится и они будут проявлением милости гуру.

«Помни это состояние на протяжении всего дня, — сказал он. — И других *садхан* не потребуются».

Я много раз получал *даршан* Гурудео во время его приездов в Лонду в 1984 году. Мы встречались с ним в доме Шри Бабурао Мургода в Тилаквади, пригороде Белгаума. Гурудео ставил мне в пример Шри Мургода как человека, реализовавшего истину без каких-либо усилий или практики.

«Он верой и правдой служил (выполнял *севу*) гуру и ничего не требовал взамен, — заметил Гурудео. — Он не читал книг, не поклонялся богам и не отправлялся в паломничество». Я расспросил Шри Мургода о его опыте, и он ответил следующее: «Я есть лишь сознание. Через него проходят лишь три состояния. Я не осознаю (не осознает) тело и действия, выполняемые им».

Я убедился в истинности его слов, когда он вез нас на джипе.

Гурудео задал ему вопрос: «Бабу, кто ведет машину?» И он ответил: «Я не знаю. Мне самому интересно. Как может мертвое тело вести машину?»

В тот же год Гурудео почтил своим посещением мой дом, расположенный примерно в пятидесяти километрах от Лонды. Я представил ему своего мусульманского друга Шри Б. М. Инамдара, с которым у него была оживленная беседа на тему суфизма. Шри Инамдар обнял Гурудео, и как только он это сделал, он почувствовал, что у него открылся третий глаз, о чем он тут же сказал. Неважно, на каком пути стоит человек, Гурудео мог наделить его необходимой милостью и дать нужный совет, чтобы ищущий смог продвигаться дальше.

Как Гурудео и предсказывал, у меня было много переживаний *кундалини* в последующие несколько лет. Иногда они приносили неопишемое чувство блаженства, а бывало, что порождали чувство страха и боль.

О своих переживаниях я сообщал Гурудео либо при личной встрече, либо в письме. Вот его некоторые ответы, присланные мне.

Получил твое письмо и прочел его. Я понимаю, что происходит внутри твоего тела. Я наблюдал за твоим лицом при нашей встрече в Лонде и отметил твое сильное возбуждение и дрожь в твоём теле. Тебе нужно быть немного более серьезным... Наблюдай за активностью ума...

По крайней мере еще четыре человека обратились ко мне в настоящее время с подобным переживанием. Продолжай неуклонно следовать своей *садхане*. Успех зависит от твоей *Гуру-бхакти* и твоей серьезности. Уделяй этому как можно больше времени...

Ты пришел и сел передо мной. Твои глаза были полуприкрыты, они были влажными от слез блаженства, и ты стал рассказывать о том, как твоя *кундалини* поднимается к *анахата чакре*. Ты был в экстазе... Пребывай в покое и наблюдай подъем *кундалини*. Не позволяй своему уму отвлекаться на другие вещи и ходи на сатсанги таких святых, как Шри Габри...

Будь непоколебим. Не оглядывайся по сторонам. Бессмертная Шакти Ма стоит с протянутыми руками и ждет, чтобы поцеловать тебя. **ПОЦЕЛОВАТЬ!** Вкус этого поцелуя тебе еще незнаком, мое дорогое дитя. Посвяти этому больше времени, оставаясь в безмолвии, любви и уединении...

Прямо сейчас, когда я пишу это письмо, ты сидишь передо мной. Моя ручка замерла на полуслове, и я начал говорить с тобой об объятиях. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду. Прошу тебя, пойми, что такое случается часто, когда я пишу своим хорошим ученикам...

Войди во врата в полном одиночестве. Предстань перед красотой своего собственного Лица, ранее невидимого тебе. Когда ум обманут, сам человек не может пробудиться к своей собственной природе. Здесь нужна помощь опытного учителя, он подскажет, как войти в царство своего Отца. Этого нельзя узнать из обсуждений, писаний, ритуалов или пения мантр. Держи ум в хорошей форме. Это все, что тебе нужно сделать.

Так просто, не правда ли?

1986 году я приехал встретиться с Гурудео в Харидвар. Со мной был еще один преданный, Шри Датта Гинд, он познакомился с ним в Лонде. Гурудео поприветствовал нас с большой любовью. Он поддержал наше намерение совершить омовение в Ганге и посмотреть все достопримечательности в Харидваре и его пригороде. Он взял нас на *Ганга-арти (пуджу)* и даже заплатил за все цветы, которые мы предложили Ганге. В тот вечер его сатсанг проходил в местечке Дулличанд Бхатия Бхаван, где он остановился. Там мы встретили испанского *санньясина* по имени свами Сатьянанда. Они обменялись фразами, которые я записал в свой дневник.

Вопрос: Говорят, Индия место *мокиши*. Почему?

Гурудео: Да, так оно и есть. (Длительная пауза.) Во многих странах интересуются *бхогой* (наслаждениями), в то время как Индия известна *т্যাгой* (жертвенностью). У чужестранцев сексуальная привязанность прослеживается уже в раннем возрасте. В других странах окружение не способствует тяге, поскольку атмосфера сексуального влечения витает практически повсюду. Для медитации не остается ни места, ни времени.

В своей прошлой жизни многие чужестранцы были рождены в Индии, а сейчас они благодаря *бхоге* получают

новое рождение здесь. Они обречены приехать снова в Индию, как только познают плоды *бхоги* — беспокойство ума. Индия — единственная страна, благоприятная для духовного продвижения. Это место, где можно достичь *мокши* (освобождения).

Я наблюдал, как Шри Гурудео обращался со всеми, кто к нему приходил, и меня поразило то обилие любви, которое он излучал по отношению ко всем своим преданным. Я сказал ему о своих ощущениях, и по мере того как я говорил, мое собственное сердце наполнялось любовью. В тот же самый момент из глаз моих потекли слезы, и я разразился рыданиями. Не в моей власти было контролировать переполняющее меня ощущение радости. Это можно сравнить с тем, как если бы открылись врата большого резервуара, и из него вместо воды хлынул поток блаженства. Я чувствовал, как он исходит из самого сердца, о чем когда-то говорили Шри Гурудео и его учитель. Полное отсутствие ума. Так продолжалось около пятнадцати минут, и все это время моя голова покоилась на коленях Гурудео. Он тоже был счастлив: я видел, что из его глаз текли слезы радости.

Немного успокоившись, он спросил у меня: «Ты когда-нибудь, хотя бы раз, испытывал подобное ощущение блаженства?»

Я должен был признать, что «нет».

Затем Гурудео сказал: «Едва ли какой-либо материальный объект сможет дать человеку ощущение такого блаженства. Наслаждение вещами мнимо и нереально. Тебе удалось осуществить цель своего пути сюда».

На следующий день его милость переполнила меня, и из глаз моих снова полились слезы. Это продолжалось около десяти минут.

Гурудео сказал по этому поводу следующее: «Ты пришел сюда, чтобы получить наставления, теперь ты их получил. Я очень счастлив».

Впервые за всю свою жизнь я познал истинное блаженство. Руки учителя всегда «дают», но чья в том вина, если мы не «берем»?

В ходе повествования Шри Хакри упомянул, что у одного преданного, Бабурао Мургода, было глубокое переживание милости Пападжи. Вот что он пишет:

«... Гурудео привел мне в пример Шри Мургода как человека, который реализовал истину, не прикладывая никаких усилий и не прибегая к практикам.

"Он выполнял севу гуру и ничего не просил, — заметил Гурудео. — Он не читал никаких книг, не поклонялся богам и не отправлялся в паломничество"».

Бабурао Мургод знал Пападжи, когда тот еще жил в Рам Мандире, в Лонде, но кульминационный момент в их отношениях наступил спустя практически двадцать лет, в 1984 году. По прошествии нескольких дней после этого события Бабурао Мургод кратко описал, что с ним произошло:

Восемнадцатого августа 1984 года я обедал вместе с Бхагаваном (Пападжи). Затем к нам присоединился Шри Бетагири. Мы сидели перед Бхагаваном и беседовали с ним.

Неожиданно, без какой-либо видимой причины, я отключился от внешнего мира и внутренне ощутил непередаваемое словами блаженство. Я всегда не нахожу нужных слов, когда стараюсь рассказать, что со мной было или что я в этот момент испытывал.

На следующий день, девятнадцатого августа, мы снова сидели на сатсанге Бхагавана. Было около 5 часов дня, и мне показалось, что Бхагаван пребывает в состоянии *самадхи*.

Я смотрел на него и тут увидел ярко-голубое свечение *чакры*, которое разливалось у него за спиной. Оно было похоже на *сударшан чакру* Шри Кришны (диск,

самое мощное оружие Кришны). Это видение продолжалось около трех или четырех часов.

В какое-то мгновение, когда это продолжалось, Бхагаван открыл глаза и посмотрел на меня, но не было сказано ни слова. Около 9 или 10 часов вечера Бхагаван прервал молчание и попросил нас всех удалиться. Должно быть, Бхагаван хотел задействовать меня в каком-то деле, поскольку сказал, что хочет прокатиться со мной. Мы взяли джип и направились к Шри Габри в Какати. На протяжении всей поездки мое сознание было полностью отключено. Я ощущал, будто машину ведет мертвое тело, принадлежащее мне. По возвращении из поездки мы пошли на прогулку. Мое тело двигалось, но, несмотря на это, не было осознания окружающего.

Уже позже Бхагаван попросил меня написать что-нибудь о моем переживании. Единственное, что я смог написать: «Я свободен навеки веков».

У меня было ощущение, что я больше не принадлежу самому себе. Я полностью отдал себя моему Садгуру, и единственным ощущением, переполнявшим меня, было чувство единения с ним.

Великий святой Карнатаки, Аллама Прабху, как-то написал о своем переживании, описывая его как «... сидение на *симхасане* пустоты». (*Симхасана* — трон императора.) Если бы мне пришлось описывать свое состояние, я бы описал его точно так же.

После этого опыта в его присутствии я постоянно пребываю с учителем, а он всегда пребывает во мне. Это состояние никогда меня не покинет — так пообещал мне Бхагаван. Потом он благословил меня словами «Это *мокша*».

Все это я пишу, потому что Бхагаван попросил меня рассказать об этом случае для блага других преданных.

В начале 1980 года было принято решение переименовать Рам Мандир в Датта Нивас. Так как «мандир» означает

«храм», многие странствующие садху полагали, что могут найти здесь бесплатную еду и кров. Но Рам Мандир был задуман не для этих целей. Это был просто дом, предназначенный исключительно для Пападжи, когда он был в Лонде. Предполагалось, что новое название, «Дом Датты», более точно отразит его истинное назначение.

В процессе рассказа о своем общении с Пападжи Б. В. Хакри, инженер из Белгаума, упомянул, что приехал в Харидвар с одним преданным по имени Датта Джинд. Шри Джинд, приехавший из того же города, что и Шри Хакри, впервые познакомился с Пападжи в середине 1980-х годов в Лонде. Шри Джинд рассказывает о некоторых своих встречах с Пападжи.

Я впервые познакомился с Пападжи в Датта Нивасе, в Лонде, 20 июля 1984 года. Я подошел к нему и представился.

Он тоже был рад и сказал: «Я ждал, когда же ты, наконец, придешь. Я звал тебя». Он спросил, чего я хочу.

Я ответил: «Покоя ума», так как тогда я еще ничего не знал о просветлении или реализации.

Он подозвал, и я склонился перед ним.

Две или три секунды он касался моих щек и сказал: «Покой уже в тебе. Теперь развивай его».

Все мое тело охватило блаженное состояние, которым я наслаждался более трех часов.

Учитель сказал мне исследовать свою природу, со всем смирением, исследовать, откуда я пришел и куда следую. Я занимался этим около месяца, когда наконец-то свет переполнил меня, и я отчетливо увидел откуда я происхожу. После этого еще целый месяц я пребывал в исступленном состоянии экстаза. Я так много смеялся, что у меня даже начали болеть мышцы лица. В течение всего этого времени меня не покидало особое чувство, что я могу проглотить всю Вселенную.

Помню, я смотрел на солнце и думал: стоит мне открыть рот, и я проглочу его. Переполняющее меня ощущение радости и экстаза не подлежали моему контролю.

После отъезда Пападжи из Лонды Шри Джинд отправил ему несколько писем, в которых спрашивал совета и руководства относительно медитаций. Далее приведены три ответных письма Пападжи.

25 декабря 1984 г.

Лакнау

Дорогой Датта Джинд!

Я получил твое письмо от 17 декабря. Оно написано со слезами РАДОСТИ и полного экстаза, эти вибрации превратились в слова и наполнили содержанием так называемое письмо, которое я бы назвал *Бхагаватамом*, цитируемым ни кем иным, как самим Шукой.

Я снова и снова читаю его с огромным наслаждением. Возможно, ты сам не осознаешь, что написал, пребывая в этом экстатическом трансе. Поддерживай это состояние, ты близок к ДОМУ. Пусть тебя не тревожат мысли о семье. Они подобны волнам в океане: вздымаются, перебегают одна к другой, шумят и спадают. Этот процесс продолжится, если ты нырнешь глубже. Под течением нет волн. Практикуй это. Нырять под вздымающиеся волны *самсары сагары* (океан *самсары*) и будь СВОБОДНЫМ.

5 февраля 1985 г.
Лакнау

Дорогой Датта Джинд!

Прочел твое письмо и вложенные *Аширвады* (благопожелания). Данное письмо говорит о глубине состояния, в котором ты пребываешь. Ты вошел в сферы, где господствует Истинное Бытие. Ты пишешь, что твоя медитация превратилась в *сахаджу стхити*, что чрезвычайно радует меня. Ты хорошо поработал и добился результатов за короткий срок. Теперь концентрируйся на ощущаемом тобой состоянии экстаза, а не на повторении мантры. А также пребывай в Безмолвии и Покое. Оставь все сомнения. Пришло время штурма, как ты пишешь в своем письме.

Блаженство — есть Истинное Состояние и твое собственное Бытие. Кто и над кем медитирует? Ты изначально свободен, мое дорогое возлюбленное дитя. Свободу нельзя получить или достичь. Она уже здесь, на твоей ладони. Не давай возникнуть ни одной мысли.

Оставайся как ты есть.

17 марта 1985 г.
Лакнау

Дорогой Джинд Джи!

Прочел одно за другим твои письма от 18, 19 и 22 февраля 1985 года.

18 февраля. Если ты чувствуешь дискомфорт в ногах, когда сидишь долго, ты можешь сидеть в течение дня по несколько раз. Как только у тебя выдается возможность побыть в покое, погружайся в свое Сердце. Не позволяй своему уму отключаться. Не концентрируйся на физическом сердце. Избегай тяжести в голове. Не

концентрируйся между бровей. Экстаз — хороший признак. Продолжай.

19 февраля. Не концентрируйся на сердце. Верь. Расслабься. Сиди и смотри в никуда.

22 февраля. Полностью положишься на своего учителя, и все будет хорошо. Не тревожься, ты на верном пути без пути.

В 1986 году, как упоминал Шри Хакри, Шри Джинд ездил в Харидвар, где неоднократно переживал чувство экстаза в присутствии Пападжи. Шри Хакри отметил в своем дневнике, что внутри Джинда спонтанно повторялась джапа, а его тело непроизвольно принимало разные асаны, что никогда раньше не происходило с ним. Невзирая на то что его тело постоянно двигалось, что причиняло некоторые неудобства, когда он лежал, и мешало спать ночью, оба, Пападжи и Шри Хакри, отметили, что лицо Шри Джинда лучилось светом. Вот описание одного такого опыта, за которым последовал рассказ о глубоком и длительном переживании.

Это произошло в Харидваре. Я сидел рядом с учителем, когда мои конечности стали дрожать. Я вдруг обнаружил, что сижу в позе Натараджи, и увидел, как передо мной вращается *сударшан чакра* Кришны. Благодаря этому видению я пребывал в состоянии экстаза до самого утра.

На следующий день учитель положил свои руки мне на голову и сказал: «Ты сделал свою работу. Остальное оставь мне».

Странные видения продолжали происходить даже по прошествии нескольких лет после этого, но ключевое событие произошло спустя несколько месяцев, в декабре 1986 года в Харидваре. Посреди ночи мне явился

учитель и раскрыл значение бытия/небытия, формы/бесформенности, с атрибутами/без атрибутов, конечного/бесконечного.

Я разразился слезами экстаза: «Учитель, *Ом, Ом!* Как вы добры! Я так вас люблю!»

В присутствии *Садгуру* ты ощущаешь материнскую любовь, покой ума и получаешь ценные наставления, полностью развеивающие все сомнения. Он заставлял нас смеяться, и мы забывали все на свете, кроме него. Тот, кто может открыть для него свое сердце и принять его, растворится в ничто и осознает истину своего бытия.

Рассказы других преданных, встречавшихся с Пападжи, появятся позже, уже в последующих главах. Однако перед тем как завершить данный раздел на событиях, происходящих в Рам Мандире, и преданных Пападжи, встретившихся с ним там, я бы хотел представить еще одно завершающее переживание. Оно было записано Шри Камлани, преданным из Лонды, управляющим рестораном при местной железнодорожной станции. Шри Камлани покинул, этот мир до того, как я начал заниматься подбором материалов для данной книги, поэтому я не смог записать его переживания непосредственно с его слов. Однако мне удалось найти в одной из записных книжек Пападжи краткий рассказ, записанный его рукой. В 1980-х, если в его присутствии преданные переживали яркий опыт, Пападжи обычно просил их записывать это событие в своем блокноте, который он всегда носил с собой во время путешествий.

Такова была методика Пападжи — просить преданных, переживших пробуждающий опыт в его присутствии, постараться описать случившееся. Несмотря на то что большинство из них признавали невозможность этого, он все же настаивал, чтобы они попытались.

14 августа 1984 г.
Лонда

Сидя перед моим гуру, я вошел в состояние транса и все глубже и глубже погружался в себя. В течение короткого времени все внешнее окружение исчезло. Я все еще слышал внешние голоса, но они доносились как-то совсем издалека. Я слышал громкие удары своего сердца и на какое-то мгновение мне показалось, будто оно было плотным и тяжелым, а удары по нему производились молотком. Спустя мгновение я увидел свет впереди и чувствовал, что вижу стену, массивную стену, которая, казалось, была сделана из чего-то, что напоминает солнечный свет, только намного ярче солнца. У меня было переживание этого света долгое время. Я неохотно открыл глаза и увидел перед собой улыбающегося мне гуру. Яркий удивительный свет исходил из его глаз. Мне казалось, будто само солнце светило в мои глаза. Чем дольше я смотрел на учителя, тем больше от него исходило сияние. Оно было настолько интенсивным, что из моих глаз покатились слезы. Это было незабываемое переживание, то, что можно увидеть лишь раз за миллионы жизней. Я был благословен получить эту милостивую улыбку света от своего учителя! Она проникла в самое Сердце, источник творения, и разрушила там мой ум. Как же я благословен! Это глубокое погружение в Сердце разрушило все. Все распалось. Теперь я знаю: есть только одно всеобщее Сердце, которое пребывает повсюду. Куда бы я ни направил свой взгляд, есть только Сердце. О, как это прекрасно! Пусть милость учителя оставит меня в этом священном состоянии! Пусть его милость вечно изливается на меня!

И. Д. Камлани

ГЛОССАРИЙ

Приведенные здесь определения технических философских терминов не исчерпывающие. Они лишь показывают, в каком смысле был использован тот или иной термин в данной книге. Слова, помеченные звездочкой (*), приведены в этом глоссарии где-то еще. Если какая-либо буква в слове взята в скобки, например, *линга(м)*, это означает возможность произнесения слова как с буквой, выделенной скобками, так и без нее. В индуистских языках одно и то же слово может произноситься разными способами. В вышеприведенном примере на хинди это слово прозвучит как «линг», на санскрите — «линга» и «лингам» — на тамильском.

Анарья — учитель, духовный наставник. Ади-Шанкара — см. *Шанкара*.

Адвайта — буквально «не два»; недвойственность, или абсолютное единство; чистый монизм. Школа Веданты*, одна из шести традиционных школ индийской философии; недвойственное, нетеистическое толкование *Упанишад** и *Брахма Сутры*, которое дает *Шанкара** (788—820 н. э.). В центре учения лежит отождествление индивидуальной души с *Брахманом**. В учении говорится, что существует только *Брахман*, Окончательная Реальность. Также в данном учении утверждается, что мир и эмпирическое «я» нереальны.

Адвайтин — последователь или практик *адвайты*.

Агхори — направление *садху*, чьим основателем считается Горакхнатх. Это направление известно тем, что его члены совершают нестандартные акты, например пьют человеческую кровь, едят плоть мертвецов, носят ожерелья из человеческих костей и используют человеческие черепа как чаши. По-видимому, Пападжи

использует термин «*агхори*» по отношению ко всем тем *садху*, чье поведение идет вразрез с социальными нормами.

Ахам Брахмасми — «Я Брахман*». Данное известное изречение — одно из четырех «великих высказываний» (*махавакьи**), взятых из *Упанишад*, каждое из них утверждает тождественность индивидуального (*дживы**) и высшего (*Брахмана*).

Аджня — см. *Кундалини*.

Анахата — см. *Кундалини*.

Ананда — блаженство.

Ананда Майи Ма (1896—1982) — (буквально: «Распространяющая блаженство») почитаемая бенгальская святая, у которой было много ашрамов, включая один в Канкхале, Харидваре.

Анна — мелкая индийская монета, равная одной шестнадцатой рупии.

Арджуна — один из пяти братьев Пандавов, женившихся на Драупади, и величайший лучник древней Индии. Бог Кришна* выступал в роли его возницы в войне с кауравами, что составляет основной сюжет *Махабхараты**. Кришна передал учения *Бхагават Гиты* Арджуне на поле битвы Курукшетры*, перед тем как началось решающее сражение.

Аруначала — буквально: «красная гора»; священная гора в Тамил Наду, Южная Индия; считается проявлением Бога Шивы* в форме природного *лингама*. У ее подножья лежит Тируваннамалай и ашрам, основанный Шри Раманой Махарши*, считавшего ее своим гуру*. В своих многочисленных поэмах и устных ответах Шри Рамана утверждал, что достиг самореализации благодаря милости Аруначалы.

Арья Самадж — буквально: «Общество благородных»; социальное и религиозное реформистское движение в Индии, начатое сваами Даянандой (1824—1883), как ответная реакция на влияние Запада на индуизм.

Асадхи Екадаси — преданные со всей Махараштры собираются на празднование, проходящее ежегодно в июле или августе. Прежде всего шествием празднуется паломничество Джнянешвара, которое он совершил от Аланди до Пандхарпура примерно 700 лет назад. 700 ООО паломников приходят в этот день, и даже тогда *даршан** продолжается двадцать четыре часа в сутки. За *даршаном* выстраивается пятикилометровая очередь.

Асаны — позы тела, которые лежат в основе выполнения большинства практик йоги*.

Ашрам — лесное пристанище, место проживания святых, йогов, их учеников или последователей.

Аштавакра — (буквально: «искалеченный восьмикратно») тяжело искалеченный гуру* Джанаки*. В *Аштавакра Гите* (500-400 до н. э.) содержится ответ Аштавакры на вопрос Джанаки: «Как можно достичь просветления?» Излюбленной историей Раманы Махарши* был случай, рассказанный Пападжи о том, как Джанака достиг просветления, когда сидел на лошади. Я не нашел письменного источника, подтверждающего данную историю, но рассказ Шри Раманы можно прочесть в книге «Письма и воспоминания» Сури Нагаммы, изданной в Шри Рамана-шраме* в 1992 году.

Аштавакра Гита — см. *Аштавакра*.

Атма(н) — в *Веданте** является бессмертным истинным Я всех существ, идентичен *Брахману**.

Авадхут(а) — буквально: «отброшенный»; просветленный, чья реализация была настолько интенсивной, что он отверг все социально-религиозные обычаи и все признаки внешних различий. Обычно *авадхуты* становятся бездомными странниками и избегают человеческого общества.

Аватар(а) — буквально: «нисходящий»; воплощение или сошествие божества, в особенности одного из

десяти воплощений Вишну*, куда входят Рама* и Кришна*.

Авидья — неведение, особенно неведение своей истинной природы.

Бадринатх — также известен как Бадрика; главный храм в знаменитом паломническом центре в Гималаях, который, как полагают, был воздвигнут Шанкарой*. По традиции он является одним из четырех *дхам* («царств Бога») и посещается теми индусами, кто ищет Самореализации.

Баниан — футболка, ее носит мужское население Индии как нижнее белье.

Бхагават Гита — буквально: «Песнь Бога», или «Божественная Песнь»; написанная где-то в 400-300 г. до н. э. Самый знаменитый священный текст в индуизме, он находится в шестой главе *Махабхараты**, представляет собой учение бога Кришны, переданные арийскому принцу Арджуне* на поле битвы при Курукшетре*. Здесь была сделана попытка объединить различные нити индийской философии (например, *Веданту**, *Йогу**, *Самкхью**), а также даются рекомендации по личностному поклонению Кришне.

Бхагаван — «Бог»; 1) эпитет, применяемый к Вишну и Шиве; 2) одно из обращений к Шри Рамане Махарши*.

Бхагаватам — также известен как *Бхагавата Пурана* и *Шримад Бхагаватам*. Датируется где-то 750 г. н. э. и приписывается Вьясе*, сюда вошли яркие истории о ранних годах Кришны*.

Бхагиратхи — название реки Ганга до места ее впадения в Алакнанду. Такое название она получила в честь мудреца Бхагиратха, который вынудил Гангу спуститься с небес и течь по земле.

Бхаи Сахиб — «почитаемый старший брат»; так называют старшего брата. Обращение к Пападжи.

Бхаджан — корень «бхадж» (Санскрит*) обозначает

«любить, восхищаться, поклоняться»; песнь преданности или гимн.

Бхакта — любящий Бога, преданный; тот, кто следует или практикует путь *бхакти* *.

Бхакти — «любовь и преданность Богу»; идеальное религиозное отношение, в соответствии с теистическим индуизмом.

Бханг — толченые листья марихуаны, обычно принимаются вместе с едой или питьем.

Бхикиша — пища, даваемая как милостыня; подаяние еды; прошение еды.

Брахма — в индуистской космологии — Бог как создатель, первичный сознающий разум во Вселенной и первое созданное существо.

Брахмачари — 1) тот, кто практикует *брахмачарью*, первую из четырех стадий жизни; 2) период ученичества; 3) молодой ученик, соблюдающий celibat, обычно проживающий в доме своего гуру*.

Брахмачарья — буквально: «пребывание в *Брахмане*»; первая из четырех стадий жизни в ортодоксальном индуизме, присущая целомудренному ученику; зачастую обозначает просто безбрачие.

Брахман — в индуизме данным словом принято обозначать безличную Абсолютную Реальность, окончательную истину, существование-знание-блаженство; единое, бесформенное, недвойственное, Абсолют, основа всего существующего; отождествляется с *Атманом* *.

Брамин — член наивысшей индуистской касты; представитель класса духовенства, в чьи обязательства входят получение знаний и их передача, а также выполнение ритуалов (*пудж* *) и жертвоприношений (*ягн*).

Вайшно Деви — пещера-храм в Кашмире, где поклоняются трем главным богиням. Он расположен на высоте 5100 футов, в 61 км на север от Джамму (Кашмир)

и в четырнадцати километрах от Катры. Более миллиона паломников приходят сюда во время больших празднеств, которые проходят в марте-апреле, а также сентябре-октябре.

Вайшнава — последователь Вишну*. См. *Вайшнавизм*.

Вайшнавизм — одно из трех крупных направлений современного теистического индуизма (другие два — шайвизм и шактизм), в котором Вишну* или одно из его воплощений — Рама* или Кришна* — отождествляется с Брахманом*, Высшим Существом.

Васана — тенденция, привычка к определенному действию.

Васаны формируются вследствие действий с привязанностью, когда человек считает себя автором действия.

Веданта — буквально: «конец *Вед**»; система индуистской мысли, основанная на *Упанишадах**, *Бхагават Гите** и *Брахма Сутрах**, в основе которой лежат доктрины *адвайты** (чистой недвойственности) и *вишиштадвайты*.

Веды — буквально: «знание, мудрость»; самые священные и древние писания индуизма, более того, самый древний письменный источник религиозных знаний во всем мире.

Самые ранние тексты написаны около 4000 лет назад.

Вибхути — пепел от священного огня, который затем используется для поклонения. Им обмазывают тело и иногда употребляют внутрь как *прасад**.

Вицерой — титул главного английского управляющего в Индии во времена ее колонизации.

Видеха мукти — «невоплощенное освобождение»; обычно понимается как состояние просветления после смерти. Пападжи считает, что человек пребывает в таком состоянии перед самой смертью, что является условием совершенного отождествления с Абсолютом, в котором теряется все телесное сознание.

Видья — знание; в данное понятие входит как высшее, абсолютное знание, так и относительное знание более низкого уровня.

Видьяранья — почитаемый святой и ученый XIV века, глава монастыря Шрингери — прославленное место учения *адвайты*. Им написано несколько важных работ на санскрите по *адвайте**, включая Панчадаси* и Дживанмукта Вивеку.

Вишну — в индуистской Троице — Бог в аспекте хранителя. Он — управитель *майи* и защитник *дхармы**. Через свои воплощения (его *аватарами** являются Рама* и Кришна*) он спустился на землю с Небес, чтобы уничтожить демонов, досаждающих человечеству и поддержать вечные стремления человека к достижению *дхармы** и *мокиши**.

Вишуддхи — см. *Кундалини*.

Виттал — имя Кришны*, так к нему обращаются в храме Пандхарпура в Махараштре.

Вивекананда, свами — энергичный преемник Рамакришны Парамахамсы*. В 1993 году он был одним из первых свами в Индии, начавших пропаганду индуизма на Западе. Он способствовал популяризации индуистской культуры и философии через свои лекции, книги и основанные им организации.

Вьяса — общий термин, обозначающий «составителя» или «собирателя», применим к автору или авторам различных значимых книг на санскрите*, в частности к *Веда-Вьясе*, собиравшему *Вед**. Он значителен как автор *Махабхараты** *Бхагаватам* и восемнадцати главных *Пуран**. В некоторых текстах упоминается вплоть до двадцати восьми *Вьяс*, все они рождались на земле в разное время, чтобы собирать и распространять ведическое знание.

Ганготри — небольшой городок, расположенный недалеко от истока реки Ганги. Сама Ганга берет начало в

Гаумукхе, приблизительно двадцать километров вверх по течению, из ледников.

Ганджа — сухие листья конопли; в Индии их курят, используя *чиллум**.

Гаруда — в индуистской мифологии полубог в форме орла; царь птиц и уничтожитель змей; священная гора Вишну* и его супруги Лакшми*.

Гириджа — буквально: «рожденная горой»; одно из множества имен супруги Шивы*, Парвати.

Гита — см. *Бхагават Гита*.

Гошки — см. *Гопи*.

Гош — также известны как *гопики*; пастушки Вриндавана, покинувшие свои дома и бросившие возложенные на них обязанности по дому, ради того чтобы играть и танцевать с Шри Кришной*; они стали примером любви и преданности. Радха* была главной *гопи*. В настоящие дни этот термин более употребим по отношению к любой женщине, преданной Кришне.

Горакхнатх — пенджабский святой IX века и *сиддха**, его считают одним из наиболее великих Мастеров *хатха йоги**. Есть предположение, что он основал такие направления йоги, как «Натх» и «Канпхата». Практикующие этих направлений стремились к физическому бессмертию и *сиддхам**.

Гуха — пещера; иногда это слово употребляется в метафорическом значении, для описания «пещеры Сердца».

Гуджарати — язык, на котором говорит население, проживающее севернее Бомбея; человек, для которого этот язык родной.

Гуна — буквально: «качество»; многие индуистские направления придерживаются мнения, что природа состоит из трех «качеств» или «частей», всегда пребывающих в движении: *саттвы* (гармония, чистота, яркость), *раджаса* (волнение, активность, страсть) и

тамаса (инертность, темнота, невежество). Одно из этих трех «качеств» всегда преобладает. Взаимодействие *гун* объясняет качественные перемены как в проявленном, так и в сфере сознания. *Гуру* — буквально «устраняющий мрак»; духовный учитель, или наставник, вводящий учеников в духовные традиции. В данной книге пишется со строчной буквы. Используется по отношению к обладающим способностью показать ученикам, кто они есть на самом деле.

Гуру Пурнима — «Гуру полная луна»; день полнолуния в июле, посвященный гуру.

Дакша — отец Сати, которая стала Парвати* в своем следующем воплощении.

Даршан — корень «*drs*» (санскрит*) обозначает «видеть»; видение святого человека или божества; находиться в присутствии святого или быть принятым им.

Даттатрея — мудрец; его считают автором *Авадхута Гиты*, *Дживанмукта Гиты* и *Трипура Рахасьи* — все они излагают доктрину *адвайты Веданты**. Признан многими школами, и различные группы считают его идеальным *аватаром**, идеалом на пути отречения, идеальным гуру*. Даттатрея Сампрадая, известная во многих частях Западной Индии, почитает его как основателя их линии.

Даянанд(а), свами — см. *Арья Самадж*.

Дева — небесное создание, божество; обитатель небес в Индии. Женский род — *деви*.

Девапраяг — слияние рек Бхагиратхи и Алакнанды, где берет начало река Ганга. С духовной точки зрения это соединение рек в Индии стоит на втором месте по важности после Праяга в Аллахабаде.

Девараджа Мудальяр — один из главных преданных Шри Рамана Махарши*; автор дневника «День за днем с Бхагаваном», где представлен перечень событий

и изложено содержание бесед в Шри Раманашраме в 1940-х годах. *Девастхана* — «место Бога»; индуистский храм или святое место.

Дхарамсала — пристанище, расположенное недалеко от дороги, где паломники могут переночевать либо бесплатно, либо по минимальной ставке. Такие пристанища обычно находятся на главных паломнических маршрутах.

Дхарма — буквально: «то, что поддерживает»; 1) вечный принцип правильного действия; 2) моральное обязательство; 3) добродетель; 4) Божественный Закон; 5) религиозная традиция.

Дхоби — тот, кто стирает и гладит белье.

Дхоти — прямоугольный кусок ткани, являющийся мужской одеждой. Обворачивается вокруг талии и напоминает юбку.

Доса — лепешка из кислого теста в Южной Индии. Ее обычно едят на завтрак или ужин.

Джей Ситарам — «Слава» или «Хвала Сите и Раме*».

Джанабаи — прислужница и ученица Намдева*, она была поэтом-мистиком и страстной преданной Виттхала*, образа Кришны* в Пандхарпуре. Ее и Муктабаи, сестру Джнянешвара*, считают выдающимися святыми женщинами Махараштры.

Джнянананда Гири — современный святой Индии, который провел свои последние годы жизни в Ашраме Тапована, что в двадцати километрах от Тируваннамалай. В течение своей жизни он три раза обошел Индию по периметру. Когда в 1974 году он ушел из жизни, его преданные утверждали, что ему было 300 лет.

Джанак — король Видехи, отец Ситы*; идеал мудреца, безмятежно живущего в мире после освобождения. Также см. *Аштавакра*.

Джанмастами — празднование рождения Шри Кришны*, ежегодно отмечающееся в августе.

Джапа — буквально: «произнесение, бормотание»; частое повторение слова или слов (мантра*) или имени Бога, обычно после инициации. К джапе прибегают как одному из средств, помогающих воззвать к милости, обрести видение божества, или с целью самопознания.

Джая, Джая, Виттхал Пандуранга — «Слава, слава, Виттхалу*, Богу Пандхарпура».

Джи — приставка в языках хинди и санскрите добавляется к имени для выражения почтения и уважения; уважительная форма обращения, сокращенная форма от *джива**.

Джива — философский термин для обозначения человеческой души в индивидуальном воплощении, особенно если человек не является просветленным. Индийские школы мысли различают степени ее реальности. В *адвайте** у нее есть формальная, относительная реальность только до момента просветления, после чего ее рассматривают как неотделенную или единую со всем, что есть.

Дживанмукта — «Освободившаяся душа»; традиционно проводят различие того, кто обрел свободу при жизни, и *видеха мукти**, того, чье освобождение произошло в момент смерти.

Джняна — знание, мудрость, особенно неизменное знание, абсолютное знание.

Джнянешвар (1271—1296) — основатель движения *бхакти** в Махараштре, автор *Джнянешвари**, перевод и комментарий на *Бхагават Гиту**, а также один из величайших поэтов-святых Маратхи.

Джнянешвари — «Богиня Мудрости»; самая значимая работа Джнянешвара*, куда вошло 9000 стихов, комментариев конца XIII века на *Бхагават Гиту**. Он также известен под именем Джнянадев.

Джняни — буквально «тот, кто знает»; человек *джняны**; достигший освобождения или просветления. *Джняна* — не опыт истинного знания, это само знание.

«Нет *джняни*, есть только *джняна*», — говорил Шри Рамана Махарши*. *Джвалана* — сильный желудочный огонь, создаваемый продвинутыми йогами* в *манипура чакре**. Он возникает в результате *пранаямы**, считается, что созерцание *джваланы* вызывает великое блаженство. Получилось так, что Пападжи использовал этот огонь просто для сжигания неперевавшейся пищи, хотя в йогических текстах говорится, что в момент смерти при созерцании внутреннего огня может сгореть все тело. В таких случаях не остается никаких следов от физического тела.

Екнатх (1533—99 н. э.) — святой Маратхи, отредактировавший *Джнянешвари** и написавший свои собственные поэмы, а также комментарии на *Бхагават Гиту** и *Бхагаватам**. Его комментарий на *Бхагаватам*, которые Пападжи называет «*Бхагват*», комментирует одиннадцатую песнь *Бхагаватама*.

Змеиная сила — английский перевод двух текстов (1918 г.), сделанный Джоном Вудроффом, английским судьей, работающим какое-то время в Калькутте. Данная работа теперь считается классической литературой по *кундалини**.

Иддли — пирог из кислого теста в Южной Индии, приготовленный из риса или черного горошка; обычно его едят за завтраком или ужином.

Йога — буквально «соединение, упряжь, единство»; ортодоксальная система индуистской философии, которая ассоциируется с Йога-сутрами Патанджали (I или II век н. э.). Сюда вошел восьмичленный путь, изложенный в *Йога-сутрах**: соблюдение морали (*яма*); самодисциплина (*нияма*); физические

положения тела (*асаны*); контроль дыхания (*пранаяма*); обуздание чувств (*пратъяхара*); концентрация (*дхарана*); медитация (*дхьяна*); *самадхи*, где субъект и объект становятся одним.

Йога-сутры — собранные Патанджали*, в них содержится 195 афоризмов по Йоге*. Они разделены на четыре части и являются ранним авторитетным изложением классической Йоги.

Йога-Васиштха — была создана в период между IX в. н. э. и XIII в. н. э.; классифицируется как эпическая поэма (итихаса); написана на санскрите и состоит из 32000 строф. В ней приведены учения по обретению свободы, переданные Раме* его гуру, мудрецом Васиштхой. Несмотря на большое количество приведенных здесь поучительных иносказаний и отступлений на тему разнообразных техник йоги, главное ее послание о существовании лишь единого Я без всяких сомнений является адвайтическим. Автор неизвестен.

Йог — практикующий йогу*; тот, кто жаждет обрести единство с Богом; достигший *сиддхи** (успеха) в йоге; достигший гармонии в *Брахмане**; духовно продвинутый или освободившийся.

Кабир (1440—1518) — почитаемый святой, поэт и мистик Варанаси, был неграмотным ткачом. Его поэзия и мистическое учение лежат в основе известной секты современной Индии. Кабир стоял выше кастовых и классовых различий, выступал против ритуалов и идолопоклонничества, в равной степени признавал как индуизм, так и мусульманство. *Биджак*, антология его поэм, является священным текстом «Кабир Пантха», направления, поклоняющегося Кабиру как Богу. Книга разделена на следующие части: *Раймини*, *Сабдос* и *Сакхи*.

Кали — также известна как Деви; супруга Шивы*; хотя изображается в форме, наводящей ужас, она является

первой созидательной силой после проявления и дарит милость, разрушающую это.

Каннада — родной язык большей части жителей, населяющих штат Карнатака.

Карма — буквально «действие», «работа»; закон бумеранга, моральная сила, возникающая и сопровождающая выполнение какого-либо действия; в этой или в другой жизни она обернется для человека добром или злом, в зависимости от его мотивов.

Кауравы — см. *Махабхарата*.

Каусар — литературный псевдоним Пападжи. Возможно взятый из названия озера нектара в мусульманском раю. Называется «озером изобилия». Его запах предположительно слаще мускуса. Согласно Корану тот, кто глотнет из этого озера, никогда не будет чувствовать жажду.

Кришна — буквально: «Тот, кто пленяет или побеждает»; бог-пастух, чья игра на флейте и игривость очаровывали *гопи**; Его наставления Арджуне* на поле битвы во время великой войны *Махабхараты* стали текстом *Бхагават Гиты**. Восьмой *аватар* Вишну*. Полагают, что он является воплощением любви.

Кумбха Мела — великая религиозная ярмарка; она проводится в Аллахабаде один раз в двенадцать лет. В Харидваре, Уджайне и Нашике — трех паломнических центрах — также организуют празднование Кумбха Мелы каждые двенадцать лет.

Кундалини — «змеиная сила»; психодуховная сила, покоящаяся у основания позвоночника. Йогические практики активизируют ее и приводят в движение. В представлении йогов она спит, свернувшись кольцом, как змея. Она разворачивается и постепенно поднимается вверх по позвоночнику через различные *чакры* (буквально «колеса»), ее можно представить как кружащуюся в вихре энергию, локализованную в тонком теле, проходящую через центры туловища и

головы. Различаются следующие чакры: *муладхара* («колесо корневой основы») расположена в области копчика; *свадхистхана* («колесо "я"-основы») расположена в области гениталий; *манипура* («колесо драгоценного города») расположена в области солнечного сплетения; *анахата* («колесо нетронутого звука») расположена в области сердца; *вишуддхи* («чистое колесо») — в области горла; *аджня* («управляющее колесо») — в центре головы; *сахасрара* («колесо тысячи лучей») — в области макушечной части головы. В соответствии с философией йоги*, когда *кундалини* достигает чакры *сахасрары*, наступает *самадхи**. *Курта* — мужская рубашка с длинными рукавами без воротника.

Курукшетра — поле, на котором разворачивается битва в *Махабхарате*.

Кутир — небольшой деревенский дом или хижина, обычно предназначенная для проживания отшельников.

Ладду — конфета круглой формы размером с мяч для гольфа. *Лакх* — сто тысяч.

Лакшман(а) — преданный брат Рамы*. Он сопровождал Раму и Ситу в изгнании в лесу; индуистский идеал преданного брата.

Лила — буквально: «забава», «игра»; Вайшнав* считали ее божественной целью создания проявленной Вселенной.

Линга(м) — буквально «знак», «эмблема»; вертикальная колонна, сделанная из камня, с закругленным верхом; символизирует непроявленного Шиву*; ему поклоняются во внутренних святилищах всех шайвитских храмов.

Лота — медный сосуд, используемый для хранения питьевой воды.

Лунги — см. *Дхоти*.

Махабхарата — «Великая Бхарата»; ее написание датируется между 200 г. до н. э. и 200 г. н. э. Представляет собой массивное поэтическое собрание мифов и легенд об индусских богах. В основе лежит повествование о борьбе двух семей, Кауравов и Пандавов, за власть над Бхаратой (Северная Индия).

Махарадж(а) — «великий король» или «великий правитель»; титул многих правителей индийских государств; так уважительно называют некоторых духовных учителей.

Махатма — буквально: «великая душа»; полностью реализованный святой; титул Мохандаса Ганди (1896—1948), лидера индийского движения за независимость.

Махавакья — буквально «великое изречение»; данный термин используется для обозначения одного из четырех великих высказываний, взятых из *Упанишад**, по одному из каждой *Веды**. В каждом из них по-своему выражается фундаментальная истина — тождественность *Атмана** и *Брахмана**.

Мала — в индуизме обозначает четки из 108 бусинок, применяемые при практике *джапы**. Также имеет значение «гирлянда».

Манипура — см. *Кундалини*.

Мантра — священное слово или фраза, данное гуру* своему ученику; повторение мантры — одна из самых общепринятых форм *садханы**.

Маст Каландары — члены суфийского направления «Каландари». Они намеренно ведут себя в обществе оскорбительно. Известны своими музыкальными вечеринками-*самами*. Вызывающе одеваются и в больших количествах потребляют гашиш. «Маст» обозначает экстатическое, блаженное состояние, в котором человек не осознает, что происходит вокруг него.

Мауна — «безмолвие»; иногда данный термин применим к практике молчания, хотя также он обозначает состояние безмолвия ума, при котором ум не порождает никаких мыслей.

Мела — праздник; большое собрание людей с духовными, коммерческими, культурными целями или просто пообщаться.

Мира(баи) (1498—1546) — почитаемая принцесса Северной Индии, святая и поэтесса; ее поэмы и песни выражают ее преданность Кришне*, и до сих пор их любят и поют индусы во всей Индии. Ее гуру* был святой Равидас*, башмачник.

Миссия Рамакришны — любая ветвь ордена Рамакришны; монашеский орден, основанный свами Вивеканандой* и его последователями после смерти их учителя — Шри Рамакришны Парамахамсы — в 1886 г.

Мокиша — «освобождение», «свобода»; в индуистской философии обозначает состояние освобождения *дживы**, или индивидуальной души; свобода от круга перерождений (*самсары**); самореализация.

Муладхара — см. *Кундалини*.

Мулла(х) — в исламской Индии обозначает ученого мужа, учителя, знатока законов ислама; лидер молящихся в мечети; директор школы.

Наги — направление *садху*, которые по традиции не носят одежду.

Намдев (1270—1350 н. э.) — святой Маратхи, портной. Он был современником Джнянешвара*. Очень много путешествовал по Индии, славя Бога, повторяя Его имя.

Нараяна — буквально «сын Нары», что значит «сын мужчины», в древности так традиционно называли высшее существо в индуизме. В процессе синкретизма, который характерен индуистской мифологии,

имя Нараяны стали использовать по отношению либо к Вишну*, либо к Кришне*.

Натарадаса — Шива*, изображенный в *тандаве*, космическом танце творения, поддержания и разрушения.

Ним Кароли Баба — современный святой и гуру*. Его происхождение неизвестно. Он ушел из жизни в 1973 году. *Бхакта* Рамы* и Ханумана*. Известен своим эксцентричным поведением, а также своими многочисленными чудесами.

Немишаранья — «лес Немиша»; расположен вблизи Ситапура в Северной Индии. Его известность во времена пуран объясняется несколькими причинами: на протяжении последних двенадцати лет там проводились главные *ягны**, куда собирались тысячи *риши**; в соответствии с некоторыми источниками Шука, сын Вьясы* впервые декламировал там *Махабхарату**; диск Кришны* — *сударшана чакра* — приземлился здесь в конце войны, описанной в *Махабхарате**. Место, где она приземлилась, теперь стало центром паломничества.

Нети-нетти — буквально: «ни это, ни то»; известное из речение, взятое из *Брихадараньяка Упанишады*, где утверждается, что *Брахмана** нельзя описать словами или помыслить, так как он лежит за пределами субъект-объектного различия. Повторение «*нетти-нетти*» как духовная практика нацелено на обнаружение Абсолюта путем отрицания всего, что не есть *Брахман*.

Нирвана — «потухание»; буддийское понятие, обозначающее состояние просветления, в котором исчезают все желания.

Нирвикальпа самадхи — *самадхи**, где стираются рамки каких-либо различий. Высшее состояние сверхсознания; бесформенность, интенсивно блаженное самадхи недвойственного единства с *Брахманом**, высшее состояние сознания в соответствии с *Ведантой** и *Йогой**.

Нисчалдас — почитаемый ученый-святой начала XIX века в Северной Индии, чьи труды по *адвайте Веданты** вызвали восхищение свами Вивекананды*, свами Рам Тиртхи* и Шри Раманы Махарши*. Автор *Вичара Сагары*.

Нить брамина — диаметром около двух футов; петлей идет через левое плечо и вокруг талии. Многие брамины носят ее на теле, под одеждой.

Низам — титул правителя Хайдерабада, до того как он вошел в состав Индии.

Ом — согласно индуизму, это изначальный звук, из которого возникает все существующее. Самый важный элемент во всех мантрах*.

Ом шанти, шанти, шанти — «*Ом**, покой, покой, покой»; древнее ведическое благословление, завершающее мантры* молящихся, что представлено во многих классических *Упанишадах**; общепринятая форма благословления после повторения мантры или в заключение ритуального поклонения (*пуджи**). На протяжении нескольких лет Пападжи все свои сатсанги* начинал с этой мантры.

Па(а)н — смесь из рубленого арекового ореха, лайма, иногда с добавлением других ингредиентов. Все это заворачивают в листья бетельной пальмы и жуют. Окрашивает десны и зубы в характерный красный цвет.

Лада пуджа — ритуальное поклонение стопам Бога или Гуру*, как акт благоговения и почитания.

Падмасана — «поза лотоса»; в классической и *хатха йоге** позиция полного лотоса, где тело находится в положении сидя, ноги скрещены и проходят через бедра, левая лодыжка над правой. Спина и шея прямые. При правильном выполнении человек может оставаться в таком устойчивом положении долгий период времени, пребывая в трансе, или *самадхи**.

Пайса — денежная единица, теперь равная 1/100 рупии. До получения статуса независимости было другое деление рупии: она состояла из шестнадцати *анн*, а в каждой *анне* было четыре *пайсы*.

Пакора — блюдо из рубленных овощей, смазанных маслом и хорошо прожаренных.

Панчадаси — классическое разъяснение *адвайты Веданты** XIV века, написанное Видьяраньей*.

Пандавы — см. *Махабхарата*.

Пандхари — см. *Пандхаринатх*.

Пандхаринатх — «Бог Пандхари»; титул бога Виттхала*, божества в храме «Пандхарпур».

Пандит — индуистский ученый; тот, кто пишет, занимается исследовательской деятельностью или преподаванием.

Пандуранга — см. *Пандхаринатх*.

Парикрама — путь вокруг священного места, более или менее похожий на круг; прохождение пути по часовой стрелке, совершаемое паломником как акт поклонения и благоговения.

Парвати — жена, или супруга, Шивы*.

Патанджали — написал «Йога-сутры» примерно во II веке н. э.; он скомпилировал и систематизировал существующее знание Йоги* и дал ему философское обоснование.

Пир — мусульманский святой или наставник. Обычно используется по отношению к тем, у кого есть ученики или последователи.

Праджня — буквально «запредельное знание»; трансцендентальная мудрость, знание, которое присуще тому, кто обрел свободу. Эквивалент *джняны**.

Ирана — жизненная энергия; жизненное дыхание; общая основа дыхания и ума.

Пранаяма — упражнения в йоге, посредством которых можно контролировать или регулировать дыхание. В философии Йоги* говорится о взаимной связи

дыхания и ума, следовательно, контроль одного предполагает контроль другого.

Прасада — освященный дар; еда, предложенная гуру* или божеству, становится *прасадом*, когда ее часть или всю ее раздают всем присутствующим или возвращают преданному, который ее принес.

Пуджа — ритуальное поклонение; поклонение и украшение божества или святого, которое сопровождается мантрами, *янтрами**, гимнами, применением огня, воды, цветов, сандаловой пасты, еды, подношений и т. д.

Пуджарапатх — религиозные практики, такие, как *пуджа**, повторение имени Бога, декламирование духовных текстов и др.

Пураны — основной сборник мифов и легенд об индуистских богах. Большинство из восемнадцати главных *Пуран* были созданы где-то 1000 или 2000 лет назад, хотя некоторые являются более древним творением.

Пурва самсары — ментальные привычки и тенденции, перенесенные из предыдущих воплощений.

Радха — главная *гопи**; пастушек Вриндавана, с которыми резвился и играл Шри Кришна*. *Раджас* — см. *Гуны*.

Раджа йога — буквально «царская йога»; в индийской философии этот термин обычно используется для обозначения йоги медитации (*дхьяна* или *самадхи** йога) и ассоциируется со школой Патанджали*, ее толкование дано в *Йога Сутрах** и связанных с ней текстах. Высочайшей целью является недвойственное *нирвикальпа самадхи**.

Рам Тиртха, свами (1873—1906 н. э.) — известный святой Северной Индии и поэт-мистик, чье лирическое воспевание чистой *адвайты* на хинди*, английском, персидском и урду считается одним из лучших. Со

временник свами Вивекананды*, он проводил беседы в Лахоре, также ездил в США (1902—1904), встречался с президентом Теодором Рузвельтом, а затем вернулся в Индию и стал отшельником в Гималаях. Утонул в Ганге в Техри, Джархвал, в 1906 году. Рам Тиртха был дядей Пападжи по материнской линии.

Рам(а) — седьмой *аватар** Вишну*. Его считают воплощением *дхармы**. Он один из героев великой индийской национальной эпической поэмы «*Рамаяны*», где рассказывается, как он спас Ситу, свою королеву, которую похитил Равана*, король-демон Ланки.

Рамакришна Парамахамса (1836—1886 н. э.) — великий бенгальский святой и провидец. Будучи гуру* свами Вивекананды*, он оказал значимое влияние на современный индуизм, его гармонизирование и оживление. Несмотря на то что он достиг *джняны**, он всю свою жизнь оставался преданным Божественной Матери в форме Кали*.

Рамана Махарши (1879—1950) — Гуру* Пападжи и один из самых почитаемых духовных учителей современности. Всю свою взрослую жизнь он провел в Тируваннамалае, у подножия *Аруначалы**. Его ясное изложение *адвайты**, святой образ жизни и прямой метод самоисследования привлекали последователей со всего мира.

Рамаяна — одна из великих индийских национальных эпических поэм. В ней изложена история Рамы*. Оригинал был написан Валмики на санскрите*. *Бхакти-версия* была написана на хинди Тулсидасом (1532—1623) и называется Рамчаритманы*. Это самое популярное писание в современной Индии.

Рамчаритманы — «Священное озеро деяний Рамы*»; название версии *Рамаяны** на хинди, написанной Тулсидасом в промежутке между 1574 и 1584 гг. Основной сюжет остался таким же, как и в версии Вал

мики, написанной на санскрите, однако Тулсидас основной акцент делает на преданности Раме.

Раса лила — представление, разыгрываемое преданными Кришны*, где участники переодеваются в Кришну и его *гопи**, а затем посредством музыки и танцев умоляют Кришну предстать перед ними.

Расам — пряный суп на воде, в основном состоящий из вареного перца и тамаринда.

Равана — правитель Ланки и главный злодей в *Рамаяне**. Похитив Ситу, супругу Рамы*, он начал войну, которую в конечном итоге проиграл.

Ра(в)идас — сапожник, поэт, святой Варанаси, который, по всей вероятности, жил в XIV или XV веке. Помимо своих поэм, некоторые из которых входят в состав *Гуру Грантха*, он известен тем, что чудесным образом извлек бриллиантовое ожерелье из сумки, в которой вымачивал кусочки кожи.

Риши — буквально: «видящий»; тот, кто через внутреннее видение зрит истину, к кому «приходят» духовные тексты.

Рукмини — супруга Виттхала* в храме Пандхарпура, штат Махараштра.

Садгуру — буквально: «истинный учитель»; Я или *Атман**, проявленный в человеческой форме. См. *Гуру*.

Садхак — тот, кто практикует духовные упражнения, или *садхану**.

Садхана — данное слово образовано от корня «*садх*» (санскрит), что обозначает «идти прямо к цели, достигать желаемого»; духовная практика; то, что обеспечивает успех (*сиддхи**) или достижение желаемого результата; духовная практика.

Садху — святой-аскет; тот, кто выполняет *садхану**, особенно если это стиль его жизни.

Садху бела — пенджабский термин для обозначения места, где собираются или живут *садху**.

Сахаджа — «естественный»; в словосочетаниях, таких, как «*сахаджа самадхи**» и «*сахаджа ститхи**», обозначает естественное состояние полного просветления.

Сахаджа ститхи — «естественное состояние»; состояние просветления.

Сахасрара — см. *Кундалини*.

Саи Баба, Сатъя — родился в 1925 году, вероятно, самый знаменитый из живущих в данное время духовных учителей. В его ашрам в Путтапартхи ежегодно приходят миллионы людей.

Саи Баба, Ширди — святой в Махараштре, чье происхождение неизвестно. Он жил в Ширди и там же умер в 1918 г. Известен своей чудотворной силой.

Самадхи — 1) блаженное состояние сверхсознания, или транс; высшее состояние человеческого сознания, в котором происходит стирание границ между видящим и видимым, субъектом и объектом; 2) могила святого.

Самкхья — произошло от слова, означающего «количество»; доктрины данной школы основываются на двадцати пяти *таттвах*, или «категориях существования». Большинство из них относится к различным уровням проявления или классифицируют их. На практике *Самкхья* учит постепенному отрицанию всего, что не является Пурушей (термин для обозначения в Самкхье). Литература данной школы стала появляться более 2000 лет назад. Несмотря на то что ее относят к одной из шести главных школ индийской философии, в последние 1000 лет интерес к ней значительно упал.

Самсара — эмпирический мир имен и форм, особенно в том виде, как он представляется непросветленному уму; продолжающийся цикл смерти и повторного рождения.

Самскара — ментальная привычка или тенденция, особенно если она была получена в предыдущих воплощениях.

Санатана Дхарма — «Вечная Истина»; так изначально назывался индуизм; название организации, пропагандирующей учения индуизма.

Санньяса — отречение, особенно монашеский ритуал, в соответствии с которым дается обет. Последняя и наивысшая стадия жизни индуиста, когда он оставляет мирские заботы и начинает вести жизнь странствующего монаха, живя милостыней, ставя свободу (*мокишу**) единственной целью жизни.

Санньясин — тот, кто принял *санньяса* врату, обет отречения; отшельник.

Санскрит — язык, на котором написаны священные тексты индуизма; более неразговорный язык.

Сари — традиционная форма платья индуистских женщин; ткань, длиной от пяти до девяти метров, оборачивается сначала вокруг нижней части тела, а затем вокруг плеч.

Сатсанг — буквально: «братство или компания с истиной»; беседа и/или общество реализованного святого; группа учеников или ищущих, составляющие данное братство/компанию; беседа, направляющая к истине; священная и основная составляющая духовной жизни для всех существующих в ортодоксальном индуизме традиций.

Саттва — см. *Гуны*.

Свами Нитьянанда — почитаемый *авадхут**, гуру* свами Муктананды. Он ходил нагим и хранил молчание. Много лет Нитьянанда провел в состоянии, известном как *сарпа бхава самадхи*, — лежа без движения, как змея, даже не вставал, чтобы поесть. Вокруг него выросла деревня Ганешпури, ставшая известной благодаря ашраму Муктананды. Нитьянанда покинул этот мир 4 августа 1961 года.

Свадхистхана — см. *Кундалини*.

Свами — буквально: «свой собственный»; более точно «свой собственный учитель»; человек, реализовавший свое истинное Я*; духовный наставник, гуру*; уважительное обращение к старшим монахам, эквивалентно обращению «сэр».

Сердце — перевод с санскрита слова *хридаям*, которое, как говорил Шри Рамана Махарши, буквально переводится «это центр». Пападжи и Рамана Махарши* часто употребляют данный термин. Написанное с заглавной буквы, это слово синоним для истинного Я*. Оно обозначает духовный центр каждого существа и место, откуда первоначально возникают все мысли и материальные проявления.

Сиддха — просветленный; тот, кто овладел многими *сиддхами**; местная форма индийской медицины; практикующий данную форму медицины.

Сиддхи — от санскритского корня «*сидх*», «состояться, достичь желаемого»; сверхчеловеческие возможности или достижения, обретаемые, как правило, благодаря практике йоги*. В различных текстах *аштадха сиддхи* восемь главных *сиддх* интерпретируются по-разному, наиболее принятые положения: 1) *анима* — способность уменьшить тело до мельчайшего размера, вплоть до размера атома; 2) *махима* — увеличение тела до гигантских размеров, что дает возможность *сиддхе** наблюдать космологические процессы, такие, как формирование звезд; 3) *лагхима* — невесомость, применяется для левитации тела; 4) *пракамъя* — исполнение желаний касательно расположения и размера тела; 5) *гарима* — по желанию увеличивать вес тела; 6) *ишитва* — власть или превосходство над живыми существами и материей. Через эту *сиддху сиддха** может либо создавать новые существа и материальные предметы, либо делать так, чтобы они появлялись или исчезали; 7) *ваиштва* — вселенское

господство; обладая данным даром, можно любого заставить делать то, что желаешь, а также изменить ход событий, так как под его контролем находятся дождь, ветер и другие стихии; 8) *прапти* — способность исполнять все желаемое; состояние, в котором нечего желать.

Сита — дочь Джанаки*, короля Видехи, супруга Рамы*, седьмого воплощение Вишну*. Их история рассказана в *Рамаяне*.*.

Ситарам — боги Сита* и Рама* как единое целое, божественная сущность.

Ститха праджня — состояние просветления; состояние трансцендентальной мудрости.

Сударшан чакра — неотразимое, дископодобное оружие Кришны*.

Тамас — см. *Гуны*.

Тамил — дравидский язык, на котором преимущественно говорят в Тамил Наду, Южная Индия; родной язык Раманы Махарши*.

Тапас — буквально: «жар»; аскетизм или аскетическая практика; одно из дополнений к *садхане** в школе йоги*; также является составной частью *Веданты**. В индуизме глубоко укоренено понятие того, что для трансформации необходима какая-то форма ограничений или дисциплина.

Таттвы — см. *Самкхья*.

Тилак — знак касты или направления, который индуисты наносят на лоб кумкумом, пеплом, сандаловой пастой и пр. как украшение или в кульминационный момент индуистской религиозной церемонии.

Тонга — небольшая крытая двуколка, запряженная лошадей. Основное средство передвижения во многих городах Индии.

Тукарам (1608—1649) — поэт-святой Маратхи, проживающий недалеко от Пуны, штат Махараштра. Автор многих поэм преданности Раме*.

Тулси — священное растение, аромат листьев которого напоминает базилик.

Тулсидас (1532-1623) — самое почитаемое имя в литературе на хинди*, его Рамчаритманы* являются самыми влиятельными религиозными текстами в Северной и Центральной Индии. Будучи брамином* Уттар-Прадеша, его линия преемственности ведет к Рамананде, гуру* Кабира*. Другие моменты его жизни малоизвестны и относятся скорее к разряду легенд.

Тьяга — жертвоприношение.

Упанишады — буквально: «пребывание рядом с»; последняя «часть знания» *Вед**, где собраны учения, глубокие размышления и изначально секретные учения древних арийских провидцев индуизма. Данные учения идут после ритуальной части *Вед**, и вместе их называют *Ведантой** или «концом *Вед**». Традиционно существует 108 *Упанишад*. Они являются базой индуистских учений о реинкарнации, карме* и доктрине об идентичности Я и *Брахмана**.

Урду — язык, образованный путем слияния хинди и персидского языков во время правления Мугхала. Грамматика сходна с хинди, написание — персидско-арабское, в лексику языка вошло много персидских, арабских и турецких слов. Национальный язык Пакистана.

Хануман — бог-обезьяна, известен как преданный слуга Рамы*. Помог освободить Ситу* из плена в Ланке. Эта история рассказывается в *Рамаяне** на санскрите* Валмики и в *Рамчаритманах**, в *бхакти*—версии на хинди.

Хари — «тот, кто захватывает»; имя для обозначения Вишну* и его *аватаров**. Грамматическое правило изменения «Хари» на «Харе» в санскрите *, когда за ним следует имя, например, «Харе Рама, Харе Кришна».

Хинди — родной язык большинства жителей Северной Индии. Самый распространенный язык в Индии.

Холи — в настоящие дни главный весенний праздник в Северной Индии, во время которого индусы бросают друг в друга цветной пудрой или обливают окрашенной водой. Первоначально он напоминал о смерти демоницы Холики, которая сгорела, когда пыталась убить своего племянника Прахлада, когда он был еще младенцем.

Хома — *ягна** (ритуал) при котором в священный огонь бросают ритуальные подношения богу.

Хридаям — санскритский термин для обозначения духовного Сердца*; центр и источник, из которого возникают все ментальные и физические проявления.

Чадвик, майор — британский преданный Шри Раманы Махарши*, который проживал в Шри Раманашраме* с 1935 по 1962.

Чакры — см. *Кундалини*.

Чанати — лепешка из пресного теста; неотъемлемая часть рациона в Северной Индии.

Чиллум — прошедшая термообработку глиняная трубка, которую часто используют для курения *ганджи**.

Читракут — место, где Рама и Сита* провели одиннадцать из четырнадцати лет изгнания. Рама остановился на Камад Гири, что означает «холм, который может исполнить все желания». Пападжи упоминал и другие места неподалеку от Читракута, такие, как: 1) *Сати Анасуя* — шестнадцать километров вверх по течению реки Мандакини. Это ашрам мудреца Атреи и его жены Анасуи, чьи сыновья были воплощения

ми Брахмы*, Вишну* и Шивы*; 2) *Гупт Годавари* — расположен в восемнадцати километрах от города, там есть две пещеры, в которых, как говорят, Рама и его брат Лакшман устраивали прием; 3) *Хануман Дхара* — источник, который, как полагают, был создан Хануманом* после того, как он предал сожжению Ланку; 4) *Сита Расой* — кухня Ситы, расположенная на вершине соседнего холма; 5) *Бхарат Куп* — колодец, где Бхарат, брат Рамы, хранил воду, собранную со всех паломнических мест в Индии.

Шайвит — поклоняющийся Шиве*; последователь или преданный Шивы.

Шакти — священная сила или энергия; космическая сила, отвечающая за проявленное и за энергию, дарующую милость и просветление.

Шанкара (788—820) — также известен как Ади-Шанкара или Ади-Шанкарачарья, великий индуистский ученый-святой и реформатор, чьи комментарии на классические *Упанишады**, *Бхагават Гиту** и *Брахма Сутры* оживили ортодоксальный индуизм, застоявшийся под ритуальным брахманизмом. Он доступно и глубоко изложил *адвайту Веданты**, представив весомые аргументы в ответ на яростные нападки последователей учения Махаяны, в особенности школы Нагарджуны «Мадхьямика», которая впоследствии прекратила свое существование в Индии. Приставка «Ади» («изначальный») используется для различения изначального Шанкарачарьи от его преемников.

Шанкарачарья — титул, присваиваемый главам или высшим чинам пяти главных монашеских учреждений, основанных Ади-Шанкарой*: Джиши Матх (рядом с Бадринатхом), Канчипурам (на юго-западе Мадраса), Пури (на восточном побережье недалеко от Куттака), Дварка (на западе Гуджарата), Шрингери

(на юго-западе Карнатаки). Происхождение каждого из этих монастырей (матхов) напрямую связано либо с одним из четырех прямых учеников Ади-Шанкары — Сурешварачарьей, Падмападой, Тротакачарьей и Хастамалакой, — либо с ним самим. *Шанти* — покой.

Шамса Табриз из Мултана — самый известный Шамса Табриз был Гуру Джалаледдина Руми, известного суфия XIII века. Однако он был не из Мултана и никогда не посещал Индию. По другой версии это Мохаммед Шамсадин Мултани, персидский суфий IX века, из ордена Кадири.

Шлока — одна из разновидностей стихов на санскрите, особенно взятых из священных текстов, где воздается хвала или же излагаются предписания; литературная форма в современном хинди*, применимая к различным видам стихов.

Шраддх(а) — ежегодная церемония, при которой индусы приносят подношения духам своих предков.

Шива — бог разрушения в индуистской мифологии; также имеет дополнительное значение: бог, разрушающий эго своих преданных.

Шивананда, Свами (1887-1963) — широко известный свами Северной Индии, который основал в Ришикеше «Общество Божественной Жизни». Его поездки по всему миру, а также более 300 книг, написанных им, стали значимым вкладом для популяризации *хатха йоги** и медитации за период с 1960 по 1970 год в Индии и на Западе.

Шри — буквально «благоприятный»; часто используется перед именами собственными, как форма вежливости, также имеет значение Деви, Божественная Мать, или Лакшми, супруга Вишну*.

Шри Раманашрам — ашрам Шри Рамана Махарши* в Тируваннамалае, основанный в 1922 году. Шри Рамана провел в нем последние двадцать восемь лет.

Шук(а)дев — см. *Шука*.

Шука — также известен как Шукдев. Он был сыном Вьясы*, которого считают автором *Махабхараты** и *Брахма Сутр*. Шука был сказателем *Бхагават Пураны*, или *Бхагаватам**.

Я — написанное с заглавной буквы обозначает *Атман**.

Ягна — жертвенный огонь; ритуальное жертвоприношение, особенно то, которое выполняется по предписанию вед.

Яджур Веда — одно из четырех основных обнаруженных или «услышанных» писаний ортодоксального индуизма, которые пользуются наивысшим авторитетом и являются самыми древними писаниями. Их произносят во время выполнения жертвенных ритуалов.

Ямунотри — официальное устье реки Ямуны, хотя в действительности ее источник — труднодоступное ледниковое озеро, располагающееся вверх по течению.

Янтра — священная геометрическая форма; *янтры* и последующее ритуальное поклонение центральный элемент тантры.

Дэвид Годмен с взятой напрокат змеей, Пападжи на мосту в Харидваре. Фотография сделана в марте 1993 года.

Дэвид Годмен живет в Индии с 1976 года, в основном в ашраме Шри Раманы Махарши. Им было написано или составлено еще четыре книги о Шри Рамане и его прямых учениках: «Будь тем, кто ты есть», «Интервью с Пападжи» и «No Mind — I am the Self», « Living by the Words of Bhagavan». С 1993 г. по 1997 г. он жил в Лакнау, занимаясь исследовательской деятельностью и приходя на сатсанги Пападжи.

Серия недвойственности

Пападжи

НИЧТО НИКОГДА НЕ СЛУЧАЛОСЬ

Составитель Д. Годмен

Редактор К. Кравчук Художник А. Куцин
Корректор И. Володина Оригинал-макет Н.
Красноперова

ООО «Открытый Мир» 115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 18, стр.
1 Тел. +7 495 789 82 31, e-mail: info@openw.ru Адрес сайта в
Интернете: www.openw.ru

ООО «Издательство Ганга» 196143, Москва, ул. Голубинская,
17/9-501 E-mail: ganga@ganga.ru Адрес сайта в Интернете: www.ganga.ru

Подписано в печать 29. 06. 06. Формат 84x108 1/32
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная Усл. печ. л. 26, 04. Тираж
2000 экз. Заказ № 3464

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
материалов в ОАО "Дом печати - ВЯТКА" 610033, г. Киров, ул.
Московская, 122

Паладжи (К. В. Д. Падма) —
современный просветленный учитель одайки,
ученик Рундзи Махарадж.

Это первая книга краткого жизнеописания Паладжи,
жизнь которого была наполнена удивительными и даже чудесными
событиями, главным из которых стала реализация
его истинной природы.

В нем тоже описаны ранние годы Паладжи,
его духовный поиск и сотрудничество ему чуждому явлению:
необычные состояния сознания, встречи с богами, духами, гениями,
обладание необычными силами, встреча с его учителем Рундзи
Махарадж, постижение высшего реализация и период становления
Паладжи как учителя.

